ВОЙНА
РОССІИ съ ТУРЦІЕЙ

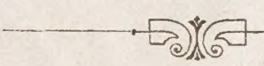
1806—1812 гг.

Томъ I.

1806 и 1807 гг.

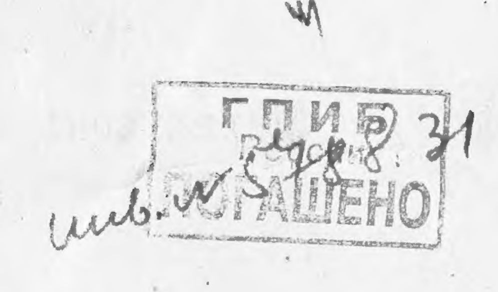
Михельсонъ и Мейндорфъ.

Генеральнаго Штаба Полковникъ *А. Петровъ.*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Военная Типографія (въ зданіи Главнаго Штаба).
1885.

ГПИБ России
10081678

Этнографическое сродство, религіозныя вѣрованія и единство интересовъ славянскихъ народовъ Балканскаго полуострова естественно влекли ихъ къ сближенію съ Россіей, и только географическія условія служили препятствіемъ непосредственной ихъ связи между собою.

Раздѣленные съ Россіей значительнымъ пространствомъ, болгары, черногорцы и сербы несли свою тяжелую политическую долю, подъ гнетомъ мусульманскаго фанатизма, видѣвшаго въ каждомъ христіанинѣ *гяура*, котораго правила корана дозволяютъ грабить и даже убивать: числомъ христіанскихъ жертвъ опредѣляется заслуга магометанина предъ лицомъ своего пророка.

При такихъ условіяхъ политическаго существованія, турецкіе славяне не имѣли даже возможности бороться за свои жизненныя права, и только черногорцы, благодаря неприступности своихъ горъ, геройски выносили борьбу за независимость родины и не дозволяли турецкому фанатизму утвердиться на высотахъ Черной горы.

Напротивъ того, болгары и сербы, неогражденные, подобно черногорцамъ, природой, испытывали постоянный гнетъ турецкаго ига, и нужно удивляться, какъ они могли еще сохранить за собою тѣ расовыя условія, которымъ въ наши дни суждено было проявиться въ смыслѣ самостоятельнаго политическаго существованія.

Вопросъ этотъ разъясняется только тѣмъ участіемъ, которое Россія всегда проявляла къ судьбѣ балканскихъ христіанъ, возвышая за нихъ свой голосъ всякій разъ, когда къ тому представлялась возможность.

Понятно, что дружескія внушенія не могли имѣть никакого значенія въ Константинополѣ и Турція могла дѣлать нѣкоторыя уступки въ пользу подвластныхъ ей христіанъ только въ силу необходимости, послѣ тяжкаго пораженія, нанесеннаго ей Россіей.

Неудачная война 1711 года не дозволила Петру Великому выговорить что-нибудь въ пользу сербовъ и черногорцевъ, съ которыми онъ впервые завелъ политическія сношенія. Равнымъ образомъ, войны съ Турціей въ царствованія Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны прошли безслѣдно для улучшенія судьбы сербовъ и черногорцевъ, не имѣвшихъ фактической возможности принять участіе въ этихъ войнахъ, которыя, къ тому же, закончились безъ рѣшительныхъ для Россіи результатовъ.

Но вотъ наступило царствованіе Екатерины II. Видя въ Турціи исконнаго врага Россіи, императрица Екатерина, первая въ Европѣ, рѣшилась доказать, что прежнее могущество Порты, благодаря серальной жизни ея султановъ и общей разнузданности ея правителей, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ политическимъ значеніемъ, которое ей было придано въ эпоху Солимановъ.

Войну, начатую Россіей съ Турціей въ 1769 году, въ Европѣ называли „политикою приключеній" и не сомнѣвались, что Екатерина выйдетъ изъ нея побѣжденной.

Блестящія побѣды Румянцева и Алексѣя Орлова при Кагулѣ и Чесмѣ показали свѣту, насколько блескъ сѣверной звѣзды ярче восточнаго полумѣсяца. Принужденная принять всѣ предложенныя Россіей условія, Турція заключила въ 1774 году Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, по которому въ пользу турецкихъ христіанъ были выговорены нѣкоторыя условія.

Такъ, по § 7 этого договора обезпечивалась, на всемъ пространствѣ Турецкой имперіи, защита церквей и свобода христіанскаго культа.

Но Кучукъ-Кайнарджійскій миръ справедливѣе было бы назвать перемиріемъ, такъ какъ, принимая его въ силу необходимости, Турція только и думала объ его нарушеніи, что и было причиною начала второй войны съ Турціей, начатой Екатериной въ 1786 году.

Новые лавры, вплетенные великимъ Суворовымъ въ побѣдный вѣнокъ Россіи, битва при Рымникѣ, взятіе Измаила и множество другихъ пораженій, нанесенныхъ Турціи, привели ее къ Ясскому миру 1791 года, по которому Россія также требовала въ пользу турецкихъ христіанъ значительныхъ улучшеній. Главнымъ же образомъ, Ясскимъ договоромъ были полностью подтверждены всѣ статьи Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, по отношенію къ свободѣ христіанскаго закона и жителей княжествъ, причемъ господари Молдавіи и Валахіи, утверждаемые въ ихъ званіяхъ на семь лѣтъ, не могли быть смѣняемы султаномъ ранѣе этого срока и безъ обсужденія этого вопроса при посредствѣ русскаго уполномоченнаго.

Новое несоблюденіе Турціей заключеннаго договора послужило причиной сперва дипломатической переписки, а потомъ войны съ Турціей при Александрѣ I.

Руководимый идеей защиты слабаго противъ сильнаго, императоръ Александръ, при содѣйствіи Чарторыйскаго, управлявшаго тогда внѣшней политикой Россіи, сардинскаго посланника въ Петербургѣ де-Местра и Піолати, составилъ въ 1804 году свой знаменитый планъ для блага европейскихъ народовъ, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ.

По отношенію къ Турціи, давящей христіанскія народности, ей подчиненныя, по плану предполагалось: Молдавію и Валахію присоединить къ Россіи, а изъ грековъ и балканскихъ славянъ составить одинъ общій союзъ подъ покровительствомъ Россіи.

Планъ этотъ не былъ одобренъ въ Англіи Питтомъ, который находилъ, что ближайшею цѣлью усилій Россіи и Англіи, въ настоящемъ, было воспрепятствованіе Наполеону производить новые захваты въ Европѣ, и потому усложнять дѣло балканскимъ вопросомъ было не время.

Но императоръ Александръ не оставлялъ своей мысли сдѣлать что-нибудь въ пользу бѣдствующихъ христіанъ Турціи и, не смотря на борьбу съ Наполеономъ, слѣдилъ за всѣми событіями въ Турціи.

Не эгоистическія выгоды руководили въ этомъ случаѣ политикою Императора Александра, какъ это утверждаютъ многіе иностранные писатели, проводя въ исторію мысль, что Россія, поддерживая балканскихъ хри-

стіанъ, заботилась не о нихъ, а думала только о расширеніи своихъ владѣній.

Если идея присоединенія Молдавіи и Валахіи къ Россіи, дѣйствительно, была предметомъ нашей политики, то въ основѣ ея, прежде всего, лежало желаніе улучшить бытъ самыхъ княжествъ, которыя были настолько слабы, что не могли бы оградить своей самостоятельности.

Выговариваемыя въ пользу Дунайскихъ княжествъ условія Турція никогда не исполняла, и предоставляла Молдавію, въ особенности же Валахію, произволу и грабежамъ своихъ пашей, которыхъ даже не могла принудить къ повиновенію.

Присоединеніемъ Молдавіи и Валахіи Россія могла выиграть только въ смыслѣ стратегическихъ соображеній, имѣя возможность непосредственно наблюдать границы Турціи и облегчить переходъ своихъ войскъ черезъ Дунай, въ случаѣ войны съ нею.

Что же касается до отношеній нашихъ къ Сербіи, Черногоріи и другимъ славянскимъ народностямъ Порты, то о присоединеніи ихъ къ Россіи никогда не было и мысли; напротивъ, во многихъ случаяхъ, наши государственные люди доказывали какъ невозможность подобнаго присоединенія, такъ и безполезность его.

Не смотря на это, Россія сдѣлала очень много для Сербіи и, какъ видно изъ обзора современныхъ событій, горячо отстаивала ея интересы во всѣхъ случаяхъ, рискуя даже повредить самой себѣ при переговорахъ о мирѣ и при заключеніи самаго мира.

Чрезвычайное обиліе рукописныхъ матеріаловъ, содержащихъ оффиціальную переписку разсматриваемой эпохи и хранящихся въ Архивахъ—Главномъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Военно-Ученомъ, даетъ возможность выяснить подробно истинныя цѣли, къ которымъ стремилась Россія, по отношенію къ христіанскимъ жителямъ Порты, и тѣмъ самымъ опровергнуть существующій на этотъ счетъ взглядъ иностранныхъ писателей.

ВОЙНА
РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ
1806—1812 годовъ.

I.

Политическое состояніе европейскихъ державъ; ихъ взаимныя отношенія и отношенія къ Турціи передъ началомъ настоящей войны.—Казнь герцога Ангіенскаго.—Планъ, составленный Императоромъ Александромъ I, для обезпеченія вѣчнаго мира въ Европѣ. — Предположенія относительно подвластныхъ Турціи христіанъ.—Европейская коалиція 1805 года для борьбы съ Наполеономъ. — Наполеонъ вторгается въ Австрію чрезъ прусскія владѣнія.—Пруссія приступаетъ къ коалиціи.—Прессбургскій миръ 14-го (26-го) декабря 1805 года. — Мысль Талейрана усилить Австрію на счетъ христіанъ въ Турціи.—Договоръ между Франціей и Пруссіей относительно независимости и цѣлости турецкихъ владѣній. — Договоръ Россіи и Пруссіи по отношенію къ Франціи и Турціи. — Назначеніе генерала Себастіани посломъ въ Турцію. — Русскія войска располагаются по Днѣстру. — Своеволіе и неповиновеніе пашей: Пассевана Виддинскаго, Пегливана Измаильскаго, Али-паши Янинскаго и друг.

Чтобы понять истинныя причины, послужившія къ войнѣ Россіи съ Турціей въ царствованіе Императора Александра I, необходимо прослѣдить тѣ измѣненія въ сферѣ политическихъ воззрѣній, какія проявляла русская дипломатія по отношенію къ Турціи, съ начала царствованія Императора Александра до объявленія войны.

Двѣ описанныя мною войны Россіи съ Турціей, веденныя въ царствованіе Императрицы Екатерины II, сильно пошатнули политическое значеніе Турціи. Она принуждена была уступить Россіи изъ европейскихъ своихъ владѣній Крымъ, все пространство до лѣваго берега Прута, т. е. всю Бессарабію, а въ Азіи владѣнія ея отодвинуты на лѣвый берегъ Кубани.

Если бы въ 1796 г. не послѣдовала кончина Императрицы Екатерины, то третья война съ Турціей была бы весьма вѣроятна и могла бы кончиться занятіемъ Константинополя.

Кратковременное царствованіе Императора Павла, шедшаго вразрѣзъ со взглядами своей предшественницы, не могло не отразиться и на отношеніяхъ Россіи къ Турціи. Со вступленіемъ же на престолъ Императора Александра I, проявились различныя воззрѣнія на этотъ вопросъ, такъ какъ въ средѣ нашихъ политическихъ дѣятелей той эпохи были люди, державшіеся Екатерининскаго режима, и были сторонники противуположной ему политики Императора Павла.

Къ числу первыхъ принадлежалъ гр. Н. П. Панинъ. тогда управлявшій иностранными дѣлами, племянникъ знаменитаго Никиты Ивановича Панина, стоявшаго во главѣ политической дѣятельности при Екатеринѣ и такъ много содѣйствовавшаго ея вступленію на престолъ. Воронцовы, бывшіе сторонниками Императора Петра III и утратившіе всякое значенія при Екатеринѣ, были естественными врагами Паниныхъ. При Александрѣ I, Воронцовы снова получили значеніе, и одинъ изъ нихъ, Семенъ, состоялъ посломъ въ Лондонѣ, былъ большимъ поклонникомъ Англіи и осуждалъ политику Н. П. Панина.

Начало царствованія Императора Александра застало Францію въ войнѣ съ Англіей и Турцію въ войнѣ съ Франціей.

Въ какомъ смыслѣ должна была высказаться политика Россіи по отношенію къ Турціи?

Гр. Н. П. Панинъ, въ письмѣ къ графу Семену Воронцову, писалъ: „по моимъ принципамъ, надобно обуздывать честолюбіе Австріи политикою Екатерины II и сдерживать Швецію союзомъ съ Турціей“.

Упоминая о союзѣ съ Турціей и предложивъ даже Бонапарте посредничество Россіи для замиренія Турціи,

съ Франціей, гр. Панинъ намѣревался оказать плохую услугу Портѣ. Онъ зналъ, что Турція, пораженная Бонапарте въ Египтѣ и угрожаемая имъ въ Европѣ, должна будетъ, особенно при посредствѣ Россіи, заключить весьма невыгодныя для нея условія; а изъ союза съ Россіей не извлечетъ никакой для себя пользы.

Противъ этаго сильно возсталъ гр. Семенъ Воронцовъ, не столько въ интересахъ Турціи, сколько потому, что такой образъ дѣйствій Россіи былъ бы не очень выгоденъ для Англіи, которой Воронцовъ былъ горячимъ приверженцемъ.

Англійскій король Георгъ III, въ разговорѣ съ гр. С. Воронцовымъ, по поводу посредничества Россіи сказалъ ему: „Императоръ Павелъ, во время самой сильной ненависти противъ насъ, сдѣлалъ это предложеніе Бонапарте, зная, что миръ между этимъ консуломъ и Портой будетъ чрезвычайно вреденъ и враждебенъ для Великобританіи; а нынѣшній Императоръ, другъ Великобританіи, дѣлаетъ Франціи то же предложеніе, какое Императоръ, его отецъ, сдѣлалъ по ненависти. Положимъ, что Императоръ Александръ также питаетъ нерасположеніе къ Англіи, что впрочемъ кажется невозможнымъ; но зачѣмъ же онъ хочетъ принести въ жертву и Турцію? ибо какую безопасность этимъ миромъ она пріобрѣтетъ противъ интригъ Франціи, для которой нѣтъ ничего священнаго“?

Далѣе король Георгъ III указывалъ на то, что Франція овладѣетъ всею торговлею съ Левантомъ, заведетъ въ Турціи своихъ консуловъ и агентовъ, чрезъ которыхъ начнетъ волновать грековъ, и Турція, года черезъ три, будетъ театромъ страшной революціи, выгодной только для Франціи и вредной для всѣхъ другихъ державъ и особенно для Англіи. „Франція, подъ предлогомъ сохраненія для Порты странъ, подверженныхъ нападенію англійскихъ судовъ, введетъ туда французскіе

гарнизоны, которыхъ уже болѣе не выведетъ, и сдѣлаетъ ихъ центромъ для возмущенія жителей Порты. Справедливо ли и выгодно ли для Россіи подвергать пожару сосѣдку Турцію, которая для нея не опасна“?

Не эти слова, но другія соображенія руководили волею Императора Александра. Съ самаго вступленія своего на престолъ, онъ, по природѣ миролюбивый, съ опасеніемъ смотрѣлъ на необузданныя стремленія Франціи, увлекаемой геніемъ Бонапарте къ нарушенію европейскаго мира.

Германская Имперія, по Люневильскому миру 9-го февраля 1801 года, уступила Франціи лѣвый берегъ Рейна.

Пораженіе Австріи было полное и она обречена была на пассивную роль въ Европѣ. Съ Италіей Бонапарте обращался какъ съ департаментами Франціи и обратилъ Піемонтъ во французскую провинцію, подъ предлогомъ, что Сардинскій король „вывелъ перваго консула изъ терпѣнія своимъ неуваженіемъ къ нему“.

На протестъ Пруссіи, по этому поводу, Бонапарте велѣлъ сказать прусскому посланнику, Люккезню, что „французское правительство не обязано разсуждать съ прусскимъ королемъ объ италіянскихъ дѣлахъ“. Англія, возмущавшаяся поступками Бонапарте, не могла, какъ морская держава, остановить его стремленія на континентѣ Европы.

Оставалась только Россія, сознававшая свою силу, и которая могла стать преградою разрушительнымъ порывамъ, не знавшаго предѣла своему честолюбію, французскаго перваго консула. Миръ Европы подвергался постоянному нарушенію, что не могло не отражаться и на внутреннихъ дѣлахъ Россіи.

Если западъ Европы находился подъ угнетающимъ давленіемъ Франціи, то на востокѣ былъ могучій противовѣсъ въ лицѣ Россіи, долженствовавшей служить равновѣсіемъ въ Европѣ.

Русскій посланникъ въ Парижѣ Колычевъ и замѣнившій его, по ходатайству французскаго правительства, гр. Марковъ, сильно протестовали противъ самовластныхъ поступковъ Бонапарте въ Италіи и Германіи.

Занятый на западѣ, Бонапарте не могъ еще предпринять ничего рѣшительнаго противъ Россіи, и потому не разрывалъ съ нею дружескихъ отношеній.

Напротивъ, онъ искалъ сближенія съ нею, и, при посредствѣ Маркова, заключилъ съ нею 11-го октября (н. с.) 1801 г. тайную конвенцію, по которой Бонапарте обязывался, съ помощію Россіи, вступить въ мирные переговоры съ Портою, сохранить неприкосновенность владѣній короля обѣихъ Сицилій, и вывести французскія войска изъ Неаполитанскаго королевства, какъ только закончится война съ Турціей въ Египтѣ.

Равнымъ образомъ признавалась независимость республики семи Іоническихъ острововъ.

Уступая настояніямъ Россіи, Франція заключила, 25-го марта 1802 г., аміенскій миръ съ Англіей, и Европа, казалось, близилась къ замиренію.

Но не объ мирѣ думалъ Наполеонъ. Французскій посолъ въ Константинополѣ, Себастіани, донесъ о легкости вторичнаго завоеванія Египта, для чего было бы достаточно 6,000 французскихъ войскъ. Донесеніе это появилось въ началѣ 1803 года въ „Монитерѣ“ и надѣлало большого шума въ Англіи. Наполеонъ объявилъ на это, что у него готово 500,000 войска, чтобы мстить за нападки на республику, и затѣмъ сказалъ англійскому посланнику: „и такъ, вы рѣшаетесь объявить намъ войну?“ и затѣмъ, обращаясь къ Маркову и другимъ, добавилъ: „англичане хотятъ войны; но если они первые обнажатъ шпагу, то я послѣдній вложу ее въ ножны“.

Въ отвѣтъ на эту выходку, Англія потребовала отъ Наполеона вывести французскія войска изъ Голландіи и Швейцаріи, дать вознагражденіе сардинскому королю,

и, въ обезпеченіе исполненія требуемаго, намѣревалась занять Мальту, срокомъ на 10 лѣтъ.

Новая война Англіи съ Франціей становилась неизбѣжною. Но, не имѣя флота, Наполеонъ не могъ ничѣмъ угрожать своему противнику. Съ другой стороны, онъ видѣлъ въ Россіи новую преграду своимъ стремленіямъ поработить, на континентѣ, слабыя европейскія государства. Въ случаѣ же войны съ Россіей и съ Англіей, британскій флотъ могъ много вредить Франціи. Поэтому, вѣрный правилу разъединять своихъ противниковъ, онъ хотѣлъ, прежде всего, отклонить Россію отъ сближенія съ Англіей и, въ видѣ соблазна, началъ поговаривать о раздѣлѣ Турціи, имѣя самъ въ виду завладѣть Египтомъ и предоставить Россіи вознаградить себя на счетъ Турціи. Но Императоръ Александръ, убѣдившись въ разрушительныхъ стремленіяхъ Наполеона и твердо рѣшившись имъ противодѣйствовать, не дался въ соблазнъ, и не считалъ удобнымъ содѣйствовать планамъ Наполеона. Къ тому же, въ Петербургѣ стало преобладать мнѣніе, что слабая Турція есть для насъ самый выгодный сосѣдъ, тогда какъ съ паденіемъ Оттоманской имперіи, пришлось бы, вмѣсто нея, быть въ сосѣдствѣ съ Австріей и, сверхъ того, способствовать усиленію и безъ того очень воинственной Франціи.

Графъ Александръ Воронцовъ, въ званіи канцлера, болѣе всѣхъ способствовалъ установленію такого взгляда.

Того же мнѣнія былъ и графъ Викторъ Кочубей, состоявшій посланникомъ въ Константинополѣ.

„При настоящихъ обстоятельствахъ, писалъ Кочубей, Россіи предстоитъ: или приступить къ подѣлу Турціи съ Франціею и Австріею, или стараться отвратить столь вредное положеніе вещей. Сомнѣнія нѣтъ, чтобы послѣднее не было предпочтительнѣе, ибо независимо, что Россія въ пространствѣ своемъ не имѣетъ уже нужды

въ расширеніи, нѣтъ сосѣдей покойнѣе турокъ, и сохраненіе сихъ естественныхъ пріятелей нашихъ должно, дѣйствительно, впредь быть кореннымъ правиломъ нашей политики“.

Конечно, трудно было согласиться съ Кочубеемъ относительно того, что турки были нашими естественными пріятелями и самыми покойными сосѣдями. Если они и присмирѣли, то только благодаря двумъ погромамъ, нанесеннымъ имъ Императрицею Екатериною, не щадившею никакихъ жертвъ, чтобы обуздать своеволіе турокъ, постоянно безпокоившихъ наши границы. Желая осудить политику Екатерины, Кочубей только увеличивалъ ея заслугу, оказанную Россіи.

Тѣмъ не менѣе, въ данный моментъ, дѣйствительно не было надобности желать раздѣла Турціи, такъ какъ это было лишь въ интересахъ Франціи и Австріи, и невыгодно для Англіи, на которую Россія только и могла расчитывать, на случай борьбы съ Наполеономъ.

Поэтому, русскій посолъ въ Парижѣ, графъ Марковъ, получилъ приказаніе, при всякомъ случаѣ, заявлять Наполеону, что Россія не приметъ участія ни въ какомъ дѣлѣ, противномъ интересамъ Турціи.

Видя неудачу съ этой стороны, Наполеонъ употребилъ другой маневръ. Въ это время, въ 1803 г., война между Англіей и Франціей уже началась.

Зная, что Императоръ Александръ всего болѣе желалъ умиротворенія Европы, Наполеонъ предложилъ ему посредничество къ прекращенію настоящей войны. Расчетъ Наполеона состоялъ въ томъ, что русскій Императоръ, желая привести обѣ стороны къ примиренію, и зная неуступчивость правителей Франціи, будетъ склонять Англію къ уступкамъ, и тѣмъ вызоветъ ея охлажденіе къ Россіи.

Но Императоръ Александръ, прежде всего, стоялъ за принципъ справедливости и, къ тому же, опасаясь утверж-

денія французовъ въ Италіи, откуда они могли вторгнуться и во владѣнія Турціи, предложилъ Наполеону очистить Италію, Швейцарію и Голландію, а островъ Мальту занять русскими войсками, какъ нейтральными, чтобы ни одна изъ воюющихъ державъ не предъявляла на этотъ островъ претензій.

Наполеонъ понялъ, что снова дѣло обращается не въ его пользу, и потому объявилъ, что очиститъ Италію, Швейцарію и Голландію, когда найдетъ это удобнымъ. Переговоры не привели ни къ чему.

Относя эту новую неудачу къ личной враждебности къ Франціи русскаго посла графа Маркова, первый консулъ потребовалъ его удаленія.

Причины къ удаленію Маркова, между прочимъ, состояли въ томъ, что онъ безпрестанно повторялъ фразу: „у Императора своя воля, а у русскаго народа — другая“. Присутствіе человѣка, недоброжелательнаго къ Франціи, было болѣе чѣмъ непріятно для перваго консула.

Въ октябрѣ 1803 года Марковъ былъ отозванъ изъ Парижа; но первому консулу было сказано, что отозваніе это послѣдовало лишь въ виду личной просьбы Маркова, не желавшаго болѣе сносить грубыхъ выходокъ Наполеона. Маркова замѣнилъ Убри.

Все показывало, что вопросъ о разрывѣ съ Франціей есть только вопросъ времени. Поэтому, наступилъ моментъ искать сближенія Россіи съ континентальными державами, такъ какъ союза съ одной Англіей считалось недостаточнымъ для борьбы съ Наполеономъ. Предстояло составить коалицію, въ которую вошли бы Австрія и Пруссія, одинаково недовольныя Франціей, но и одинаково слабыя, чтобы начать отдѣльную борьбу съ нею.

Но при этомъ нужно еще было примирить взаимныя недоразумѣнія, существовавшія между этими обѣими дер-

жавами по вопросу о вознагражденіи за Рейнскую провинцію, отошедшую къ Франціи по люневильскому миру.

Вопросъ о вознагражденіи болѣе всего безпокоилъ Австрію, опасавшуюся, чтобы Пруссія не получила ничего лишняго. Съ своей стороны, Пруссія также была на-сторожѣ, чтобы не дать усилиться своей естественной соперницѣ—Австріи.

Послѣдняя, въ силу самой необходимости, склонялась въ пользу сближенія съ Россіей, такъ какъ порабощеніе Наполеономъ Италіи дѣлало его опаснымъ сосѣдомъ Австріи и угрожало ей вторженіемъ. Напротивъ того, Пруссія не испытывала такого опасенія со стороны Франціи, и потому вопросъ о сближеніи ея съ Россіей представлялся съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія.

Одни совѣтники слабаго, безхарактернаго и апатичнаго короля Фридриха-Вильгельма III доказывали ему, что Пруссія гораздо слабѣе своихъ сосѣдей — Россіи и Франціи, между которыми находится и испытываетъ, такъ сказать, неудобное положеніе между молотомъ и наковальней. Франція ли Россіи или Россія Франціи объявятъ войну, въ томъ и другомъ случаѣ, находясь между двумя воюющими сторонами, Пруссіи придется испытывать на себѣ бѣдствія войны.

Вступая въ союзъ съ Франціей, можно расчитывать на пораженіе Россіи, даже совмѣстно съ Англіей; но нельзя полагаться на безкорыстіе Наполеона, который обдѣлитъ Пруссію при первомъ удобномъ случаѣ.

Соединиться съ Россіей значитъ рисковать, въ случаѣ пораженія, и рискъ представлялся тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что на сторонѣ Франціи былъ геніальный полководецъ своего времени, съ которымъ могъ бы помѣряться развѣ знаменитый Суворовъ, котораго уже не было въ живыхъ.

Считалось, поэтому, за лучшее оставаться нейтральнымъ и стараться, угрозою союза съ тою или другою

стороною, удерживать обѣ стороны отъ взаимнаго столкновенія.

Къ тому же, если не удастся отклонить столкновенія, можно надѣяться, что каждая изъ воюющихъ сторонъ, въ возмездіе за нейтралитетъ Пруссіи, пообѣщаетъ ей что-нибудь и, такимъ образомъ, ничѣмъ не рискуя, можно кое-что и получить. Къ этому мнѣнію склонялся и король, желавшій только, чтобы не тревожили его покоя.

Напротивъ того, другіе совѣтники короля указывали ему на то, что нейтралитетомъ Пруссія не выиграетъ ничего, что этимъ она докажетъ только свою неспособность участвовать въ важныхъ политическихъ событіяхъ времени, и что, поэтому, обѣ стороны отнесутся къ ней съ одинаковымъ пренебреженіемъ, заставивъ ее только испытать, безъ всякой для себя пользы, послѣдствія войны, такъ какъ, по своему положенію между двухъ воюющихъ сторонъ, Пруссія неминуемо подвергнется военнымъ операціямъ одной или обѣихъ враждебныхъ державъ.

Поэтому, противники нейтралитета Пруссіи совѣтовали королю пристать активно къ Россіи или Франціи.

На это Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ, что „пока ни одинъ прусскій подданный не будетъ убитъ на прусской землѣ, до тѣхъ поръ онъ не приметъ участія ни въ какой распрѣ“.

Однако обстоятельства не замедлили показать, что бываютъ случаи, когда не всегда удобно предаваться dolce farniente.

Наполеонъ, ведя войну съ Англіей и не имѣя возможности вредить ей на морѣ, обратилъ вниманіе на единственный на континентѣ пунктъ англійскихъ владѣній, доступный его дѣйствіямъ, и занялъ его. То былъ Гановеръ, считавшійся частью Германской имперіи. Въ этомъ состоялъ первый урокъ, заданный Наполеономъ Пруссіи на размышленіе. Оставалось ожидать еще много

подобныхъ уроковъ въ будущемъ, какъ должное возмездіе всякой пассивности.

Фридрихъ-Вильгельмъ, дѣйствительно, началъ понимать ошибку и сознавать, что для своихъ цѣлей Наполеонъ не задумается занять и самый Берлинъ, если бы нашелъ это нужнымъ.

Сознавая невозможность противодѣйствовать Наполеону одними своими средствами, прусскій король обратился, въ началѣ 1804 года, къ Императору Александру съ вопросомъ: „насколько Пруссія можетъ расчитывать на помощь Россіи и ея союзниковъ, въ случаѣ столкновенія Пруссіи съ Франціей“?

Императоръ отвѣчалъ на это: „Пруссія не должна бояться, что Россія покинетъ ее одну, если прусскій король вооружится за независимость и благо всей Европы“.

Какъ бы въ подтвержденіе того, насколько независимость и благо Европы нарушались Наполеономъ, случилось знаменательное по своимъ послѣдствіямъ событіе. Мы говоримъ о разстрѣляніи Наполеономъ герцога Ангіенскаго, представителя отрасли Бурбоновъ, жившаго частнымъ образомъ въ Эттенгеймѣ, въ независимыхъ баденскихъ владѣніяхъ.

Герцогъ Ангіенскій, какъ отрасль дома Бурбоновъ, естественно, не могъ быть другомъ Наполеона, готовившагося начать, въ своемъ лицѣ, новую царствующую династію во Франціи, и не скрывалъ этого.

Тогда французскіе жандармы, по приказанію Наполеона, ночью арестовываютъ герцога Ангіенскаго въ Эттенгеймѣ. Доставленный во Францію, онъ немедленно былъ разстрѣлянъ.

Обстоятельство это сильно взволновало всю Европу. Въ особенности же былъ возмущенъ Императоръ Александръ этимъ безпримѣрнымъ актомъ своеволія. „До сихъ поръ — писалъ онъ прусскому королю — Россія

и Пруссія обходились съ Франціею очень кротко, и что выиграли? Надобно перемѣнить обращеніе.

„Бонапартъ нагналъ на всѣ правительства паническій страхъ, который служилъ главнымъ основаніемъ его могущества. Встрѣтитъ онъ твердое сопротивленіе—и пылъ его утихнетъ".

Но, видно, паническій страхъ, наводимый Наполеономъ, былъ великъ. Пруссія и Австрія не желали протестовать въ сильныхъ выраженіяхъ и удовольствовались тѣмъ, что рѣшились просить у французскаго правительства *разъясненія* столь печальнаго обстоятельства.

Наполеонъ отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что арестованіе герцога Ангіенскаго на баденской территоріи касается лишь баденскаго герцога и что съ нимъ вопросъ улаженъ, такъ что онъ считаетъ себя удовлетвореннымъ; а потому, въ сущности, никому нѣтъ дѣла до этого событія.

Германскія державы, до которыхъ всего болѣе касалось похищеніе герцога на германской территоріи, удовольствовались объясненіемъ Наполеона и сочли за лучшее помолчать. Одинъ русскій Императоръ продолжалъ протестовать, придавая дѣлу характеръ не частнаго случая, но вопроса о неприкосновенности владѣній чужого государства и уваженія къ его законамъ.

Когда русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ, Убри, предъявилъ французскому правительству протестъ по дѣлу герцога Ангіенскаго, Талейранъ сказалъ ему: „если германскіе государи не протестуютъ, то изъ-за чего же протестуетъ Россія"? Убри потребовалъ своихъ паспортовъ. Талейранъ уговаривалъ его остаться и потомъ сказалъ: „первый консулъ не знаетъ на землѣ никого, кто-бы могъ испугать Францію; никого, кому-бы онъ позволилъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла страны".

Въ августѣ 1804 года, Убри взялъ свои паспорты и уѣхалъ въ Петербургъ.

Отъѣздъ Убри изъ Парижа не означалъ еще разрыва съ Наполеономъ, а служилъ только нагляднымъ выраженіемъ неудовольствія Россіи. Но Наполеонъ мало смущался этимъ. Онъ принялъ титулъ Императора и зналъ, что Россія безъ союзниковъ, одна, не начнетъ съ нимъ войны, а въ бездѣйствіи Пруссіи и Австріи онъ былъ увѣренъ.

Что касается Пруссіи, то король Фридрихъ-Вильгельмъ, безъ возраженія и замѣчаній, подписывалъ всѣ доклады своихъ министровъ, изъ которыхъ почти всѣ, въ особенности самые вліятельные, были явными сторонниками Наполеона, умѣвшаго заинтересовать каждаго изъ нихъ.

Графъ Семенъ Воронцовъ, нарочно посѣтившій Берлинъ, что бы приглядѣться къ мѣстнымъ порядкамъ, пришелъ къ заключенію, что „Пруссія есть ничто иное, какъ большая французская провинція; изъ Парижа приходятъ приказанія, какъ вести дипломатическія дѣла; что министры прусскіе, при всѣхъ дворахъ Европы, суть адъютанты министровъ французскихъ, которымъ они сообщаютъ все и служатъ видамъ Франціи, или, лучше сказать, ея деспота Бонапарте“.

Скорѣе можно было расчитывать на Австрію, для которой утвержденіе Наполеона въ Италіи было Дамокловымъ мечемъ, висѣвшимъ надъ ея головою.

„Вы идете по дорогѣ, которая приведетъ васъ къ погибели, и кто знаетъ куда заведетъ васъ ваша робость“, говорилъ Императоръ Александръ Штуттергейму, австрійскому военному агенту въ Петербургѣ.

Но Австрія ссылалась на печальное состояніе своихъ финансовъ, почему она едва могла бы вести и оборонительную войну и ужь никакъ не можетъ рѣшиться на войну наступательную.

Поэтому, Кобенцель, стоявшій во главѣ политическихъ дѣлъ въ Австріи, писалъ Стадіону, своему представителю въ Петербургѣ:

„Старайтесь поставить насъ въ наилучшія отношенія къ Россіи, но чтобы, при этомъ, мы не обязаны были вести войны“.

Оставался, пока, расчетъ на Англію, которая была въ войнѣ съ Наполеономъ. Богатая Англія могла снабдить деньгами Австрію и тѣмъ склонить ее къ открытымъ дѣйствіямъ противъ Наполеона. Но нужно было торопиться, иначе Наполеонъ, видя безплодность своихъ попытокъ нанести вредъ недосягаемой для него Англіи, можетъ обратить собранные для войны съ нею 200,000 человѣкъ для дѣйствія противъ другихъ державъ на континентѣ.

Питъ, только-что вступившій въ министерство англійскаго короля, говорилъ русскому послу графу Семену Воронцову: „нѣтъ человѣка въ мірѣ, который бы болѣе моего былъ противникомъ мира съ Франціей при томъ положеніи, при которомъ она теперь; но если мы будемъ продолжать биться одни, то народу нашему это наскучитъ, а вы знаете хорошо нашу страну, знаете, что когда народъ захочетъ чего рѣшительно, то волею-неволею нужно ему подчиниться“.

Видя въ Питѣ энергическаго и могущественнаго противника наполеоновской системы захватовъ и господства грубой силы, Императоръ Александръ, при посредствѣ Чарторыйскаго, управлявшаго внѣшними дѣлами Россіи, учителя его Піатоли и сардинскаго посланника въ Петербургѣ де-Мэстра, составилъ обширный планъ, который онъ, при содѣйствіи Англіи, надѣялся осуществить, для блага всѣхъ европейскихъ государствъ, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ.

Планъ этотъ посланъ былъ Питу въ 1804 г. съ Новосильцевымъ, однимъ изъ наиболѣе способныхъ и довѣренныхъ лицъ Александра. Сущность этого обширнаго плана состояла въ томъ, что, прежде всего, слѣдовало подорвать нравственный кредитъ Наполеона, при-

крывашаго всѣ свои возмутительныя дѣйствія громкимъ девизомъ осуществленія стремленій народовъ къ свободѣ и благосостоянію.

Сорвавъ съ него маску, нужно было выставить его врагомъ всякой свободы и преградою къ достиженію народами возможнаго благосостоянія.

Усиліями Англіи и Россіи слѣдовало освободить угнетенные Наполеономъ народы, какъ Голландію, Швейцарію и Сардинію, съ тѣмъ, чтобы они сами установили для себя законы, дѣйствительно обезпечивающіе за каждымъ мудрыя начала права и свободы.

Стремясь къ освобожденію угнетенныхъ, было необходимо подумать и о судьбѣ христіанскихъ подданныхъ Оттоманской Порты, несшихъ свой тяжелый крестъ грубаго произвола и нескончаемаго насилія.

Въ общемъ принципѣ признавалось, что, для безопасности государствъ, они должны имѣть естественными границами моря и горы съ одноплеменнымъ народонаселеніемъ. Чтобы второстепенныя государства могли, хотя въ началѣ, дать отпоръ сильнѣйшему, посягающему на ихъ права, предполагалось эти второстепенныя государства усилить, соединить для защиты въ общія федераціи, обезпечивъ имъ покровительство и защиту великихъ державъ. Поэтому, для отпора насилія со стороны Франціи, слѣдовало составить общій оплотъ изъ Италіи и Германіи. Мелкія германскія владѣнія составятъ одинъ общій тѣсный союзъ подъ покровительствомъ Австріи и Пруссіи, но безъ подчиненія той, или другой.

На Балканскомъ полуостровѣ, Молдавію и Валахію предполагалось соединить съ Россіей, а изъ грековъ и турецкихъ славянъ составить одинъ общій союзъ, подъ скипетромъ или подъ покровительствомъ Россіи. Относительно этихъ предположеній по дѣламъ Турціи, на случай ея раздѣла, Новосильцеву юручалось узнать мнѣніе англійскаго правительства.

Вопросъ о необходимости принять рѣшительныя мѣры противъ угнетенія Наполеономъ европейскаго континента былъ принятъ въ Англіи весьма сочувственно. Питъ обѣщалъ снабдить деньгами каждаго союзника, готоваго бороться противъ Наполеона. Но въ Англіи не очень нравились взгляды, высказываемые Новосильцевымъ относительно восточнаго вопроса. Возможность усиленія Россіи на счетъ дунайскихъ княжествъ и открытіе, для всѣхъ одинаково, принадлежащихъ Турціи морей сильно безпокоили англичанъ. Не желая, однако, входить въ противорѣчія съ Новосильцевымъ, Питъ объявилъ, что теперь не время заниматься этимъ вопросомъ, когда все вниманіе должно быть обращено на воспрепятствованіе Наполеону ввести свои войска въ предѣлы Турціи и на принужденіе его очистить Италію. С. Воронцовъ писалъ, по этому случаю, что намъ нѣтъ надобности расширять свои владѣнія, и что граница наша съ Турціей должна, по прежнему, опредѣляться моремъ и Днѣстромъ.

Хотя, такимъ образомъ, переговоры въ Лондонѣ не привели къ осуществленію всей программы Новосильцева, тѣмъ не менѣе, главная ея часть, относительно общей борьбы съ Наполеономъ, была принята вполнѣ. 30-го марта (11-го апрѣля) 1805 года между Россіей и Англіей былъ заключенъ договоръ, въ силу котораго долженствовало выставить противъ Наполеона 500,000 европейскихъ войскъ. Англія обязалась выдавать ежегодно по 1.200,000 фунтовъ стерл. на каждыя 100,000 выставляемыхъ коалиціею войскъ, для борьбы съ Франціею. Цѣлью коалиціи было освобожденіе Италіи, Швейцаріи, Голландіи, Гановера и Сѣверной Германіи отъ Наполеона и утвержденіе въ Европѣ прочныхъ политическихъ началъ.

Высказанное, при этомъ, желаніе Россіи занять своими войсками островъ Мальту едва не испортило всего дѣла. Питъ заявилъ, что такое занятіе не могло бы

воспрепятствовать Наполеону снова занять Египетъ и угрожать могуществу Англіи въ Индіи, что было бы равносильно погибели страны.

Поэтому, рѣшено было, что Мальта будетъ занята сильною англійскою эскадрою и всѣ боевыя силы Англіи будутъ поставлены на военную ногу.

Оставалось только образовать коалицію. Прежде всего, слѣдовало расчитывать на Австрію, съ которою еще 6-го ноября нов. ст. 1804 г. Россія заключила условіе, что въ случаѣ занятія Наполеономъ Италіи или вторженія его въ Турцію, Австрія и Россія, опасаясь сосѣдства Наполеона, обязуются выставить противъ него: первая 200,000, а вторая 115,000 войска.

Между тѣмъ, Наполеонъ прочно утвердился въ Италіи. На запросъ Австріи касательно его дальнѣйшихъ намѣреній относительно Италіи онъ отвѣчалъ, что Австріи нѣтъ дѣла до того, какой образъ правленія установится въ Италіи, и что онъ и самъ еще не знаетъ на чемъ остановится.

Вслѣдъ затѣмъ, въ началѣ 1805 года, Наполеонъ объявилъ себя королемъ Италіи. Франція становилась сосѣдкою Австріи. Въ Вѣнѣ ощутили всю силу этого удара, но энергически дѣйствовать не рѣшались.

Лучшій знатокъ военнаго дѣла въ Австріи, эрцъ-герцогъ Карлъ, высказалъ при этомъ убѣжденіе, что ранѣе 1806 года Австрія не можетъ начать войны, если съ нею не будетъ дѣйствовать и Пруссія. Но прусскій король не выходилъ изъ своей апатіи. Императоръ Александръ предлагалъ Австріи вмѣсто 115,000 выслать ей на помощь 180,000 русскихъ войскъ, но и это не подвинуло Австріи, такъ какъ русскіе были еще далеко, а французы стояли близко.

Наполеонъ хорошо зналъ эти колебанія въ Вѣнѣ и потому не слишкомъ боялся готовившейся, но не существующей коалиціи. Нисколько не стѣсняясь, онъ при-

соединилъ къ Франціи Лигурійскую (Генуэзскую) республику и, повидимому, готовился сдѣлать то же съ Венеціанскою республикою. Въ Германіи онъ стѣснялся еще менѣе. Онъ заставилъ баварскій и кассельскій дворы выслать состоящихъ при нихъ англійскихъ посланниковъ; бывшій же при саксонскомъ дворѣ, англійскій же, посланникъ Румбольдъ былъ схваченъ ночью французскими войсками на гамбургской территоріи, слѣдовательно, въ предѣлахъ Пруссіи.

Эти новыя насилія Наполеона достаточно доказали Австріи, что Наполеонъ, видя ея неготовность къ войнѣ. не замедлитъ накинуться на нее, и потому однимъ бездѣйствіемъ войны отвратить нельзя, а можно еще потерять такого союзника, какъ Россія. Въ Пруссіи тоже, поступокъ съ Румбольдомъ показалъ, что Наполеонъ не признаетъ уже неприкосновенности ея владѣній и потому, не смотря на все желаніе Фридриха-Вильгельма сохранить миръ, ему придется воевать противъ воли. Поэтому Пруссія рѣшилась потребовать освобожденія Румбольда.

Узнавъ, что Австрія стала серіозно готовиться къ войнѣ, Наполеонъ не хотѣлъ возстановлять противъ себя и Пруссію, почему и рѣшился освободить Румбольда. Прусскій король торжествовалъ. Но Императоръ Александръ производилъ на него сильное давленіе. Съ одной стороны, онъ включилъ въ свой союзъ Швецію, обѣщавшую выставить противъ Франціи 25,000 войска, которое должно было занять шведскую Померанію, т. е. расположиться въ Сѣверной Германіи, на границахъ Пруссіи. Въ Берлинѣ возстали противъ этого намѣренія и даже готовились силою тому воспротивиться; но Императоръ Александръ заявилъ, что будетъ защищать оружіемъ своего союзника.

Съ другой стороны, онъ заявилъ прусскому королю, что такъ какъ Пруссія не рѣшается приступить къ коа-

лиціи противъ Наполеона; Россія же, въ интересахъ Европы, намѣревается вести съ нимъ, въ союзѣ съ Австріей, Швеціей и Англіей, упорную борьбу, для чего ей необходимо провести свои войска чрезъ прусскія владѣнія, то необходимо, чтобы Пруссія дозволила русскимъ войскамъ пройти чрезъ ея территорію.

Такъ или иначе, Пруссія видѣла, что ей не удастся сохранить нейтралитетъ, и что она, волей или неволей, должна воевать или противъ Наполена, съ общею коалиціею, или съ Наполеономъ, противъ коалиціи. Въ случаѣ же войны короля съ Франціей, Россія обѣщала выслать, на усиленіе Пруссіи, болѣе 100,000 челов. Тѣмъ не менѣе прусскій король хотѣлъ, до послѣдней крайности, остаться нейтральнымъ. „Много государей,—говорилъ онъ,—погибло отъ страсти къ войнѣ; а я погибну отъ того, что люблю миръ“.

Видя, что Австрія дѣлаетъ спѣшныя приготовленія къ войнѣ, Наполеонъ понялъ, что война неизбѣжна. Чтобы склонить Пруссію на свою сторону, онъ обѣщалъ вознаградить ее за союзъ владѣніями Ганновера, которыя онъ отберетъ у Англіи. Но Фридрихъ-Вильгельмъ не соблазнился и этимъ, умоляя въ то же время Императора Александра не вводить русскихъ войскъ въ прусскія владѣнія, такъ какъ это послужило бы поводомъ къ войнѣ противъ Россіи.

Готовясь начать войну съ Наполеономъ, Россія не желала возстановлять противъ себя Пруссію. Поэтому русскія войска были остановлены у границъ Пруссіи, а Императоръ Александръ, лично, поѣхалъ въ Берлинъ для свиданія съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ.

25-го октября нов. ст. русскій Императоръ прибылъ въ Берлинъ, въ надеждѣ своимъ вліяніемъ склонить Пруссію къ коалиціи, тѣмъ болѣе, что Наполеонъ уже началъ войну съ Австріей. Прусскій король упорство-

валъ, по прежнему, въ желаніи быть нейтральнымъ. Дѣлу помогъ самъ Наполеонъ.

Начавъ войну съ Англіей, онъ собралъ свою армію къ западнымъ границамъ Франціи, дѣлая видъ готовности предпринять морскую высадку на берега Великобританіи. Въ Европѣ казалась смѣшной такая попытка. Но Наполеонъ имѣлъ свой планъ. Онъ самъ хорошо понималъ невозможность перенести свою армію черезъ Ламаншъ, въ виду сильнѣйшаго англійскаго флота; но это давало ему возможность вполнѣ подготовить армію для удара Австріи и замаскировать свои настоящія намѣренія, усыпляя военныя приготовленія въ Вѣнѣ.

Между тѣмъ, какъ уже было сказано, присоединеніе Генуи къ владѣніямъ Франціи заставило Австрію рѣшиться на войну. Прежде говорилось, что ранѣе весны 1806 года австрійская армія не будетъ готова. Но генералъ-квартирмейстеръ Макъ обѣщалъ сдѣлать всѣ военныя приготовленія въ два мѣсяца, и чтобы упредить Наполеона предложилъ выдвинуть отдѣльный корпусъ къ Ульму, чтобы дѣйствовать Наполеону во флангъ, при его наступленіи на Австрію.

Планъ Мака былъ принятъ и ему же поручено было его исполненіе.

Какъ прежде въ Вѣнѣ все медлили, такъ теперь начали не въ мѣру торопиться. Не дождавшись прибытія русскихъ войскъ, австрійцы выслали корпусъ Мака къ Ульму, поставивъ его въ отдѣльное положеніе.

Наполеонъ не могъ не воспользоваться этой ошибкой. Съ неимовѣрной быстротой и скрытностью, двинулъ онъ свою армію отъ западныхъ къ восточнымъ границамъ; провелъ ихъ въ Аншпахѣ чрезъ прусскія владѣнія, занялъ Аугсбургъ и Мюнхенъ, разбилъ австрійцевъ при Эльхингенѣ и окружилъ Мака при Ульмѣ. 20-го октября, Макъ сдался съ 23,000 австрійскаго войска и 59 пушками.

Но эта побѣда не осталась безъ послѣдствій для Наполеона. Нарушивъ неприкосновенность прусской территоріи, онъ напрасно извинялся предъ прусскимъ королемъ.

Уступая вліянію Императора Александра и видя, наконецъ, что завѣтная мечта о нейтралитетѣ не избавляетъ Пруссію отъ внѣшняго вторженія, Фридрихъ-Вильгельмъ примкнулъ къ коалиціи, заключивъ съ Императоромъ Александромъ, 3-го ноября, договоръ, извѣстный подъ именемъ потсдамскаго. Цѣль этого договора была та же, какая высказывалась въ договорахъ съ Англіею и Австріею: возстановленіе свободы и неприкосновенности европейскихъ государствъ и неприкосновенность Турціи.

Впрочемъ, Пруссія не прямо приступала къ войнѣ. Она предлагала только вооруженное посредничество, т. е. брала на себя обязательство принудить Наполеона уступить требованіямъ коалиціи, угрожая, въ противномъ случаѣ, пристать къ ней.

Наполеонъ зналъ поэтому, что Пруссія не готова, а русскія войска не пришли еще, и потому быстро наступалъ къ Вѣнѣ.

Не смотря на всю поспѣшность марша, русская армія, подъ начальствомъ Кутузова, прибыла въ Баварію уже позднею осенью 1805 г., испытавъ всѣ труды движенія въ ненастье, въ странѣ, исполненной страха и отчаянія.

Австрійцы отступали. Пришлось отступать и русскимъ. Блистательная побѣда, одержанная Кутузовымъ при Дюрнштейнѣ надъ корпусомъ Мортье, и бой у Шенграбена, геройски выдержанный кн. Багратіономъ, для доставленія русской арміи возможности произвести фланговое движеніе при отступленіи въ Моравію, были лишь частными успѣхами и не могли измѣнить общаго хода дѣлъ.

Занявъ Вѣну, Наполеонъ двинулся за отступающими, остановившимися у Ольмюца.

Кутузовъ подалъ совѣтъ отступать далѣе, чтобы сблизиться съ прусскими войсками, такъ какъ Пруссія должна была начать войну, вслѣдствіе несогласія Наполеона подчиниться требованіямъ коалиціи. Австрійцы, напротивъ того, требовали генеральнаго сраженія, чтобы отомстить за потерю Вѣны. Къ тому же, они надѣялись побѣдить, такъ какъ видѣли на дѣлѣ, какъ русскіе умѣютъ драться. При такихъ условіяхъ, настаивать на дальнѣйшемъ отступленіи было, хотя и благоразумно, но неудобно съ нравственной точки зрѣнія, и тамъ, гдѣ австрійцы были готовы идти впередъ, русскимъ отступать не приходилось.

Наполеонъ, между тѣмъ, двигался отъ Брюнна къ Ольмюцу. Союзники шли ему на встрѣчу. Разыгрался знаменитый бой при Аустерлицѣ, 20-го ноября.

Еще наканунѣ сраженія, Кутузовъ говорилъ оберъ-гофмаршалу графу Толстому: „уговорите Государя (лично бывшаго при арміи) не давать сраженія—мы его проиграемъ“.

Но сраженіе было дано. Союзники страшно разбиты и русскія войска потеряли до 20,000 человѣкъ.

Побѣда при Аустерлицѣ разрубила Гордіевъ узелъ, связывавшій Наполеона. Прусскій уполномоченный Гаугвицъ, благоговѣвшій предъ Наполеономъ и посланный къ нему съ требованіемъ подчиниться коалиціи, кончилъ тѣмъ, что поздравилъ Наполеона съ побѣдою. Съ другой стороны, австрійскій императоръ, на другой же день послѣ пораженія, вступилъ въ переговоры о мирѣ, который и былъ заключенъ въ Пресбургѣ, 14 (26) декабря 1805 г.

По этому миру Австрія признала Наполеона королемъ Италіи, отдала Франціи Венецію и вознаградила Баварію, Виртембергъ и Баденъ, какъ бывшихъ союзниковъ Франціи.

Потерявъ 1,717 кв. миль и 2.785,000 жителей, Австрія уцѣлѣла только благодаря настояніямъ знаменитаго Талейрана, министра иностранныхъ дѣлъ Франціи. Талейранъ доказывалъ, что всего опаснѣе для Франціи допустить Россію завладѣть землями, принадлежавшими Турціи; что поэтому, слѣдуетъ между Турціей и Россіей образовать владѣнія Австріи на Дунаѣ и для того, въ пополненіе ея потерь по прессбургскому миру, отдать ей Сербію, Молдавію, Бессарабію и сѣверную часть Болгаріи.

При посредствѣ такой комбинаціи Талейранъ надѣялся найти въ Австріи союзника, отстранивъ ее, навсегда, отъ Россіи. Тогда предстояло только разгромить Пруссію и коалиція была бы уничтожена.

Но отбирать отъ Россіи Бессарабію, а отъ Турціи ея дунайскія владѣнія, значило начать войну съ этими обѣими державами, чего Австрія, послѣ только что понесеннаго погрома, сдѣлать не могла и не хотѣла. Поэтому она отказалась отъ предложенія, тѣмъ болѣе, что на прочность обѣщаній Наполеона полагаться было нельзя. Онъ мѣнялъ свои обѣщанія, сообразуясь съ своими политическими цѣлями, и еще недавно, желая разстроить союзъ Россіи съ Австріей, сказалъ, не задолго до Аустерлицкаго сраженія, посланному къ нему Императоромъ Александромъ князю Долгорукову: „Зачѣмъ мы ведемъ войну? Нѣтъ ничего легче какъ возстановить согласіе между мною и Императоромъ Александромъ, — хочетъ онъ Валахію? стоитъ ему сказать объ этомъ лишь слово и дѣло будетъ улажено“.

Послѣ побѣды при Аустерлицѣ, Наполеону было уже легко покончить съ Пруссіей.

Императоръ Александръ, выведя свою армію изъ предѣловъ Австріи, предоставилъ ее въ распоряженіе прусскаго короля, для новой борьбы съ Наполеономъ.

Поэтому, не расчитывая на такія же ошибки со сто-

роны своихъ противниковъ, какія доставили ему столь легкую побѣду въ Австріи, Наполеонъ въ переговорахъ съ Гаугвицомъ, поставилъ ему прямо вопросъ: или Пруссія заключитъ союзъ съ Франціей, уступивъ Анппахъ Баваріи, ея союзнику, а Франціи отдастъ княжество Невшательское, за что Франція передаетъ ей свои права на Ганноверъ; или же Наполеонъ, пользуясь полною готовностью своей побѣдоносной арміи, немедленно вступитъ въ Пруссію и разгромитъ ее также, какъ и Австрію. Угроза подѣйствовала. Пруссія не намѣревалась начать войны ранѣе 15 декабря н. ст.

Но въ этотъ самый день, точно въ насмѣшку, Гаугвицъ заключилъ съ Наполеономъ союзный договоръ, на изложенныхъ выше основаніяхъ.

Къ этому договору было присоединено еще ручательство Пруссіи и Франціи относительно независимости и цѣлости Турціи, которую Наполеонъ, всѣми средствами, старался теперь поссорить съ Россіей.

Аустерлицкій бой рѣзко измѣнилъ всѣ политическія отношенія европейскихъ державъ. Въ составѣ коалиціи остались только Россія и Англія. Австрія была уничтожена и не могла, если бы и хотѣла, продолжать борьбу. Пруссія заключила оборонительный союзъ съ Франціей. Наполеонъ ссорилъ Россію съ Турціей и готовился поднять всю Польшу, поманивъ ее призракомъ возрожденія и предоставленія ей политической самостоятельности. Австрія, пораженная и неспособная воевать, откажется отъ возмутившейся Галиціи; Пруссію можно вознаградить шведской Помераніей, за уступку своихъ польскихъ владѣній, а Россія будетъ принуждена къ тому силою Наполеономъ, который ко многимъ другимъ титуламъ присоединитъ еще и польскую корону.

Въ виду такого положенія дѣлъ, Россіи предстояло теперь заботиться о своей собственной безопасности.

Русская заграничная армія, предназначенная для Прус-

сіи, поспѣшно возвратилась назадъ. Тогда Наполеонъ не сталъ церемониться съ Пруссіей. Онъ объявилъ, что уничтожитъ заключенный съ нею договоръ, имѣвшій характеръ только оборонительнаго союза, если Пруссія не заключитъ, немедленно, и союза наступательнаго, для чего она должна занять принадлежащій Англіи Ганноверъ и начать съ Англіей войну.

По поводу соглашенія между Франціей и Пруссіей, относительно гарантіи цѣлости Порты, Императоръ Александръ сказалъ герцогу Брауншвейгскому: „Я самъ гарантирую эту цѣлость. Я другъ Порты и хочу ее поддерживать; но я предвижу, что этою статьею Франція хочетъ поссорить меня съ Пруссіей“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Императоръ Александръ писалъ прусскому королю: „Самый тѣсный союзъ между Россіей и Пруссіей кажется мнѣ болѣе, чѣмъ когда либо, необходимымъ и это въ то же время самое дорогое желаніе моего сердца. Въ минуты опасности, Ваше Величество должны помнить, что имѣете во мнѣ друга, готоваго летѣть къ вамъ на помощь“. Подобная помощь для Пруссіи была необходима, иначе Наполеонъ скоро началъ бы обращаться съ нею какъ съ какимъ нибудь Баденомъ или Виртембергомъ. Поэтому, между уполномоченными Россіи и Пруссіи, Алопеусомъ и Гарденбергомъ, заключенъ былъ договоръ на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ. Пруссія обязывалась: 1) что союзъ Пруссіи съ Франціей не исключаетъ силы русско-прусскаго договора 1800 г. 2) Если Наполеонъ вторгнется въ предѣлы Турціи, или нарушитъ права Австріи по прессбургскому договору и Россія сочтетъ необходимымъ начать, по этому поводу, войну съ Франціей, Пруссія не будетъ помогать послѣдней. Равнымъ образомъ, Пруссія не будетъ помогать Франціи и въ томъ случаѣ, если бы Россія начала войну съ Турціей, поддерживаемой Франціей. 3) Пруссія, вмѣстѣ съ Россіей, гарантируетъ цѣ-

лость и независимость Турецкой имперіи и права Австріи по прессбургскому миру. 4) Пруссія употребитъ всѣ силы къ тому, чтобы французскія войска очистили, какъ можно скорѣе, германскую территорію.

Съ своей стороны Императоръ Александръ принималъ на себя обязательство: 1) употребить всѣ свои силы на обезпеченіе независимости и цѣлости прусскихъ владѣній и на защиту Европы, 2) быть безкорыстнымъ относительно всѣхъ государствъ Европы, 3) сохранить въ полной тайнѣ обязательства, принятыя Пруссіей по настоящему договору.

Между тѣмъ Наполеонъ все болѣе и болѣе хозяйничалъ въ Европѣ. Отъ Австріи требовалъ, чтобы она отобрала отъ Россіи Бокко-ди-Катаро, занятое русскими, какъ союзниками австрійцевъ въ послѣдней войнѣ, и чтобы она передала его Франціи. Отъ Англіи, гдѣ, послѣ смерти Питта, вступилъ въ министерство Фоксъ, большой поклонникъ мира съ Франціей, требовалось уступки Ганновора, Мальты и мыса Доброй Надежды. Въ Италіи, на престолы были возведены родственники Наполеона, что равнялось полному владычеству надъ нею самого Наполеона, носившаго титулъ Италіанскаго короля. Въ Германіи изъ мелкихъ владѣній составленъ былъ рейнскій союзъ, подъ протекторатомъ Франціи, съ обязательствомъ выставлять, по требованію послѣдней, 63,000 союзнаго войска. Словомъ, владычеству Наполеона и его стремленіямъ не было предѣловъ. Оставалось ожидать его посягательства, въ недальнемъ будущемъ, на цѣлость оттоманскихъ владѣній, такъ какъ онъ уже, на требованія Россіи удовлетворить ея союзника, короля Неаполитанскаго Фердинанда, лишеннаго Наполеономъ престола, предложилъ дать ему Далмацію, Рагузу и принадлежащую Турціи Албанію. Этимъ, конечно, имѣлось въ виду поссорить Россію съ Турціей. Но Россія не приняла этой сдѣлки. Поэтому, Напо-

леонъ прибѣгнулъ къ другому средству вызвать между нею и Портою столкновеніе. Наполеонъ, съ самаго окончанія своей египетской экспедиціи, не терялъ Турцію изъ вида. Сдѣлавшись первымъ консуломъ Франціи, онъ старался сблизиться съ Портой, слѣдуя своему общему принципу въ политикѣ — дружиться съ тѣми, кого желалъ подчинить своему вліянію и, пользуясь этимъ вліяніемъ, заставлять друга дѣлать ему такія уступки, на которыя не согласился-бы врагъ. Блестящія побѣды, всегда сопровождавшія всѣ предпріятія Наполеона, его мистическій образъ дѣйствій въ Египтѣ, гдѣ онъ старался выдавать себя за посланника небесъ — возбудили о немъ, въ умахъ суевѣрнаго востока, понятіе, какъ о существѣ высшемъ, исключительномъ.

Чтобы успокоить напрасныя опасенія Порты насчетъ Россіи, Италинскій, нашъ посолъ въ Константинополѣ, совѣтывалъ ей не довѣряться Франціи. Въ письмѣ кн. Чарторыйскаго, отъ 3 января 1806 г., къ Италинскому, было сказано [1]): „Дайте Портѣ понять, что гибель ея неизбѣжна, если она не послѣдуетъ здравымъ совѣтамъ нашимъ; эти совѣты состоятъ въ томъ, чтобы она употребила всѣ средства пріобрѣсть привязанность своихъ подданныхъ; иначе, угнетенные своимъ положеніемъ, приведенные въ отчаяніе за свое будущее, они встрѣтятъ у себя французовъ какъ избавителей и соединятся съ ними противъ Порты. Али-паша, Пассеванъ-оглу и всѣ недовольные въ Румеліи и даже въ Азіи, также пристанутъ къ французамъ, какъ только они явятся въ Турціи. Пусть Порта усилитъ свои крѣпости со стороны Сербіи и Босніи, такъ какъ, всего вѣроятнѣе, французы откроютъ свои дѣйствія съ этой стороны, имѣя обсерваціонную армію у Софіи и Адріанополя и значительные магазины въ Румеліи и Баваріи“. Нѣсколько дней

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Чарторыйскій къ Италинскому, отъ 3 января 1806 г.

спустя, Италинскій получилъ Высочайшій рескриптъ отъ 16 января, въ которомъ говорилось [1]): „Какъ ни несчастна была оконченная нами война—Мои сухопутныя и морскія силы, которыя значительно увеличены, будутъ всегда готовы двинуться туда, куда потребуется для защиты Турціи, если султанъ Селимъ пожелаетъ. Я желалъ бы вѣрить, что Е. В. султанъ отвѣтитъ мнѣ взаимностію и придетъ къ убѣжденію, что единственное средство отвратить гибельный потокъ, грозящій распространиться по Турціи—это изъявить полное довѣріе и согласіе ко мнѣ, для уничтоженія честолюбивыхъ замысловъ французскаго правительства".

Съ своей стороны Наполеонъ также увѣрялъ Турцію въ неизмѣнной дружбѣ. Поэтому, какъ только онъ принялъ титулъ Императора, Турція, прежде всѣхъ другихъ державъ Европы, привѣтствовала его, какъ повелителя Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ внушеній французскаго двора, отношенія Турціи къ Россіи утратили прежнее свойство взаимной довѣрчивости. Наполеонъ старался доказать, что Россія имѣетъ враждебныя намѣренія относительно Порты, и турецкія войска начали усиливаться на нашей границѣ.

По этому поводу, Императоръ Александръ писалъ, 1 марта 1806 г., Италинскому, что въ признаніи Турціей Императорскаго титула Наполеона онъ не видитъ еще ничего особеннаго. Но его удивляютъ слухи, что Турція собираетъ войско въ Румеліи и Бессарабіи и дѣлаетъ военныя приготовленія, конечно, противъ Россіи.

„Я поручаю вамъ увѣрить Порту, самымъ положительнымъ образомъ, что я не измѣнилъ своего расположенія къ ней и готовъ быть защитителемъ ея противъ всякаго внѣшняго нападенія, летѣть на помощь султану Селиму, какъ только онъ найдетъ это нужнымъ. Что я не тре-

---

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Рескрипты. 1806 г.

бую отъ него ничего, кромѣ исполненія заключенныхъ съ Портою трактатовъ, которые я исполняю свято“ [1]).

Наполеонъ также писалъ султану, совѣтуя ему принять мѣры къ охраненію Валахіи отъ вторженія сосѣдей, и прислалъ въ Турцію французскихъ инженеровъ, а также и другихъ военныхъ спеціалистовъ, по поводу чего Италинскому велѣно было подать ноту, съ заявленіемъ, что „Россія видитъ въ этомъ недружественный образъ дѣйствій со стороны Турціи, и потому должна будетъ, и съ своей стороны, принять соотвѣтственныя мѣры“ [2]).

Войска наши, дѣйствительно, были приближены къ Днѣстру. Это очень встревожило турецкихъ министровъ, тѣмъ болѣе, что Италинскій подалъ рѣзкую ноту, указывая въ ней на интриги Франціи, которой Турція и должна больше всего опасаться. Въ то же время, хотинскій паша доносилъ дивану:

„Послѣдовало повелѣніе Императора Россіи, читанное публично, чтобы всѣ жители Польши взялись за оружіе, для защиты своего имущества отъ непріятеля. Повелѣно также, чтобы всѣ польскіе помѣщики сформировали и содержали на собственный счетъ, пропорціонально имуществу каждаго, вооруженные отряды, и чтобы всѣ лѣса, до самаго Днѣстра, были расчищены, а дороги исправлены. Русскія войска получили приказаніе быть всегда въ готовности выступить въ походъ, черезъ 24 часа по полученіи приказанія, и дѣлаются справки, готовится ли Турція защищать свои границы. Если русскіе вступятъ въ предѣлы Турціи, что должны дѣлать мусульманскія войска? Необходимо, чтобы правительство поставило насъ, пограничныхъ комендантовъ, въ извѣстность, въ чемъ состоятъ его намѣренія и поторопилось, или принять мѣры къ обезпеченію пограничныхъ жите-

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Campagnes Turquie, Michelson. 1805—1806.
[2]) Гл. Арх. Michelson: Czartoryski à M. d'Italinsky, 22 fevrier 1806.

лей, или же, если русскимъ не приписывается враждебныхъ намѣреній,—дать намъ на этотъ случай надлежащія инструкціи“ [1]).

Извѣстіе это произвело въ Константинополѣ сильное безпокойство, о которомъ и доносилъ Италинскій Михельсону. Чтобы успокоить турецкій диванъ на счетъ нашихъ приготовленій, Михельсонъ, отзывомъ отъ 27-го апрѣля 1806 г. къ Италинскому, совѣтывалъ ему сказать министрамъ Порты, что „наши приготовленія имѣли цѣлью галиційскія границы, такъ какъ получено извѣстіе, что Австрія сильно вооружается“. Порта должна болѣе вѣрить отзывамъ Императора и поступкамъ посла, нежели нелѣпымъ слухамъ, „не рѣдко выдаваемымъ самими недоброхотами, для нарушенія общаго покоя“. Если же у насъ и дѣлаются нѣкоторыя передвиженія, то иначе и быть не могло, въ виду приготовленій со стороны самой Порты, и въ видахъ осторожности „противу всякаго, могущаго быть непріятеля общаго, на защищеніе не только себя, но и самой Порты“.

Нота, поданная Италинскимъ, могла сразу разорвать миръ и потребовать военныхъ дѣйствій. Поэтому ему велѣно было поправить дѣло и увѣрить министровъ Порты,—„que la Turquie n'a absolument rien à craindre de notre côté. Что Императоръ искренно рѣшился сохранять союзъ съ султаномъ Селимомъ, и поддерживать его державу всѣми силами, какими можетъ располагать. Что армія его на Днѣстрѣ имѣетъ единственно эту цѣль, и что никакія обстоятельства, никогда, не заставятъ Императора измѣнить эти намѣренія. Но пусть Порта не ослѣпляется до того, что не можетъ отличить своего лучшаго друга отъ злѣйшаго врага. Собирая войска на Дунаѣ, Порта оставляетъ беззащитными границы, наиболѣе угрожаемыя“. Италинскому выслано

[1]) Traduction d'un paragraphe des lettres du pacha de Hottin. Приложеніе № 1-й.

200,000 руб. и обѣщано еще, для большей дѣйствительности переговоровъ съ турецкими министрами [1]).

Въ то же время кн. Чарторыйскій писалъ Италинскому, что такъ какъ Турція не прекращаетъ военныхъ приготовленій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣряетъ въ своей дружбѣ къ Россіи, то слѣдуетъ сказать рейсъ-эфенди, что единственное средство доказать намъ миролюбивыя расположенія Порты, это—„тотчасъ же отмѣнить приказаніе, отданное войскамъ расположиться при Измаилѣ лагеремъ и собраться на Дунаѣ; равно какъ формированіе магазиновъ въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи, и прекратить исправленія крѣпостей по Днѣстру и Дунаю. При томъ, Порта должна все это исполнить оффиціально, чтобы уничтожить замыслы Наполеона, основанные на разрывѣ Турціи съ Россіей“. Только этимъ исправится то впечатлѣніе, которое произвело на петербургскій кабинетъ признаніе Турціей Наполеона императоромъ. Италинскій снова долженъ былъ увѣрить, что Россія не имѣетъ никакихъ честолюбивыхъ цѣлей относительно Порты; напротивъ, Порта вполнѣ можетъ расчитывать на нашу помощь, противъ кого бы то ни было, если сама будетъ исполнять свои обязательства относительно Россіи.

Но французское вліяніе въ Константинополѣ было очень сильно, и на Францію расчитывали.

Въ мемуарѣ кн. Ипсилантія, поданномъ Императору Александру въ 1806 г., было сказано: „министры Порты не болѣе какъ органы внушеній Франціи, какъ эхо ложныхъ слуховъ, хвастовства (de la jactance), угрозъ и ругательствъ (des injures), которыя они распространяютъ чрезъ своихъ агентовъ, друзей и стипендіатовъ; рейсъ-эфенди только провозглашаетъ, съ радостію, извѣстія о побѣдѣ французовъ и обо всемъ, что ему

---

[1]) Гл. Арх. Michelson, 2 mars 1806.

кажется обиднымъ для Россіи и ей вредномъ, выставляя ее неспособною сдѣлать ни добра, ни зла (ni le bien, ni le mal) [1]).

Политическіе агенты Франціи наводняли Молдавію и Валахію. Кн. Чарторыйскій писалъ кн. Ипсилантію, 23-го апрѣля 1806 г., о полученномъ имъ достовѣрномъ извѣстіи, что состоящій при князѣ въ Бухарестѣ и его довѣренное лице, de-Belleval, увѣдомляетъ французскаго министра Фуше обо всемъ, что дѣлается въ Валахіи. „Французскіе эмисары, — доносилъ нашъ политическій агентъ въ Бухарестѣ, тайный совѣтникъ Родофиникинъ,—распространяли вездѣ самые нелѣпые слухи о униженномъ, будто бы, мирѣ нашемъ съ Франціей, о нашемъ обезсиленіи и внутреннихъ смятеніяхъ“. Когда Родофиникинъ, проѣздомъ въ Константинополь, былъ въ Рущукѣ и видѣлся съ Мустафой-Байрактаромъ, послѣдній, прежде всего, спросилъ: „усмирены ли смуты въ Россіи?“ Министры же Порты обыкновенно говорили о Россіи: „Эта держава должна была претерпѣть безъ сопротивленія всѣ запрещенія, которыя ей были сдѣланы; она въ упадкѣ, не имѣетъ ни силы, ни могущества, что мы и доказали ей запрещеніемъ пропускать ея военные корабли чрезъ проливъ“ [2]).

По настоянію Франціи, вопреки трактата 1791 года, было, дѣйствительно, отмѣнено право греческихъ судовъ пользоваться, для безопасности торговли, прикрытіемъ русскаго флага. Русскимъ судамъ не дозволялось болѣе вступать въ Босфоръ и Дарданеллы. Въ мемуарахъ Италинскаго говорится по этому поводу [3]): „Порта, закрывая проходъ русскимъ судамъ чрезъ Дарданеллы, не могла этого сдѣлать безъ вліянія Бонапарте, который имѣлъ въ виду упереться на бунтующихъ янычаръ, от-

[1]) Гл. Арх., Mémoire d'Ipsilanty, 10 avril 1806.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Гл. Арх. М. И. Д. Campagnes Turquie. Mémoires.

личныхъ стрѣлковъ, въ числѣ болѣе 150,000 человѣкъ, которымъ Франція обѣщала помощь и покровительство. Извѣстно, что ловкостью и деньгами можно всего достигнуть съ этими людьми". Порта ожидаетъ лишь весны, чтобы объявить войну Россіи, такъ какъ азіятскія войска ея не могутъ ранѣе прибыть черезъ Босфоръ, а европейскія зимою не воюютъ. Но достаточно французамъ одержать первый надъ ними успѣхъ, какъ всѣ бунтующіе янычары подымутся противъ враговъ пророка: стоитъ лишь султану объявить имъ амнистію.

Если выставить противъ Наполеона 300,000 армію, то она задержитъ его на всю зиму. Между тѣмъ, нужно покончить съ Турціей. Тогда 100,000 человѣкъ могутъ вступить въ Италію, соединиться тамъ съ 50,000 ветерановъ и нанести французамъ страшный ударъ въ освобожденной Италіи. Наполеонъ будетъ просить мира. Въ то же время нашъ флотъ легко можетъ овладѣть Мореей. Пусть наша армія скорѣе двигается къ Дунаю, овладѣваетъ Измаиломъ и Видиномъ, и располагается близъ Ниша—всѣ горныя, воинственныя племена пристанутъ къ намъ и дадутъ болѣе 200 тыс. бойцовъ.

Съ своей стороны Наполеонъ, въ письмѣ къ султану, выставлялъ господарей Молдавіи и Валахіи—„измѣнниками, преданными Россіи и шпіонами Порты, пособниками и двигателями возстанія сербовъ, которымъ они доставляютъ оружіе и припасы". Поэтому Наполеонъ совѣтовалъ смѣнить обоихъ господарей, чтобы лишить ихъ возможности содѣйствовать видамъ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Юсуфъ-паша выставлялся какъ сторонникъ господарей и потому также долженъ быть удаленъ изъ столицы [1]).

Наполеонъ не былъ доволенъ положеніемъ своихъ дѣлъ въ Константинополѣ. Онъ желалъ побудить Тур-

---

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Dépêche de M. Ipsilanty, 22 août 1806.

цію къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ и къ окончательному разрыву съ Россіей. Для достиженія этой цѣли, онъ отправилъ въ Константинополь генерала Себастіани, всѣ достоинства котораго заключались въ его смѣлыхъ воззрѣніяхъ на Россію, воззрѣніяхъ, которыя были скорѣе плодомъ фантазіи и проявленіемъ хвастовства, чѣмъ серіозно продуманныхъ соображеній.

Въ письмѣ къ кн. Чарторыйскому, отъ 7 іюня 1806 года, князь Ипсилантій пишетъ: „генералъ Себастіани, въ одномъ салонѣ въ С. Клу, излагалъ проектъ отбросить Россію за линію, проведенную отъ моря Чернаго до Балтійскаго—что и послужило къ его назначенію".

Отправившись въ Константинополь, Себастіани, по пути своего слѣдованія, входилъ въ сношенія со всѣми выдающимися личностями, стараясь склонить ихъ въ пользу Франціи и возстановить противъ Россіи.

Проѣзжая чрезъ Бухарестъ, онъ имѣлъ долгій разговоръ съ княземъ Ипсилантіемъ и въ этомъ разговорѣ реліефно обрисовалъ какъ свою личность, такъ и тѣ идеи, которыя онъ старался внушать всѣмъ и съ запасомъ которыхъ ѣхалъ въ Константинополь. Этотъ замѣчательный разговоръ происходилъ 23 іюля 1806 года.

Кн. Ипсилантій сообщилъ его, почти дословно, Императору Александру [1]).

Вотъ интересное описаніе какъ разговора съ Себастіани, такъ и самой личности его.

„Его осанка, поступь, манеры скорѣе напоминаютъ эмисара, чѣмъ посланника. Никакого ума, никакихъ инструкцій, гасконскій выговоръ, настоящій головорѣзъ (cassecou) въ политикѣ, неспособный вести умный разговоръ — онъ можетъ быть только исполнителемъ воли своего повелителя.

---

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Campagnes. Turquie. Ipsilanty. 1806.

Себастіани замѣтилъ, что Ипсилантій заявилъ себя врагомъ Бонапарте и сторонникомъ Россіи.

— Это согласно съ моими обязанностями, отвѣчалъ Ипсилантій.

— Но эта старая система теперь уже не существуетъ. Побѣды моего Императора, особенно Аустерлицкая, тому доказательствомъ. Россія est abattue (унижена), все измѣнилось и вы должны перемѣниться. Бонапарте тѣмъ болѣе раздраженъ противъ васъ, что знаетъ васъ по уму и характеру за самаго просвѣщеннаго въ Портѣ человѣка. Поступите также, какъ кн. Мурузи, помогайте Франціи, и она употребитъ всю свою силу, что бы ваше княжество осталось за вами на всю жизнь. Это наиболѣе соотвѣтствуетъ видамъ Императора Наполеона: имѣть двухъ друзей и улучшить судьбу двухъ народовъ, пришедшихъ въ бѣдность отъ частой перемѣны ихъ властителей.

— Однако подобная перемѣна можетъ встрѣтить сопротивленіе.

— О, конечно, со стороны Россіи, если бы она могла что нибудь сдѣлать. Знаете-ли вы настоящее состояніе ея силъ?

— Нѣтъ, я не посвященъ въ этотъ вопросъ.

— Eh bien! Считая всѣхъ казаковъ, татаръ и регулярныя войска, у ней не болѣе 250,000, для обороны всего своего громаднаго пространства.

— Я считалъ Россію гораздо сильнѣе.

— У ней положительно нѣтъ болѣе ни одного человѣка. Хотите теперь знать силы Франціи?

— Да, очень бы желалъ.

— 600,000 чел.—400,000 пѣхоты, 100,000 кавалеріи и 100,000 артиллеристовъ, саперовъ, минеровъ и ветерановъ.

— Это удивительно! Но у васъ должно быть громадное населеніе для содержанія такой арміи, такъ какъ извѣстно, что никакое государство не можетъ содер-

жать болѣе 10,000 чел. на милліонъ населенія, иначе должно погибнуть. Мнѣ кажется, напротивъ, что продолжительныя войны Франціи, внутреннія и внѣшнія, должны бы ослабить народонаселеніе ея.

— Совсѣмъ напротивъ. Франція имѣетъ 33 милліона de têtes; столько же въ Италіи, Батавіи и Швейцаріи, входящихъ въ ея составъ, тогда какъ на всемъ пространствѣ Россіи всего 29 милліоновъ. Франція никогда не была такъ богата, какъ теперь, и можетъ содержать какую угодно армію; у Россіи же ничего нѣтъ.

— Я вамъ очень обязанъ за то, что вы вывели меня изъ заблужденія. Мнѣ, напротивъ, говорили, что Франція понесла сильныя потери въ колоніяхъ, торговлѣ, промышленности, земледѣліи и по всѣмъ отраслямъ экономіи, тогда какъ Россія, съ одной только торговли Балтійскаго моря, получаетъ отъ 33—34 мил. франковъ въ годъ.

— Да, князь, вы дѣйствительно сильно заблуждались. Россія сдѣлала капитальную ошибку, начавъ войну съ Наполеономъ, и сдѣлаетъ еще бо̀льшую, которая, можетъ быть, ее погубитъ или, по меньшей мѣрѣ, обратитъ ее въ состояніе, въ которомъ она была до Петра I, если она вторично попытается воевать съ нами.

— Какихъ же результатовъ для Франціи и для Турціи вы ожидаете отъ новаго порядка вещей, который вы желаете установить въ Портѣ?

— Для насъ ничего, для Турціи все. Императоръ желаетъ, чтобы впредь она была совершенно независима отъ иностраннаго вліянія и чтобы никто не вмѣшивался во внутреннія дѣла ея, чему онъ первымъ подастъ примѣръ. Онъ желаетъ, чтобы она цивилизовалась, просвѣтилась, учредила-бы хорошо организованную армію и офицеровъ для ея обученія. Онъ хочетъ устранить вліяніе Россіи на Порту и уничтожить, навсегда, эти постыдные трактаты, поставлявшіе Турцію подъ опеку (sous la tu-

telle) Россіи и Англіи. Онъ хочетъ, наконецъ, дать счастье и покой народамъ Турціи, и за все это требуетъ отъ Порты одной только дружбы, довѣрія и права служить ей противъ каждаго, кто осмѣлится напасть на нее. Само собою разумѣется, что Франція должна получить отъ Турціи свои прежнія преимущества передъ всѣми другими державами.

Коснувшись сербскаго вопроса, Себастіани высказалъ свои упреки Ипсилантію, обвиняя его въ покровительствѣ сербамъ.

— Вы препровождаете имъ вспоможенія изъ Россіи, которая мечтаетъ образовать изъ Сербіи особое княжество, чтобы управлять имъ, сообразно своимъ видамъ.

— Что-же я препроводилъ сербамъ?

— 17,000 рублей, изъ которыхъ 6,000 доставлены изъ Корфу и 11,000 чрезъ Валахію.

— Сколько, по вашему мнѣнію, потребовалось для этого ящиковъ?

— 600 или 700.

— Гдѣ-же можно было провезти весь этотъ транспортъ?

— Конечно, чрезъ Валахію.

— Взгляните на карту и вы увидите, что для доставки транспорта изъ Валахіи въ Сербію потребовалось-бы направить его вверхъ по Дунаю, гдѣ турки зорко слѣдятъ за всѣмъ, а въ Орсовѣ австрійцы останавливаютъ все и осматриваютъ малѣйшій пакетъ. Всѣ ваши предположенія произошли оттого, что въ Сербіи оказались ружья съ клеймомъ *Тула*, фабрикованныя въ Венгріи, за которыя сербы платятъ вдвое противъ ихъ стоимости.

— Какъ-бы то ни было, нужно торопиться. Сдѣлайте въ угоду Императору, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, докажетъ и вашу преданность Портѣ: убѣдите сербовъ просить прощенія, обѣщая имъ, что Франція гарантируетъ имъ

безопасность. Съ своей стороны, я уже сдѣлалъ все, что отъ меня зависитъ, но Порта и слышать не хочетъ о примиреніи съ Сербіей.

— Что-же, она очень хорошо поступала. не вступая въ соглашеніе съ бунтовщиками. Франція знаетъ по себѣ, прочны-ли были ея соглашенія съ вандейцами.

— Внушите сербамъ, что я готовъ поддерживать ихъ интересы, и если они не хотятъ быть удручены (accablés) могуществомъ Франціи, то должны, безъ всякихъ колебаній, покориться.

— Я готовъ сообщить все это сербамъ, если Порта меня на то уполномочитъ.

— Хорошо, но если и затѣмъ сербы не откажутся шлифовать (à polir) свое оружіе, то вы должны начать съ ними войну.

— Но у Валахіи нѣтъ арміи. У ней есть лишь малое войско для собственной защиты.

— Отчего-же у васъ нѣтъ арміи? Нужно, чтобы Валахія имѣла 20,000 хорошаго войска и столько-же Молдавія. Это необходимо, потому что Императоръ желаетъ, чтобы оба княжества служили барьеромъ между Россіей и Австріей.

На слѣдующій день Себастіани упрекалъ Россію въ поднятіи черногорцевъ противъ французовъ.

— Но вы увидите, прибавилъ онъ, чѣмъ это кончится. Императоръ поклялся истребить этотъ народъ, и покажетъ на немъ страшный примѣръ. Сербовъ ожидаетъ та же участь, если они, немедленно, не покорятся. Все остальное не посмѣетъ поднять голову. Мы имѣемъ уже значительную армію въ Далмаціи; она вступитъ въ Сербію, если это окажется нужнымъ. Планы Россіи намъ извѣстны. Она хочетъ поставить Дунай границею и овладѣть обоими княжествами. Она дѣлала уже подобныя предложенія Франціи, которая отклонила ихъ.

Во время мира въ Пресбургѣ, Австрія также просила дать ей Молдавію и Валахію въ вознагражденіе за потери; но Императоръ Наполеонъ отвѣтилъ, что онъ не допуститъ ни малѣйшаго посягательства на цѣлость Оттоманской Имперіи. Если Порта бросится въ объятія Франціи, то не только уцѣлѣетъ, но можетъ еще возродиться.

— Но если Россія соединится съ Англіей, какимъ образомъ вы окажете помощь Турціи?

— Наши арміи изъ Италіи и Германіи поспѣшатъ ей на помощь, и можете быть увѣрены, что поспѣютъ скорѣе, чѣмъ русскіе сдвинутся съ мѣста (se fussent ébranlés).

Въ Рущукѣ Себастіани видѣлся также съ рущукскимъ пашею Терсеникли-оглу, увѣрялъ его въ дружбѣ Наполеона къ нему и просилъ взаимнаго дружества. Дѣйствуя подкупами, Себастіани пріобрѣлъ въ Константинополѣ положительное вліяніе на всѣхъ министровъ Порты, и уничтожалъ всѣ попытки Россіи не доводить съ Турціей дѣло до разрыва.

Италинскій жаловался, что всѣ его представленія въ диванъ остаются безъ всякихъ послѣдствій, никто ни обращаетъ на нихъ вниманія. Напрасно онъ совѣтовалъ не довѣрять Франціи и вѣрить Россіи. Ореолъ боевого счастія Наполеона ослѣплялъ своимъ блескомъ подкупленныхъ министровъ.

Въ Константинополѣ, только Арбутнотъ, посолъ союзной съ нами Англіи, употреблялъ дѣятельныя усилія поддержать Италинскаго, но и эти усилія были безплодны.

Во всякомъ случаѣ, цѣня ихъ по достоинству, баронъ Будбергъ благодарилъ Арбутнота, въ слѣдующихъ выраженіяхъ [1]: „Г. Италинскій, донося о своихъ сношеніяхъ съ Портою, не преминулъ заявить Императорскому министерству о томъ содѣйствіи, которое В. Пр.

[1]) B. Boudberg à M. Arbouthnot. Гл. Арх. М. И. Д.

оказывали ему во всѣхъ случаяхъ его сношеній съ турецкими министрами. Хотя иного нельзя было и ожидать отъ министра дружественной съ нами державы, тѣмъ не менѣе, Императоръ вполнѣ цѣнитъ старанія и способности ваши, съ которыми вы стремились достигнуть желаемыхъ г. Италинскимъ результатовъ".

Не смотря на поддержку Арбутнота, Италинскій не могъ воспротивиться смѣщенію господарей Молдавіи и Валахіи, которые, въ силу трактата 1791 г., избирались на семь лѣтъ и не могли быть смѣняемы иначе, какъ по суду, на которомъ Россія должна имѣть своего представителя. По настоянію Себастіани, султанъ смѣнилъ господарей Мурузи и Ипсилантія, назначивъ на ихъ мѣсто своихъ клевретовъ, князей Суццо и Каллимаки.

По этому поводу баронъ Будбергъ писалъ Италинскому отъ 26 августа 1806 г.: „Такъ какъ ничто не могло разсѣять непонятнаго ослѣпленія турецкаго правительства относительно Франціи, то Императоръ Александръ, побуждаемый славою и безопасностію Имперіи, долженъ положить конецъ той умѣренности, которую Турція не умѣла цѣнить и которая привела лишь къ результатамъ, противнымъ намѣреніямъ Россіи. Но Императоръ еще разъ, и уже послѣдній, приказываетъ подать ноту султану, выставляя, со всею суровостію: недостойное поведеніе нынѣшнихъ министровъ Порты и, сверхъ того, что интриганы, прежде сосланные, вновь призваны къ власти; Паши дунайскіе нарушаютъ привилегіи Молдавіи и Валахіи; непростительную небрежность, съ которою Порта не наказываетъ виновныхъ въ разныхъ преступленіяхъ, и недостаточность мѣръ, которыя она иногда принимаетъ; беззаконныя препятствія, которыя Порта дѣлаетъ нашей торговлѣ; насилія, постоянно повторяющіяся и никогда не исправимыя, всѣхъ турецкихъ агентовъ относительно подданныхъ Его Величества; злоупотребленія на турецкихъ таможняхъ; пререканія от-

носительно значенія весьма ясныхъ и точныхъ пунктовъ заключенныхъ съ Портою трактатовъ; неисполненіе трактата 1800 года, относительно республики 7 острововъ, Албаніи и бывшихъ венеціянскихъ владѣній; неудовлетвореніе безпрерывныхъ жалобъ на Али-пашу янинскаго и пристрастіе, которое обнаруживаютъ къ нему турецкіе министры; упрямство Али-паши въ отказѣ очистить Бучинтро; оставленіе Шермей-бея въ званіи начальника эскадры въ Корфу, на томъ лишь основаніи. что этого хочетъ Али-паша, и несмотря на протестъ Италинскаго". Затѣмъ слѣдовало, особенно, указать на сдѣланное Портою ухищреніе отстранить (d'éluder) право русскихъ кораблей и войскъ проходить черезъ Босфоръ и Дарданеллы, тогда какъ право это предоставлено Россіи союзнымъ договоромъ съ Портою, Потребовать возстановленія обоихъ господарей. указавъ при томъ, что никакія возраженія, а лишь самое дѣло могутъ еще удовлетворить Императора. Въ случаѣ отказа Порты или ея обычныхъ уклоненій, Италинскій имѣлъ приказаніе потребовать паспорты, оставивъ въ Константинополѣ одного повѣреннаго въ дѣлахъ [1]).

Вопросъ былъ поставленъ рѣзко, и нужно было ожидать, что Турція или уступитъ, или начнетъ войну. Турція не хотѣла войны. Но Себастіани говорилъ, что Турція, состоя въ дружбѣ съ Россіей, этимъ самимъ докажетъ свою враждебность Франціи; что находясь въ войнѣ съ Россіей, Наполеонъ будетъ имѣть право ввести свою армію въ предѣлы Турціи, чтобы оттуда вступить въ Бессарабію. Поэтому, Турціи остается выбирать или войну съ геніальнымъ Наполеономъ, не знающимъ неудачъ, или войну съ Россіею. только что потерпѣвшею разгромъ при Аустерлицѣ.

Султанъ рѣшился скорѣе воевать противъ Россіи, чѣмъ подвергнуться ударамъ Франціи.

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Boudberg à M. Italinsky, 26 d'août 1806.

Неизбѣжность войны, предстоявшей съ Наполеономъ, и обѣщанная помощь Пруссіи не дозволяли Императору Александру употребить большія силы для войны съ Турціей. Тѣмъ не менѣе, война эта становилась необходимою и Турція не была къ ней готова. Поэтому, не начиная войны съ Портой, въ надеждѣ, что, быть можетъ, при содѣйствіи Англіи, дѣло уладится, нужно было не терять времени, чтобы воспользоваться иниціативою дѣйствія и важностію занятія дунайскихъ княжествъ, богатыхъ средствами продовольствія. Княжества эти были не заняты турецкими войсками, и нельзя было дозволить туркамъ упредить насъ ихъ занятіемъ. Поэтому часть русскихъ войскъ, еще въ концѣ 1805 года, была расположена на южныхъ границахъ по Днѣстру, чтобы, въ случаѣ надобности, могла быстро перейти границу и вступить въ княжества.

Войсками этими, временно, командовалъ генералъ отъ кавалеріи Тормасовъ, передавшій начальство надъ ними генералу отъ кавалеріи Михельсону, назначенному, Высочайшимъ указомъ отъ 13-го февраля 1806 года, главнокомандующимъ днѣстровскою арміею.

Турція имѣла свѣдѣнія о приготовленіяхъ Россіи къ войнѣ и о приближеніи ея войскъ къ пограничной чертѣ. Свѣдѣнія эти безпокоили диванъ и заставили его сдѣлаться уступчивѣе, такъ какъ Порта не имѣла возможности встрѣтить силу силою.

Дѣйствительно, Турція не имѣла никакихъ денежныхъ средствъ. Содержать достаточно сильную армію— не было возможности. Войска, бывшія на службѣ, не получая жалованья, были крайне распущены и ненадежны. Они охотно переходили на сторону мятежныхъ пашей, отказавшихся признавать власть султана, грабившихъ цѣлыя провинціи, составившихъ себѣ громадныя состоянія, содержавшихъ на свой счетъ большія арміи, хорошо оплачиваемыя награбленными средствами,

и, не рѣдко, разбивавшихъ высланныя противъ нихъ султанскія войска.

Къ числу такихъ мятежныхъ пашей принадлежалъ Пассеванъ-оглу, сераскиръ виддинскій. Этотъ свирѣпый грабитель, пятнадцать лѣтъ къ ряду, опустошалъ, съ набранными имъ грабителями, Валахію. Валахскій господарь, Суццо, просилъ защиты у Порты. Пассеванъ раззорилъ весь банатъ краіовскій. Жители его бросили свои жилища и перебрались въ Трансильванію. Самъ господарь Суццо бѣжалъ въ австрійскія владѣнія. На предписанія султана Селима, виддинскій паша отвѣчалъ наглой насмѣшкой. Султанъ рѣшился наказать мятежника, и выслалъ въ 1803 г. къ Виддину 100,000 армію, ввѣривъ ее своему любимцу Гуссейну-пашѣ. Пассеванъ заперся въ крѣпости и встрѣтилъ султанскія войска выстрѣлами. Началась осада Виддина, веденная съ сухого пути и со стороны Дуная. Войска Пассевана и онъ самъ, сознавая, что, въ случаѣ пораженія, имъ пощады не будетъ, дрались отчаянно, такъ что Гуссейнъ-паша, не расчитывавшій на такое упорное сопротивленіе и не запасшійся продовольствіемъ, долженъ былъ снять осаду и постыдно отступилъ предъ мятежниками. Видя невозможность силою усмирить Пассевана, султанъ рѣшился простить его, возвести въ званіе трехбунчужнаго паши, подъ именемъ Османа, требуя отъ него только правильной уплаты дани и предоставивъ ему полное право грабить Валахію, которой не оставалось ничего болѣе, какъ умолять Россію о заступничествѣ.

Въ особенности страдали отъ Пассевана-паши лица, вина которыхъ состояла въ томъ, что они были богаты.

Князь Ипсилантій, въ письмѣ къ барону Будбергу, отъ 4-го марта 1806 г., такъ описываетъ положеніе дѣлъ въ Валахіи:

„Князь, глава христіанскаго населенія въ Краинѣ, близь Виддина и Неготина, боясь поступковъ Пассева-

на-оглы и опасаясь за свою жизнь, бѣжалъ въ Сербію. Пассеванъ тотчасъ послалъ отнять всѣ его владѣнія и имущество его родственниковъ, которыхъ пыталъ, требуя денегъ. Къ несчастію, князь имѣлъ родственницу, за мужемъ за небогатымъ валахскимъ бояромъ, близь Краіова. Пассеванъ послалъ туда отрядъ, требуя 2,000 мѣшковъ денегъ, будто бы пересланныхъ ей бѣжавшимъ княземъ, и угрожалъ собрать эту сумму съ Валахіи. Это произвело въ Валахіи ужасъ, такъ что жители пяти округовъ разбѣжались. Дѣйствительно, страхъ уже достигъ высшей степени и бѣгство можетъ сдѣлаться общимъ; я вручилъ судьбу свою въ ваши руки, и, въ ожиданіи вашего рѣшенія, нахожусь въ ужасномъ положеніи".

Для характеристики Пассевана-паши, приведемъ еще донесеніе нашего консула въ Турціи, Фацарди, князю Чарторыйскому [1]): „Пассеванъ-паша покровительствовалъ архіерею видинскому, Калиннико, противъ котораго вопіяла вся паства; дѣло доходило до того, что даже визирь писалъ Пассевану о необходимости назначить другого. Только за взятку 200 пунговъ денегъ, Пассеванъ согласился смѣстить Калиннико. Пріѣхавъ въ Виддинъ и не имѣя денегъ, вновь назначенный архіерей заложилъ свою митру, но не могъ выручить всей суммы; за это ему отрубили голову, а тѣло брошено въ Дунай". На замѣчаніе Фацарди, что за это султанъ не похвалитъ, секретарь паши сказалъ: „Не только за одного попа сердиться не будетъ; но если бы мой паша вздумалъ предать смерти самого валахскаго господаря, то и тогда ничего бы не было".

Пассеванъ не держалъ въ Виддинѣ болѣе 1,500 ч., но всѣ жители города были въ его полномъ распоряженіи. Сверхъ того, всѣ окрестныя деревни были заняты

[1]) Гл. Арх. М. И. Д.—Дѣло, 1—9. Годъ 1804—13. № 6.

субашіями, составлявшими многочисленное войско, являвшееся по первому требованію паши.

Другимъ сильнымъ мятежникомъ является измаильскій паша Пегливанъ. Нѣкоторые говорятъ [1]), что измаильскій Пеглеванъ-паша былъ родомъ полякъ, ушедшій юношей изъ родины и поселившійся въ Румеліи. Отличаясь храбростію и поразительною силою, онъ обратилъ на себя вниманіе паши и даже султана, что и послужило къ его карьерѣ. Его прозвали peylevan, т. е. по-турецки *борецъ*. Онъ по-товарищески обходился съ своими войсками, за что былъ прозванъ тоже baba (отецъ). Его же называли также „Кавадау" (храбрецъ). Родофиникинъ, имѣвшій случай видѣться съ Пегливаномъ-пашей, говоритъ о немъ какъ о человѣкѣ, не умѣющемъ читать и писать, весьма красивомъ, лѣтъ 45, необыкновенно храбромъ и остроумномъ, отличающемся крайнею независимостью и потому не признающемъ надъ собою ничьей власти и очень всѣми любимомъ. Не удивительно, что съ такою энергическою личностію султанъ не могъ сладить, и долженъ былъ и его возвести въ званіе трехбунчужнаго паши съ тѣмъ, чтобы онъ не забывалъ только давать часть награбленнаго. Вообще, по описанію Фацарди, разбои пашей виддинскаго—Пасвана, рущукскаго — Терсаникли - оглу и силистрійскаго—Игеликъ-оглу, довели до того, что купцы и курьеры иностранные не рѣшались сухопутно проѣзжать чрезъ Валахію, а изъ Константинополя моремъ отправлялись въ Варну. Валахія была обложена денежными поборами и давала провіантъ на содержаніе войскъ пашей. Мало того, напр., рущукскій паша потребовалъ сперва права пасти свои стада на поляхъ валахскихъ; затѣмъ, для помѣщенія пастуховъ—строить дома, а потомъ и цѣлые хутора подъ Журжею, отнимая землю у жителей, и по-

---

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Донесенія Фацарди.

селяя на ней собранныхъ имъ болгаръ и другихъ выходцевъ.

Всѣхъ свирѣпѣе дѣйствовалъ Али-паша янинскій. Современникъ французъ, оставившій жизнеописаніе этого изверга, котораго онъ имѣлъ возможность наблюдать лично [1]), приводитъ множество фактовъ, характиризующихъ хищную жестокость, гнусное коварство, безпредѣльную алчность этого чудовища, буквально разорившаго всю Албанію, съ которымъ также не могъ сладить султанъ. Въ виду несмѣтныхъ богатствъ, награбленныхъ Али-пашею, даже Наполеонъ вступалъ съ нимъ въ сношенія, чтобы побудить его дѣйствовать противъ Россіи, на случай войны ея съ Турціей.

Кромѣ этихъ трехъ главныхъ, были и другіе, какъ мачинскій Аянъ-паша, Еликли-оглу и Тагиръ-бей аккерманскій, не признававшіе власти султана. Только Мустафа-Байрактаръ, силистрійскій сардарь, сдѣлавшійся потомъ сардаремъ рущукскимъ, и браиловскій Назиръ-Ахметъ-паша были наиболѣе преданными султану людьми. Мустафа-Байрактаръ не былъ сторонникомъ Наполеона, но убѣждалъ султана объявить Россіи войну, обѣщая отразить русскихъ одними своими рущукскими войсками. За эту готовность султанъ отдалъ ему всѣ богатства Терсеникли-оглу, прежде бывшаго пашею въ Рущукѣ и убитаго янычарами. Назыръ-Ахметъ также былъ, за войну и въ награду за его преданность, сдѣланъ верховнымъ визиремъ.

Впрочемъ, не только въ Валахіи, но вездѣ въ предѣлахъ Турціи господствовалъ страшный произволъ и злоупотребленія власти, жертвою которыхъ были греки, валахи, сербы и вообще христіане.

Вотъ образчикъ отправленія турецкаго правосудія, о которомъ доноситъ Бони, нашъ консулъ на остр. Хіо [2]).

---

[1]) Жизнь Али-паши янинскаго.

[2]) Гл. Арх. М. И. Д. Дѣло, 1—9. 1801—1808. № 7.

На островѣ Хіо жили двѣ богатыя турецкія сироты. Хіосскіе турки, пользуясь ихъ безпомощностію, отняли у нихъ имущество. Сироты нашли сочувствіе въ грекахъ и особенно въ одномъ монахѣ, мѣстнаго, богатаго монастыря, которому принадлежала $^1/_3$ всего острова. Монаховъ было 400 чел. Турчанки, тайно, приняли крещеніе. Намѣреваясь жаловаться за ограбленіе, онѣ, въ сопровожденіи монаха, уѣхали въ Константинополь на русскомъ суднѣ, занесенномъ бурею къ острову. Узнавъ отъ прислуги бѣжавшихъ о случившемся, турки арестовали всѣхъ причастныхъ къ побѣгу лицъ; турецкія войска напали на монастырь и ограбили его, засадивъ нѣсколькихъ изъ главныхъ монаховъ въ тюрьму, и послали гонца, требуя возврата бѣглянокъ. Прибывъ въ Константинополь, онѣ были препровождены къ русскому полномочному, который передалъ ихъ турецкимъ властямъ. Подвергнувъ одну изъ сестеръ пыткѣ, заставили ее сознаться въ крещеніи и назвать всѣхъ тому способствовавшихъ. Тогда всѣхъ ихъ пытали и отправили въ Хіо 600 чел. для ограбленія и уничтоженія монастыря. Только выкупъ въ 500,000 піастровъ прекратилъ это дѣло.

Однако, справедливость слѣдуетъ сказать, что не всегда одни христіане терпѣли отъ злоупотребленій турецкихъ администраторовъ. Бони доноситъ, что турки требовали по 5% со всѣхъ товаровъ, провозимыхъ внутрь Порты, ссылаясь на какіе-то небывалые фирманы. Но мѣстный ага (правитель острова Хіо), за особую плату, выдавалъ удостовѣренія, по которымъ можно было обойтись и безъ таможенной пошлины. Жители, говоритъ Бони, до того угнетены, что греки изъявляли желаніе отдать половину имущества за право покоя и возлагали свои упованія лишь на заступничество русскаго „сѣвернаго свѣтила“. Было уже сказано, что никакія заявленія посла въ Константинополѣ не приводили ни къ чему

и всѣ его протесты оставались безъ послѣдствій. Турція вѣрила въ помощь Франціи и геній ея Императора и не боялась ни Россіи, ни Англіи, тѣмъ болѣе, что, какъ увѣдомлялъ кн. Ипсилантій барона Будберга, отъ 18 марта 1806 года: „я узналъ изъ вѣрнаго источника, что Бонапарте твердо рѣшился послать будущею весною 100,000 армію въ Польшу для возстановленія ея престола и взволнованія Россіи, и имѣетъ въ виду возстановить смѣненныхъ (по требованію Россіи) Суццо и Каллимаки“.

Слова, сказанныя Себастіани при свиданіи съ кн. Ипсилантіемъ, о намѣреніи Наполеона ввести французскую армію изъ Далмаціи въ предѣлы Турціи для движенія на Днѣстръ, также, повидимому, подтверждались, что еще болѣе усиливало надежды Порты.

Италинскій не видѣлъ уже другой возможности для приданія силы слову русскаго посла, какъ занять нашею арміею Дунайскія княжества.

Михельсонъ, съ своей стороны, находилъ необходимымъ безотлагательно вступленіе русскихъ войскъ въ княжества, объясняя, въ донесеніи Императору отъ 13 августа 1806 г., эту необходимость тѣмъ, что „народы задунайскіе и самые сербы, преданные понынѣ намъ, въ такомъ положеніи находятся, что кто ближе, скорѣе имъ можетъ руку подать, на той сторонѣ они и будутъ“.

Затѣмъ, Михельсонъ высказываетъ ту же мысль и въ донесеніи отъ 13 сентября, прося дозволенія перейти Днѣстръ.

„Каково бы расположеніе Порты къ намъ ни было, говоритъ онъ потомъ, въ донесеніи отъ 19 октября, занятіе Молдавіи и Валахіи намъ есть необходимо“; и на другой день, 20 октября: „Пассеванъ-оглу торопится собрать силы и дѣлаетъ невѣроятные поборы въ Валахіи. Французскіе офицеры разъѣзжаютъ по турецкимъ крѣпостямъ и осматриваютъ ихъ. Занятіе нами Молдавіи и Валахіи есть

дѣло необходимое. Суццо призываетъ въ Бухарестъ 3,000 турокъ". Но петербургскій кабинетъ все еще не рѣшался сдѣлать шагъ, который могъ бы быть принятъ прямо за объявленіе войны Турціи. Ожидали отвѣта отъ Италинскаго на поданную имъ, согласно съ депешею отъ 26 августа, ноту. Но прошелъ весь сентябрь, а отвѣта не получалось, чего нельзя было объяснить запозданіемъ курьера. Послѣдняя депеша Италинскаго была отъ 11 (23) августа, въ которой онъ писалъ только, что Талейранъ сообщилъ въ Константинополь подробности о трактатѣ, заключенномъ въ Парижѣ между Россіей и Турціей, по которому Франція установила (stipulée) цѣлость владѣній (l' intégrité) и независимость Порты [1]).

Это извѣстіе еще болѣе утвердило турецкихъ министровъ въ мысли, что имъ не страшна Россія и что нѣтъ никакой надобности удовлетворять ея требованія, высказанныя въ нотѣ Италинскаго.

Но если султанъ и былъ склоненъ къ войнѣ, то время начать ее еще не наступило. Генералъ Себастіани только хвастался побѣдами Наполеона, а не о какой дѣйствительной помощи не упоминалъ, ограничиваясь лишь приглашеніемъ въ Константинополь нѣсколькихъ французскихъ офицеровъ, для обученія турокъ военному дѣлу и укрѣпленія Дарданеллъ. Довѣрять французамъ вполнѣ было опасно, такъ какъ французскія войска давно уже занимали Далмацію, откуда легко могли быть двинуты въ предѣлы Турціи, какъ только Наполеонъ покончитъ свои счеты съ Пруссіей и Россіей. Союзникъ на словахъ, могъ стать противникомъ на дѣлѣ, тогда какъ, не говоря уже о внутреннемъ, затруднительномъ положеніи Порты, безсильной противъ своихъ же пашей, цѣлыя христіанскія провинціи, какъ Сербія и Дунайскія княжества, готовились къ возстанію.

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Dépêche de M. Italinsky, du 11 (22) d'aout 1806.

Правитель Сербіи, князь Черный Георгій, человѣкъ мужественный и рѣшительный, въ надеждѣ на помощь Россіи, объявилъ себя независимымъ.

Прежде чѣмъ начать войну съ Россіей, предстояло, сперва, сломить Сербію.

Поэтому въ Константинополѣ не доводили еще дѣла до окончательнаго разрыва. Сообразно съ ходомъ переговоровъ между Россіей и Турціей, принимались, по арміи Михельсона, мѣры къ подготовкѣ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, когда того потребуютъ обстоятельства и военныя приготовленія Турціи.

Италинскій доносилъ, что — „хотя Порта дѣлаетъ сильныя увѣренія въ желаніи сохранить дружественный союзъ съ Россіей; но что такая перемѣна ея происходитъ, единственно, отъ дошедшихъ сюда слуховъ о важныхъ, съ нашей стороны, приготовленіяхъ. Порта, внутренно, худо расположена къ намъ; но не чувствуя себя въ силахъ явно обнаружить образъ своихъ мыслей, вѣроятно, ожидаетъ времени, когда Бонапарте соберетъ значительныя силы въ Далмаціи, и тогда соединится съ Франціей“ [1]). Въ томъ-же смыслѣ увѣдомлялъ нашъ агентъ въ Бухарестѣ, Бей-Новокрещенцевъ: „По всему видно, что турки уважаютъ насъ оттого только, что еще насъ боятся, а Боже храни чего, тогда турки, несмотря ни на какіе трактаты, возстанутъ“.

Съ своей стороны, Михельсонъ писалъ кн. Чарторыйскому, отъ 15 іюня:

„Султанъ далъ фирманъ Мурузи и Ипсилантію, заготовить провіантъ для 70,000 арміи, слѣдуемой въ Рущукъ; а генералъ-лейтенантъ Эссенъ I, бывшій каменецъ-подольскимъ генералъ-губернаторомъ, увѣдомилъ Михельсона еще отъ 13 февраля 1806 года, что, по дошедшимъ до него слухамъ, хотинскій паша получилъ отъ дивана приказаніе приступить къ укрѣпленію Хо-

[1]) Дѣло Воен. Учен. Арх., № 1346.

тина“. Чтобы лучше разузнать объ этомъ дѣлѣ, Эссенъ отправилъ въ Хотинъ надворнаго совѣтника Микоша, подъ предлогомъ изъявленія пашѣ своихъ дружескихъ чувствъ и съ увѣдомленіемъ о полученномъ имъ назначеніи подольскимъ генералъ-губернаторомъ. Микошъ увѣдомилъ, что, дѣйствительно, полученъ фирманъ объ укрѣпленіи Хотина, Бендеръ и Измаила, и о пополненіи этихъ крѣпостей фуражемъ, провіантомъ и оружіемъ. На вопросъ о причинахъ такой мѣры, хотинскій паша отвѣчалъ, что это дѣлается, единственно, въ видахъ предосторожности противъ французовъ, идущихъ черезъ Далмацію, для подкрѣпленія сербовъ, и что Турція, въ случаѣ нападенія на нее французовъ, расчитываетъ на помощь Россіи.

Мѣсяцъ спустя, Эссенъ доносилъ отъ 14 марта, что русскій генеральный консулъ въ Константинополѣ увѣдомилъ его, что значительныя турецкія войска перевезены изъ Скутари въ столицу, и что до 40,000 этихъ войскъ выступили въ походъ, будто-бы, противъ сербовъ, но въ дѣйствительности, они направлены къ Дунаю, для дѣйствія противъ русскихъ; что комендантъ Измаила, Бекеръ-паша, получилъ проказаніе отправить 20,000 челов. въ Хотинъ, гдѣ эти войска, дѣйствительно, ожидаются; съ Молдавіи-же требуется снабдить ихъ достаточнымъ количествомъ продовольствія. Сверхъ того, въ Хотинѣ строится 60 новыхъ лафетовъ и ожидается прибытіе для нихъ 60 орудій, собранныхъ въ Молдавіи и отправляемыхъ изъ Константинополя моремъ къ устьямъ Дуная, для дальнѣйшаго потомъ ихъ доставленія въ Хотинъ по Серету. Несмотря на всѣ эти мѣры, принятыя Турціей въ видахъ войны, султанъ, чтобы увѣрить русскаго Императора въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ, написалъ ему дружественное письмо.

Вслѣдствіе сообщеній Италинскаго, генералъ Михельсонъ сдѣлалъ секретное предписаніе русскимъ погра-

ничнымъ начальникамъ не проявлять никакой враждебности относительно турокъ, при чемъ писалъ начальнику 13 пѣхотной дивизіи, Дюку-де-Ришилье, отъ 27 апрѣля 1806 г.: „Ваше сіятельство усмотрите, какія вѣсти дошли до турецкаго правительства, въ разсужденіи воинскихъ движеній нашихъ, кои причинили нѣкоторое безпокойство правительству тому, вопреки мирнымъ отзывамъ Его Императорскаго Величества, нашаго Всемилостивѣйшаго государя, и принятой системѣ союза съ Портою.

„Сіе дѣлаетъ нужнымъ употребленіе таковыхъ мѣръ въ поведеніи съ пограничнымъ турецкимъ начальствомъ, кои не токмо отъяли-бы отъ нихъ всякое на счетъ нашъ сомнѣніе, но и паче, удостовѣрили-бы ихъ въ нашей полной дружбѣ къ нимъ, и что самыя вооруженія наши не могутъ имѣть иной цѣли, кромѣ поддержанія сей же самой дружбы отраженіемъ, въ случаѣ нужды, непріятеля общаго. Недовѣрчивость же обѣимъ сторонамъ дѣлаетъ лишнее безпокойство и вредъ“ [1]).

II.

Общій составъ арміи Михельсона; раздѣленіе ея на корпуса и дивизіи; расположеніе къ 13-му февраля 1806 г. и численный составъ. — Важность скорѣйшаго вступленія арміи Михельсона въ Дунайскія княжества.—Планъ перехода черезъ Днѣстръ и дѣйствій въ княжествахъ.—Уменьшеніе численности арміи Михельсона.

Михельсонъ принялъ мѣры, чтобы, въ случаѣ надобности, ввѣренная ему Днѣстровская или, вѣрнѣе, Молдавская армія была въ полной готовности выступить въ походъ. Армія эта состояла изъ пяти дивизій: 8, 9, 10, 11 и 12. При каждой дивизіи имѣлась одна бригада кавалеріи, которую составляли три полка. Два изъ нихъ имѣли по 5 эскадроновъ, и одинъ, легкій—10 эскадроновъ.

---

[1]) Дѣло Воен. Учен. Арх., № 1366. Прилож. 2.

Пѣхоты въ дивизіи было по шести полковъ, каждый изъ 1 гренадерскаго и 2 мушкетерскихъ баталіоновъ. Сверхъ того въ составъ дивизіи входили: егерскій полкъ, также трехъ баталіоннаго состава, 1 рота батарейной и 2 легкой артиллеріи. Послѣднія распредѣлялись по пѣхотнымъ баталіонамъ. Затѣмъ къ дивизіи придавались: 1 рота конной артиллеріи, 1 рота піонеръ и 2 казачьихъ полка. Всѣ артиллерійскія роты имѣли по 21 орудій.

Двѣ дивизіи составляли корпусъ, къ составу котораго придавалась еще 1 понтонная рота. 8 и 9 дивизіи составляли первый корпусъ; 10 и 11—второй, 12 дивизія находилась въ отдѣльной командѣ генералъ-лейтенанта Дюка-де-Ришелье, назначеннаго херсонскимъ военнымъ губернаторомъ. 12 дивизія имѣла особый составъ. Въ ней было 4 кавалерійскихъ и 2 егерскихъ полка; но при ней не имѣлось ни батарейной, ни какой другой артиллеріи, ни казаковъ.

Дивизіями командовали генералъ-лейтенанты: 8-ю Эссенъ, 9-ю баронъ Меллеръ-Закомельскій, 10-ю Милорадовичъ и 11-ю князь Голицынъ.

Первымъ корпусомъ командовалъ генералъ отъ кавалеріи Бенигсенъ, вторымъ—генералъ отъ кавалеріи Мейндорфъ. Армія Михельсона была, съ 13-го февраля 1806 года, расположена въ губерніяхъ: Подольской, Волынской, Кіевской, Полтавской, Черниговской и Херсонской. Главная квартира находилась въ Брацлавѣ, 1-го корпуса въ Хмѣльникѣ, 2-го въ Умани, 8-й дивизіи въ Каменецъ-Подольскѣ, 9-й въ Кіевѣ, 10-й въ Тульчинѣ, 11-й въ Кременчугѣ и 12-й въ Херсонѣ. Восемь казачьихъ полковъ занимали пограничную цѣпь, отъ Радзивилова до устья Днѣстра.

Прибывъ къ арміи, 13 февраля 1806 г., Михельсонъ перенесъ главную квартиру изъ Брацлава въ Тульчинъ, и переименовалъ всѣ дивизіи на одинъ номеръ выше,

такъ что вмѣсто номеровъ съ 8 по 12 они получили номера съ 9 по 13. Вскорѣ вмѣсто генерала Бенигсена, отправившагося, 22 сентября, къ западной арміи, дѣйствовавшей противъ Наполеона, командованіе первымъ корпусомъ было поручено генералъ-лейтенанту Эссену, который передалъ командованіе своей дивизіи генералъ-лейтенанту князю Волконскому. Численность арміи Михельсона, къ 13 февраля 1806 года, состояла изъ 90 баталіоновъ пѣхоты, въ числѣ которыхъ было 15 гренадерскихъ и 18 егерскихъ баталіоновъ [1]). Регулярной кавалеріи насчитывалось 100 эскадроновъ, казаковъ 8 полковъ и 286 орудій. Считая мелкія команды, бывшія въ составѣ арміи, силу ея можно опредѣлить до 60,000 челов. подъ ружьемъ.

Хотя номинальный составъ арміи долженъ-бы превосходить указанную численность, такъ какъ въ одной дивизіи Милорадовича, въ октябрѣ мѣсяцѣ, показывалось 2,850 челов. кавалеріи и 12,473 челов. пѣхоты; но такого состава не имѣла ни одна изъ пяти дивизій, да и у Милорадовича, едва-ли, состояло столько подъ ружьемъ. Было много больныхъ; въ войскахъ открывались побѣги, которые усиливались по мѣрѣ приближенія арміи къ турецкимъ границамъ, гдѣ бѣглецы могли легко укрываться. Рекрутскія же команды разбѣгались почти на половину, такъ что главнокомандующій доносилъ отъ 6 сентября—„что рекруты здѣшняго края слабы здоровьемъ и не способны къ службѣ; особенно-же господствуетъ въ нихъ закоренѣлая страсть къ побѣгамъ, такъ что никакія мѣры удержать ихъ не могутъ“. Поэтому Михельсонъ просилъ не назначать ему рекрутъ изъ того раіона, который занимала армія, такъ какъ—„они мѣстные жители, знаютъ всѣ способы пройти и укрыться“.

1) Приложеніе № 3.

13 сентября Михельсонъ получилъ указъ быть готовымъ двинуться къ Днѣстру, черезъ 24 часа по полученіи приказанія. Такая готовность арміи къ выступленію объяснялась увѣренностію, что если Турція и выражаетъ желаніе сохранить миръ, то это только для того, чтобы выграть время, такъ какъ она не готова къ войнѣ. А между тѣмъ, преданные русскому дѣлу, надежные люди, прибывшіе изъ Румыніи, сообщили свѣдѣнія, что турецкія крѣпости: Хотинъ, Бендеры и Аккерманъ имѣютъ лишь весьма слабые гарнизоны, и что ежели, не позже конца сентября, русскіе вступятъ въ княжества, то найдутъ въ нихъ большіе запасы кукурузы, пшеницы, сѣна и ячменя, и могли-бы расчитывать на сочувствіе мѣстныхъ жителей. Въ противномъ случаѣ, собранные у Измаила 30,000 турокъ, прежде объявленія войны, займутъ и раззорятъ княжества, упредивъ въ нихъ русскихъ и воспользуются всѣми мѣстными средствами страны. Вообще, отовсюду получались свѣдѣнія, доказывавшія необходимость не терять времени для занятія княжествъ. Господарь Суццо, естественно, былъ враждебенъ Россіи, требовавшей его смѣны, и потому намѣревался ввести въ Валлахію 3,000 отрядъ турокъ, въ надеждѣ найти въ нихъ опору противъ русскихъ, въ случаѣ ихъ вступленія въ предѣлы княжествъ.

„Народъ здѣшній, доносилъ Родофиникинъ [1]), доколѣ не узнаетъ положительно, что россійскія войска уже блистаютъ въ предѣлахъ молдавскихъ, кидается во всѣ стороны, ищетъ и туркамъ, и французамъ угождать“.

Михельсонъ, какъ уже сказано, доносилъ, что занятіе Молдавіи и Валахіи необходимо. А Италинскій дополнилъ эту необходимость — что „для удержанія Порты требуется, непремѣнно, содержать ее въ страхѣ, пребываніемъ арміи нашей на границѣ и всегдашнею готовностію къ открытію военныхъ дѣй-

[1]) Русскій консулъ въ Яссахъ.

ствій". Но наиболѣе вѣскимъ доводомъ служили слова Михельсона: „статься можетъ, что теперь неготовый еще непріятель сдѣлается готовымъ; что, пользуясь временемъ, успѣетъ благомыслящихъ къ намъ ослабить и истребить, а противную партію усилить; поколебать твердость сербовъ и проложить путь французамъ—и тогда край, нынѣ простирающій руки къ скипетру В. И. В. безъ пролитія и капли крови, можетъ сдѣлаться опаснымъ. Замыслы французовъ на Валахію и Молдавію явственны; ихъ предпріимчивость и быстрота извѣстны. Порта, при лучшемъ расположеніи къ намъ, воспротивиться имъ не въ силахъ; итакъ, ежели мы не упредимъ ихъ до береговъ Дуная, то ручаться нельзя, чтобы они насъ не упредили, и тогда трудно будетъ бороться". Медлить долѣе значило потерять всѣ выгоды, какія можно было получить отъ занятія княжествъ, прежде чѣмъ турки вступятъ въ нихъ, возьмутъ всѣ запасы, или все предадутъ огню.

А между тѣмъ, въ княжествахъ представлялась возможность имѣть для нашихъ войскъ на 25,000 лошадей сѣна до весны; овса и ячменя—на пять мѣсяцевъ, по цѣнѣ за кило (720 рус. фунт.) по 6 піастровъ, а ячмень 8—10 піастровъ. Проса можно было имѣть, безъ всякаго труда, на 50,000 ч. Къ тому же, турки имѣли въ Галацѣ до 20,000 кило пшеницы, которая могла быть нагружена на суда, для отправки въ Константинополь, не ранѣе трехъ недѣль, такъ какъ наступившія бури на Черномъ морѣ не допускали возможности скорой перевозки.

Нужно было торопиться занять Галацъ, пока турки не успѣли увезти или уничтожить имѣвшихся тамъ запасовъ [1]).

Михельсонъ, излагая всѣ эти доводы, просилъ, какъ мы видѣли, разрѣшенія перейти Днѣстръ, по возможно-

---

[1]) В. Уч. Ар. Дѣло № 1345. Приложеніе № 8.

сти, скорѣе и занять дунайскія княжества, не дожидаясь объявленія войны, но выставивъ къ тому какой нибудь предлогъ.

Вопросъ о быстромъ занятіи княжествъ русскими войсками давно уже озабочивалъ и Императора Александра. Еще 27-го августа 1806 года, Михельсонъ получилъ Высочайшій рескриптъ, въ которомъ говорилось: „По нынѣшнему положенію сношеній нашихъ съ Портою Оттоманскою, легко прерваться могутъ существовавшія по нынѣ между обѣими имперіями дружба и доброе согласіе; хотя зависитъ еще отъ турецкаго правительства сохранить оныя, принятіемъ въ уваженіе справедливаго нашего требованія о возстановленіи паки господарей Мурузія и Ипсилантія; однако же, смотря по наклонности, каковую обнаруживаетъ Порта ко внушеніямъ французскимъ, скорѣе ожидать должно, что она отринетъ и послѣднее сіе средство, правотою и умѣренностію нашею ей предлагаемое. Для чего и нахожу нужнымъ предписать вамъ, что бы вы, коль скоро получите извѣстіе объ отъѣздѣ посланника Италинскаго изъ Константинополя, со всею ввѣренною вамъ арміею двинулись впередъ, такимъ образомъ, чтобы войска, составляющія первую линію оной, приближались, поколико возможно, къ Днѣстру и были бы въ совершенной готовности перейти черезъ сію границу по полученіи перваго повелѣнія, которое о томъ отъ насъ дано вамъ будетъ“ [1]).

Этотъ рескриптъ отправленъ къ Михельсону на другой день отъѣзда въ Константинополь курьера съ депешею Италинскому, отъ 26-го августа, которою требовалось возстановленіе господарей и удовлетвореніе по другимъ вопросамъ, отвѣта на которую ожидали въ Петербургѣ съ нетерпѣніемъ, такъ какъ, если Порта не согласится удовлетворить нашимъ требованіямъ, то война становилась неизбѣжной.

[1]) Дѣло Воен. Учен. Архива, № 1345.

Но французское вліяніе въ Константинополѣ было сильно. „Къ султану, писалъ французскій Бонапарте, соглашая его имѣть съ Россіею войну, увѣряя, если согласенъ будетъ на оное, то возьметъ Крымъ—и отданъ будетъ султану. Секретарь, говоря сіе, увѣрялъ меня, что султанъ на такое предложеніе согласенъ. Однако же сего не обнаруживаетъ, а имѣетъ переписку секретную какъ съ французами, такъ и съ пашами, и собираться всѣмъ войскамъ предписано въ Карсъ“ [1]).

Султанъ медлилъ отвѣтомъ Италинскому, отъ котораго, поэтому, не получалось никакихъ извѣстій. Вслѣдствіе чего, баронъ Будбергъ писалъ Италинскому, отъ 12-го октября 1806 года: „Государь Императоръ, не получая отвѣта съ курьеромъ Кулитовскимъ [2]), заключаетъ, что Порта не дала вамъ никакого отвѣта или же старается затянуть переговоры, чтобы выиграть время и приготовиться къ сопротивленію, совмѣстно съ общимъ врагомъ (Франціей)“. Но, желая еще дать Портѣ время образумиться,—„Его Вел. соизволилъ отложить до 15-го октября исполненіе своихъ намѣреній. Не получивъ и засимъ никакого извѣстія изъ Порты, генералу Михельсону повелѣно вступить въ Молдавію, и занять ее, не какъ враги, о чемъ злословіе не упуститъ случая заявить, но, единственно, съ цѣлью возстановить прежнія сношенія, какія столь долго существовали между обѣими имперіями, въ силу заключенныхъ трактатовъ, и предупредить пагубныя послѣдствія владычества Франціи, установившагося въ Константинополѣ и которое угрожаетъ Портѣ окончательнымъ порабощеніемъ (asservissement) и, наконецъ, чтобы парализовать намѣреніе, явно заявленное посланникомъ Себастіани, провести фран-

[1]) Письмо русскаго агента Аршагова, изъ Каракилиса, отъ 22-го сентября 1806 г.

[2]) Отправленнымъ изъ Петербурга съ депешею, отъ 26-го августа.

цузскія войска въ турецкія владѣнія, чтобы атаковать насъ со стороны Днѣстра“ [1]). Приказаніе Михельсону о переходѣ Днѣстра было отдано 16-го октября, а только 23-го числа прибылъ отъ Италинскаго курьеръ съ депешей, отъ 6-го (18-го октября), о возстановленіи Мурузи и Ипсилантія. Италинскій полагалъ, что теперь все дѣло уладилось и недоразумѣнія съ Портою покончены. Баронъ Будбергъ писалъ ему по этому поводу: „Не скрою отъ васъ, что Е. В. съ удивленіемъ и горечью узналъ изъ вашей депеши, что въ такую критическую минуту вы сочли достаточнымъ ограничиться лишь возстановленіемъ князей Молдавіи и Валахіи. Вамъ, конечно, было не безъизвѣстно, что главною цѣлью Императорскаго двора было — удостовѣриться, самымъ положительнымъ образомъ, относительно расположенія Порты; одной уступки, сдѣланной по принужденію, еще недостаточно и не даетъ намъ необходимыхъ гарантій“ [2]).

Въ частномъ письмѣ къ Италинскому отъ 12 ноября, Будбергъ говоритъ, что мы не могли дожидать осуществленія угрозъ Себастіани атаковать насъ на Днѣстрѣ, тогда какъ наша другая армія на Вислѣ подвергала бы свой тылъ и лѣвый флангъ нападенію французовъ отъ Днѣстра. „Если, по возстановленіи господарей, Бонапарте не сдѣлаетъ никакой насильственной выходки противъ Порты—будетъ ясно, что Себастіани самъ принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ, какъ мы и предполагали, и что, вслѣдъ затѣмъ, онъ употребитъ свое вліяніе на диванъ, чтобы побудить его объявить намъ войну, какъ только турки соберутъ свои силы и тогда, когда мы всего менѣе могли бы ожидать этого“.

Въ то же время, въ рескриптѣ Михельсону отъ 15 октября, Императоръ Александръ выражался такъ: „Не

---

[1]) Арх. М. И. Д. Boudberg à M. Italinsky, 1806.

[2]) Тамъ же.

смотря на причины болѣе, чѣмъ достаточныя, чтобы не воздерживаться болѣе относительно державы, отдавшейся, повидимому, вполнѣ внушеніямъ Франціи, мы однако предпочли снова просить диванъ употребить простое и законное средство поддержать миръ и доброе согласіе между обѣими имперіями.

„По сіе время мы не получили никакого свѣдѣнія о намѣреніяхъ турецкаго правительства, по коимъ можно бы было судить о его готовности исполнить наши предложенія, переданныя ему г. Италинскимъ, хотя курьеръ, отправленный къ нему 26 августа, могъ бы уже возвратиться давно назадъ“ [1]).

„Такое замедленіе намъ должно казаться тѣмъ болѣе заслуживающимъ вниманія, что всѣ получаемыя нами съ той стороны свѣдѣнія свидѣтельствуютъ только о движеніяхъ турецкихъ войскъ къ Дунаю и по сію сторону этой рѣки, для снабженія крѣпостей и усиленія ихъ гарнизоновъ; словомъ, о такихъ дѣйствіяхъ со стороны турокъ, которыя ясно доказываютъ (qui ne décillent que trop) ихъ враждебныя, относительно насъ, намѣренія. Для возможнаго предупрежденія вредныхъ для насъ послѣдствій, могущихъ произойти отъ упорства (tenacité), съ коимъ Порта продолжаетъ ослѣпляться и попадаетъ въ сѣти (piège), разставляемыя ей французскимъ правительствомъ, чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, удалить отъ границъ нашихъ театръ войны, которая можетъ возникнуть, если Порта непремѣнно хочетъ ея; наконецъ, чтобы принудить диванъ возвратиться къ здравой политикѣ и удовлетворить интересамъ, общимъ для обѣихъ державъ, я рѣшился не ожидать долѣе возвращенія курьера, отправленнаго въ Константинополь, и двинуть мои войска для занятія Молдавіи и Валахіи.

[1]) Курьеръ Кулитовскій, отправленный въ Константинополь съ депешею отъ 26 августа, ожидался въ Петербургъ обратно къ 1 октября.

Вслѣдствіе чего, вы имѣете, безотлагательно, перейти съ ввѣренными вамъ войсками Днѣстръ“ [1]).

Мы видѣли, что еще въ донесеніи отъ 13 сентября Михельсонъ испрашивалъ разрѣшенія перейти Днѣстръ, 2 октября онъ представилъ, на усмотрѣніе Императора, опредѣленный въ общихъ чертахъ планъ этого перехода. По плану Михельсона армія должна была совершить переправу въ четырехъ пунктахъ: 9 и 10 дивизіи въ мѣстечкѣ Жванецъ, близь Хотина, а 11 и 12 дивизіи въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, въ Ямполѣ и Дубосарахъ. Для перехода у Могилева и Дубосаръ назначалось по одной изъ двухъ, имѣвшихся при арміи, понтонныхъ ротъ, а для переправы у Жванца былъ заготовленъ въ Каменецъ-Подольскѣ деревянный мостъ на плотахъ, стоившій 6,000 рублей.

Довѣряя вполнѣ боевой опытности Михельсона, Императоръ Александръ утвердилъ всѣ его предположенія относительно предстоящихъ дѣйствій. „Не желаю, по отдаленности моей, ни въ чемъ ограничивать вашихъ дѣйствій“—писалъ онъ ему отъ 15 октября. Тѣмъ не менѣе Михельсону были сдѣланы слѣдующія главнѣйшія указанія, которыя онъ долженъ былъ имѣть въ виду.

Для обезпеченія дальнѣйшихъ операцій, по переходѣ черезъ Днѣстръ, слѣдовало овладѣть крѣпостями Хотиномъ и Бендерами, для чего назначить два отдѣльные корпуса, соразмѣрные силѣ каждой изъ этихъ крѣпостей.

Хотинскій корпусъ переходитъ Днѣстръ, выше крѣпости, и старается занять ее; въ случаѣ же упорнаго сопротивленія обложить и принудить къ сдачѣ. Хотинскій корпусъ составляетъ правое крыло арміи.

Корпусъ, назначенный для овладѣнія Бендерами, образуетъ лѣвый флангъ арміи и переходитъ Днѣстръ у Дубосаръ. Корпусъ этотъ долженъ быть сильнѣе хотин-

---

[1]) Приложеніе № 4. Дѣло № 1,349 В. Уч. Арх.

скаго, такъ какъ онъ болѣе отдаленъ отъ главной арміи и приближенъ къ сторонѣ непріятеля. Сверхъ того, имѣлось въ виду, что самая крѣпость бендерская сильнѣе хотинской.

Если легкое овладѣніе Бендерами окажется невозможнымъ, то для избѣжанія большихъ потерь въ людяхъ и замедленія во времени, слѣдуетъ отказаться отъ занятія этой крѣпости и перевести бендерскій корпусъ ближе къ лѣвому берегу Прута, расположивъ его на контониръ-квартирахъ въ окрестностяхъ Лапушны, гдѣ сходятся дороги, ведущія къ Дунаю, и откуда можно наблюдать и Бендеры. Войска должны быть расположены на тѣсныхъ квартирахъ, чтобы могли собраться быстро, по первому приказанію. Впрочемъ, Михельсону предоставлялось расположить бендерскій корпусъ и въ другомъ мѣстѣ, если его расположеніе у Лапушны будетъ имъ признано неудобнымъ, не теряя только изъ вида, что корпусъ этотъ долженъ прикрывать лѣвый флангъ арміи, со стороны Дуная и въ то же время охранять сообщеніе арміи съ границами.

Главныя силы, или центръ арміи, переходятъ Днѣстръ въ двухъ пунктахъ: въ Могилевѣ и Ямполѣ и потому раздѣляются на двѣ части. Часть, переходящая у Ямполя, назначается для ближайшаго, въ случаѣ надобности, подкрѣпленія бендерскаго корпуса, почему должна вступить съ нимъ въ сношеніе и быть сильнѣе первой.

По переходѣ черезъ Днѣстръ, обѣ части, составляющія центръ арміи, направляются къ Яссамъ. По занятіи этого города, центръ арміи располагается на квартирахъ, между лѣвымъ берегомъ Серета и правымъ берегомъ Прута, ожидая паденія Хотина и въ случаѣ надобности, высылая къ нему подкрѣпленія, или поддерживая бендерскій корпусъ. Если же этотъ послѣдній будетъ расположенъ у Лапушны, то часть главныхъ силъ, (пере-

шедшая Днѣстръ у Ямполя), должна быть расположена на лѣвомъ берегу Прута, непосредственно за бендерскимъ корпусомъ, для ближайшей ихъ связи между собою.

Послѣ паденія Хотина, часть главной арміи, расположенная между рѣками Серетомъ и Прутомъ, занимаетъ все пространство между этими двумя рѣками, приближается къ Дунаю и занимаетъ Галацъ отрядомъ достаточной силы, который былъ бы въ состояніи встрѣтить первый натискъ противника со стороны Дуная и обезпечить квартирное расположеніе остальныхъ войскъ.

Для тщательнаго наблюденія движеній турецкихъ войскъ, со стороны Браилова, слѣдовало поставить особый отрядъ на правомъ берегу Серета, при впаденіи въ него р. Бузео, а на лѣвомъ берегу Серета занять мѣстечки Юношести и Фурчени, для наблюденія дорогъ со стороны Фокшанъ.

На случай, если бы овладѣніе Хотиномъ затянулось на долгое время, то, для облегченія осаждающихъ, слѣдовало выслать отъ главной арміи столько войскъ, сколько окажется возможнымъ, чтобы установить смѣну и, въ виду зимней стужи, располагать смѣненную часть между Хотиномъ и Каменецъ-Подольскомъ.

Указывая, вслѣдъ затѣмъ, на необходимость соблюденія въ войскахъ строжайшей дисциплины и дружескихъ отношеній къ жителямъ княжествъ, Императоръ Александръ писалъ: „Хотя я здѣсь къ руководству вашему и объяснилъ, въ краткомъ начертаніи, планъ мой къ занятію Молдавіи, но какъ въ военныхъ операціяхъ часто встрѣчающіяся препятствія, или выгодное положеніе, принуждаютъ отходить отъ первоначальныхъ предположеній, то я и предоставляю, совершенно, благоусмотрѣнію вашему дѣйствовать, въ подобныхъ случаяхъ, согласно съ настоящимъ положеніемъ обстоятельствъ, въ твердомъ увѣреніи, что вы не упустите изъ вида

ничего, что можетъ послужить къ пользѣ Россіи и славѣ войскъ, вамъ ввѣренныхъ [1])“.

На другой день по отправленіи этого указа, Императоръ Александръ, въ рескриптѣ къ Михельсону отъ 16-то октября, снова потвердилъ ему, чтобы онъ не стѣснялся буквальнымъ выполненіемъ изложенныхъ ему предначертаній, присовокупляя притомъ: „Привязанность, которую всегда проявляли Россіи жители Молдавіи и Валахіи, и угрожающее имъ угнетеніе, вслѣдствіе низложенія господарей Ипсилантія и Мурузи, служатъ мнѣ ручательствомъ, что войска мои будутъ встрѣчены въ этихъ провинціяхъ съ полнымъ выраженіемъ дружбы и предупредительности, и что даже на нихъ будутъ смотрѣть какъ на освободителей“.

Далѣе въ рескриптѣ говорилось, что для поддержанія ожидавшагося дружескаго отношенія къ намъ жителей княжествъ и извлеченія изъ того наибольшей пользы, слѣдуетъ строго преслѣдовать всякое вымогательство и уклоненіе отъ законныхъ требованій, которыя могутъ произойти, при отношеніяхъ русскихъ начальниковъ и служащихъ, къ жителямъ страны. „Постарайтесь, сказано въ рескриптѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ распространять и увѣрять жителей, что вступленіе моихъ войскъ въ ихъ страну, никоимъ образомъ, не должно быть признаваемо враждебнымъ (hostile) съ нашей стороны дѣйствіемъ противъ Порты Оттоманской; но что совершенно напротивъ, намѣренія мои прямо направлены къ поддержанію недавно возобновленнаго между обѣими имперіями союза, который будетъ въ точности возстановленъ, какъ только я получу справедливое удовлетвореніе по нѣкоторымъ предъявленнымъ Портѣ требованіямъ. Вы присовокупите, что, не имѣя никакихъ намѣреній относительно завоеванія принадлежащихъ Турціи владѣній, я желаю лишь обезпеченія независимости

[1]) Приложеніе № 5.

и неприкосновенности ея земель, коимъ угрожаетъ вліяніе Бонапарте на поведеніе дивана и занятіе французами Далмаціи".

Что касается намѣреній Императора Александра по отношенію къ жителямъ Молдавіи и Валахіи, то Михельсонъ долженъ былъ сдѣлать указаніе на то, что и прежде всегда Россія оказывала имъ покровительство. Въ настоящее же время Россія руководствуется лишь желаніемъ—„предотвратить неисчислимыя послѣдствія, могущія произойти отъ нарушенія привилегій, гарантированныхъ имъ Россіей, и что Императоръ Александръ, побуждаемый сочувствіемъ къ нимъ, считаетъ своимъ долгомъ придти къ нимъ на помощь для оказанія своего покровительства и установленія въ будущемъ ихъ существованія на прочныхъ и незыблемыхъ основаніяхъ [1])".

Въ то время, какъ разрывъ съ Турціей считался неизбѣжнымъ, вслѣдствіе неполученія изъ Константинополя никакихъ свѣдѣній относительно удовлетворенія требованіямъ Россіи, въ Петербургъ дошелъ, въ двадцатыхъ числахъ октября, слухъ, что султанъ согласился возстановить Ипсилантія въ званіи господаря Валахіи.

Но это не могло быть принято за доказательство дѣйствительнаго намѣренія Турціи сохранить миръ съ Россіей и удовлетворить другимъ, болѣе существеннымъ, ея требованіямъ. Къ числу этихъ требованій относилось также возстановленіе господаря молдавскаго Мурузи и, главнымъ образомъ, безпрепятственный пропускъ чрезъ Константинопольскій проливъ русскихъ военныхъ судовъ.

„Зная вѣроломность турецкаго правительства, и для того полагая малую вѣру всѣмъ оказательствамъ его дружбы, писалъ Императоръ Александръ Михельсону отъ 23-го октября, и не имѣя притомъ никакого не-

---

[1]) Изъ приложенія № 4.

посредственнаго свѣдѣнія отъ посланника моего въ Константинополѣ. и относительно кн. Ипсилантія, я почитаю нужнымъ не отмѣнять данныхъ вамъ отъ 16-го октября предписаній, коими имѣете вы руководствоваться относительно перехода черезъ Днѣстръ и дальнѣйшихъ въ Молдавіи дѣйствій".

Тѣмъ не менѣе вопросъ о способахъ занятія Молдавіи значительно измѣнился, сравнительно съ первоначальнымъ предположеніемъ. Съ одной стороны Императоръ Александръ находилъ, что ввѣренная Михельсону армія слишкомъ многочисленна для предстоящей окупаціи, что поэтому затруднится, безъ надобности, ея продовольствіе, и, что главное, потребуется отдѣлить отъ нея значительную часть, въ виду оказанія помощи Пруссіи, бывшей уже въ войнѣ съ Франціей и испытавшей сильное пораженіе при Ауэрштедтѣ въ Саксоніи.

Поэтому, прежнія предположенія замѣнились слѣдующими:

1) Черезъ Днѣстръ должно переправиться всего 20.000 челов., чего, по имѣвшимся въ Петербургѣ свѣдѣніямъ, было совершенно достаточно для занятія Молдавіи и огражденія жителей Валахіи отъ грабежей виддинскаго паши.

2) На лѣвомъ берегу Днѣстра оставить корпусъ въ 10,000 челов., расположивъ ихъ такимъ образомъ, чтобы они, по первому требованію, могли перейти на правый берегъ рѣки; корпусъ этотъ составляетъ резервъ арміи, перешедшей Днѣстръ.

3) Остальные 30.000 челов. въ составѣ 9 и 10 дивизій, ввѣривъ надъ ними начальство генералъ-лейтенанту Эссену, расположить по границамъ Галиціи, между Каменецъ-Подольскомъ и Брестъ-Литовскомъ, такимъ образомъ, чтобы правый флангъ Эссена примыкалъ къ лѣвому флангу арміи генералъ отъ инфантеріи Буксгевдена, расположенной между Брестъ-Литовскомъ и Варшавою.

Если же часть войскъ изъ 9 и 10 дивизій перешла уже Днѣстръ, то, чтобы не возвращать ее назадъ, она должна быть замѣнена другими войсками, еще не переправившимися черезъ рѣку. Подвигаясь къ Бресту, Эссенъ долженъ былъ, не ослабляя значительно своего корпуса, оставить часть войскъ въ Подоліи и на Волыни, для обезпеченія порядка въ этихъ мѣстностяхъ.

Поэтому корпусъ Эссена, состоя въ непосредственномъ распоряженіи Михельсона, долженъ былъ служить связью между его арміею и арміею Буксгевдена, и направиться на помощь той или другой изъ нихъ, смотря по обстоятельствамъ [1]).

Такое назначеніе корпуса Эссена обусловливалось, конечно, незнаніемъ намѣреній Наполеона, который, ведя войну съ Пруссіей, могъ двояко дѣйствовать противъ ея союзницы Россіи: онъ могъ ввести свои войска въ Турцію, чтобы, въ союзѣ съ нею, вторгнуться въ наши южныя границы, со стороны Днѣстра; или, поднявъ Польшу разными обѣщаніями, онъ могъ направить на Россію ударъ съ этой стороны.

Съ большею вѣроятностью можно было предполагать послѣднее, такъ какъ сильная французская армія уже направлялась къ Варшавѣ.

„Такъ какъ необходимо, сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ Буксгевдену, отъ 23 октября, чтобы корпусъ, ввѣренный вашему начальству, согласовалъ свои движенія и расположеніе съ корпусомъ генерала отъ кавалеріи Беннигсена, то я совѣтую вамъ (je vous recommande) расположить одну изъ вашихъ дивизій влѣво отъ Бреста, въ его окрестностяхъ, и перейти границу тотчасъ, какъ дивизіи вашего корпуса соединятся съ тремя другими, отъ корпуса Беннигсена, которыя расположатся за вами. Такъ какъ вѣнскій дворъ объ-

---

[1]) Приложеніе № 6. В. Уч. Арх. Дѣло № 1345.

явилъ себя нейтральнымъ, то мнѣ въ особенности важно поддержать его въ этомъ рѣшеніи, избѣгая всего, что могло-бы компрометировать его передъ Франціей. Вы, въ особенности, постарайтесь предписать вашимъ передовымъ постамъ и патрулямъ, никоимъ образомъ, не переходить австрійскихъ границъ" [1]).

Вслѣдъ за тѣмъ, Императоръ писалъ ему отъ 16 октября: „я только что получилъ извѣстіе о значительномъ пораженіи, нанесенномъ прусской арміи, близъ Ауэрштедта, въ Саксоніи. Въ ожиданіи дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ печальномъ событіи, я нахожу благоразумнымъ не упустить изъ вида ничего, что могло-бы подвергнуть опасности войска, мною вамъ ввѣренныя. Поэтому я совѣтую вамъ имѣть вашу армію настолько собранную въ массу, насколько это возможно. Поэтому, если одна изъ четырехъ вашихъ колоннъ выдвинута уже на значительное разстояніе впередъ, то прикажите ей остановиться, пока головы прочихъ колоннъ не станутъ съ нею паралельно, на одну высоту" [2]).

Вслѣдъ за отправленіемъ къ Михельсону рескрипта отъ 23 октября, въ которомъ говорилось о неполученіи изъ Константинополя отъ Италинскаго донесенія, касательно возстановленія господаря Ипсилантія, прибылъ давно ожидавшійся курьеръ, съ увѣдомленіемъ, что султанъ рѣшился, декретомъ отъ 21 октября (2 ноября) 1806 года, возстановить не только Ипсилантія, но и молдавскаго господаря Мурузи.

„Такимъ образомъ, писалъ управлявшій иностранными дѣлами Будбергъ Михельсону, отъ 27 октября, хотя Порта и доставила намъ всю требуемую по сему отношенію сатисфакцію, однако же Государь Императоръ, полагая, что таковая рѣшимость турецкаго правительства принята имъ изъ единаго страха, въ отвращеніе

[1]) Дѣло Воен. Учен. Архива, № 1349.

[2]) Тамъ-же.

вступленія войскъ нашихъ въ Молдавію, находитъ нужнымъ отнюдь не отмѣнять предписаній, данныхъ вашему превосходительству отъ 16 и 23 сего мѣсяца. и дождаться дальнѣйшихъ донесеній г. Италинскаго. дабы болѣе удостовѣриться въ точныхъ намѣреніяхъ турецкаго правительства“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ баронъ Будбергъ писалъ Италинскому, что войска наши переходятъ Днѣстръ, для того: „чтобы парализовать намѣреніе, громко возвѣщенное посланникомъ Себастіани, провести французскую армію через Турцію, для нападенія на насъ отъ Днѣстра“. Простое возстановленіе господарей еще ничего не доказываетъ, если прочее не исполнено. „Дѣйствительно, кто отвѣчаетъ за то, что это удовлетвореніе нашего требованія не сдѣлано Портой лишь по совѣту нашихъ враговъ? Частыя совѣщанія, которыя имѣлъ Себастіани съ Ибрагимомъ-Кегайя-пашей и другими министрами, много говорятъ въ пользу этого предположенія. Мурузи находится въ бѣдственномъ положеніи. Пассеванъ, занимаетъ всю страну. Чтобы возстановить Мурузи, Россія должна занять княжества. Вы хорошо поняли, что не личность господарей Мурузи и Ипсилантія существенно интересуютъ нашъ дворъ, но спокойствіе и благосостояніе княжествъ; и Россія не можетъ болѣе терпѣть притѣсненій, (vexations), которыми Пассеванъ и другіе сосѣдніе аяны отягчаютъ несчастную Валахію“.

„Его Величество находитъ нужнымъ потребовать торжественнаго отъ Порты объясненія, касательно того, что она обязалась, никогда и ни въ какомъ случаѣ, ни подъ какимъ предлогомъ, не посягать ни на малѣйшее измѣненіе трактата, по которому Россія получила право прохода своихъ судовъ чрезъ Константинопольскій проливъ“.

„Россія не можетъ считать себя удовлетворенною со стороны Порты иначе, какъ на слѣдующихъ условіяхъ:

„1) Когда права и преимущества Молдавіи и Валахіи будутъ возстановлены во всей ихъ силѣ и важности, и Валахія избавится отъ опустошеній и разбойниковъ, стараніями ли Порты или при посредствѣ русскихъ войскъ, и ея будущее благосостояніе будетъ гарантировано учрежденіемъ національныхъ войскъ, способныхъ защищать ея отъ дунайскихъ сосѣдей.

„2) Когда Порта, формально откажется отъ намѣренія ставить препятствія русскимъ военнымъ и транспортнымъ судамъ проходить чрезъ Босфоръ, и

„3) Когда она возобновитъ свой союзный трактатъ съ Англіей.

„Его Величество, совершенно противъ воли (bien à contre coeur), и только въ силу необходимости, прибѣгъ къ занятію княжества, но что это занятіе далеко отъ намѣренія дѣйствовать враждебно противъ Порты“ [1]).

Возстановленіе господарей Молдавіи и Валахіи, дѣйствительно, не разрѣшало еще вопроса о готовности Порты удовлетворить болѣе существеннымъ требованіямъ Россіи.

Жестокости и грабежи Пассевана и Али-паши Янинскаго также требовали заступничества Россіи, рѣшившейся, равнымъ образомъ, обезпечить политическое существованіе Іонической республики.

Къ тому же, необходимо было требовать, чтобы княжества Молдавія и Валахія получили всѣ права, которыя были за ними обезпечены по трактату 1791 года, заключенному между Россіей и Турціей.

Наконецъ, Россія не могла относиться равнодушно къ дружбѣ, которую турецкое правительство оказывало Франціи, въ лицѣ ея представителя въ Константинополѣ, генерала Себастіани. Вліяніе, какое послѣдній обнаруживалъ на приближенныхъ султана, враждебность, съ ко-

---

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Turquie, Michelson, 1805—1806.

торою Францiя дѣйствовала противъ Россiи, и всегдашняя готовность ея вредить намъ, не допускали сомнѣнiя въ томъ, что Турцiя, побужденная происками Наполеона, всегда найдетъ случай выступить врагомъ Россiи. Поэтому Россiя требовала, чтобы Турцiя, немедленно, прекратила всѣ сношенiя съ Францiей, нашимъ врагомъ, и возобновила союзный договоръ съ Англiей, какъ нашимъ союзникомъ. Только по выполненiи Турцiей этихъ требованiй, Императоръ Александръ охотно соглашался отозвать свои войска въ предѣлы Имперiи [1]).

Мы видѣли, что султанъ согласился на возстановленiе господарей Молдавiи и Валахiи въ ихъ прежнихъ достоинствахъ. Относительно-же предоставленiя русскимъ судамъ права проходить Босфоръ и Дарданеллы, Италинскiй доносилъ отъ 18 (30) ноября 1806 г.:—„Хотя Порта не оспаривала нашего права на проходъ судовъ чрезъ Босфоръ, но заявила, что „это можетъ навлечь весьма непрiятныя для нея послѣдствiя со стороны Францiи“. Отправленный, съ извѣстiемъ о возстановленiи господарей, курьеръ задерживался подъ разными предлогами въ пути, то по неимѣнiю почтовыхъ лошадей, то по другимъ причинамъ. Давъ согласiе, султанъ былъ готовъ взять его назадъ. Къ тому-же, смѣняемый господарь Валахiи Суццо, узнавъ о содержанiи депеши, лишавшей его господарскаго достоинства, готовъ былъ не только задержать, но и умертвить курьера. „Суццо такихъ качествъ, доносилъ нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Бухарестѣ, Родофиникинъ, что можетъ приказать ограбить и даже умертвить его (курьера)“.

Чтобы парализовать, хотя отчасти, дѣйствiя французскихъ агентовъ, не жалѣвшихъ золота и разосланныхъ Себастiани въ различные турецкie города и въ княжества, съ цѣлью возстановлять ихъ жителей противъ Россiи, дѣйствительному статскому совѣтнику Родофиникину

---

[1]) Приложенiе № 7. В. Уч. Арх. Дѣло № 1345.

было поручено составить, такъ называемую, секретную экспедицію, съ цѣлью—„распространенія тайныхъ связей нашихъ въ турецкихъ областяхъ, и открытія источниковъ, дабы всегда съ точностію знать о состояніи войскъ непріятельскихъ, о силѣ арміи ихъ и о всѣхъ ихъ способахъ и, сверхъ того, объ эмисарахъ, которые со стороны французскаго правительства при ихъ арміяхъ будутъ находиться; стараться, поколику возможно, таковыхъ эмисаровъ склонять на нашу сторону, и чрезъ нихъ открывать всѣ отрасли связей французскаго правительства въ турецкихъ областяхъ. Привлекать къ намъ изъ живущихъ въ оныхъ, чрезъ нихъ узнавать о расположеніи жителей, и симъ же способомъ стараться направлять мнѣніе народное, соотвѣтственно видамъ нашимъ. Распространять повсюду слухи о чистосердечныхъ расположеніяхъ Россіи къ Турецкой имперіи и о вредныхъ противу нея замыслахъ Франціи [1])“.

На расходы Родофиникину было выдано 1.000 червонцевъ, съ обѣщаніемъ увеличить эту сумму, по востребованію.

III.

Расположеніе русскихъ войскъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1806 г. на южной и западной границѣ. — Хозяйственныя распоряженія по молдавской арміи. — Продовольствіе, склады, перевозочныя средства: подвижные магазины и полковые обозы. — Госпитали. — Волонтэры. — Бугское казачье войско.

Сообразно полученнымъ еще въ концѣ октября указаніямъ Императора, Михельсонъ сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія по арміи. Поэтому, 9-я и 10-я пѣхотныя дивизіи, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Эссена, расположились: первая въ окрестностяхъ Каменецъ-Подольска, чтобы, въ случаѣ надобности, способствовать паденію Хотина, наблюдать Галицію и прикрывать тылъ и правый флангъ арміи Михельсона, долженствовавшей

---

[1]) Приложеніе № 9. В. Уч. Арх. Дѣло № 1345.

перейти Днѣстръ. 10-я дивизія, примыкая къ 7-й, стоявшей въ Брестѣ, расположилась между Устилугомъ и Волочискомъ, до границъ Галиціи, чтобы смотря по обстоятельствамъ, могла быть направлена къ Варшавѣ или обращена на Днѣстръ. 11-я и 12-я дивизіи, силою всего до 20,000 чел., подвинуты изъ мѣстъ своего прежняго расположенія ближе къ Днѣстру.

Изъ 13-й дивизіи, которою командовалъ генералъ-лейтенантъ Дюкъ-де-Ришелье, 11 баталіоновъ пѣхоты, 3 кавалерійскихъ полка и 1 полкъ бугскихъ казаковъ были расположены между низовьями рѣкъ Днѣстра и Буга, отъ Дубосаръ до Ольвіополя, для прикрытія русскихъ границъ со стороны Бессарабіи, и для содѣйствія занятію Бендеръ. По одному баталіону поставлено въ Херсонѣ и Одессѣ, а прочія войска дивизіи занимали Крымъ.

Въ ноябрѣ, общее командованіе войсками, расположенными на западной границѣ государства, т. е. арміи Беннигсена, Бугсгевдена и корпусъ Эссена, были поручены генералъ-фельдмаршалу графу Каменскому, вскорѣ передавшему команду Беннигсену [1]).

Что касается до хозяйственныхъ распоряженій по арміи, то они состояли въ слѣдующемъ:

---

[1]) Разгромивъ Пруссію, Наполеонъ занялъ Берлинъ. Крѣпости Штетинъ и Кюстринъ сдались на капитуляцію. Въ ноябрѣ армія Наполеона приближалась къ Вислѣ, готовясь произвести общее наступленіе на фронтъ русской арміи. Беннигсенъ, одержавъ блистательную побѣду при Пултускѣ, сдѣлалъ общія приготовленія для отраженія готовившагося наступленія французской арміи. Когда все уже было готово, къ арміи прибылъ, 8 декабря 1806 г., фельдмаршалъ Каменскій, который, тотчасъ-же, измѣнилъ всѣ сдѣланныя Беннигсеномъ распоряженія. Всю ночь войска переходили съ мѣста на мѣсто, такъ что къ разсвѣту вся армія была въ какомъ-то переходномъ состояніи. Французы замѣтили это и открыли наступленіе, нападая на отдѣльныя части русскихъ войскъ. Видя, что дѣло испорчено, гр. Каменскій, подъ предло-

Продовольствіе. Было уже указано, на какія мѣстныя продовольственныя средства Молдавіи можно было расчитывать, въ случаѣ своевременнаго занятія края русскими войсками.

Молдавскій господарь Ипсилантій, обязанный Россіи своимъ возстановленіемъ въ Яссахъ, обѣщалъ приготовить продовольствія на 20,000 чел. русской арміи.

Въ помощь и для наблюденія за дѣйствіями Ипсилантія, при немъ находился нашъ повѣренный, Родофиникинъ, о которомъ уже было говорено.

Родофиникинъ доносилъ Михельсону, что хотя въ княжествахъ и есть запасы, но до вступленія въ нихъ нашихъ войскъ, приступить къ собиранію продовольственныхъ средствъ страны было невозможно.

Боевыя силы Молдавіи и Валахіи были ничтожны, или, вѣрнѣе, вовсе не были организованы, тогда какъ видинскій паша, Пассеванъ-оглу, разсылалъ шайки своихъ грабителей вездѣ, гдѣ только была возможность грабить. Шайки эти, раззоривъ весь Краiовскій банатъ, захватили самого каймакана краiовскаго, зятя Ипсилантія, и сняли съ него цѣпи только по полученіи большого выкупа.

При такихъ обстоятельствахъ, заготовленіе припасовъ для русской арміи, прежде занятія ею края, привлекло-бы только набѣгъ грабителей и послужило-бы поводомъ къ распространенію еще большаго страха между жителями; самые же запасы достались бы врагу.

гомъ раны, уѣхалъ въ Гродно, сдавъ начальство Бугсгевдену. Только неимовѣрная храбрость нашихъ войскъ спасла армію отъ рѣшительнаго пораженія. „Со стыдомъ и отвращеніемъ долженъ сказать, писалъ баронъ Будбергъ графу Гудовичу 7-го января 1807 г., что рана Каменскаго состояла въ поврежденіи отъ верховой ѣзды"; (Гл. Арх. М. И. Д. Дѣло 1—13, № 3 тетрадь 2, годъ 1806—15 Campagnes Turquie).

Императоръ Александръ немедленно смѣнилъ г. Каменскаго, отозвалъ Бугсгевдена и ввѣрилъ западную армію Беннигсену.

Поэтому, хотя Родофиникинъ и доносилъ, что какъ только русскія войска вступятъ въ Молдавію, то черезъ три дня будутъ уже вполнѣ обезпечены мѣстными средствами продовольствія, но полагаться на такое обезпеченіе было бы рисковано.

Необходимо было учредить постоянные склады запасовъ на Днѣстрѣ и его районѣ.

Такіе склады и были назначены въ губерніяхъ: Каменецъ-Подольской, Бессарабской и Херсонской, въ самомъ Каменцѣ, Балтѣ и Ольгополѣ; а въ Кіевской губерніи—въ Кіевѣ, Умани, Махновкѣ и Радомыслѣ. Всѣ эти склады составили первую линію магазиновъ. Продукты, для образованія ихъ, были закуплены на мѣсяцъ.

Вторую передовую линію магазиновъ составили склады на Днѣстрѣ: въ Могилевѣ и Дубосарахъ, въ пунктахъ, назначенныхъ для переправы арміи за Днѣстръ.

По вступленіи войскъ въ Молдавію, продовольствіе ихъ обезпечивалось какъ тѣми средствами края, на которыя можно было расчитывать, такъ и подвозомъ запасовъ изъ днѣстровскихъ складовъ, для чего былъ организованъ подвижной магазинъ, раздѣленный на три отдѣленія, расположенныя въ Балтѣ, Ольгополѣ и Тульчинѣ. Вся перевозка производилась на волахъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы подводы, по выступленіи изъ магазиновъ, могли подвезти запасъ къ арміи и возвратиться обратно черезъ мѣсяцъ, для новой нагрузки и отправки [1]).

Кромѣ перевозочныхъ средствъ, которыми располагали подвижные магазины, были еще и полковые обозы, необходимость которыхъ Михельсонъ настойчиво доказывалъ, вопреки существовавшему мнѣнію, что можно обойтись и безъ нихъ.

„Долгъ званія моего,—доносилъ Михельсонъ,—долгъ довѣренности Вашего Императорскаго Величества, ко-

[1]) Приложеніе № 10.

торою имѣю счастіе быть удостоенъ, не позволяетъ мнѣ умолчать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ обстоятельствъ, къ коимъ опытъ, всѣхъ бывшихъ доселѣ съ турками войнъ, внушаетъ уваженіе".

Въ донесеніи своемъ, отъ 25-го іюня 1806 года, Михельсонъ говоритъ: 1) „что въ Молдавіи и Валахіи русскія войска могутъ расчитывать только на тѣ продовольственныя средства, какія привезутъ съ собою. Страна хлѣбомъ бѣдна, а все богатство жителей заключается въ садахъ, кукурузѣ, пшеницѣ, просѣ и ячменѣ, которые намъ „не совсѣмъ пригодны". Сверхъ того, жители разбѣгаются отъ страха, „ибо у турокъ тѣмъ начинается война, что раззоряютъ и опустошаютъ край, который удержать не надѣятся".

Поэтому войска должны имѣть съ собою возможно большій запасъ продовольствія, для чего нуженъ и полковой обозъ. 2) Сверхъ того, въ степныхъ походахъ всегда бываетъ много больныхъ, послѣ которыхъ остаются ружья и аммуниція. Для возки ихъ, равно какъ и для перевозки самихъ больныхъ, до сдачи ихъ въ госпитали, нужны подводы, которыми не всегда можно пользоваться отъ мѣстныхъ жителей. 3) Войскамъ часто приходится перевозить съ мѣста на мѣсто различныя вещи и продовольствіе, для чего подъемныхъ лошадей и фуръ оказывается всегда недостаточнымъ; а наймомъ и нарядомъ подводъ отъ жителей часто воспользоваться нельзя, такъ что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, въ прежнихъ нашихъ войнахъ съ Турціей, „единая помощь была—солдатскія артельныя лошади и повозки". 4) Офицеры, не получая продовольствія отъ казны, должны имѣть его съ собою, причемъ очень часто терпятъ большую нужду. Поэтому офицерамъ дозволялось имѣть свои подводы, число которыхъ полагалось не по чинамъ, а по состоянію, чтобы богатые могли въ этомъ случаѣ оказывать свою помощь бѣднымъ офицерамъ.

Въ прежнія войны съ Турціей, при дозволеніи офицерамъ имѣть свои повозки, а солдатамъ разныя артельныя, „армія наша въ состояніи была сносить труднѣйшіе походы. Неоспоримо, что оттого обозы и вагенбурги увеличивались; примѣра, однако, не было нигдѣ, чтобы оттого затрудненіе произошло въ движеніяхъ или продовольствіи. Въ открытыхъ степныхъ мѣстахъ армія можетъ ходить нѣсколькими, даже, въ одинъ рядъ, колоннами. А для продовольствія лѣтомъ, изобиленъ подножный кормъ, и на зиму сѣно косить и запасать удобно. Образованіе при остановкахъ арміи особыхъ вагенбурговъ изъ военнаго обоза не разъ служило войскамъ выгодною защитою". Михельсонъ указывалъ, что „передъ баталіею Кагульскою, пять дней уже не было провіанта. Тутъ единственное спасеніе нашлось въ солдатскихъ артельныхъ повозкахъ, отъ ихъ запасовъ собственныхъ. Въ другомъ мѣстѣ, нападеніе сдѣлано было отъ татаръ, на нашъ подвижной магазинъ. Прикрытіе онаго было бы слабо устоять противу многочисленной толпы непріятеля, ежели бы не знатное количество обоза, устроеннаго, порядочно, въ вагенбургъ, составило, среди степи, родъ крѣпости, и тѣмъ удержали непріятеля, пока секурсъ прибылъ. Такимъ образомъ, вагенбургъ всегда служилъ безопаснымъ депо для больныхъ и вещей излишнихъ".

Михельсонъ не боялся заводить большой обозъ и, напротивъ, высказываетъ мысль, что „первымъ предметомъ въ военномъ ремеслѣ есть уважать на свойство и нужды солдата. Свойство россійскаго солдата есть не страшиться ни трудовъ, ни дисциплины, ни многочисленнаго непріятеля, но невыгоды и надостатки, безъ таковыхъ причинъ, кои самъ знаетъ необходимыми — не терпитъ. Противъ первыхъ онъ твердъ и храбръ, и въ напряженіяхъ къ побѣдѣ опасностей не знаетъ, а отъ послѣд-

нихъ рождается неудовольствіе, унижается духъ и клонится къ разрушенію дисциплины“ [1]).

Изъ прежнихъ войнъ съ Турціей Михельсонъ могъ видѣть, что число больныхъ въ нашей арміи всегда было весьма значительно. Поэтому, онъ обратилъ особенное вниманіе на учрежденіе госпиталей.

Къ числу подготовительныхъ мѣръ къ предстоящей войнѣ относилось также образованіе волонтеровъ, набиравшихся изъ мѣстныхъ жителей въ предѣлахъ княжества. Во время екатерининскихъ войнъ съ Турціей, такіе волонтеры были извѣстны подъ названіемъ арнаутовъ. Хотя арнауты обнаруживали часто качества, несвойственныя регулярнымъ войскамъ, были мало дисциплинированы, проявляли наклонность къ грабежамъ и не всегда оказывали стойкость въ дѣлахъ, тѣмъ не менѣе, Михельсонъ находилъ полезнымъ образовать и при настоящихъ обстоятельствахъ арнаутскія команды. „Мы имѣли всегда войско сіе,—писалъ онъ князю Чарторыйскому отъ 10-го апрѣля 1806 г.,—и оно конно и пѣше впереди арміи съ большою пользою служило“.

Дѣйствительно, арнауты употреблялись съ пользою для развѣдокъ, нерѣдко для сторожевой службы.

Состоя изъ мѣстныхъ жителей и большею частью зная турецкій языкъ, они давали свѣдѣнія о непріятелѣ, иногда же посылались и для занятія незначительныхъ пунктовъ, для набѣговъ, и не были лишни даже въ большихъ дѣлахъ, обращая на себя часть боевыхъ силъ противника.

Состоя, большею частью, изъ людей, которымъ нечего было терять на родинѣ, арнауты переселялись въ предѣлы Россіи, гдѣ имъ отводились земли на рѣкѣ Бугѣ, что и послужило началомъ образованія бугскаго войска, которое, при правильномъ веденіи дѣла, могло-бы принести, со временемъ, такую же пользу государству, какъ

[1]) Воен. Уч. Арх., дѣло № 1358. Приложеніе № 11.

и знаменитое войско Донское. Уже при князѣ Потемкинѣ, мы встрѣчаемъ въ его арміи многочисленное бугское войско, носившее также названіе бугскихъ казаковъ, такъ какъ оно было организовано, совершенно, по образцу Донскаго казачьяго войска.

По окончаніи второй екатерининской войны съ Турціей, бывшіе при арміи князя Потемкина арнауты также перешли въ Россію и присоединились къ бугскимъ войскамъ. Для будущаго ихъ развитія слѣдовало только примѣнить къ нимъ разумныя административныя мѣры. Но къ сожалѣнію, смерть Потемкина, обладавшаго несомнѣннымъ талантомъ администратора, не дала этому дѣлу прочныхъ основаній.

Впрочемъ, нужно сказать, что и Потемкинъ сдѣлалъ важную ошибку, назначивъ начальникомъ бугскаго войска взятаго имъ съ Дона полковника Орлова. Имѣлось, конечно, въ виду примѣнить на Бугѣ тѣ-же порядки, какіе установились на Дону. Но было упущено изъ вида, что поселенцы на Бугѣ были выходцы, руководимые, прежде всего, жаждою личной свободы. Люди предпріимчивые и смѣлые, любившіе болѣе боевого коня, чѣмъ рабочую клячу, люди, перешедшіе въ Россію для того, чтобы найти тутъ тѣ жизненныя условія, какихъ не находили на родинѣ. Между тѣмъ, Орловъ началъ введеніемъ порядковъ, уже установившихся на Дону, но еще чуждыхъ на Бугѣ. Суровая дисциплина, полевыя работы и проч. не пришлись по вкусу новымъ поселенцамъ, думавшимъ, прежде всего, образовать боевую силу.

Поэтому, не только не находилось болѣе новыхъ охотниковъ къ переселенію въ Россію, но и многіе изъ поселившихся ушли обратно.

Въ царствованіе же Императора Павла, желавшаго уничтожить все, что было сдѣлано по мысли Потемкина, бугское войско было окончательно уничтожено и обращено въ крестьянство.

Императоръ Александръ снова возстановилъ бугское войско, на прежнихъ его основаніяхъ.

Приступая къ образованію арнаутскихъ командъ, для предстоящей войны, Михельсонъ сортировалъ арнаутовъ на двѣ категоріи.

Тѣмъ, которые изъявятъ готовность переселиться послѣ войны въ Россію, было обѣщано отвести на Бугѣ земли для ихъ семействъ, и ввести ихъ навсегда, въ составъ бугскаго войска, для образованія не только конныхъ, но и пѣшихъ бугскихъ полковъ.

При этомъ предполагалось двѣ трети пѣшихъ и одну треть конныхъ полковъ.

Тѣ же, которые изъявляли желаніе служить только лично, на время войны, получали жалованье, и все содержаніе отъ казны, по положенію казачьихъ полковъ, чтобы не быть поставленными въ необходимость жить грабежемъ и насиліемъ.

Независимо отъ содержанія, арнауты получали, пѣшіе 100 и конные 200 р. на обзаведеніе и покупку оружія.

Для предварительнаго собиранія арнаутовъ, охотниковъ, Михельсонъ отправилъ въ княжество поручика Бея Новокрещенова [1]), который не умѣлъ повести дѣла. Поэтому вмѣсто него, посланъ былъ полковникъ князь Кантакузенъ, который въ двухъ предшествовавшихъ войнахъ съ Турціей, съ большимъ успѣхомъ сформировалъ три пѣшихъ и три конныхъ арнаутскихъ полка.

Въ настоящемъ случаѣ князь Кантакузенъ также успѣшно сформировалъ нѣсколько арнаутскихъ полковъ, при чемъ конные полки пользовались окладомъ и содержаніемъ гусарскихъ полковъ, какъ это было и при Румянцовѣ; а пѣшіе содержались по штату одесскаго греческаго баталіона. Какъ пѣшіе, такъ и конные полки были численностію въ 600 человѣкъ.

Въ арнауты принимались какъ жители Молдавіи и

---

[1]) Воен. Учен. Арх., дѣло № 1369. Приложеніе № 12.

Валахіи, такъ равно сербы и болгары, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что изъ молдаванъ и валаховъ принимались лишь тѣ, которые платили подати не болѣе 15 левовъ, чтобы не ослаблять денежнаго сбора съ страны. Князь Ипсилантій обѣщалъ образовать особый греческій баталіонъ силою въ 10.000 чел., который, однако, долженъ былъ состоять въ его личномъ распоряженіи.

Сверхъ того, часть вспомогательныхъ войскъ была собрана херсонскимъ губернаторомъ, Дюкомъ-де-Ришелье.

Впрочемъ нужно сказать, что всѣ вспомогательныя войска проявляли наклонность къ грабежамъ и безпорядкамъ, такъ что было рѣшено употреблять ихъ во время войны не иначе, какъ придавъ къ нимъ на половину казаковъ. Многіе же молдавскія селенія, чтобы избавиться отъ арнаутовъ, соглашались охотно сами поставлять своихъ ратниковъ. На ряду со всѣми, указанными здѣсь, приготовленіями, главнокомандующій приказалъ всѣмъ начальникамъ войскъ „оказывать покровительство жителямъ Валахіи и Молдавіи и поддерживать дружественный союзъ съ Блистательною Портою. Но ежели-бы оказались гдѣ виды дѣйствія противъ насъ непріятельскаго, тамъ отражать силу силою и дѣйствовать оружіемъ“ [1]).

IV.

Переходъ днѣстровской арміи черезъ Днѣстръ. — Численность и раздѣленіе днѣстровской арміи къ началу ноября 1806 года. — Занятіе Хотина. — Переходъ главныхъ силъ арміи черезъ Днѣстръ у Могилева.—Прокламація Михельсона къ жителямъ Молдавіи и Валахіи. — Занятіе Яссъ. — Дѣло при Глодени 11-го декабря.— Занятіе Бухареста 13-го декабря. — Занятіе Галаца. — Переправа черезъ Днѣстръ корпуса гр. Каменскаго. — Дѣйствія корпуса генерала-отъ-кавалеріи барона Мейндорфа.—Занятіе крѣп. Бендеръ, Паланки, Аккермана и Киліи.—Поискъ къ Измаилу.— Дѣло у Калараша 23-го декабря и расположеніе арміи на зимнихъ квартирахъ.

Въ предъидущемъ обзорѣ были изложены какъ предварительныя приготовленія главнокомандующаго, такъ и

[1]) Предписаніе Ген.-анш. Мейндорфу отъ 7 ноября 1806 г.

причины, по которымъ нельзя было долѣе медлить занятіемъ дунайскихъ княжествъ. Теперь разсмотримъ ходъ самаго занятія.

Въ первыхъ числахъ ноября 1806 г. днѣстровская армія была придвинута къ Днѣстру для переправы на правый берегъ этой рѣки. Согласно изложеннымъ уже предположеніямъ, пунктами для переправы были назначены: для праваго крыла—мѣстечко Жванецъ, близъ Хотина; для центра, или главныхъ силъ арміи, гг. Могилевъ и Ямполь, а для лѣваго фланга Дубосары[1]).

Чтобы обезпечить легкость занятія Хотина, генералъ-лейтенанту Эссену, стоявшему съ 9 и 10 дивизіями, между Брестъ-Литовскомъ и границами Галиціи, приказано было отправить 10-ю дивизію къ Волочиску, для вступленія въ связь съ арміею Буксгевдена, а съ 9-ю дивизіею перейти Днѣстръ у Жванца и овладѣть Хотиномъ.

Главныя силы арміи, при которыхъ находился и главнокомандующій, были раздѣлены на двѣ отдѣльныя части, состоявшія подъ начальствомъ генералъ-лейтенантовъ Милорадовича и гр. Каменскаго 1. Онѣ переходятъ Днѣстръ у Могилева, имѣя впереди въ авангардѣ отрядъ генерала-маіора князя Долгорукова. Отрядъ этотъ, вступивъ въ Молдавію, долженъ былъ быстро двинуться впередъ и занять Яссы. За нимъ слѣдуетъ часть главныхъ силъ генерала Милорадовича, а другая часть генерала гр. Каменскаго 1 должна была направиться на Оргѣевъ, чтобы тамъ войти въ сношеніе съ лѣвымъ флангомъ арміи, который составлялъ корпусъ генерала отъ кавалеріи барона Мейндорфа. Корпусъ этотъ, переправясь черезъ Днѣстръ у Дубосаръ, долженъ былъ, при содѣйствіи генерала Каменскаго, овладѣть Бендерами,

---

[1]) Предполагавшаяся у Ямполя переправа части главныхъ силъ (корпусъ гр. Каменскаго) была отмѣнена, по недостатку потребныхъ для переправы матеріаловъ, такъ что корпусъ гр. Каменскаго также долженъ былъ перейти Днѣстръ у Могилева.

или, при невозможности овладѣть крѣпостью, расположиться около Лапушны.

Численность всѣхъ этихъ частей, къ началу ноября, представлялась въ слѣдующемъ видѣ.

Авангардъ, генералъ-маіоръ князь Долгорукій; его составляли:

Донской Мелентьева № 3 полкъ . . .	450 чел.
8-й Егерскій полкъ, при генералъ-маіорѣ Уланіусѣ.	1,240 „
Два баталіона Орловскаго полка съ орудіями	1,375 „
Полурота Донской конной артиллеріи. .	160 „
Піонерная рота маіора Гибюра	175 „
Понтонная рота маіора Магденки . . .	150 „
Всего строевыхъ и нестроевыхъ . . .	3,550 чел.

Главныя силы арміи.

А) Часть генералъ-лейтенанта Милорадовича.

1-е отдѣленіе.

Денисова № 14 казачьяго полка. . . .	200 чел.
Кинбурнскаго драгунскаго полка 4 эскадрона	700 „
Баталіонъ Орловскаго пѣхотнаго полка съ 2 полковыми пушками	650 „
Олонецкій пѣхотный полкъ 3-хъ баталіоннаго состава	1,900 „
Батарейная рота 6-го полка, Веселицкаго	200 „
	3,650 чел.

2-е отдѣленіе.

Генералъ-Маіоръ Бахметьевъ:

Денисова № 14 полка	300 каз.
Бѣлорусскій гусарскій полкъ	1,500 чел.
Сибирскій гренадерскій полкъ, 3-хъ баталіоннаго состава	1,900 „

Апшеронскій пѣхотный полкъ 3-хъ баталіоннаго состава . . . . 1,900 чел.

5,600 чел.

Б) Часть генералъ-лейтенанта графа Каменскаго 1-го.

1-е отдѣленіе.

Генералъ-маіоръ Репнинскій:

Чугуевскаго казачьяго полка баталіонъ въ 5-ти эскадронахъ.	650 чел.
Полурота конной артиллеріи Фока . . .	100 „
Фанагорійскаго гренадерскаго полка . .	1,600 „
Смоленскій пѣхотный 3-хъ баталіонный полкъ.	1,900 „
	4,250 чел.

2-е отдѣленіе.

Генералъ-маіоръ Ушаковъ:

Чугуевскаго казачьяго полка баталіоны, 5-ти эскадроннаго состава	650 чел.
Полурота конной артиллеріи Фока . . .	100 „
Новоингерманландскаго пѣхотнаго полка 3-хъ баталіоннаго состава	1,900 „
Одесскаго пѣхотнаго полка, 3-хъ батал.	1,900 „
Тверскаго драгунскаго полка, 4 эскадр. .	700 „
	5,250 чел.

Такимъ образомъ, главныя силы арміи раздѣлялись на двѣ части, и каждая состояла изъ отдѣленій. Несчитая авангарднаго корпуса, численный составъ главныхъ силъ доходилъ до 22,391 чел., въ числѣ которыхъ было около 10% нестроевыхъ, такъ что подъ ружьемъ находилось не болѣе 20,000 чел.

Лѣвый флангъ, подъ начальствомъ генерала отъ кавалеріи Мейндорфа, также состоялъ изъ двухъ отдѣленій:

1-е отдѣленіе.

Генералъ-маіоръ Герардъ:

Сѣверскаго драгунскаго полка 4 эскадр.	700 чел.
Малороссійскаго гренадерскаго полка 3-хъ баліоннаго состава	1,900 „
Полурота Донской конной артиллеріи . .	150 „
Батарейная рота 6-го полка, Бертье-де-Матарда	200 „
Піонерная рота, Вырубова.	160 „
	3,110 чел

Этой части также назначено переправиться у Могилева, послѣ чего она должна была слѣдовать на Оргѣевъ, для соединенія со 2-мъ отдѣленіемъ корпуса Мейндорфа, переходящимъ Днѣстръ у Дубосаръ.

2-е отдѣленіе.

Подъ личнымъ начальствомъ *генерала Мейндорфа.*

Стародубскаго драгунскаго полка 4 эскадр.	700 чел.
Нашебургскаго пѣхотнаго полка, 3-хъ баталіоннаго состава	1,800 „
Новогородскаго пѣхотнаго полка, того же состава	1,900 „
Нарвскаго пѣхотнаго полка, въ томъ же составѣ	1,700 „
11-го егерскаго полка, въ 3-хъ баталіонахъ	1,300 „
Артиллеристовъ	500 „
	7,900 чел.

Сверхъ того, одинъ Бугскій казачій полкъ, въ которомъ находилось до 500 ч., и Донской Платова полкъ, до 3,500 казаковъ. Такъ что во 2-мъ отдѣленіи корпуса Мейндорфа насчитывалось до 12,000 человѣкъ.

Такимъ образомъ, не считая войскъ 9-й дивизіи Эссена, составлявшей, временно, правый флангъ арміи и на ко-

торую было возложено занятіе Хотина, вся сила арміи, вступившей въ Молдавію, простиралась до 33,000 чел.

12-го ноября войска 9-й пѣхотной дивизіи прибыли въ м. Жванецъ, лежащее въ двухъ верстахъ отъ Хотина, на лѣвомъ берегу Днѣстра. Генералъ Эссенъ приказалъ, въ ночь на 13-е число, возвести у мѣстечка Браги, прямо противъ хотинской крѣпости, двѣ батареи. Одна изъ нихъ состояла изъ 3-хъ 12-ти фунтовыхъ пушекъ и двухъ мортиръ, взятыхъ изъ Каменецъ-Подольской крѣпостной артиллеріи. Другая батарея была на четыре 12-ти фунтовыхъ пушки и на 6 единороговъ, взятыхъ отъ полковъ.

Обѣ батареи были поручены въ команду генералъ-маіора Булыгина и должны были своимъ огнемъ покровительствовать переправѣ и наводкѣ моста черезъ Днѣстръ, для чего изъ Каменецъ-Подольска былъ доставленъ къ Жванцу заблаговременно приготовленный мостъ на деревянныхъ плотахъ. Въ прикрытіе батарей назначено три баталіона гренадеръ.

Одновременно съ возведеніемъ батарей у Браги, генералъ Эссенъ приказалъ спустить, въ ночь на 13-е ноября, плоты для наводки моста ниже Хотина, противъ Малиновцы. Но сильный вѣтеръ внизъ по теченію и безъ того весьма быстраго Днѣстра уничтожалъ всѣ попытки установить мостъ, такъ что утромъ 13 числа, чтобы не дать непріятелю возможности препятствовать переправѣ, генералъ Эссенъ приказалъ всей кавалеріи своей, подъ начальствомъ генералъ-маіора графа Витгенштейна, перейти рѣку въ бродъ выше крѣпости, противъ с. Атака, и поспѣшно занять противуположныя высоты праваго берега рѣки. Для этого къ кавалеріи графа Витгенштейна былъ приданъ 10 Егерскій полкъ генералъ-маіора Маркова 2. При переправѣ каждый кавалеристъ долженъ былъ посадить возлѣ себя на лошадь по одному егерю. Для прикрытія переправы, на лѣвомъ бе-

регу Днѣстра, было выставлено шесть орудій Астраханскаго гренадерскаго полка.

Успѣхъ этой оригинальной переправы превзошелъ ожиданія. Безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны непріятеля, не видѣвшаго на рѣкѣ ни моста, ни паромовъ и потому не ожидавшаго переправы, войска графа Витгенштейна и Маркова 2-го перешли Днѣстръ и тотчасъ же устремились къ деревнѣ Атака, лежащей противъ Жванца, и заняли ее безъ сопротивленія, захвативъ нѣсколько турокъ въ плѣнъ. Когда, такимъ образомъ, переправившіяся войска утвердились на правомъ берегу Днѣстра, генералъ Эссенъ направилъ туда же одну роту конной артиллеріи подполковника Никитина. Рота эта, вмѣстѣ съ своимъ прикрытіемъ, переправилась уже на паромахъ, такъ какъ сильный вѣтеръ къ этому времени уже утихъ и переправа на паромахъ стала возможной. Рота Никитина, соединясь съ занимавшими деревню Атаку войсками, двинулась, вмѣстѣ съ ними, далѣе по направленію къ деревнѣ Румеліи, лежащей у самаго ретраншемента крѣпости, съ южной ея стороны.

Турки, занимавшіе Румелію, открыли огонь по наступавшимъ, но были выбиты изъ деревни, которая и занята нашими войсками, потерявшими, при этомъ, только одного казака.

Между тѣмъ генералъ Эссенъ поспѣшно переправлялъ на паромахъ, противъ Малиновцы, пѣхоту своей дивизіи, не встрѣчавшей никакого препятствія въ переправѣ. Всѣ вновь прибывавшія на правый берегъ войска примыкали къ стоявшимъ уже тамъ, къ югу отъ Хотина, частямъ, и скоро вся крѣпость была обложена съ трехъ сухопутныхъ сторонъ, имѣя съ четвертой, за Днѣстромъ, выставленныя противъ нея у Браги батареи. Тогда генералъ Эссенъ отправилъ къ хотинскому коменданту драгомановъ, надворныхъ совѣтниковъ Пи-

хельштейна и Микоша, съ требованіемъ сдачи крѣпости. Вѣрный турецкому правилу не давать положительнаго отвѣта и стараться въ затруднительныхъ обстоятельствахъ выиграть время, комендантъ Хотина, Мехметъ-паша, просилъ 10 дней срока для окончательнаго рѣшенія вопроса о сдачѣ, и прислалъ съ этою цѣлью въ русскій лагерь двухъ своихъ чиновниковъ; но генералъ Эссенъ отправилъ ихъ обратно, объявивъ притомъ, что ежели на другой день къ 10 часамъ утра, т. е. 14-го ноября, комендантъ не сдастъ крѣпости, то онъ возьметъ ее силою. Дѣйствительно, сдѣланы были по войскамъ всѣ нужныя распоряженія для овладѣнія крѣпостнымъ ретраншементомъ, а всѣ батареи получили приказаніе открыть, по условному знаку, бомбардированіе самой крѣпости.

Твердость и рѣшительность, обнаруженныя Эссеномъ, побудили Мехмета-пашу прислать въ назначенный часъ шесть своихъ уполномоченныхъ для подписанія условій сдачи. Условія эти были утверждены генераломъ Эссеномъ и состояли въ слѣдующемъ:

а) Хотинскій паша, со всею его свитою и войсками, выступаетъ изъ крѣпости, оставивъ въ ней всѣ знамена, какъ военные трофеи.

б) Девяти одамъ (ротамъ) янычаръ дозволяется выйти изъ крѣпости со всѣмъ своимъ имуществомъ и уйти куда захотятъ, оставляя въ крѣпости однѣ только казенныя вещи, которыя передаются русскимъ.

в) Военные снаряды оставляются въ крѣпости.

г) По занятіи Хотина русскими, турки должны удалиться въ предмѣстье, куда и соберутъ все свое частное имущество.

д) По выходѣ турецкаго гарнизона изъ крѣпости, къ нему придается русскій конвой для препровожденія турокъ до Галаца и Дуная.

е) Выступающіе турки имѣютъ право взять изъ хо-

тинскаго магазина восьмидневный запасъ провіанта и фуража, а также потребное для выступленія число подводъ.

ж) Русскія войска вступаютъ въ крѣпость черезъ Жванецкія и Стамбульскія ворота.

з) Присланные для переговоровъ турецкіе чиновники отпускаются обратно тотчасъ по занятіи крѣпости русскими войсками.

Условія эти подписаны Мехметомъ-пашою и Эссеномъ и 15-го ноября послѣдовало занятіе Хотина, гдѣ было найдено 162 орудія, болѣе 4,000 пудовъ пороха, 70,000 ядеръ, 40,000 бомбъ, болѣе 8,000 четвертей пшеницы, ржи, ячменя и проч.

Сдавшійся гарнизонъ состоялъ изъ 9 ротъ янычаръ, регулярнаго войска, въ числѣ до 500 человѣкъ, и 500 янычаръ-ямаковъ.

Всего 1,000 человѣкъ пѣхоты и 300 конныхъ, не считая нѣсколькихъ тысячъ вооруженныхъ турокъ, расположенныхъ по окрестнымъ деревнямъ [1]).

Комендантомъ крѣпости былъ назначенъ подполковникъ Гессе; самую же крѣпость заняли два баталіона Кіевскаго гренадерскаго полка, а остальныя войска 9-й дивизіи снова перешли на лѣвый берегъ Днѣстра и съ этого времени дѣйствовали уже на Вислѣ, въ связи съ арміею Буксгевдена.

Занятіе Хотина было весьма важно въ нравственномъ смыслѣ, какъ успѣшное начало нашихъ дѣйствій за Днѣстромъ. Сверхъ того, это освобождало цѣлую 9-ю дивизію, обезпечивало правый флангъ арміи Михельсона и лѣвый флангъ арміи Буксгевдена.

Пожаловавъ Эссену за взятіе Хотина орденъ св. Владиміра 2-й степени, Императоръ Александръ, въ рескриптѣ къ нему отъ 24 ноября, выражается: „При-

---

[1]) Воен. Уч. Арх., дѣло № 1349. Приложеніе № 13.

писываю таковой счастливый успѣхъ, по большей части, искуству и благоразумнымъ распоряженіямъ вашимъ".

Одновременно съ переходомъ 9-й дивизіи Эссена у Хотина, началась также переправа 1-й части главныхъ силъ у Могилева. 11-го ноября, по наведеннымъ здѣсь понтонамъ, переправился авангардъ, подъ начальствомъ князя Долгорукова, въ числѣ 3,415 чел. и 645 строевыхъ лошадей. Перешедшій авангардъ расположился у селенія Атака, лежащемъ на правомъ берегу Днѣстра, противъ Могилева, и здѣсь ожидалъ окончанія безпрепятственно производившейся переправы войскъ г.-л. Милорадовича.

Прежде изложенія дальнѣйшихъ дѣйствій нашихъ войскъ въ Молдавіи и Валахіи, упомянемъ о воззваніи, сдѣланномъ главнокомандующимъ ко всѣмъ начальствующимъ лицамъ въ дунайскихъ княжествахъ и за Дунаемъ, по поводу произведеннаго вступленія русскихъ войскъ въ предѣлы Турціи.

Въ прокламаціи этой генералъ Михельсонъ указываетъ на то, что въ то время, какъ Россія старалась тщательно выполнить всѣ, принятыя ею на себя, обязательства по послѣднему (ясскому) миру съ Турціей, и была далека отъ мысли воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Порты Оттоманской—французы вторглись въ Египетъ и овладѣли островами и городами бывшей венеціанской республики въ Адріатическомъ морѣ и въ Албаніи.

Въ то время, когда Россія готовилась заключить съ Турціей прочный союзъ и оказать ей помощь своими кораблями и войсками, для очищенія занятыхъ французами владѣній, сосѣднихъ съ предѣлами Порты, которые, поэтому находились въ опасности—Турція, состоя подъ вліяніемъ Франціи, нарушила свои обязательства и ничѣмъ не стѣснялась въ образѣ дѣйствій относительно Россіи.

Уже въ силу этихъ обстоятельствъ Россія имѣла право видѣть въ Турціи своего врага; но, желая сохранить съ Портой дружескія отношенія, и полагая, что образъ ея дѣйствій есть только результатъ личнаго вліянія нѣкоторыхъ лицъ въ министерствѣ, поддавшихся интригамъ Франціи, русское правительство употребило всѣ средства, чтобы доказать Его Величеству султану, насколько его дѣйствія не согласуются съ началами дружбы и съ интересами его имперіи. Но всѣ дружескія заявленія Россіи не привели ни къ какому результату, такъ какъ главнѣйшія лица турецкаго министерства принадлежатъ къ числу поклонниковъ Бонапарте. Между тѣмъ, достовѣрно извѣстно, что Бонопарте, подъ предлогомъ помочь султану уничтожить своевольныхъ янычаръ и усмирить всѣхъ недовольныхъ учрежденіемъ новаго въ Турціи регулярнаго войска, подъ именемъ низама, намѣревается ввести въ Румелію французскую армію, чтобы безпрепятственно занять владѣнія Порты и провозгласить себя императоромъ Востока. Императоръ Александръ, не находя другого средства вразумить султана и спасти его имперію отъ безграничнаго честолюбія Бонапарте, приказалъ части своей арміи вступить въ предѣлы Молдавіи и Валахіи, объявляя и обѣщая своимъ царскимъ словомъ, что армія эта не совершитъ ни малѣйшаго насилія или притѣсненія (hostilité ni vexation) и возвратится въ предѣлы Россіи тотчасъ, какъ Его Величество султанъ уволитъ тѣхъ изъ своихъ министровъ, которые, по своей преданности къ Франціи, побудили его нарушить свои обязательства относительно Россіи, и дозволитъ, согласно трактата 1791 г., свободный пропускъ русскихъ торговыхъ и военныхъ судовъ чрезъ Константинопольскій проливъ въ Дарданеллы и обратно, и когда султанъ, въ согласіи съ Россіей и Англіей, приметъ энергическія мѣры для изгнанія французовъ изъ Далмаціи.

„Согласно такого рѣшенія, сказано въ воззваніи, и согласно повелѣніямъ Его Императорскаго Величества, я вамъ заявляю и торжественно ручаюсь, что армія, которою я имѣю честь командовать, не совершитъ никакого враждебнаго дѣйствія противъ территоріи управляемаго вами округа и будетъ поступать дружественно, доколѣ съ вашей стороны не будетъ относительно ея сдѣлано что либо противное правиламъ дружбы, и пока Его Величество султанъ не предпочтетъ начать скорѣе съ Россіей войну, чѣмъ исправить сдѣланныя противъ насъ ошибки турецкаго правительства и возстановить прямой и точный смыслъ условій заключеннаго съ Турціей трактата“.

Въ прокламаціи говорится также, что Турція, подъ разными предлогами, не исполняетъ конвенціи 1800 г. относительно республики семи острововъ (Іонической) и Албаніи и оказываетъ пристрастіе къ пашѣ янинскому, не смотря на всѣ заявляемыя противъ него жалобы и на требованія, чтобы онъ очистилъ Бучинтро.

Только удовлетвореніемъ настоящихъ, вполнѣ законныхъ, требованій Россіи, опирающихся на заключенныхъ съ Портою трактатахъ, она можетъ вступить въ полное съ нею соглашеніе, полезное для Турціи и столь желаемое Россіей [1]).

По изданіи этой прокламаціи, перешедшія Днѣстръ войска быстро двинулись въ глубь Молдавіи, съ цѣлью занять Яссы. Авангардъ князя Долгорукаго 12-го ноября былъ уже у Кетросъ, 13-го перешелъ къ Бѣльцамъ, 14-го къ Фалешти и 15-го находился уже у Скулянъ на Прутѣ, гдѣ была устроена переправа черезъ рѣку. 16-го князь Долгорукій занялъ Яссы. Корпусъ Милорадовича непосредственно слѣдовалъ за кн. Долгорукимъ и 18-го ноября вступилъ въ Яссы.

[1]) Приложеніе № 14. Воен. Уч. Арх. Рукоп. № 1369.

Михельсонъ доносилъ: „Вступленіе наше въ здѣшній край (Молдавію) сопровождается очевидною радостію и удовольствіемъ народа здѣшняго и духовенства. Но бояре есть партій различныхъ и есть такіе, кои требуютъ вниманія за поведеніемъ ихъ. Господарь Мурузи, подъ видомъ болѣзни, не ѣдетъ и остановился въ Фокшанахъ“.

Жители Яссъ встрѣтили русскія войска съ восторгомъ, чему много способствовала извѣстная прокламація Михельсона и строгая дисциплина войскъ, пріобрѣвшихъ себѣ полное довѣріе жителей. Одновременно съ прокламаціей къ жителямъ, Михельсонъ послалъ письмо къ пашамъ виддинскому и рущукскому. Къ первому изъ нихъ, Пассевану, который прежде неоднократно увѣрялъ въ своей преданности Россіи, Михельсонъ говоритъ, что русская армія вступила въ Молдавію не для завоеваній, но для принужденія исправить ошибки Порты и для отмѣны реформъ (по уничтоженію янычаръ), которыя могутъ произвести волненія, вредныя для согласія обѣихъ имперій, и повели бы къ неизбѣжному разрыву. „Я увѣренъ, что вы и другіе начальники городовъ и крѣпостей, по сю и по ту сторону Дуная, не предпримете ничего противъ ввѣренной мнѣ арміи, и что вы будете содѣйствовать мнѣ, какъ я вамъ и другимъ, какъ если-бы мы были друзьями и въ совершенномъ согласіи. Поэтому, мое поведеніе будетъ зависѣть отъ вашего и другихъ турецкихъ начальниковъ“.

Пассеванъ-паша не далъ никакого отвѣта.

Въ письмѣ къ Мустафѣ-Байрактару рущукскому Михельсонъ говоритъ: „Я предупреждаю васъ, что я не только считаю васъ за друга Россіи, но что мнѣ повелѣно оказывать вамъ всевозможное покровительство въ случаѣ, когда вы и ваши подчиненные не предпримутъ ничего вреднаго той дружбѣ, которую я вамъ предлагаю“. Въ отвѣтъ на это письмо Мустафа-паша убѣждалъ Михельсона очистить Молдавію и Валахію, присо-

вокупляя притомъ угрозу дѣйствовать, въ противномъ случаѣ, оружіемъ: „Я отрядилъ 50,000 чел. въ Бухарестъ для защиты онаго и, сверхъ того, ожидаю еще новыхъ подкрѣпленій, которыя будутъ дѣйствовать противъ русскихъ, если они станутъ продолжать свои движенія“.

Михельсонъ отвѣчалъ на это, отъ 8-го декабря 1806 года: „Я получилъ письмо ваше, на которое, послѣ всего, что я вамъ писалъ, не остается мнѣ ничего болѣе сказать, какъ только то, что я не могу возвратиться назадъ, и что ни силы ваши, о коихъ мнѣ пишете, ни угрозы не въ состояніи меня остановить. Посѣдѣвшій на полѣ чести и привыкшій побѣждать болѣе, чѣмъ въ 50 баталіяхъ, воинъ не можетъ устрашиться угрозъ, и особенно тогда, когда дѣйствія его основаны на повелѣніяхъ его Государя и единственно клонятся для пользы какъ сихъ двухъ княжествъ, такъ и вообще Оттоманской имперіи“. Затѣмъ, Михельсонъ совѣтовалъ Мустафѣ-пашѣ удалиться въ дунайскія крѣпости и ожидать результата константинопольскихъ переговоровъ, чтобы избѣжать безполезнаго кровопролитія. Мустафа-паша просилъ у Пегливана, измаильскаго паши, совѣта, въ какомъ смыслѣ отвѣчать Михельсону, на что и послѣдовалъ слѣдующій рѣзкій отвѣтъ: „Михельсонъ, увѣряя Порту въ дружбѣ Россіи, старался насъ обмануть для того, чтобы неожиданно напасть и овладѣть турецкими крѣпостями. Теперь, когда онъ убѣдился, что обманъ его понятъ и что онъ не нашелъ въ насъ себѣ приверженцевъ, онъ прибѣгаетъ къ новой лжи, стараясь распустить слухъ, будто бы онъ, по порученію Порты, долженъ уничтожить Пегливана Измаильскаго и Мустафу Рущукскаго. Застигнутые врасплохъ, мы теперь рѣшились вступить въ Валахію и идти противъ нашего врага. Ничто не измѣнитъ этого рѣшенія. Если русскіе хотятъ мира, то должны *возвратить намъ Крымъ*, которымъ

владѣютъ безъ всякаго права. Тогда я сообщу объ этомъ Портѣ, чтобы начать переговоры о мирѣ и, съ помощію Божіей, надѣюсь заключить его. Но если русскіе не возвратятъ намъ Крыма до боя, тогда мы поведемъ переговоры на той уже сторонѣ Днѣстра. Вотъ мой отвѣтъ генералу Михельсону. Таковъ же долженъ быть и вашъ ему отвѣтъ—сообщите ему объ этомъ“ [1]).

Занявъ Яссы, главнокомандующій хорошо понималъ, что не слѣдуетъ терять времени и нужно быстро распространить дѣйствія для занятія Валахіи.

„Избираю къ сему ваше превосходительство, писалъ Михельсонъ генералу Милорадовичу отъ 23 ноября 1806 года, яко опытность, храбрость и усердіе ваше неоднократно отличались“. Главнокомандующій приказалъ составить особый авангардный отрядъ для вступленія въ Валахію. Отрядъ этотъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Уланіуса, состоялъ изъ 6-го егерскаго полка, которымъ командовалъ самъ Уланіусъ; Олонецкаго мушкетерскаго полка генералъ-маіора Мичурина; двухъ баталіоновъ Орловскаго мушкетерскаго, двухъ баталіоновъ Апшеронскаго и одного баталіона Бѣлорусскаго полка, при генералъ-маіорѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ. Сверхъ того тутъ были 2 орудія Донской конной артиллеріи, полуторабатарейной батареи маіора Веселицкаго, рота піонеръ Вырубова и 4 сотни казаковъ, полка Мелентьева.

Въ то же время, Михельсонъ приказалъ князю Долгорукову, съ 1-мъ баталіономъ Орловскаго полка, съ его орудіями, Кинбурнскимъ драгунскимъ полкомъ, однимъ баталіономъ Бѣлорусскихъ гусаръ, 4-мя орудіями Донской конной артиллеріи и 100 казаковъ Мелентьева полка, выступивъ изъ Яссъ вслѣдъ за авангардомъ генералъ-маіора Уланіуса, слѣдовать до Бырлада, показывая видъ наступленія на Бухаресъ, а изъ Бырлада измѣнить направленіе и неожиданно явиться у Галаца,

[1]) М. И. Д. Michelson 1806.

чтобы захватить городъ и всѣ богатые склады продовольствія, тамъ заготовленные турками.

По занятіи Галаца князь Долгорукій долженъ былъ отдѣлить часть войскъ для занятія Текуча и наблюдать теченіе Прута. вверхъ до Уанчи, сохраняя полную связь съ корпусомъ Милорадовича и подчиняясь ему непосредственно.

Корпусъ Милорадовича, запасшись въ Яссахъ продовольствіемъ и перевозочными средствами, слѣдовалъ за авангардомъ, который двигался на Васлуй, разсылая разъѣзды къ Пруту, по фальчинской дорогѣ. Слѣдуя далѣе на Бырладъ и Текучъ, Уланіусъ занялъ, 2-го декабря, Фокшаны, гдѣ и остановился на три дня для отдыха, и въ ожиданіи прибытія къ Фокшанамъ корпуса Милорадовича. Одинъ баталіонъ пѣхоты, подполковника Кожина, 300 казаковъ и рота піонеръ выставлены были отъ авангарда. впереди Фокшанъ, для разъѣздовъ и наблюденія дорогъ, къ сторонѣ Браилова и Рымника.

Оставивъ обозы въ Фокшанахъ, авангардъ Уланіуса выступилъ, 8 декабря, изъ Фокшанъ къ Рымнику, занявъ значительнымъ отрядомъ Мартинешти, для наблюденія дороги въ Браиловъ, чтобы обезпечить лѣвый флангъ и тылъ нашихъ войскъ, на случай появленія непріятеля со стороны Браилова. Прибывъ 8-го числа въ Бузео, Уланіусъ остался здѣсь на 9 и 10 число, чтобы дать время подойти главнымъ силамъ Милорадовича. Такая остановка была вполнѣ раціональна, такъ какъ, приближаясь къ Бухаресту, Уланіусъ могъ ожидать встрѣчи съ турками, а потому ему не слѣдовало слишкомъ выдаваться впередъ, а нужно было подождать приближенія главныхъ силъ.

Поэтому, только 10-го декабря, Уланіусъ двинулся къ Мартинешти. Еще 1-го ноября Михельсонъ писалъ Милорадовичу, что рущукскій Аянъ-Мустафа Байрактаръ имѣетъ намѣреніе, даже безъ разрѣшенія Порты,

воспротивиться силою оружія занятію нами Валахіи и Бухареста, гдѣ онъ собралъ, будто, бы до 60,000 человѣкъ.

Не полагая, чтобы въ Бухарестѣ могло быть болѣе 5,000 человѣкъ, Михельсонъ требовалъ возможно-быстраго движенія къ столицѣ Валахіи, и потому былъ весьма недоволенъ остановками для отдыха, которыя дѣлалъ князь Долгорукій, слѣдуя къ Галацу. Долгорукій дѣлалъ переходы всего по 17 верстъ а, между тѣмъ, Милорадовичъ находилъ, что прежде чѣмъ будетъ занятъ Галацъ, движеніе къ Бухаресту не безопасно, подвергая тылъ его корпуса нападенію отъ Браилова.

Въ случаѣ дѣйствительнаго превосходства непріятеля въ силахъ, Милорадовичу дозволялось призвать къ себѣ большую часть отряда князя Долгорукаго, который, въ такомъ случаѣ, долженъ былъ отдѣлить для занятія Галаца только часть своихъ войскъ. Михельсонъ указывалъ на то, что быстрота и неожиданность появленія передъ непріятелемъ важнѣе самой численности войскъ.

Въ видахъ еще большаго обезпеченія корпуса Милорадовича, главнокомандующій приказалъ корпусу графа Каменскаго I-го быстро двинуться впередъ и смѣнить оставленные Милорадовичемъ посты въ Фокшанахъ и Рымникѣ, которые должны были присоединиться къ своему корпусу. Въ Рымникѣ Каменскій долженъ былъ расположить Фанагорійскій полкъ, 1 баталіонъ Чугуевскаго полка, 6 орудій батарейной артиллеріи и 50 челов. донскихъ казаковъ. Рымникскій отрядъ, по первому требованію Милорадовича, долженъ былъ двинуться къ Бухаресту; тогда фокшанскій постъ переходитъ въ Рымникъ; постъ въ Текучѣ занимаетъ Фокшаны; бырладскій постъ переходитъ въ Текучь и фальчинскій въ Бырладъ.

Изъ этого видно, что распоряженія Михельсона были безупречны. Все было расчитано вѣрно, предвидѣны всѣ

случайности, и главный расчетъ былъ основанъ на быстротѣ движенія къ Бухаресту.

Между тѣмъ, Милорадовичъ, довѣряя преувеличеннымъ слухамъ, передаваемымъ шпіонами, не рѣшался, какъ это было сказано, идти далѣе впередъ, прежде занятія Галаца, и потому, вмѣсто движенія къ Бухаресту, лично отправился къ отряду князя Долгорукаго. Михельсонъ, указывая на то, что для занятія Галаца достаточно было выслать всего одинъ баталіонъ гусаръ съ 2-мя орудіями, писалъ Милорадовичу отъ 6-го декабря: „Я долженъ вашему превосходительству при семъ замѣтить, что служба не терпитъ, чтобы подчиненные смѣли поступать въ противность повелѣніямъ, увеличивая опасности гдѣ оныхъ нѣтъ, и упускали время, которое потерявъ возвратить не можно“.

Поэтому, вновь требуя занятія Бухареста, главнокомандующій говорилъ, что—„Всякое упущеніе времени и неисполненіе моихъ предписаній я буду умѣть взыскать“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Михельсонъ указывалъ на общія основанія дѣйствій противъ турокъ. Основываясь на опытѣ суворовскихъ войнъ, онъ находилъ, что—въ случаѣ многочисленнаго непріятеля, полезно строиться въ продолговатыя карре, въ двѣ линіи, съ прикрытыми флангами.— „Въ карре имѣть резервы и легкій обозъ, ибо тяжелый всегда оставляется въ таковыхъ случаяхъ, въ отдаленности, подъ прикрытіемъ; а карре таковыя обыкновенно дѣйствуютъ каждый самъ собою, по учрежденію начальствующаго, и не ближе одинъ отъ другаго, какъ чтобы другъ другу выстрѣлами вредить нельзя было, когда бы непріятель хотѣлъ между нихъ прорваться, и такъ, что бы кавалерія противъ превосходной силы непріятельской могла, между оными построившись, имѣть свое прикрытіе и дѣлать пораженіе непріятелю“.

Между тѣмъ войска наши заняли уже Рымникъ и

Бузео, гдѣ нашли не малые запасы продовольствія. Михельсонъ, не смотря на свое нездоровье, отправился догонять корпусъ Милорадовича, которому, безотлагательно, предписалъ двигаться къ Бухаресту, чтобы не дать непріятелю времени усилиться.

Аянъ Рущукскій, дѣйствительно, готовился встрѣтить русскихъ. Онъ выслалъ противъ нихъ изъ Бухареста до 5,000 челов., которые и расположились въ селеніяхъ Глодени и Урзигени.

Авангардъ генералъ-маіора Уланіуса, выступивъ изъ Маржинешти въ 4 часа утра 11 ноября, нашелъ въ Глодени передовыя турецкія войска и рѣшился, немедленно, атаковать ихъ съ трехъ сторонъ, стараясь отрѣзать отъ переправы черезъ рѣку Яломицу. Выставленные въ двухъ верстахъ передъ Глодени турецкіе пикеты, съ ихъ прикрытіями, открыли огонь по выдвинотому впередъ отъ авангарда, со всею конницею, отряду подполковника Ставровича. Вмѣстѣ съ тѣмъ остальные 2,300 турокъ, занимавшихъ Глодени, выступили изъ селенія и, построившись въ боевой порядокъ, также открыли огонь. Ставровичъ приказалъ капитану Глѣбову обойти лѣвый флангъ противника и стараться отрѣзать его отъ переправы на Яломицѣ.

Въ то же время старшина Мелентьевъ, обойдя правый флангъ непріятеля, воспользовался топкою лощиною и, пройдя по ней незамѣченнымъ, сталъ у непріятеля въ тылу, позади Глодени.

По исполненіи этихъ обходныхъ движеній, Ставровичъ открылъ наступленіе съ фронта и сбилъ съ позиціи турецкую пѣхоту, которая тотчасъ обратилась въ бѣгство къ Глодени и, преслѣдуемая ударами сабель, пряталась въ церкви и по домамъ селенія.

Между тѣмъ Уланіусъ съ пѣхотою авангарда спѣшилъ къ Глодени, выславъ впередъ стрѣлковъ 6-го егерскаго полка и Апшеронскаго гренадерскаго баталіона,

для уничтоженія засѣвшихъ въ строеніяхъ Глодени турокъ, что и было исполнено съ полнымъ успѣхомъ. Начавшись на разсвѣтѣ, дѣло у Глодени продолжалось два часа. Занявъ селеніе, Уланіусъ выслалъ впередъ свою кавалерію, для преслѣдованія бѣгущаго непріятеля по дорогѣ къ Каторкѣ-Маре. Между тѣмъ, въ помощь бѣгущимъ быстро слѣдовали изъ Каторка-Маре и Урзичени новыя силы, которыя въ числѣ до 5,000 челов. соединились съ отступавшими отъ Глодени и ударили тремя густыми массами на драгунъ и казаковъ Ставровича, преслѣдовавшихъ бѣгущихъ. Для поддержанія Ставровича, значительно уступавшаго въ силѣ противнику, Уланіусъ выслалъ впередъ стрѣлковъ своего отряда, которые построились въ два отдѣльныя двухъ-баталіонныя карре.

Одно изъ нихъ, подъ начальствомъ подполковника Кожина, двинулось на поддержаніе и прикрытіе праваго фланга Ставровича, и другое, маіора Штерха, прикрыло лѣвый флангъ его. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Уланіусъ выслалъ на позицію и донскую артиллерію своего отряда.

Тѣмъ не менѣе, турки такъ упорно дрались, что только введенная въ дѣло пѣхота авангарда и, въ особенности, удачное дѣйствіе бывшихъ при ней 4 орудій заставили турокъ отступить за Каторка-Маре; часть укрылась въ этомъ селеніи, а другая разбѣжалась по полямъ. До 400 чел. турокъ осталось на полѣ сраженія; взято въ плѣнъ 10 чел. и захвачено два знамени, одно Бѣлорусскаго гусарскаго полка ротмистромъ Шидянскимъ, а другое охотниками, которые подѣлили между собою самое знамя, оставивъ одно только древко.

Съ нашей стороны убитъ ротмистръ Ставицкій. Нижнихъ чиновъ убитъ 1 и ранено 70 чел., что, сравнительно съ потерею у непріятеля, представляло уронъ весьма малый, имѣя въ виду превосходство силъ противника и

ПЛАНЪ №1
Занятіе Букареста
13го Декабря 1806 г.

Фундени
Рѣчка Колентина
Колентина
Св. Пантелеймона
БУКАРЕСТЪ.
Въ г. Плоэшти
Р. Дымбовица
Масштабъ
0 835 1670 С.

чрезвычайно упорный бой съ обѣихъ сторонъ, длившійся три часа [1]).

Незначительное само по себѣ дѣло у Глодени было важно уже потому, что служило предвѣстникомъ будущихъ побѣдъ русскихъ надъ турками. Превосходство непріятеля въ силахъ и легкость его коней не дозволили нашей утомленной конницѣ отрѣзать его отъ переправы на Яломицѣ.

Непріятель успѣлъ уйти и разломать мостъ на переправѣ. Трудность исправленія моста заставила генералъ-маіора Уланіуса ограничиться переправою на паромахъ только части своей пѣхоты. Кавалерія перешла рѣку вплавь, остальныя войска отряда остановились у Урзичени.

На другой день, 12 декабря, Уланіусъ перешелъ къ Синешти, а 13-го подошелъ къ Бухаресту.

Между тѣмъ, Мустафа Байрактаръ не смутился пораженіемъ своего передоваго отряда у Глодени, и готовился къ отчаянной защитѣ Бухареста.

Господарь Валахіи, кн. Ипсилантій, успѣвшій набрать для личной своей защиты тысячный отрядъ сербскихъ арнаутовъ, заперся съ ними въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ и ожидалъ своего избавленія только отъ русскихъ. Мустафа Байрактаръ также занялъ нѣкоторые монастыри, а остальныя свои войска выставилъ предъ городомъ для защиты ведущихъ къ нему путей [2]).

Въ виду значительныхъ силъ противника, нельзя было расчитывать на овладѣніе городомъ одними войсками авангарда. Поэтому генералъ Уланіусъ поджидалъ спѣшившій къ Бухаресту корпусъ Милорадовича. Остановка переправы черезъ Яломицу едва не погубила столицы Валахіи. На собранномъ военномъ совѣтѣ турки, хотя

---

[1]) Рапортъ г.-м. Уланіуса отъ 14 декабря 1806 г. В. Уч. Арх.

[2]) Планъ № 1.

рѣшились защищать Бухарестъ, но не надѣясь удержать его, постановили приступить, 13-го числа, къ убійству всѣхъ христіанъ, живущихъ въ городѣ, и къ ограбленію ихъ имущества. Одинъ валахъ, бѣжавшій изъ города, успѣлъ сообщить объ этомъ Милорадовичу, прибытія котораго къ Бухаресту турки ожидали не ранѣе 14-го числа.

Получивъ это извѣстіе, Милорадовичъ поспѣшилъ къ Бухаресту, и прибылъ, какъ нельзя болѣе, кстати. Отрядъ турокъ осаждалъ уже монастырь св. Пантелеймона, въ которомъ заперлись сербы и кн. Ипсилантій. Милорадовичъ, по прибытіи къ Фундени, выслалъ оттуда на освобожденіе сербовъ часть своей кавалеріи, которая, съ возможною быстротою, прибыла къ осажденному монастырю, разогнала турокъ и, соединясь съ сербами, двинулась къ Бухаресту, примкнувъ къ лѣвому флангу отряда Милорадовича (D).

Слѣдуя тремя колоннами, форсированнымъ маршемъ, къ Бухаресту, Милорадовичъ прибылъ 13-го числа къ деревнѣ Фундени, и перейдя болотистый ручей Колентина, построилъ боевой порядокъ въ три карре (A, B, C) съ общимъ резервомъ (R) и открылъ огонь по предмѣстьямъ.

Толпы турокъ, собравшихся впереди города, поспѣшили укрыться за его строеніями. При этомъ одинъ наѣздникъ, видя Милорадовича впереди войскъ и замѣтя его генеральскій мундиръ, отважно подскакалъ къ нему на нѣсколько шаговъ, сдѣлалъ пистолетный выстрѣлъ, къ счастію, неудачный, и помчался назадъ. Милорадовичъ, обращаясь къ казакамъ, составлявшимъ его конвой, сказалъ. „продайте мнѣ коня этого турка“. Казаки нагнали турка, пронизали его пиками, и привели коня Милорадовичу, щедро наградившему ихъ за отвагу.

Для вступленія въ Бухарестъ, Милорадовичъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія. Среднее карре (A), подъ

начальствомъ генералъ - маіора Голенищева - Кутузова, слѣдовало по большой урзиченской дорогѣ, ведущей въ Бухарестъ. Авангардъ Уланіуса, лѣвое крыло (В), направленъ лѣвѣе, въ обходъ города для занятія моста на Дымбовицѣ; а отрядъ генералъ-маіора Мичурина, правое карре (С), составленное изъ части авангарда Уланіуса, взяло направленіе вправо отъ большой дороги.

Выбивая сильнымъ натискомъ всѣ засѣвшія по окраинамъ города, въ канавахъ и огородахъ, турецкія войска, колонны Голенищева-Кутузова и Уланіуса вступили въ городъ съ двухъ сторонъ и, слѣдуя концентрически, соединились вмѣстѣ у моста на Дымбовицѣ. Къ нимъ, въ скоромъ времени, присоединилась и колонна генералъ-маіора Мичурина, къ дѣйствіямъ которой мы и обратимся.

13-го декабря, генералъ-маіоръ Мичуринъ, съ отрядомъ изъ 2 баталіоновъ Олонецкаго полка и 100 казаковъ, былъ отправленъ Уланіусомъ вправо отъ урзиченской дороги, на дорогу, ведущую изъ Бухареста въ Плоешти, чтобы вступить въ городъ съ этой стороны, въ томъ соображеніи, что непріятель готовилъ встрѣчу только по урзиченской дорогѣ. Отрядъ Мичурина направился прямо къ сѣверному предмѣстью города, причемъ впередъ были высланы 50 казаковъ и стрѣлки, при маіорѣ Трегубовѣ, которые, подойдя къ предмѣстью, были встрѣчены сильнымъ ружейнымъ огнемъ непріятеля, скрывшагося въ ближайшихъ зданіяхъ, рвахъ и огородахъ.

Въ виду усилившейся перестрѣлки были высланы впередъ еще 20 казаковъ и стрѣлки при подполковникѣ Второвѣ, которому и поручено было командовать всѣми передовыми частями отряда, съ приказаніемъ, во чтобы ни стало, вступить въ предмѣстье. Генералъ - маіоръ Мичуринъ лично находился при передовыхъ войскахъ, оставивъ остальной свой отрядъ подполковнику Фонъ-Эссену, съ приказаніемъ также вступить въ городъ.

Не обращая вниманія на непріятельскій огонь, Эссенъ вступилъ въ черту города и выбилъ противника изъ его закрытій.

Преслѣдуя бѣгущихъ турокъ, генералъ-маіоръ Мичуринъ на пути узналъ, что въ монастырѣ Сорока Мучениковъ (а) засѣло до 400 турокъ. Остановивъ отрядъ на площади, Мичуринъ отправилъ подполковника Эссена съ баталіономъ пѣхоты и двумя орудіями для очищенія этого монастыря, что и было вскорѣ исполнено.

Затѣмъ, собравъ весь отрядъ, Мичуринъ, гоня передъ собою непріятеля, прошелъ весь городъ съ сѣвера на югъ, выйдя чрезъ рущукскія ворота, гдѣ и собрался весь отрядъ Милорадовича (Е). Для преслѣдованія бѣгущихъ были высланы казаки, никому не дававшіе пощады и захватившіе два знамени. Дѣйствія Милорадовича были настолько быстры, что бѣжавшіе со всѣхъ сторонъ турки не имѣли даже времени приступить къ грабежу, а думали только о скорѣйшемъ очищеніи города и его предмѣстій.

Войска Мустафы бѣжали за Аржисъ по дорогѣ въ Журжу и къ Туртукаю. Часть же ихъ засѣла въ большомъ, имѣющемъ высокую каменную ограду, монастырѣ Вокарешти, находящемся верстахъ въ четырехъ къ югу отъ Бухареста (в). Удачнымъ дѣйствіемъ русскихъ орудій и этотъ монастырь былъ очищенъ. Занимавшіе его турки частью переколоты, а остальные, спасаясь врозь, бѣжали за Аржисъ.

Для дальнѣйшаго преслѣдованія бѣгущихъ былъ высланъ генералъ-маіоръ Уланіусъ съ 6 егерскимъ полкомъ, двумя баталіонами Апшеронскаго и двумя эскадронами Чугуевскаго полка, при четырехъ сотняхъ казаковъ и 200 арнаутовъ. Сверхъ того, въ отрядѣ были баталіонъ піонеръ и 4 орудія артиллеріи [1]).

[1]) Рапортъ г.-л. Милорадовича отъ 17-го декабря 1806 г. Воен. Уч. Арх.

Занявъ столь удачно Бухарестъ и спася, такимъ образомъ, городъ отъ разграбленія турками, Милорадовичъ снискалъ искреннюю благодарность жителей столицы Валахіи, гдѣ онъ и учредилъ главную квартиру русскаго корпуса. Выславъ наблюдательные отряды въ Бузео, Рымникъ, Тыргокули и Фокшаны, Милорадовичъ обезпечилъ свое сообщеніе съ Яссами и наблюдалъ противника къ сторонѣ Браилова и Дуная.

Между тѣмъ, отрядъ кн. Долгорукаго, назначенный для занятія Галаца, выступилъ туда 2-го декабря изъ Бырлада, слѣдуя на Пуцени и Пека. Долгорукій, зная, что въ Галацѣ имѣются большіе запасы пшеницы, расчитывалъ, что турки вышлютъ для защиты этого города значительныя подкрѣпленія изъ Браилова, гдѣ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, было до 7,000 чел., не считая 3,000 запорожцевъ въ окрестностяхъ крѣпости. Поэтому кн. Долгорукій просилъ усилить его еще тремя баталіонами. Главнокомандующій замѣтилъ на это, что едва ли въ Браиловѣ можетъ быть столько войска, что разстояніе отъ Браилова до Галаца довольно значительно (до 20 верстъ) и потому браиловскія войска не могутъ вдругъ прибыть къ Галацу и что, сверхъ того, зная, что русскіе заняли уже Бузео и Рымникъ, турки должны оставить для защиты Браилова не менѣе половины всего гарнизона. Поэтому, не усиливая отряда кн. Долгорукаго, Михельсонъ приказалъ ему не медлить занятіемъ Галаца, сдѣлавъ, впрочемъ, Милорадовичу указаніе поддержать, въ случаѣ надобности, кн. Долгорукаго, который, однако, занялъ 6-го декабря Галацъ однимъ своимъ отрядомъ.

Такимъ образомъ, однимъ только корпусомъ Милорадовича были заняты обѣ столицы княжествъ. Слишкомъ быстрое движеніе этого корпуса застало непріятеля неприготовившимся къ оборонѣ, но, въ то же время, ставило Милорадовича въ отдѣльное положеніе отъ прочихъ

войскъ арміи Михельсона, и могло подвергнуть его опасности, въ случаѣ наступленія на него главныхъ турецкихъ силъ, со стороны Дуная. Поэтому, ограничиваясь занятіемъ Бухареста, Милорадовичъ не распространялъ далеко на югъ своихъ дѣйствій, въ ожиданіи приближенія къ театру дѣйствій корпуса гр. Каменскаго и Мейндорфа, къ обзору дѣйствій которыхъ мы теперь и обратимся.

Корпусъ гр. Каменскаго 1-го, который, какъ мы видѣли, долженъ былъ переправиться на правый берегъ Днѣстра у Могилева. могъ перейти рѣку не ранѣе 24 ноября, вслѣдствіе встрѣченныхъ имъ при переправѣ затрудненій. Показавшійся на рѣкѣ ледъ не дозволялъ переправиться на понтонахъ, которые пришлось вовсе убрать, такъ что нужно было дѣлать переходъ на лодкахъ малыми частями войскъ; къ тому же, достаточнаго количества лодокъ на мѣстѣ не оказалось, такъ что нужно было ожидать ихъ прибытія изъ Ямполя, возводя вверхъ противъ теченія рѣки.

По совершеніи переправы 24-го ноября, корпусъ Каменскаго быстро двинулся на югъ, и 8-го декабря былъ уже въ Бырладѣ.

Въ это время получены были извѣстія, что со стороны Дуная готовится наступленіе большихъ турецкихъ силъ противъ Бухареста. Поэтому, для усиленія своего корпуса, Милорадовичъ приказалъ кн. Долгорукому оставить въ Галацѣ всего 2 эскадрона кавалеріи и слѣдовать къ нему на соединеніе чрезъ Урзичени. Крайне недовольный оставленіемъ Галаца безъ надлежащей защиты, Михельсонъ писалъ Милорадовичу, что онъ, самовольно измѣняя его предписанія, разрушаетъ всѣ его предначертанія. Галацкій постъ былъ важенъ на случай движенія браиловскаго паши къ Рымнику или Фокшанамъ.

Хотя браиловскій паша и изъявлялъ намъ свои миро-

любивыя наклонности, но расчитывать на это было нельзя, такъ какъ и Аянъ рущукскій, Мустафа Байрактаръ, также первоначально изъявлялъ намъ дружбу, и потомъ оказалъ себя злѣйшимъ врагомъ нашимъ. Поэтому, на случай движенія турокъ изъ Браилова къ Рымнику, галацкій отрядъ долженъ былъ перейти Серетъ и ударить въ тылъ непріятелю, стараясь отрѣзать его отъ Браилова. Въ виду такого значенія галацкаго отряда, Михельсонъ приказалъ занять его изъ корпуса гр. Каменскаго, стоявшаго уже въ Бырладѣ, баталіономъ Смоленскаго мушкетерскаго и двумя баталіонами Одесскаго полковъ, при генералъ-маіорѣ Ушаковѣ. Сверхъ того, туда же отправлены 2 эскадрона Тверскаго драгунскаго полка, къ которымъ должны были присоединиться еще 2 эскадрона того же полка, конвоировавшіе къ Галацу хотинскихъ плѣнныхъ турокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, весь отрядъ кн. Долгорукаго главнокомандующій подчинилъ гр. Каменскому, приказавъ занять этимъ отрядомъ Обилешти, для уничтоженія непріятельскихъ партій, появлявшихся для грабежа, со стороны Туртукая и Силистріи.

Въ то же время корпусъ гр. Каменскаго двинулся далѣе на югъ, имѣя главною задачею войти въ связь съ корпусомъ Милорадовича, занимавшимъ Бухарестъ, обезпечивать сообщенія съ Яссами, и наблюдать нижнее теченіе Дуная отъ Туртукая до Галаца. Сообразно съ этимъ назначеніемъ, Каменскій, въ концѣ декабря, имѣлъ слѣдующее расположеніе:

Главная квартира корпуса въ мѣстечкѣ Слободзеѣ, на р. Яломицѣ; отдѣльные посты занимали Бырладъ, Текучь, Фокшаны и Рымникъ. Въ первомъ находился Тверской драгунскій полкъ, во второмъ — Староингерманландскій полкъ. Въ Фокшанахъ—Смоленскій пѣхотный, а въ Рымникѣ—Фанагорійскій гренадерскій и баталіонъ Чугуевскаго регулярнаго казачьяго полка.

Для наблюденія Дуная, небольшіе посты находились: 5 эскадроновъ въ Ульмѣ, между Обилешти и Силистріей, для ближайшаго наблюденія которой, а также для разъѣздовъ къ сторонѣ Россовата и Черноводы, одинъ эскадронъ поставленъ въ Каларашѣ. Отрядъ кн. Долгорукаго стоялъ въ Обилешти, занимая однимъ баталіономъ Урзичени.

Полъ-эскадрона выставлено въ Орашѣ противъ Гирсова. Галацкій отрядъ наблюдалъ Браиловъ, Мачинъ и Исакчи.

Въ двадцатыхъ числахъ декабря, генералъ-маіоръ Ушаковъ, съ двумя баталіонами пѣхоты, переведенъ изъ Галаца въ Фокшаны, а галацкій постъ, соотвѣтственно усиленный, перешелъ въ командованіе генералъ-маіора Колюбакина.

Говоря о подробностяхъ расположенія корпуса гр. Каменскаго, Михельсонъ, въ предписаніи послѣднему, отъ 18-го декабря, ставитъ ему на видъ, „что главный долгъ всякаго офицера нашего званія—есть обезпечить тылъ свой“. Поэтому онъ указывалъ на важность Рымника, какъ главнаго пункта на сообщеніяхъ.

Такое расположеніе корпуса гр. Каменскаго давало ему возможность, правымъ своимъ флангомъ, соприкасаться съ Милорадовичемъ, а лѣвымъ — съ корпусомъ генерала Мейндорфа, имѣвшимъ дѣйствовать въ пространствѣ между низовьемъ Прута и Днѣстра, и овладѣть Бендерами.

Часть корпуса генерала Мейндорфа переправилась черезъ Днѣстръ на паромахъ, 21-го ноября, у Дубосаръ и двинулась къ Оргѣеву. Здѣсь она соединилась, 22-го числа, съ другою частью корпуса, состоявшаго въ командѣ генералъ-маіора Герарда, которая, перейдя Днѣстръ у Могилева, вслѣдъ за корпусомъ Милорадовича, направилась къ Оргѣеву. Отсюда произведено уже общее движеніе къ Бендерамъ.

„Желательно, чтобы крѣпость Бендеры могла быть занята вами. какимъ либо благовиднымъ образомъ. зависящимъ единственно отъ благоразумія вашего высокопревосходительства; воспользоваться случаемъ, еслибы таковой открылся“,—такъ писалъ Михельсонъ Мейндорфу, отъ 7-го ноября 1806 года.

Впрочемъ сказано далѣе: „поелику Высочайшей воли Его Императорскаго Величества нѣтъ на покореніе крѣпостей съ пожертвованіемъ, но единственно простирается намѣреніе къ тому, что расположеніе наше въ Молдавіи отъ крѣпости сей обезпечить, то, въ случаѣ невозможности овладѣть Бендерами безъ кровопролитія, слѣдуетъ держать ее въ блокадѣ, занять Лапушну и выставить посты къ Пруту. перейдя къ Рябой-Могилѣ, гдѣ и вступить въ связь съ первымъ корпусомъ“.

Не смотря на всѣ предварительныя работы. которыя турецкое правительство приказало произвести по укрѣпленію Бендеръ, осада которой, во время екатерининскихъ войнъ съ Турціей, потребовала столь продолжительныхъ усилій и жертвъ всей арміи графа Панина, оказалось, что въ настоящее время крѣпость была вполнѣ беззащитна и укрѣпленія ея въ разрушеніи.

23-го ноября. развернувъ свои силы передъ Бендерами, Мейндорфъ отправилъ къ коменданту крѣпости парламентера, требуя немедленной сдачи и угрожая, въ противномъ случаѣ, взять ее силою.

Еще по прибытіи въ Дубосары, генералъ Мейндорфъ отправилъ къ бендерскому пашѣ Гуссейну парламентера, поручивъ ему передать, что многочисленная русская армія должна вступить въ предѣлы Турціи, и потому просилъ не препятствовать ей занять для отдыха Бендеры, присовокупляя притомъ, что армія эта чрезъ нѣсколько дней увеличится прибытіемъ къ ней войскъ, уже перешедшихъ Днѣстръ у Могилева. Въ рапортѣ

своемъ отъ 25-го ноября 1806 г. Михельсону, Мейндорфъ такъ описываетъ занятіе Бендеръ.

„Прибывъ въ Дубасары, отправилъ въ Бендеры бригадира Каторжи, сказать пашѣ, что русскія войска должны вступить въ предѣлы Турціи и потому чтобы не было препятствія къ вступленію въ Бендеры. Паша отвѣчалъ, что онъ этого дозволить не можетъ и будетъ защищаться. Тогда ему вторично было заявлено, что Россія не въ войнѣ съ Турціей, а напротивъ, въ дружбѣ съ нею, и потому мы не намѣрены дѣйствовать оружіемъ, а просимъ только дозволить расположить наши войска въ крѣпости и ея форштадтѣ, съ увѣреніемъ, что никому не будетъ нанесено ни вреда, ни насилія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣсколько турокъ было подкуплено, чтобы не запирать крѣпостныхъ воротъ. Гуссейнъ-паша, наконецъ, объявилъ, что не противится занятію крѣпости, но съ тѣмъ, чтобы онъ остался на прежнемъ положеніи и съ полученіемъ нынѣшняго жалованья, что я ему и обѣщалъ“ [1]).

Гарнизону и жителямъ, также, обѣщалось сохраненіе жизни, свободы и имущества.

Престарѣлый и слабый здоровьемъ Гуссейнъ-паша, давно уже бывшій въ немилости и со дня на день ожидавшій отрѣшенія отъ занимаемаго имъ поста, не имѣлъ въ перспективѣ ничего для себя хорошаго; въ случаѣ же потери крѣпости съ бою, ему оставалось или умереть по приказанію султана, или погибнуть отъ руки побѣдителя. Поэтому паша вступилъ въ переговоры, для чего и отправилъ въ Дубосары довѣренное лицо, главнымъ образомъ, съ цѣлью опредѣлить силу русскихъ войскъ. Чтобы ввести непріятеля въ заблужденіе, Мейндорфъ прибѣгнулъ къ весьма оригинальной хитрости. Онъ приказалъ всѣмъ своимъ войскамъ пройти походными колоннами передъ окнами дома, въ которомъ от-

---

[1]) Гос. Гл. Арх. Campagnes, Turquie, 1806, Mémoires.

ведено было помѣщеніе для посланнаго паши. При этомъ головныя части войскъ, послѣ прохожденія, сворачивали въ боковыя улицы и, сдѣлавъ обходъ, становились въ хвостѣ проходящихъ войскъ, мѣняя только верхнюю одежду; бывшіе въ мундирахъ надѣвали шинели, и на оборотъ, вмѣсто касокъ надѣвали фуражки; идя въ первый разъ съ ружьями на плечѣ, они вторично несли ихъ на перевѣсъ, потомъ подъ курокъ, затѣмъ на погребеніе и т. д. Посланный, глубокомысленно считая отдѣльныя части, насчиталъ ихъ въ пять разъ болѣе дѣйствительности и былъ слишкомъ далекъ отъ догадки, что передъ нимъ разыгрывается театральная мистификація. Для довершенія иллюзіи, Мейндорфъ приказалъ собрать въ одинъ обширный вагенбургъ всѣ полковыя и обозныя повозки, занявъ передній фасъ его всѣми орудіями, бывшими при отрядѣ. Передъ самымъ отъѣздомъ посланнаго, Мейндорфъ указалъ ему, издали, на вагенбургъ и далъ замѣтить, что у него очень много артиллеріи. Иллюзія вышла полная. Посланный передалъ пашѣ, что видѣлъ несмѣтныя силы русскихъ. Когда же паша узналъ, что къ Бендерамъ дѣйствительно прибыли еще новыя войска, направленныя изъ Могилева на Оргѣевъ, то въ немъ сложилось уже твердое убѣжденіе въ невозможности отстоять крѣпость силою. Тѣмъ не менѣе, желая замаскировать сдачу, онъ объявилъ, что дозволяетъ русскимъ вступить не въ крѣпость, а лишь въ ея предмѣстье и только для печенія хлѣба, тогда какъ Мейндорфу и печь было нечего.

Отрядъ Воинова, назначенный Мейндорфомъ для вступленія въ крѣпость, двинулся изъ лагеря въ сумерки 24-го ноября, въ составѣ двухъ баталіоновъ 11-го егерскаго полка. Пройдя мостъ и вступивъ въ ясскія ворота крѣпости, одинъ баталіонъ занялъ валъ вправо, а другой влѣво отъ входа. Для охраненія воротъ оставлены два орудія, заряженныя картечью, и въ прикрытіе

къ нимъ рота пѣхоты. Вслѣдъ за отрядомъ Воинова вошли въ крѣпость чрезъ стамбульскія ворота, также оказавшіяся отпертыми, и остальныя войска. Генералъ-маіоръ Ермоловъ, полковникъ Монахтинъ и Платовъ 3 заняли остальную часть вала, съ бастіонами и крѣпостными орудіями. Утромъ 24-го ноября, паша передалъ ключи крѣпости. Гарнизонъ ея и жители, отдавъ оружіе, получили право свободно выступить въ Измаилъ.

Старый и слабый бендерскій паша не обнаружилъ ни малѣйшей попытки къ оборонѣ. Комендантомъ Бендеръ назначенъ генералъ-маіоръ Хитровъ.

Такая невѣроятная уступка первоклассной крѣпости можетъ быть объяснена только тѣмъ, что по настоящее время война, въ сущности, еще не была объявлена, и Турція избѣгала начать открыто военныя дѣйствія. Поэтому, коменданты турецкихъ крѣпостей не получили ни надлежащихъ оборонительныхъ средствъ, ни даже инструкцій, какъ имъ поступать въ виду русскихъ войскъ. Еще при занятіи кн. Долгорукимъ Галаца, комендантъ Браилова сдѣлалъ ему письменный запросъ, какъ онъ долженъ смотрѣть на приближеніе русскихъ? Князь Долгорукій отвѣчалъ, что такъ какъ никакой войны не объявлено, то и всѣ дѣйствія русскихъ должны быть разсматриваемы съ дружественной точки зрѣнія. Паша успокоился и остался въ полномъ бездѣйствіи. Занятіе Хотина, и въ особенности Бендеръ, чрезвычайно взволновало всѣ политическія сферы въ Константинополѣ. Италинскій совершенно терялся, въ какомъ смыслѣ ему отвѣчать на дѣлаемые со всѣмъ сторонъ вопросы по случаю занятія русскими войсками турецкихъ крѣпостей и просилъ соотвѣтственныхъ указаній.

Депешею отъ 5-го декабря 1806 года, баронъ Будбергъ приказывалъ Италинскому дать объясненія въ томъ смыслѣ, что „взятіе Хотина и занятіе Бендеръ объясняются извѣстною необходимостью вступленія въ

княжества, чтобы принудить диванъ силою сдѣлаться благоразумнѣе. Мы не могли оставить у себя въ тылу этихъ крѣпостей. Это нисколько не измѣняетъ положенія дѣлъ и султанъ можетъ войти въ дружественныя сношенія съ Императоромъ, что теперь для султана важнѣе, чѣмъ когда-либо. Какъ ни блестящи наши успѣхи, имъ предпочитается важность дружбы съ султаномъ, если онъ того желаетъ. Императоръ предпочтетъ открыть султану обманъ (piège) со стороны общаго врага, чѣмъ воспользоваться ошибками и слабостью Порты. Поэтому, взятыя въ крѣпостяхъ знамена не считаются у насъ добычею, но отправлены къ Михельсону, и Турція можетъ послать къ нему довѣренныхъ лицъ для полученія ихъ обратно [1]).

Такимъ образомъ, Турція все еще не имѣла прямаго повода считать войну объявленною и, не подготовленная къ борьбѣ, теряла самое дорогое время.

При такомъ положеніи вопроса, русской арміи оставалось только брать поскорѣе и побольше, пока Турція не замѣтитъ, что потеряла уже половину своихъ оборонительныхъ средствъ.

Съ этою цѣлью Михельсонъ приказалъ корпусу генералъ-лейтенанта Дюка-де-Ришелье, расположенному между Бугомъ и Днѣстромъ, занять Аккерманъ и Паланку, чтобы вполнѣ владѣть теченіемъ Днѣстра.

Ришелье приказалъ генералъ-маіору Ловейко переправиться, 28-го ноября, черезъ Днѣстръ у Паланки и занять ее, что и было исполнено. Въ отрядѣ Ловейко было 7 ротъ Алексопольскаго полка, 400 бугскихъ казаковъ Бѣляева и сотня Власова 2-го полка. На другой день, 29-го числа, Ришилье перешелъ рѣку у Паланки же, съ двумя баталіонами Бутырскаго полка и съ артиллеріею полковника Трескина. Въ тотъ же день

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Boudberg à M. Italinsky, Michelson 1805—1806.

Ришелье вступилъ въ Паланку. 30-го ноября онъ собралъ свой отрядъ въ Рошѣ и сдѣлалъ переходъ до Мологи, гдѣ имѣлъ ночлегъ, а 1-го декабря, въ 12 часовъ пополудни, „миролюбивѣйшимъ образомъ“ занялъ Аккерманъ. Таиръ-паша согласился сдать городъ, не смотря на незначительный отрядъ Ришелье, потому что въ то время къ городу подошла часть нашей черноморской флотиліи, изъ 8-ми канонирскихъ и 2-хъ бомбардирскихъ лодокъ, при контръ-адмиралѣ Пустошкинѣ, отправленномъ маркизомъ де-Траверсе въ помощь Ришелье.

Въ Аккерманѣ оказалось 62 мѣдныхъ пушекъ, 6 мортиръ и много боевыхъ припасовъ [1]), пшеницы 1,000 и проса 500 килъ. 7-го декабря генералъ Зассъ высланъ изъ Аккермана къ Киліи и, слѣдуя форсированнымъ маршемъ, прошелъ 120 верстное разстояніе въ три дня. 9-го числа, выступая изъ деревни Нерукчай, въ 25 верстахъ отъ Киліи, Зассъ выслалъ впередъ казаковъ, при полковникѣ Ферстерѣ, чтобы увѣдомить жителей Киліи о приближеніи русскихъ войскъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оставивъ пѣхоту слѣдовать къ крѣпости, Зассъ, съ Переяславскимъ драгунскимъ полкомъ и 1 баталіономъ Алексопольскаго полка, выѣхалъ впередъ и 9-го декабря занялъ Килію, жители которой встрѣтили его весьма дружественно.

По занятіи Киліи, корпусъ Дюка-де-Ришелье расположился слѣдующимъ образомъ:

Генералъ-маіоръ Ловейко съ 2 баталіонами Алексопольскаго и 2 баталіонами Бутырскаго полковъ занялъ Аккерманъ и его форштадтъ. Баталіонъ Полтавскаго полка въ Паланкѣ. Генералъ-лейтенантъ Зассъ съ Переяславскимъ драгунскимъ полкомъ имѣлъ главную квартиру также въ Аккерманѣ, а эскадроны полка въ

[1]) Рапортъ Дюка-де-Ришелье Михельсону, отъ 1 декабря 1806 г. В. Уч. Арх.

окрестныхъ селеніяхъ. 2-й Бугскій казачій полкъ и сотня донскихъ казаковъ въ Аккерманѣ и окрестностяхъ. Состоящіе подъ командою генералъ-маіора Хитрова 1 баталіонъ Нижегородскаго полка въ Тирасполѣ, а другіе 2 баталіона въ селеніяхъ Малгешти, Бутори и другихъ, имѣя штабъ въ Слободзеѣ. 2 баталіона Ладожскаго полка въ Каручинѣ и по деревнямъ.

Генералъ-маіоръ Ребендеръ съ лейбъ-кирасирскимъ полкомъ находился въ Тирасполѣ, Житомірскій драгунскій полкъ въ Яскѣ и окрестностяхъ. Расположивъ такимъ образомъ войска своего корпуса, Ришелье уѣхалъ въ Одессу, поручивъ командованіе корпусомъ генералу Зассу.

Позднее время года не допускало дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Нужно было озаботиться расположеніемъ войскъ на зимнихъ квартирахъ. Впрочемъ, оставалось еще привести въ исполненіе попытку овладѣть Измаиломъ, въ надеждѣ, что подобно Бендерамъ, можно будетъ также легко захватить и эту первоклассную твердыню на Дунаѣ, знаменитый штурмъ которой Суворовымъ обезсмертилъ память русскаго героя.

Поискъ къ Измаилу долженъ былъ произвести корпусъ генерала Мейндорфа, который имѣлъ сношеніе съ жителями крѣпости, обѣщавшими ему сдать Измаилъ безъ боя.

Выступивъ изъ Бендеръ, корпусъ Мейндорфа прибылъ 16 декабря къ Измаилу. Намѣреваясь воспользоваться обѣщанною помощію, и не имѣя осадныхъ пушекъ, Мейндорфъ тотчасъ же отправилъ къ коменданту требованіе сдачи. Но кромѣ турецкихъ войскъ въ Измаилѣ, тамъ были еще значительныя войска извѣстнаго Пеглевана-Оглу и Босняка-Оглу, старавшихся, сверхъ того, поднять всѣхъ буджакскихъ татаръ, для упорной борьбы противъ Россіи. Число войскъ въ Измаилѣ было не менѣе 15,000. Въ отвѣтъ на требованіе Мейндорфа,

комендантъ Измаила прислалъ два султанскіе фирмана, въ которыхъ строго предписывалось не сдавать крѣпость ни подъ какимъ предлогомъ.

Мейндорфъ объявилъ посланнымъ, что такъ какъ непріязненныя дѣйствія начаты были со стороны Порты, то онъ снова требуетъ сдачи, и въ доказательство своего намѣренія взять крѣпость силою, приказалъ, съ наступленіемъ ночи, бросить въ крѣпость нѣсколько бомбъ, изъ имѣвшихся у него пяти мортиръ.

Тогда паша прислалъ вторично парламентера, извѣщая, что крѣпость онъ не сдастъ и прося Мейндорфа отступить, при чемъ, имѣя въ виду, что русскія войска не имѣютъ припасовъ, онъ предлагалъ дать имъ своихъ проводниковъ, съ обѣщаніемъ, что все нужное на пути слѣдованія русскихъ будетъ имъ предоставлено.

Мейндорфъ, принимая во вниманіе, что не имѣетъ приказанія взять крѣпость оружіемъ, что повело-бы къ большимъ потерямъ, которыя ослабили бы его корпусъ, на случай движенія большихъ непріятельскихъ силъ со стороны Дуная и, имѣя въ виду, что при отрядѣ не было даже провіанта, рѣшился отойти отъ Измаила, сообщивъ объ этомъ пашѣ.

Но во время этихъ переговоровъ изъ крѣпости была произведена, 17 числа, значительная вылазка.

Замѣтивъ, что половина лошадей русской кавалеріи была выведена на водопой, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ лагеря, Пеглеванъ и Босніякъ-Оглы, выйдя изъ крѣпости, съ значительнымъ числомъ янычаръ и конницы, спустились къ Дунаю и, скрываясь за береговыми его высотами, намѣревались отрѣзать этихъ лошадей отъ лагеря. Въ то же время другая часть непріятельскихъ войскъ, сбивъ передовые казацкіе посты, бросились впередъ, съ цѣлью захватить главную квартиру русской арміи, находившуюся на правомъ флангѣ лагеря.

Замѣтивъ это, Мейндорфъ выслалъ впередъ казачій

Платова 3-го полкъ, который заставилъ, пробиравшагося берегомъ Дуная непріятеля, обратиться въ бѣгство назадъ, чтобы вмѣсто намѣренія отрѣзать не быть самому отрѣзаннымъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ два эскадрона Сѣверскаго драгунскаго полка, подъ командою полковника Денисова, двинулись для встрѣчи непріятеля, готовившагося напасть на главную квартиру, и опрокинули его. Однако, изъ крѣпости прибыли къ отступавшимъ новыя подкрѣпленія и Денисовъ былъ окруженъ сильнѣйшимъ противникомъ. Тогда Мейндорфъ выслалъ на усиленіе Денисова, отъ своего праваго фланга, генералъ-маіора Воинова, съ двумя эскадронами Житомірскаго драгунскаго полка; а отъ лѣваго фланга также два эскадрона драгунъ, при генералъ-маіорѣ Ребендерѣ. Усиліями драгунъ непріятель былъ обращенъ въ бѣгство. Тѣмъ не менѣе, въ ожиданіи новыхъ нападеній изъ крѣпости на нашу кавалерію, слишкомъ выдвинувшуюся впередъ отъ лагеря, Мейндорфъ выслалъ, на подкрѣпленіе ея, полковника Манахтина съ двумя баталіонами Новгородскаго полка и два баталіона 11-го егерскаго полка, при генералъ-маіорѣ Балле. Оба они, построясь въ карре, выдвинулись на высоту кавалеріи. Янычары, въ значительномъ числѣ, бросились на карре Манахтина, но были отбиты сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, и обратились въ бѣгство, преслѣдуемые егерями Балле, подошедшими подъ самыя стѣны крѣпости. Рѣшившись отступить, Мейндорфъ, чтобы не терять напрасно людей, приказалъ всѣмъ передовымъ войскамъ отойти къ лагерю.

Въ этомъ дѣлѣ, продолжавшемся два съ половиною часа, непріятель потерялъ до 500 челов.; съ нашей стороны убиты 31, ранено 49 человѣкъ.

Паша измаильскій объяснилъ, что причиною начатаго дѣла было своеволіе Пеглевана-Оглы, дѣйствовав-

шаго по собственной инициативѣ. Генералъ Мейндорфъ отвѣтилъ на это, что такъ какъ при подобномъ своеволіи можно ожидать повторенія такого же нападенія, то онъ рѣшился не отступать отъ крѣпости до слѣдующаго дня. Но турки не дѣлали больше никакихъ покушеній, почему Мейндорфъ, чувствуя большой недостатокъ въ сѣнѣ и ячменѣ, отступилъ 19 декабря къ Гречени (Грязени) [1]) и затѣмъ слѣдовалъ черезъ Формозу къ Фальчи.

Поискъ къ Измаилу былъ предпринятъ Мейндорфомъ крайне нерасчетливо, почему и закончился пустымъ фарсомъ, способствуя лишь воодушевленію турокъ, приходящихъ въ энтузіазмъ отъ малѣйшаго своего успѣха или отъ неудачи противника. Полагаясь на одни словесныя заявленія нѣкоторыхъ лицъ, вышедшихъ изъ Измаила, что жители и самъ комендантъ крѣпости готовы сдаться безъ боя, Мейндорфъ, не имѣя ни осадной артиллеріи, ни даже продовольственныхъ припасовъ, появился предъ сильнѣйшею изъ дунайскихъ крѣпостей, взятіе которой было нѣкогда вѣнцомъ славы Суворова, и расчитывалъ овладѣть ею съ пустыми руками. Въ письмѣ отъ отъ 14 января 1807 г., баронъ Будбергъ писалъ по этому поводу Михельсону: „Его Императорское Величество съ неудовольствіемъ узнать изволилъ о крайне неосторожномъ поступкѣ барона Мейндорфа. Его Величество не можетъ не удивляться, что начальникъ сей, съ такою легковѣрностію, поддался на льстивыя обѣщанія измаильскаго паши, не принявъ даже никакой предосторожности, дабы удостовѣриться въ искренности ихъ и взять аманатовъ.

Одобряя отступленіе Мейндорфа къ Гречени, способствовавшее большему сосредоточенію всѣхъ силъ арміи, Михельсонъ приказалъ только усилить постъ въ Ренни, рас-

---

[1]) Рапортъ Мейндорфа къ Михельсону отъ 17 декабря 1806 г. Воен. Уч. Арх. № 1346.

положивъ въ немъ 100 казаковъ съ пушкою и ротою пѣхоты, и подкрѣпить Галацкій постъ генералъ-маіора Ушакова, такъ какъ были получены свѣдѣнія, что около Ренни и Галаца непріятель усиливается и готовится даже произвести на эти два пункта нападеніе отъ Исакчи.

Поэтому, въ Галацъ былъ назначенъ, къ бывшимъ тамъ войскамъ, Житомірскій драгунскій полкъ, а въ Ренни—2 баталіона пѣхоты и 1 полкъ казаковъ, съ генералъ-маіоромъ Ермоловымъ.

Послѣдовавшая въ это время болѣзнь Дюка-де-Ришелье заставила главнокомандующаго поручить бывшія при дунайской арміи части 13-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанту Ланжерону, подчинивъ его, въ то же время, генералу Мейндорфу.

На обязанности Ланжерона, главнымъ образомъ, лежало охраненіе нашихъ границъ и наблюденіе за татарами, которыхъ Пегливанъ-паша, находившійся въ Измаилѣ, не переставалъ возмущать противъ русскихъ.

„Для того, писалъ Михельсонъ Ланжерону, нужно взять возможныя мѣры, чтобъ видѣли они (татары) силы, могущія не только держать ихъ въ уздѣ, но и защищать. Прикрытіе границъ и удержаніе татаръ въ добромъ расположеніи вы признаете главнѣйшимъ вашимъ предметомъ, а разбить непріятеля вамъ большаго труда стоить не будетъ [1]).

Для ближайшаго наблюденія границъ, генералъ Ланжеронъ расположилъ свою главную квартиру въ Кишиневѣ. Затѣмъ при эскадрона лейбъ-кирасирскаго полка заняли Дубосары, а по 3 эскадрона драгунъ поставлены: Смоленскаго полка въ Тирасполѣ, Переяславскаго и Житомірскаго въ селеніяхъ Коротномъ и Обручахъ.

По всему протяженію пограничной линіи выставлены были наблюдательные посты, которымъ запрещено было

---

[1]) Предписаніе Михельсона Ланжерону отъ 26 декабря 1806 г., Воен. Уч. Арх. № 1363.

вступать въ перестрѣлку съ непріятелемъ, чтобы не подвергаться невыгодамъ имѣть дѣло съ превосходными силами противника. По обнаруженіи непріятеля, наблюдательные посты немедленно, даютъ знать о томъ на главные свои посты, и начинаютъ отступленіе, стараясь навести противника на главные посты, которые были расположены въ редутахъ, ими же устроенныхъ.

Имѣя въ виду, что въ концѣ декабря Дунай замерзаетъ, и потому переходъ непріятельскихъ партій черезъ рѣку дѣлается болѣе удобнымъ, Михельсонъ приказалъ генералу Мейндорфу занять полкомъ пѣхоты Фокшаны, чтобы отсюда, смотря по надобности, подать помощь къ сторонѣ Галаца и Ренни или къ сторонѣ Рымника, на случай покушеній противника отъ Исакчи или Браилова.

Недовольный генералъ-маіоромъ Ушаковымъ, который, получивъ приказаніе усилить постъ въ Ренни, выступилъ туда со всѣмъ своимъ отрядомъ изъ Галаца, оставивъ этотъ важный пунктъ совершенно безъ войскъ, Михельсонъ приказалъ ему возвратиться въ Галацъ и, затѣмъ, оттуда слѣдовать съ 2 баталіонами пѣхоты въ Бузео, пунктъ, имѣвшій лишь второстепенное значеніе и который служилъ только для обезпеченія связи съ Бухарестомъ, т. е. былъ въ тылу арміи.

Въ то же время, 26 декабря, Михельсонъ приказалъ Мейндорфу присоединить къ состоявшимъ подъ его командою войскамъ весь корпусъ Дюка-де-Ришелье, такъ какъ послѣдній, по болѣзни, не могъ болѣе продолжать командованіе корпусомъ, передавъ его, какъ мы видѣли, генералъ-лейтенанту Ланжерону. Вообще, въ теченіе зимы предстояло только обезпечить наши войска отъ набѣговъ непріятельскихъ партій, почему главнокомандующій обратилъ особенное вниманіе на строгость исполненія караульной службы на передовыхъ постахъ, приказавъ имъ, въ случаѣ появленія непріятельской пар-

тіи, силою не болѣе 300 человѣкъ, немедленно атаковать и разбить ее. Такъ, 23 декабря, партія турокъ, до 300 челов., выступивъ изъ Силистріи, появилась у Калараша. Бѣлорусскаго гусарскаго полка ротмистръ Ольшевскій, съ своимъ эскадрономъ, въ которомъ было всего 92 челов., атаковалъ непріятеля, разбилъ его совершенно и вогналъ въ Дунай, гдѣ многіе турки потонули, оставивъ притомъ на мѣстѣ схватки до 100 челов. убитыми. У насъ же было тяжело ранено только 4 челов.

Дѣломъ у Калараша закончились военныя дѣйствія 1806 года, и армія Михельсона расположилась на зимнихъ квартирахъ.

Главная квартира арміи находилась въ Бухарестѣ, корпуса Милорадовича въ Синтешти, къ югу отъ Бухареста, съ авангардомъ въ Копочени; а корпуса графа Каменскаго въ Слободзеѣ, занимая отдѣльными постами Фокшаны и Рымникъ, для наблюденія со стороны Браилова.

Главная квартира генерала Мейндорфа находилась въ Фальчи, занимая отдѣльными постами Бендеры, Аккерманъ, Тобакъ, Килію, Ренни, гдѣ былъ генералъ-маіоръ Ермоловъ, Галацъ, куда, по отбытіи генерала Ушакова, назначенъ генералъ-маіоръ Колюбакинъ, и Бузео, съ генералъ-маіоромъ Ушаковымъ.

Такимъ образомъ, безъ объявленія войны Россіи, Турція потеряла все пространство между Днѣстромъ и Дунаемъ, съ крѣпостями Хотинъ, Бендеры и Килія, и съ обѣими столицами Дунайскихъ княжествъ. Къ довершенію всего, 30 ноября, сербы взяли штурмомъ Бѣлградъ.

Французскій посланникъ въ Константинополѣ, генералъ Себастіани, только теперь успѣлъ убѣдить султана объявить Россіи войну, которая и началась, собственно съ 1807 года.

КАМПАНІЯ 1807 ГОДА.

I.

Манифестъ Порты, объявляющій Россіи войну.—Вооруженныя силы.—Приготовленіе арміи Михельсона къ кампаніи 1807 г.—Рекруты и усть-дунайское войско.—Магазины и перевозочныя средства.—Госпитали.—Расположеніе молдавской арміи къ началу 1807 года.—Планъ дѣйствій турокъ.—Наступательныя дѣйствія турокъ отъ Измаила.—Дѣла при Карманкуѣ и Куй-беѣ.—Дѣйствія Мейндорфа подъ Измаиломъ.—Движенія корпуса графа Каменскаго къ Браилову и дѣйствія подъ этою крѣпостью.

Мы видѣли какія причины заставляли армію генерала Михельсона спѣшить переходомъ черезъ Днѣстръ и вступленіемъ въ предѣлы Турціи. Война еще не была объявлена ни съ той, ни съ другой стороны, и въ прокламаціи къ турецкимъ пограничнымъ начальникамъ Михельсонъ объяснялъ необходимость вступленія русскихъ войскъ въ предѣлы Порты намѣреніемъ Россіи противиться замысламъ Бонапарте, который, подъ видомъ дружбы къ султану, намѣревается отнять у него престолъ и объявить себя Императоромъ Востока.

Такая постановка вопроса привела въ недоумѣніе многихъ турецкихъ начальниковъ, сомнѣвавшихся въ томъ, дѣйствительно ли султанъ въ состояніи отличить своихъ враговъ отъ друзей и наоборотъ.

Что же касается до самаго султана Селима III, то онъ, опасаясь войны съ Россіей, опасался и Франціи, и потому желалъ бы, чтобы его оставили въ покоѣ.

Но обстоятельства слагались такъ, что нужно было на что нибудь рѣшиться.

Вступленіе русскихъ войскъ въ предѣлы Турціи заставляло подумать о дальнѣйшихъ его послѣдствіяхъ.

Спустя мѣсяцъ по переходѣ арміи Михельсона черезъ Днѣстръ, султанъ обратился къ русскому и англійскому

посламъ въ Константинополѣ съ жалобами на нарушеніе неприкосновенности его владѣній.

Въ нотѣ 11 (23) декабря къ Италинскому говорится, что—„Россія, явнымъ образомъ, нарушаетъ дружественныя связи съ Портою. Она возмущаетъ грековъ и сербовъ противъ турецкаго правительства, коварно овладѣла крѣпостью Фаши [1]), подговариваетъ въ службу жителей Румеліи и Албаніи и, не смотря на удовлетвореніе, данное Портой возстановленіемъ князей Молдавскаго и Валахскаго, она заняла Молдавію и не прекращаетъ далѣе своихъ завоеваній“.

Поэтому султанъ требовалъ, чтобы Италинскій съ своею свитою оставилъ, не позже трехъ дней, Константинополь. Русскимъ же купцамъ и другимъ подданнымъ Россіи, находящимся въ столицѣ Порты, назначался 10-ти дневный срокъ для выѣзда, если русская армія не очиститъ Молдавіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Порта обратилась къ англійскому посланнику въ Константинополѣ Арбутноту, прося его, какъ друга Россіи, о посредничествѣ въ настоящемъ дѣлѣ.

Въ письмѣ отъ 21 декабря 1806 г. Арбутнотъ писалъ Михельсону, что онъ принялъ на себя посредничество въ спорѣ между Россіей и Турціей, такъ какъ Англія находится въ дружественныхъ отношеніяхъ съ обѣими этими державами. Начиная съ вопроса о занятіи русскими Молдавіи, Арбутнотъ говоритъ, что Италинскій не могъ дать по этому предмету никакихъ точныхъ объясненій. Между тѣмъ султанъ и его министры искренно желаютъ избѣжать войны. Поэтому, ничѣмъ нельзя объяснить занятія русскими Молдавіи, послѣ того какъ Порта удовлетворила требованіямъ Россіи, относительно возстановленія господарей Молдавіи и Валахіи, и не подала никакихъ новыхъ поводовъ къ войнѣ.

[1]) Бендеры.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Арбутнотъ просилъ русскаго главнокомандующаго вывести свои войска изъ Дунайскихъ княжествъ, въ ожиданіи, какой исходъ примутъ дипломатическіе переговоры между обѣими державами.

Въ томъ же письмѣ, Арбутнотъ указываетъ на другое обстоятельство, могущее послужить поводомъ къ неизбѣжной войнѣ. Въ Яссахъ былъ арестованъ и отправленъ въ Россію французскій консулъ Рейнгардъ, за его дѣйствія, направленныя противъ русскихъ. Арестъ Рейнгарда побудилъ генерала Себастіани настаивать на заключеніи Италинскаго въ извѣстный Семибашенный замокъ, въ которомъ томились русскіе посланники въ Константинополѣ, въ эпоху екатерининскихъ войнъ съ Турціей. Арбутнотъ указывалъ, что только благодаря его энергическому протесту противъ заключенія Италинскаго, протесту, подкрѣпленному присутствіемъ въ гавани нѣсколькихъ англійскихъ кораблей, султанъ не рѣшился по сіе время арестовать русскаго посла. Поэтому, Арбутнотъ проситъ освободить Рейнгарда, чтобы спасти Италинскаго и всю его свиту.

Рейнгардъ былъ, дѣйствительно, освобожденъ; но тѣмъ не менѣе Порта объявила Россіи войну 18 (30) декабря 1806 г. Находившійся въ Константинополѣ русскій бригъ, назначенный для отъѣзда Италинскаго, былъ арестованъ, такъ что Италинскій лично нашелъ убѣжище на англійскомъ кораблѣ, и спасся, благодаря Арбутноту [1]).

Манифестъ султана, объявляющій войну Россіи, состоялъ въ слѣдующемъ. Начиная съ общихъ разсужденій о важности строгаго соблюденія заключенныхъ трактатовъ, Порта, будто бы, никогда ихъ не нарушавшая, ставитъ на видъ всѣмъ цивилизованнымъ народамъ, что въ случаѣ возникающихъ между двумя державами недоразумѣній, онѣ прежде чѣмъ приступить къ враждеб-

[1]) Баронъ Будбергъ гр. Гудовичу отъ 7 января 1807 г.

нымъ дѣйствіямъ, стараются рѣшить спорный вопросъ путемъ дипломатическихъ переговоровъ. Только Россія, побуждаемая своими жадными (avides) и корыстными видами, поступаетъ противно этимъ правиламъ.

Такъ, по трактату 1188 г. (1774), она признала полную независимость Крыма; а между тѣмъ, рядомъ интригъ и при посредствѣ военной силы, она среди мира съ Турціей присоединила къ своимъ владѣніямъ эту обширную провинцію. Равнымъ образомъ, не взирая на извѣстныя всему свѣту права Порты на владѣнія Грузіи, послѣдняя также присоединена къ Россіи.

Русскіе консулы въ Константинополѣ соблазняли многихъ подданныхъ Порты переселяться въ Россію, и отправляли ихъ на своихъ корабляхъ, тогда какъ, въ силу трактата, по турецкимъ морямъ дозволялось плаваніе только русскаго коммерческаго флота. Раздавая патенты въ предѣлахъ Турціи, Россія разными приманками успѣла привлечь многихъ жителей острововъ Средиземнаго моря, подданныхъ Порты, предоставившихъ свои корабли въ ея распоряженіе. Россія много содѣйствовала возстанію сербовъ, снабжала ихъ деньгами и припасами, и отправляла къ нимъ своихъ руководителей.

Прося султана дозволить, всего на одинъ разъ, провезти чрезъ его владѣнія запасы для своихъ войскъ, Россія, не смотря на то, что по дружбѣ ей было дозволено только это, отправила къ Фаши (Бендеры) свои войска съ артиллеріею и разными припасами. Вооруженною рукою, русскіе заняли крѣпость Анакорію (Anacorye), [1]) и возвели укрѣпленія въ Гембалѣ, чѣмъ и проявили военныя дѣйствія.

Не смотря на многочисленные запросы, дѣлаемые русскому послу, по поводу такого поведенія его двора, по сіе время, кромѣ неопредѣленныхъ отвѣтовъ, онъ не далъ никакихъ объясненій.

[1]) Хотинъ.

Не взирая на то, что республика семи островов (Іоническая) никакимъ образомъ не зависитъ отъ Россіи, и что для остановокъ русскихъ войскъ въ предѣлахъ республики должно быть испрошено на то согласіе ея правителей, получающихъ свое утвержденіе отъ султана,—Россія располагаетъ тамъ столько войскъ, сколько заблагоразсудитъ, и поступаетъ съ республикой, какъ съ своей провинціей. Она вводитъ тамъ свои законы и порядки, по предписаніямъ изъ Петербурга, и сдѣлала республику центромъ, для привлеченія соблазняемыхъ ею сосѣднихъ съ Румелію подданныхъ Порты, давая убѣжище даже разбойникамъ. Нѣтъ такой интриги, сказано въ манифестѣ, которой бы русскіе агенты въ этихъ мѣстахъ не пустили въ ходъ съ цѣлью распространить неудовольствіе противъ Али-паши, правителя Янины.

Противно смысла трактатовъ и нейтралитета Турціи, русскіе военные корабли постоянно выходили изъ Чернаго моря. Чрезъ многочисленныхъ агентовъ своихъ, секретно отправленныхъ въ Албанію, Россія производила тамъ наборъ солдатъ, нанимая ихъ за деньги и присоединяя ихъ къ своимъ войскамъ, отправляемымъ на военныхъ корабляхъ въ Италію, о чемъ Порта не имѣла никакого увѣдомленія.

Сверхъ того, русскіе агенты въ Черногоріи также возмущали ея жителей противъ Порты и набирали волонтеровъ даже въ самомъ Константинополѣ.

Въ Молдавіи и Валахіи русскіе поступаютъ совершенно какъ еслибы эти провинціи были вполнѣ (pure et simple) собственностью Россіи. Вся внутренняя администрація страны въ рукахъ русскихъ. Россія не признаетъ господарей, которые не подчиняются ея волѣ, и открыто протежируетъ тѣмъ изъ нихъ, которые ей преданы и къ ней привязаны.

Не смотря на то, что каждаго изъ выставленныхъ обстоятельствъ было бы достаточно для разрыва съ Рос-

сіей, Турція предпочитаетъ быть терпѣливой и снисходительной, не по недостатку средствъ или по слабости, но единственно для избѣжанія пролитія человѣческой крови. Поэтому, она употребила всѣ средства, чтобы уладить возникшія недоразумѣнія самымъ дружественнымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, въ видахъ государственныхъ интересовъ Порты, господари Молдавіи и Валахіи были, по волѣ султана, лишены своихъ званій. Россія противъ этого осмѣлилась (a osée) протестовать въ то время, когда различныя доказательства измѣны господаря Валахіи не дозволяли оставлять его въ этомъ званіи ни на одно мгновеніе, потому что, еслибы объ этомъ былъ, предварительно, поднятъ вопросъ, то предупрежденный заблаговременно господарь Валахіи могъ бы нанести большой вредъ интересамъ Порты. Тѣмъ не менѣе, тотчасъ по отрѣшеніи обоихъ господарей, Турція дружески увѣдомила о томъ русское правительство. Вскорѣ послѣ этого русскій посолъ въ Константинополѣ потребовалъ возстановленія господарей въ ихъ званіяхъ, не допуская никакихъ смягченій или ограниченій въ этомъ дѣлѣ, и заявляя только, что получилъ приказаніе немедленно оставить свой постъ, если его требованіе не будетъ исполнено тотчасъ же, безъ всякихъ измѣненій.

Приготовляясь къ отъѣзду, русскій посолъ заявлялъ всѣмъ, что Россія вовсе не желаетъ войны съ Турціей, и что по удовлетвореніи настоящаго требованія, исчезнутъ всѣ недоразумѣнія между обоими дворами.

Порта отлично поняла, что, подымая съ такою энергіею столь незначительный, самъ по себѣ, вопросъ, и желая дать ему разростись, Россія имѣетъ въ виду единственно доставить Портѣ лишнія затрудненія и имѣть предлогъ къ войнѣ, для осуществленія своихъ дурныхъ намѣреній. Но чтобы лишить Россію всякой возможности къ оправданію предъ лицомъ всей Европы, Блистатель-

ная Порта рѣшилась, хотя и не безъ сожалѣнія, уступить этому требованію. Не смотря на то, спустя два съ половиною мѣсяца, русскія войска двинулись къ границамъ Порты и вооруженною рукою овладѣли крѣпостями Хотинъ и Бендеры, не ожидавшими никакого непріятеля, такъ какъ существовалъ, обезпеченный трактатами, миръ и не было вопроса о войнѣ.

Не предувѣдомленная ни словесно, ни письменно о такомъ событіи, Порта обратилась для разъясненія дѣла къ русскому послу, который заявилъ, что ему поручено только вести переговоры о возстановленіи господарей и ничего неизвѣстно по вопросу о вступленіи русскихъ войскъ въ предѣлы Турціи, которой, поэтому, оставалось только выслать русскаго посла изъ Константинополя и принять мѣры для отраженія силы силою.

Но руководимая единственно желаніемъ избѣжать бѣдствій войны и въ увѣренности, что русскій дворъ, хотя для того, чтобы не краснѣть (pour ne pas avoir à rougir) передъ другими, поступитъ сообразно достоинству великой державы и согласно обязанностямъ царей и народовъ, Порта рѣшилась выждать время для надлежащаго разслѣдованія настоящаго вопроса.

Однако, русскій посолъ, спустя даже 30 дней послѣ произведеннаго вторженія, не могъ дать другого отвѣта, кромѣ того, что онъ не имѣетъ никакихъ указаній и даже свѣдѣній по этому дѣлу. Терпѣніе Порты съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе истощалось.

Съ одной стороны, главнокомандующій русскою арміею, генералъ Михельсонъ, издалъ прокламацію къ жителямъ и начальникамъ городовъ въ Румеліи, въ ложной надеждѣ коварствомъ и измѣною ввести въ заблужденіе даже мусульманъ и чрезъ то вызвать безпорядки внутри имперіи. Отвратительная выходка (procedés détéstables), къ которой прибѣгъ русскій дворъ, къ которой не могла

бы прибѣгнуть ни одна держава, и которая не встрѣчается въ лѣтописяхъ имперіи.

Съ другой стороны, вторженіе русскихъ войскъ и все болѣе и болѣе пріобрѣтаемые ими успѣхи обязываютъ честь и религію мусульманъ отмстить врагу, почему законы религіи и государства взываютъ къ необходимости объявить войну Россіи и отразить нападеніе непріятеля, поручая себя единственно Богу мстителю и Всемогущему и поспѣшить съ искуствомъ и доблестью, употребить для того всѣ морскія и сухопутныя силы Блистательной Порты.

Порта вполнѣ убѣждена, что всѣ дружественныя ей державы признаютъ справедливость на ея сторонѣ, что одна Россія виновна въ предстоящихъ бѣдствіяхъ войны и что ни одна держава не будетъ, впредь, полагаться на прочность заключаемыхъ съ Россіей союзовъ, трактатовъ и договоровъ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, султанъ издалъ особые фирманы, призывающіе правовѣрныхъ къ ожесточенной войнѣ съ гяурами. Новый верховный визирь, Ибрагимъ-Гильмы-паша, назначенъ главнокомандующимъ турецкою арміею съ приказаніемъ собрать, какъ можно поспѣшнѣе, армію для защиты крѣпостей Измаила, Браилова и Журжи, и выслать флотъ въ Черное море.

Въ то же время, чтобы остановить успѣхи Чернаго Георгія, овладѣвшаго 30-го ноября ст. ст. 1806 г. Бѣлградомъ и теперь угрожавшаго Виддину, былъ посланъ для дѣйствія противъ сербовъ 20,000 корпусъ, подъ начальствомъ боснійскаго паши.

Въ султанскомъ фирманѣ на имя новаго главнокомандующаго было сказано: „Русскіе, естественные враги мусульманъ, которые безъ всякаго повода нарушили трактаты и объявили намъ войну, приближаются теперь къ своему полному истребленію. Старайся заслужить высо-

[1]) **Приложеніе № 15. В. Уч. Арх. Дѣло № 1344.**

кія награды за свои боевые подвиги и прославить имя твое въ отдаленномъ потомствѣ".

Силы, которыми Порта могла располагать во время войны, были значительны. Считая всѣ войска, содержимыя нѣкоторыми пашами на собственный счетъ, сухопутныя силы Турціи простирались до 266,000 регулярныхъ войскъ и до 60,000 милиціи, въ томъ числѣ спаговъ, т. е. кавалеріи, до 132,000 человѣкъ и 15,000 артиллеристовъ. Морскія силы состояли изъ 12 линейныхъ кораблей, 6 фрегатовъ и 50 меньшихъ судовъ [1]).

Баронъ Будбергъ писалъ Михельсону: „Изъ донесеній посланника Италинскаго явно усматривается, что Порта на войну съ нами рѣшилась совершенно противъ своего желанія и уступила въ томъ сильнымъ настояніямъ французскаго посла, которыя, съ одной стороны, подкрѣплялъ онъ угрозами, съ другой—обѣщаніями скорой помощи и, наконецъ, лживыми извѣстіями о успѣхахъ французскихъ войскъ надъ нами въ Польшѣ".

Насколько же были лживы сообщенія о Россіи, дѣлаемыя Себастіани, видно изъ слѣдующаго письма Арбутнота къ Михельсону, отъ 16-го января 1807 года [2]):

„Генералъ Себастіани вбиваетъ туркамъ въ голову, со всѣми преувеличенными подробностями, что Бонапарте стоитъ во главѣ 300,000 арміи, что овладѣлъ уже всею Польшею и русскіе не смѣютъ уже болѣе мѣряться съ нимъ; но что онъ не заключитъ миръ иначе, какъ разрушивъ окончательно всѣ силы Россіи, и распускаетъ многія другія фанфаронады въ томъ же родѣ, которымъ, однако, турокъ вѣритъ безусловно. Онъ убѣждаетъ ихъ, что Россія ничего не можетъ сдѣлать противъ Порты, и стоитъ лишь послѣдней сдѣлать малѣйшее усиліе, что-

---

[1]) Kamenzkoi. Servien. Eine histor.-geograph. statist. Skizze. 1808, p. 14.

[2]) Arbuttnot à M-r. Michelson, de Pera, 16 Janvier 1807. Главн. Арх. М. И. Д.

бы уничтожить ту горсть русскихъ, которые вступили въ предѣлы Порты. Фантазія турецкаго правительства наполнена заманчивыми картинами и переходитъ отъ одной иллюзіи къ другой, не представляя имъ ничего другого, кромѣ ряда побѣдъ и блестящихъ тріумфовъ".

Послѣ объявленія Турціею войны Россіи, нельзя уже было расчитывать на легкость овладѣнія непріятельскими крѣпостями, подобно занятію Хотина, Бендеръ и другихъ. Теперь слѣдовало ожидать упорной обороны каждаго укрѣпленнаго пункта и считаться съ численнымъ превосходствомъ непріятельскихъ силъ, дѣйствовавшихъ въ полѣ. Рѣшительность и осторожность, взаимно дополняя другъ друга, были отличительными качествами русскаго главнокомандующаго. Готовясь къ открытію новой кампаніи, Михельсонъ обратилъ все вниніе на укомплектованіе арміи и снабженіе ея всѣмъ необходимымъ.

Въ Кременчугѣ было образовано особое депо, куда прибывали всѣ рекруты, назначенные для укомплектованія молдавской арміи. Изъ Кременчуга рекруты переводились въ Кишиневъ, откуда уже разсылались по корпусамъ арміи, кратчайшими дорогами, къ Измаилу, Галацу и Бухаресту. Число рекрутъ было весьма значительно. Такъ, въ 11-ю и 12-ю дивизіи ихъ поступило 3,480 человѣкъ, а въ 13-ю—до 5,400 человѣкъ.

Выступленіе рекрутскихъ партій изъ Кременчуга началось не ранѣе 1-го апрѣля, такъ что онѣ могли прибыть къ мѣсту назначенія только въ іюнѣ. Независимо отъ пополненія арміи рекрутами, она была значительно усилена набранною въ Малороссіи милиціею. Такъ, Кіевская губернія выставила 9,694 и Полтавская 11,355 милиціонеровъ. Къ сожалѣнію, милиціонеры не могли прибыть на границу прежде конца іюня, почему они и не могли оказать, своевременно, ожидаемой отъ нихъ пользы. Не подготовленные къ бою милиціонеры, назначались

для гарнизонной службы въ крѣпостяхъ, которыя до сихъ поръ заняты были регулярными войсками, долженствовавшими усилить дѣйствующую армію.

Только въ іюнѣ мѣсяцѣ оказалось возможнымъ занять милиціонерами крѣпости Килію и Бендеры, куда было послано по 3 баталіона, а по одному баталіону вступили въ Хотинъ и Аккерманъ. Это дало возможность усилить корпусъ Милорадовича пятью баталіонами регулярныхъ войскъ, выведенныхъ изъ крѣпостей.

На границѣ было оставлено, въ видѣ общаго резерва арміи и для прикрытія ея тыла, 12 баталіоновъ полтавской и 9 баталіоновъ кіевской милиціи, такъ что, считая вмѣстѣ съ милиціей, сила арміи Михельсона простиралась до 40,000 челов.

Имѣя въ виду еще болѣе усилить составъ арміи, Михельсонъ издалъ воззваніе къ запорожцамъ, бѣжавшимъ послѣ уничтоженія Сѣчи въ Молдавію, Валахію и Бессарабію. Призывая ихъ всѣхъ къ оружію для борьбы съ врагомъ христіанскаго имени, главнокомандующій обѣщалъ, по окончаніи войны, поселить ихъ въ Россіи, съ сохраненіемъ всѣхъ тѣхъ преимуществъ, которыми они пользовались въ Турціи. Многіе приняли это призваніе и образовали при арміи особое войско, подъ именемъ буджакскаго усть-дунайскаго. Тѣхъ же казаковъ, которые будутъ взяты въ Турціи съ оружіемъ въ рукахъ, опредѣлено казнить смертью.

За Дунаемъ находилось до 2,000 челов. бѣглыхъ казаковъ, изъ числа которыхъ 800 челов. были въ Браиловѣ.

Такъ какъ знаніе русскаго языка дѣлало этихъ казаковъ весьма полезными туркамъ, то Михельсонъ обнародовалъ къ нимъ воззваніе отъ 15-го декабря 1806 г., въ которомъ, между прочимъ, говорилось:

„Извѣстно намъ, что многіе изъ подданныхъ россійскихъ, спокойно пребывавшихъ въ жилищахъ и семей-

ствахъ своихъ и также изъ носившихъ оружіе для защиты отечества, отлучились или удалились изъ предѣловъ. Удалились же они, полагаемъ мы, по каковымъ либо наущеніямъ, или отъ каковаго либо неосновательнаго страха или боязни.

„Вѣдомо всему свѣту милосердіе августѣйшаго монарха, всемилостивѣйшаго Государя моего, что простирается оно ко всякому, проступокъ свой исправить желающему“.

Поэтому обѣщалось прощеніе всѣмъ, кто возвратится изъ Турціи и явится къ русскому начальству. Сверхъ того Михельсонъ испрашивалъ Высочайшаго разрѣшенія на возстановленіе Сѣчи запорожской въ расчетѣ, что туда вернутся охотно изъ Турціи всѣ, кому были дороги воспоминанія о Сѣчи. Однако, предположеніе это не было разрѣшено изъ опасенія, что въ Сѣчь станутъ собираться всѣ бѣглые съ южной полосы Россіи, чѣмъ либо недовольные своимъ настоящимъ положеніемъ, а такихъ было не мало.

Что же касается до образованія усть-дунайскаго войска, то основаніе его положили 130 казаковъ, собранныхъ некрасовцемъ Майдобуро въ Турціи, которыхъ онъ привелъ подъ Измаилъ. Дальнѣйшее развитіе этого войска поручено было кошевому писарю маіору Подлисецкому, который, прибывъ 8 марта 1807 г. изъ Бухареста въ Галацъ, собралъ туда до 400 казаковъ, которые на своихъ легкихъ дубахъ прибыли въ Килію.

Въ началѣ іюля, усть-дунайское войско имѣло уже 1,152 челов., въ томъ числѣ пѣшихъ 748, конныхъ 120 и дунайской флотиліи 216 челов. съ 15 старшинами. Въ войскѣ этомъ находилось 13 мортиръ, 439 ружей и 418 пистолетовъ.

Главный постъ усть-дунайскихъ казаковъ находился при устьѣ Серета; частями казаки эти употреблялись при Измаилѣ, въ Тульчѣ и на дунайской флотиліи [1]).

[1]) По настоянію кн. Прозоровскаго, усть-дунайское войско

Мы уже видѣли, что генералъ Михельсонъ основывалъ способы продовольствія своей арміи не на мѣстныхъ средствахъ, но обусловливалъ его подвозомъ запасовъ изъ главныхъ складовъ, учрежденныхъ на границѣ, въ тылу арміи. Но по мѣрѣ удаленія арміи отъ границъ, по приближеніи ея уже къ Дунаю, подвозъ припасовъ изъ магазиновъ, учрежденныхъ въ Подольской и Кіевской губерніяхъ, становился крайне медленнымъ и потому неудобнымъ.

Поэтому, по овладѣніи теченіемъ Днѣстра, главные магазины арміи были перенесены на эту рѣку, въ Хотинъ, Могилевъ и Бендеры. Для войскъ, находившихся въ Бессарабіи, служилъ магазинъ въ Кишиневѣ.

По занятіи же Яссъ, здѣсь былъ образованъ главный заграничный складъ продовольственныхъ припасовъ, откуда они уже развозились въ другіе, менѣе значительные склады. Изъ ясскаго склада, прежде всего, наполнялся магазинъ, учрежденный въ Фальчи, снабжавшій въ свою очередь магазины въ Фокшанахъ и Галацѣ, гдѣ полагалось имѣть, въ каждомъ, мѣсячный запасъ продовольствія для корпусовъ гр. Каменскаго и Мейндорфа.

Для войскъ корпуса Милорадовича служилъ первоклассный магазинъ въ Бухарестѣ, гдѣ многочисленныя зданія монастырей служили готовыми мѣстами складовъ. По отдаленности отъ запасныхъ складовъ магазинъ этотъ пополнялся, исключительно, сборомъ припасовъ съ съ жителей валахскихъ. Диванъ дѣлалъ росписаніе, какое селеніе и сколько должно было доставить продовольственныхъ припасовъ въ главный городъ своего

было вскорѣ уничтожено, такъ какъ кн. Прозоровскій находилъ, что оно имѣетъ своевольный характеръ Сѣчи запорожской. „Войско служитъ только пріютомъ для бѣглыхъ и проходимцевъ, которымъ все равно, кому-бы не служить. Помѣщики лишаются своихъ людей, убѣгающихъ въ сіе войско, да и изъ арміи открываются сильные туда побѣги“.

цикута, откуда они доставлялись уже въ Бухарестъ и въ расходные магазины, находившіеся въ Рымникѣ и Плоешти. Въ этихъ магазинахъ полагалось имѣть годовой запасъ; самое же пополненіе производилось къ 15-му числу каждаго мѣсяца, и съ такимъ расчетомъ, чтобы къ началу февраля магазины были вполнѣ наполнены.

Наибольшія затрудненія въ пополненіи магазиновъ заключались въ способахъ перевозки продуктовъ. Нарядъ подводъ отъ края и наемъ ихъ за извѣстную плату, не могли удовлетворить потребности перевозки. Чрезмѣрныя усилія воловъ и недостатокъ подножнаго корма, вслѣдствіе неурожая, производили сильный падежъ скота, и ни за какія цѣны нельзя было нанять охотниковъ для перевозки. Оставалось, поэтому, основать главный расчетъ перевозки на армейскомъ подвижномъ магазинѣ, который къ 10-му января 1807 года состоялъ изъ 266 рядовыхъ, 93 офицеровъ, 3,105 погонщиковъ, 5,68 фуръ и 11,541 вола [1]). Содержаніе воловъ потребовало за ноябрь и декабрь 1806 г. болѣе 334,000 пудовъ сѣна, которое покупалось по цѣнамъ отъ 14 до 34 коп. за пудъ, въ уѣздахъ Тульчинскомъ, Балтскомъ, Ольгопольскомъ и Литичевскомъ. Въ видахъ облегченія продовольствія воловъ, на время прекращенія перевозки, по причинѣ крайне дурныхъ дорогъ, волы, сдавъ въ магазины привезенные продукты, возвращались назадъ съ половиною только фуръ и продовольствовались на мѣстѣ, пользуясь большимъ обиліемъ корма.

Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи подвижнаго магазина состоялось еще въ сентябрѣ 1806 г. Въ указѣ, данномъ малороссійскому генералъ-губернатору князю Куракину, изложены основанія, на которыхъ подвижной магазинъ долженъ быть образованъ. Въ губерніяхъ: Полтавской, Черниговской, Слободскоукраинской, Херсонской, Екатеринославской и Кіевской надлежало со-

---

[1]) Дѣло Воен. Учен. Арх. № 1350.

брать всего 5,382 фуры, 6,192 пары воловъ и 3,588 погонщиковъ, посредствомъ раскладки этой повинности на селенія, сообразно ихъ величинѣ.

Въ томъ числѣ на губерніи Полтавскую и Черниговскую приходилось 2,500 повозокъ, прочныхъ и обыкновенно служащихъ жителямъ для извоза. Воловъ, губерніи эти должны были выставить 2,892 пары, по одной парѣ на фуру, а остальныхъ въ запасъ. Волы требовались здоровые, не моложе 4 и не старѣе 7 лѣтъ. Погонщиковъ къ нимъ требовалось 1,667, полагая по два человѣка на 3 фуры. Въ поставкѣ этой участвовали селенія помѣщичьи, казацкія и казенныхъ поселянъ.

Такъ какъ этотъ нарядъ вызывался „по самой необходимости" и такъ какъ Императоръ Александръ желалъ: „дабы сколько можно менѣе обратился онъ въ тягость обывателямъ"—то за каждую фуру и пару воловъ правительство обязывалось уплачивать по безобидной оцѣнкѣ, для чего на расходы было отпущено, примѣрно, 227,000 р.

Въ погонщики требовались люди, пріученные къ извозу, не старые и не малолѣтки. Имъ обѣщано возвращеніе въ жилища по минованіи надобности.

За каждаго же умершаго въ походѣ погонщика выставившія ихъ селенія получаютъ зачетную рекрутскую квитанцію. Во время нахожденія на службѣ, погонщикамъ полагался казенный провіантъ и по 12 руб. въ годъ жалованья, а до прибытія ихъ къ воинскимъ отрядамъ—по 5 коп. суточныхъ на человѣка [1]).

Затруднительность перевозки еще болѣе увеличивалась тѣмъ, что вездѣ господствовали злоупотребленія. „Погонщики двѣ трети не получали жалованья и терпятъ нужду, особливо въ одеждѣ, по зимнему холодному времени" [2]).

---

[1]) Высочайшій указъ кн. Куракину въ сентябрѣ 1806 г

[2]) Донесеніе начальника провіантскаго магазина Кованько, отъ 19 декабря 1807 г.

„Объѣзжая для обозрѣнія транспортовъ подвижнаго магазина, доноситъ Кованько, нашелъ казенныхъ воловъ въ самомъ худомъ тѣлѣ“ [1]).

Ржаная мука, доставленная изъ Россіи въ Яссы, оказалась затхлою отъ долгаго лежанія и для хлѣба не пригодною. Такъ что, по необходимости, пришлось первоначально, главнымъ образомъ, расчитывать на средства Молдавіи и Валахіи.

Молдавскій диванъ 1 октября 1807 г. объявилъ, что онъ обязуется доставить муки 40,000 четвертей, крупъ 4,000, ячменя 60,000 и 2.500,000 пудовъ сѣна, что обезпечивало всѣ русскія войска, находящіяся въ Молдавіи и подъ Измаиломъ, на 4 мѣсяца и на 16 дней провіантомъ.—на 3 мѣсяца 9 дней ячменемъ и на цѣлый годъ сѣномъ.

Для продовольствія отряда Милорадовича, въ Валахіи было заготовлено въ Бухарестѣ 60,000 окъ сухарей и еще заготовлялось 40,000 окъ.

Въ Урзичени и Бузео отъ мѣстныхъ исправниковъ требовалось 30,000 окъ сухарей, ячменя по 1,000 четвертей и сѣна по 10,000 пудовъ въ каждый.

Въ семи другихъ уѣздахъ Валахіи приказано заготовить всего 57,000 четвертей пшеницы, 151,000 четв. ячменя, 25,000 четвертей проса и 1.563,000 пудовъ сѣна [2]).

Но принявъ на себя обязательство, мѣстныя власти дунайскихъ княжествъ не могли ихъ выполнить.

Такъ, еще 17 октября 1807 г., генералъ Ланжеронъ доносилъ, что въ его отрядъ не доставляется отъ Молдавіи крупъ. „Мясной порціи люди совсѣмъ не получаютъ; сѣна нѣтъ и мало надежды получить его. Недостатокъ въ подвозахъ происходитъ оттого, что подводчики тер-

---

[1]) Его же отъ 29 декабря 1807 г.

[2]) Дѣло Воен. Учен. Арх. № 1350.

пятъ голодъ и умираютъ, или принуждены бѣжать: солдаты наши сами ихъ кормятъ".

Другіе начальники также жаловались на неисправность дивановъ, и только отрядъ Милорадовича въ Бухарестѣ довольствовался вполнѣ хорошо.

Несмотря на то, что для облегченія перевозки припасовъ въ магазины дозволялось, въ случаѣ возможности, употреблять даже казенныхъ подъемныхъ лошадей, не говоря уже о подвижномъ магазинѣ, доставка продуктовъ отъ Молдавіи велась крайне неисправно.

Это заставило главнокомандующаго писать Молдавскому дивану отъ 12 ноября, что онъ „относитъ такую неисправность къ нерадѣнію самого дивана, который обязанъ будетъ въ томъ отвѣтствовать предъ Государемъ Императоромъ".

Съ своей стороны диванъ жаловался на злоупотребленія русскихъ чиновниковъ. Такъ, въ Фальчи было отправлено на подводахъ сѣно, которое тамъ и сложено въ 50 скирдъ. Но пріемщикъ Зотовъ держалъ двѣ недѣли всѣ подводы, обмѣривая скирды и, сверхъ того, „имѣлъ двѣ мѣры: одну большую для пріема, а другую меньшую для отпуска въ полки".

Тѣмъ не менѣе, къ концу декабря 1807 года, Молдавскій диванъ донесъ главнокомандующему, что все требуемое отъ него количество провіанта имъ доставлено. По неимѣнію же крупы, диванъ изъявлялъ желаніе удовлетворить войска, по 1 января 1808 года, деньгами, а затѣмъ, вмѣсто одной четверти крупы, давать по двѣ четверти проса.

Климатическія условія дунайскихъ княжествъ, способствуя развитію разныхъ болѣзней и въ особенности желудочныхъ и лихорадокъ, заставляли организовать врачебныя средства арміи на широкихъ началахъ. Войска теряли больше людей больными, чѣмъ выведенными изъ строя непріятелемъ. Кромѣ заботы о пріисканіи для

госпиталей удобныхъ, въ санитарномъ отношенiи, помѣщенiй, нужно было еще имѣть въ виду не утруждать больныхъ перевозкою на значительныя разстоянiя. Поэтому. въ раiонѣ расположенiя каждой дивизiи былъ свой дивизiонный госпиталь. Такимъ образомъ госпиталь былъ въ Каменецъ-Подольскѣ, учрежденный еще въ 1807 года для трудно больныхъ.

Затѣмъ госпитали помѣщались въ Хотинѣ, Могилевѣ, Бендерахъ, Яссахъ, Киржи, Галацѣ, Фокшанахъ и Бухарестѣ. Когда же число больныхъ въ бендерскомъ госпиталѣ чрезмѣрно умножилось, то часть ихъ была вывезена изъ него во временные госпитали, учрежденные въ Кишиневѣ и Тирасполѣ.

Разсмотрѣвъ мѣры, принятыя главнокомандующимъ для подготовки предстоящихъ военныхъ дѣйствiй, обратимся къ тѣмъ условiямъ, въ которыхъ находилась армiи Михельсона по окончанiи кампанiи 1806 года.

Было уже указано на расположенiе молдавской армiи по квартирамъ.

Въ теченiи зимы послѣдовали въ этомъ расположенiи нѣкоторыя измѣненiя, такъ что къ началу 1807 года оно представлялось въ слѣдующемъ видѣ.

Общее расположенiе армiи занимало раiонъ отъ Бухареста до Бендеръ.

Отдѣльные корпуса имѣли главныя квартиры: Милорадовича въ Бухарестѣ, корпусный штабъ въ Синтешти; Гр. Каменскаго въ Слободзеѣ и Мейндорфа въ Фальчи.

Два казачьи полка, генералъ-маiора Исаева, составляли авангардъ корпуса Милорадовича, занимая по дорогѣ къ Журжѣ—Комани, Филаштокъ, Гостинари и Коливасъ. Для сообщенiя съ корпусомъ гр. Каменскаго на Аржисѣ былъ устроенъ постоянный мостъ въ Негоешти. Корпусъ Милорадовича наблюдалъ Рущукъ и Журжу и теченiе Дуная вверхъ отъ Туртукая.

Графъ Каменскiй долженъ былъ наблюдать Турту-

кай, Силистрію и Браиловъ и соотвѣтствующую часть Дуная отъ Туртукая до Галаца. Поэтому отдѣльный постъ занималъ Обилешти, отъ котораго часть выслана была въ Кунешти противъ Силистріи. Отъ Силистріи до Котобана противъ Гирсова разставлена была по Дунаю наблюдательная цѣпь, изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты.

Въ Галацѣ находился отрядъ генералъ-маіора Колюбакина, изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты, 4 эскадроновъ кавалеріи и 300 казаковъ.

Въ корпусѣ генерала Мейндорфа, передовые посты баталіоннаго состава занимали Карталъ и Ренни, имѣя на Прутѣ мостъ въ Журжилешти для сообщенія съ галацкимъ отрядомъ.

Килія также была занята отрядомъ генералъ-лейтенанта Засса.

Въ виду такого расположенія русской арміи, планъ турокъ состоялъ въ томъ, чтобы наступая главными силами со стороны Журжи и Силистріи къ Бухаресту, поднять противъ русскихъ буджакскихъ татаръ, расположенныхъ въ сторонѣ Измаила, и съ помощію войскъ, собранныхъ Пегливаномъ-пашею въ этой крѣпости, угрожать нашимъ сообщеніямъ черезъ Фокшаны, для чего назначались также и браиловскія войска.

Въ надеждѣ отвлечь вниманіе русскаго главнокомандующаго отъ Бухареста, какъ главнаго пункта, который имѣлся въ виду, турки въ началѣ 1807 г. начали тревожить отъ Измаила наши передовые посты, которые по своей слабости часто были сбиваемы.

Такъ, 29 января, полковникъ Золотницкій, занимавшій постъ въ селеніи Нарукчай, получилъ извѣстіе, что значительный отрядъ турокъ выступилъ изъ Измаила къ селеніямъ Еникей и Курманкуй. Въ авангардѣ этого отряда слѣдовало до 2,000 человѣкъ конницы, направлявшейся на деревню Китай. Поэтому полковникъ Зо-

лотницкій, съ баталіономъ Полтавскаго полка и 300 казаковъ, двинулся къ Курманкуй, навстрѣчу, непріятелю, чтобы не дозволить ему атаковать находившіеся въ Китаѣ, всего въ пяти верстахъ отъ Курманкуй, баталіонъ Алексопольскаго полка и два эскадрона переяславскихъ драгунъ. Но этотъ небольшой отрядъ, по приближеніи турокъ, оставилъ Китай и отступилъ чрезъ Курманкуй, на соединеніе съ трядомъ Золотницкаго, слѣдуя для этою обходною дорогою.

Пройдя форсированнымъ маршемъ 25 верстъ, Золотницкій, подойдя въ полдень въ Курманкуй, увидѣлъ непріятеля, стоявшаго за этимъ селеніемъ, которое турки успѣли уже сжечь до основанія.

Непріятель расположился на позиціи тремя отдѣльными частями пѣхоты, имѣя конницу впереди, стоявшую полумѣсяцемъ.

Золотницкій смѣло атаковалъ лѣвый флангъ турокъ, число которыхъ доходило до 6,000 человѣкъ.

Одновременно съ атакою непріятельской пѣхоты, Золотницкій пустилъ свою конницу на турецкій авангардъ, состоявшій изъ фланкеровъ. Пользуясь превосходствомъ силъ, турки окружили нашихъ драгунъ и казаковъ, корые удержали свою позицію. Между тѣмъ Золотницкій открылъ ружейный и картечный огонь по непріятельской конницѣ, которая отступила, занявъ прежнюю свою позицію, въ видѣ полумѣсяца.

Необходимая остановка отряда Золотницкаго, для отраженія атаки турецкой конницы, задержала предполагавшееся нападеніе на лѣвую непріятельскую колонну. Это дало туркамъ возможность двинуть среднюю и правую свои колонны для атакъ нашего лѣваго фланга.

Тогда Золотницкій построилъ карре и ядрами разстроилъ движеніе непріятельскихъ колоннъ, заставивъ ихъ остановиться. Турки выслали въ атаку только свою

конницу, противъ которой двинулись переяславскіе драгуны, съ капитаномъ барономъ Розинымъ.

Въ это время прибыли войска изъ Китая и немедленно введены въ дѣло. Полковникъ Будбергъ, съ своими алексопольцами, атаковалъ правую непріятельскую колонну, а переяславскіе драгуны и казаки врѣзались въ турецкую конницу и обратили ее въ бѣгство.

Тогда и турецкая пѣхота выстроила фронтъ, прикрывъ его конницею. Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда турки замѣтили приближеніе отряда генерала Засса, спѣшившаго изъ Киліи, съ баталіономъ Бутырскаго полка, эскадрономъ драгунъ, частью казаковъ и съ конными орудіями. Поспѣшно снявъ съ позиціи свои орудія, турки начали отступленіе къ Измаилу, оставивъ на мѣстѣ болѣе 100 челов. убитыми. Темнота ночи не дозволяла преслѣдовать противника [1]).

Вслѣдъ за тѣмъ въ началѣ февраля, до 7,000 турокъ съ двумя пушками выступили изъ Измаила и двинулись къ селенію Куй-бей, верстахъ въ 60 къ сѣверу отъ Измаила. Самъ Пеглеванъ-паша находился при этихъ войскахъ. На его призывъ многіе татары присоединились къ нему, отправляя имущество и свои семейства въ Измаилъ. Чтобы обезпечить слѣдованіе татаръ къ Измаилу, Пеглеванъ-паша намѣревался двинуться изъ Куйбея на правый берегъ рѣки Ялпухъ, и сбить находившійся на ней, въ Мусандѣ, сильный постъ генералъ-маіора Воинова.

Узнавъ о занятіи Куй-бея турками и о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ Пегливана-паши, генералъ Мейндорфъ приказалъ ген.-маіору Воинову быстро двинуться изъ Мусанда къ Табаку, чтобы отрѣзать турокъ отъ Измаила и задержать слѣдовавшія по измаильской дорогѣ татарскія семейства.

---

[1]) Рапортъ маркиза Траверсе Михельсону отъ 4 марта 1807 г. Воен. Уч. Арх. № 1363.

12-го февраля отрядъ Воинова, состоявшій изъ двухъ полковъ пѣхоты, одного драгунскаго и трехъ казачьихъ полковъ, выступилъ изъ Мусанда и, слѣдуя на Чумай къ Табаку, вступилъ въ него вечеромъ того же числа.

Чтобы не дать непріятелю времени усилиться прибывающими къ нему татарами и погасить въ самомъ началѣ возстаніе татаръ, генералъ Воиновъ рѣшился, давъ своему отряду необходимый отдыхъ и оставя въ Табакѣ постъ, выступить въ полночь на 13-е число, чтобы, подойдя неожиданно къ Куй-бею, атаковать непріятеля на разсвѣтѣ.

Самую атаку должно было произвести съ двухъ сторонъ—по дорогѣ отъ Измаила направлена вся кавалерія, которая, войдя на имѣющуюся съ этой стороны передъ Куй-беемъ равнину, стремительно и съ большимъ крикомъ кинется въ атаку, чтобы обратить въ эту сторону все вниманіе противника.

Между тѣмъ вся пѣхота должна была стать лѣвѣе, по дорогѣ изъ Табака въ Куй-бей, и когда вниманіе непріятеля будетъ сосредоточено на отраженіи атаки нашей кавалеріи, два баталіона пѣхоты атакуютъ селеніе Куй-бей и выбьютъ изъ него противника.

Согласно этому предположенію, Стародубскій драгунскій полкъ, съ двумя орудіями, и казацкіе полки Янова 2, Платова 3 и Протопопова 1, подъ общею командою подполковника Янова 2, выдвинуты отъ Табака на измаильскую дорогу.

Самъ же генералъ Воиновъ, съ Новгородскимъ мушкетерскимъ и 11-мъ егерскимъ полками, при небольшомъ числѣ казаковъ, двинулся карреями, по дорогѣ изъ Табака къ Куй-бею.

Но на войнѣ иногда самыя лучшія соображенія не удаются отъ какой нибудь непредвидѣнной случайности. Такъ было въ данномъ случаѣ. Казакъ, нѣсколько разъ бывшій въ Куй-беѣ, и еще наканунѣ оттуда возвратив-

шійся, увѣрилъ генерала Воинова, что знаетъ дорогу совершенно хорошо, почему онъ и былъ взятъ проводникомъ. Однако проводникъ сбился съ дороги, которую не могъ распознать ночью, и вывелъ пѣхоту версты на три отъ Куй-бея, попавъ на измаильскую дорогу, слѣдовательно пѣхота оказалась въ тылу у кавалеріи отряда.

Между тѣмъ, начинало уже свѣтать. По диспозиціи же кавалерія должна была начать атаку съ разсвѣтомъ. Поэтому Яновъ открылъ нападеніе, вызвавъ на себя всѣ силы турокъ изъ Куй-бея.

Услышавъ выстрѣлы отъ себя влѣво, тогда какъ ихъ слѣдовало ожидать съ правой стороны, Воиновъ тотчасъ понялъ, что сбился съ дороги, и опасаясь предоставить кавалерію удару всей массы противника, быстро повернулъ свои карре къ сторонѣ выстрѣловъ и бѣглымъ шагомъ двинулся къ Куй-бею.

Но едва онъ успѣлъ пробѣжать съ полъ-версты, какъ встрѣтилъ бѣгущихъ, въ полномъ безпорядкѣ, казаковъ.

Непріятель былъ, видимо, предупрежденъ о готовившемся нападеніи. Подойдя къ Куй-бею, Яновъ выслалъ въ атаку всѣхъ казаковъ, оставивъ стародубскихъ драгунъ въ резервѣ. Турки, въ числѣ до 8,000 конницы, были уже готовы къ бою, и немедленно обратили казаковъ въ бѣгство. Отступая со всею поспѣшностью, казаки смяли и разстроили лѣвый флангъ драгунъ.

Между тѣмъ, штабсъ-капитанъ конной артиллеріи Кривцовъ, стоявшій съ своими двумя орудіями на правомъ флангѣ драгунъ, сдѣлалъ шесть весьма удачныхъ выстрѣловъ картечью въ густыя массы противника и успѣлъ остановить его порывъ. Въ то же время подполковникъ Наній, командиръ Стародубскаго полка, сдѣлавъ заѣздъ правымъ плечомъ впередъ, ударилъ въ палаши, съ цѣлью выручить свой лѣвый флангъ, разстроенный казаками и атакованный непріятелемъ.

Если бы атака эта была поддержана казаками, турки

не выдержали бы общаго удара. Но казаки бѣжали не останавливаясь, а драгуны не могли устоять противъ сильнѣйшаго противника, почему самая атака была отбита и полкъ потерялъ свои два орудія конной артиллеріи.

Въ этотъ критическій моментъ прибыли на мѣсто сраженія пѣхотныя карре. Генералъ Воиновъ открылъ немедленно картечный и ружейный огонь по непріятелю, чѣмъ и заставилъ его вскорѣ отказаться отъ дальнѣйшихъ атакъ и отступить къ Куй-бею. Здѣсь турки уже имѣли три батареи, на которыхъ находилось семь орудій, открывшихъ пальбу ядрами по нашей пѣхотѣ.

Остановивъ пѣхоту, построенную въ баталіонныхъ карреяхъ, генералъ Воиновъ привелъ свой отрядъ въ порядокъ, поставилъ Стародубскихъ драгунъ въ срединѣ второй линіи; полкъ казаковъ Янова 2 былъ расположенъ на правомъ, а казаки Платова 3 и Протопопова 1 на лѣвомъ флангѣ второй линіи.

Въ такомъ порядкѣ отрядъ Воинова приблизился къ Куй-бею и открылъ сильный пушечный огонь по селенію.

Непріятель укрылъ почти всѣ свои силы въ селеніи и хотя отвѣчалъ артиллерійскимъ же огнемъ, но не наносилъ намъ никакого вреда.

Въ видахъ нанесенія противнику сильнѣйшихъ потерь, генералъ Воиновъ приказалъ занять высоту, бывшую влѣво на табакской дорогѣ, которая командовала селеніемъ. Огнемъ съ этой высоты можно было обстрѣливать продольно все селеніе Куй-бей. Передвинувъ весь отрядъ влѣво, генералъ Воиновъ выслалъ для занятія упомянутой высоты баталіонное карре полковника Монахтина съ двумя орудіями.

Для усиленія Монахтина, къ нему былъ отправленъ вскорѣ генералъ-маіоръ Балло, съ баталіономъ егерей при двухъ орудіяхъ.

Слѣдя за передвиженіями нашего отряда, и сознавая

вредъ, который можетъ быть нанесенъ селенію артиллерійскимъ огнемъ съ командующей возвышенности, Пегливанъ-паша выслалъ противъ лѣваго фланга Воинова часть своей конницы.

Выдвинувъ противъ этой части непріятеля казаковъ, генералъ Воиновъ приказалъ Новгородскаго полка подполковнику Бакуринскому, съ его баталіономъ Новгородцевъ атаковать сел. Куй-бей по измаильской дорогѣ; а полковнику того же полка Монахтину, также съ однимъ баталіономъ, повести нападеніе со стороны Табака. Въ подкрѣпленіе Бакуринскаго, Воиновъ выслалъ Стародубскій драгунскій полкъ, а для усиленія атаки Монахтина—баталіонъ егерей маіора Васильева и часть казаковъ. При этомъ баталіонѣ находился генералъ-маіоръ Балло.

Такимъ образомъ, только теперь должна была произвестись атака Куй-бея, согласно первоначальной диспозиціи, не выполненной по винѣ проводника.

Едва подполковникъ Бакуринскій спустился съ высотъ, окаймляющихъ Куй-бей, и вступилъ на лощину, какъ непріятель выслалъ противъ него сильную массу своей кавалеріи. Стародубскіе драгуны быстро вынеслись впередъ и опрокинули противника, захвативъ у него одно знамя. Но приближаясь къ селенію, баталіонъ Бакуринскаго былъ встрѣченъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ янычаръ, засѣвшихъ въ окопахъ, окружавшихъ Куй-бей, почему и долженъ былъ остановиться.

Между тѣмъ, полковникъ Монахтинъ также спустился съ высотъ, находившихся на дорогѣ со стороны Табака, и двинулся впередъ. Едва онъ успѣлъ устроить свой баталіонъ при спускѣ съ горъ, какъ непріятельскимъ ядромъ былъ взорванъ зарядный ящикъ находившагося при баталіонѣ орудія. Вслѣдъ затѣмъ, вторымъ выстрѣломъ перебило его лошадей, а непріятельская конница стремительно налетѣла на подбитое орудіе и овла-

дѣла имъ, не смотря на то, что огнемъ пѣхоты пѣшіе турки принуждены были обратиться въ бѣгство. Полковникъ Монахтинъ продолжалъ свое движеніе къ селенію, слѣдуя уже по открытой лощинѣ. До 3,000 янычаръ, засѣвшихъ въ окопахъ, встрѣтили атакующихъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, а замаскированная батарея на три орудія осыпала ихъ картетью.

Тѣмъ не менѣе Монахтинъ, пробѣжавъ сферу картечнаго огня, штыками выбилъ непріятеля изъ окоповъ и овладѣлъ ими. Но вскорѣ новыя силы турокъ ударили на Монахтина, который, получивъ во время помощь отъ егерскаго баталіона, приведеннаго генераломъ Балло, успѣлъ удержаться въ окопахъ. Однако, Воиновъ, сознавая, что дальнѣйшая атака Куй-бея, усиленнаго многочисленными окопами и защищаемаго упорно сильнѣйшимъ непріятелемъ, можетъ повести къ большимъ потерямъ, прекратилъ дальнѣйшую атаку и отвелъ весь свой отрядъ на позицію, версты на полторы отъ Куйбея, по табакской дорогѣ. Здѣсь Воиновъ ожидалъ, что непріятель выступитъ для преслѣдованія его и оставитъ свои окопы, что дало-бы возможность разбить его въ полѣ.

Но Пегливанъ-паша ограничился лишь наблюденіемъ за движеніемъ нашего отряда, и не рѣшался выступить въ поле. Поэтому, простоявъ два часа на позиціи, генералъ Воиновъ отступилъ къ своему прежнему посту въ Мусанда, занявъ партіями Табакъ и Чумай.

Въ этомъ дѣлѣ отрядъ Воинова потерялъ 259 убитыми и 156 ранеными нижнихъ чиновъ, не считая офицеровъ [1]).

Хотя сраженіе при Куй-беѣ и не имѣло для насъ успѣха, тѣмъ не менѣе, Пегливанъ-паша не рѣшился

---

[1]) Рапортъ генералъ-маіора Воинова отъ 21 февраля 1807 г. В. Уч. Арх. № 1346.

оставаться вдали отъ Измаила, и вступивъ снова въ эту крѣпость, ожидалъ на нее нападенія.

Генералъ Михельсонъ дѣйствительно рѣшилъ овладѣть Измаиломъ, для чего назначался корпусъ Мейндорфа. Но чтобы не дозволить непріятелю выслать къ Измаилу подкрѣпленіе, рѣшено было сдѣлать движеніе корпусомъ графа Каменскаго къ Браилову, а корпусомъ Милорадовича къ Журжѣ. Михельсонъ лично руководилъ дѣйствіями противъ Журжи.

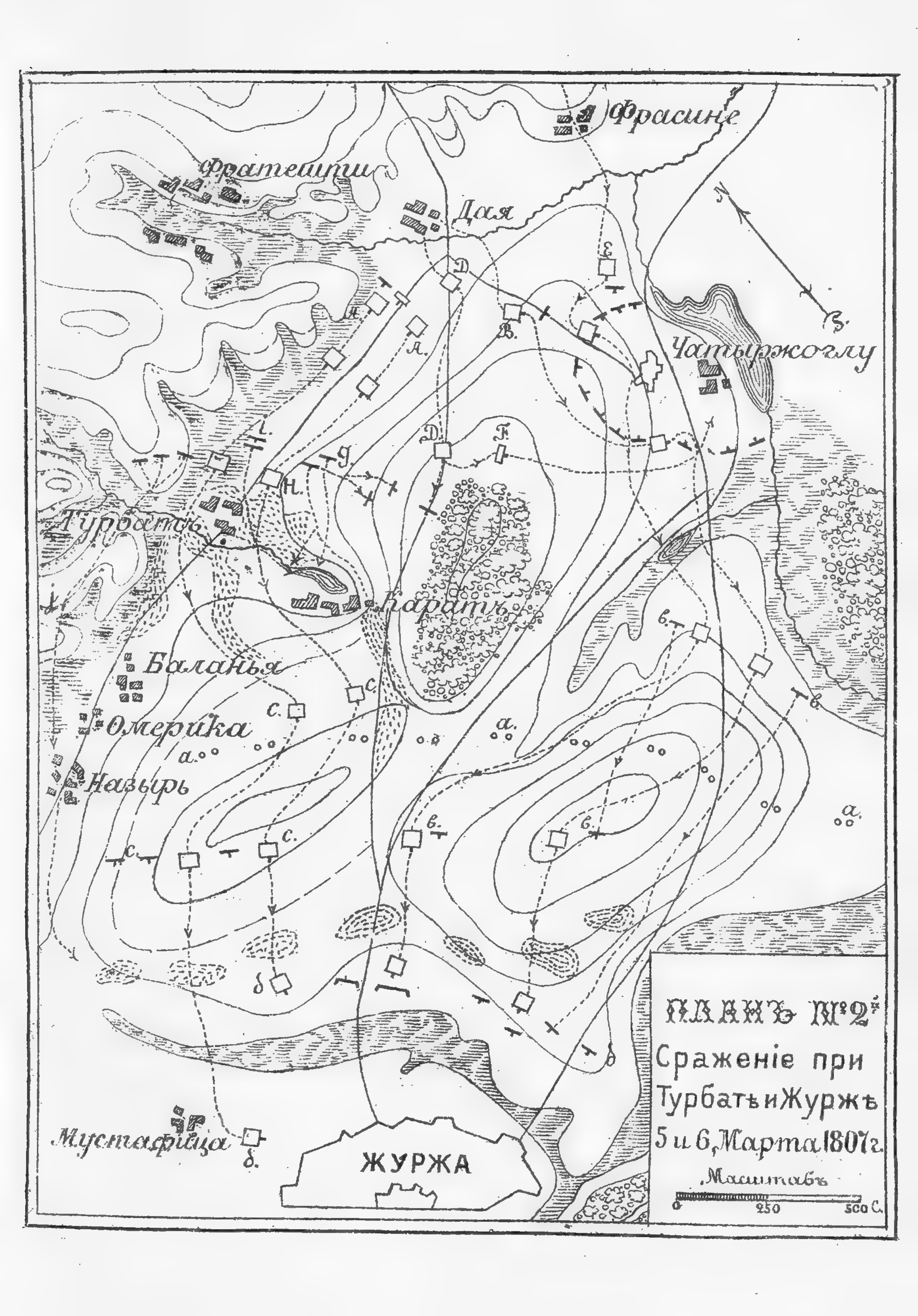
4-го марта весь корпусъ Милорадовича, состоящій изъ Сибирскаго гренадерскаго, Апшеронскаго, Орловскаго, Олонецкаго мушкетерскихъ и 6-го егерскихъ полковъ, всего 15 баталіоновъ пѣхоты, 7 эскадроновъ бѣлорусскихъ гусаръ и двухъ казачьихъ полковъ, собрался къ деревнямъ Калугарени и Дадилово, почти на половинѣ пути между Бухарестомъ и Журжею.

Дальнѣйшее движеніе корпуса было произведено 5 числа двумя колоннами. Самъ главнокомандующій находился во главѣ войскъ. Приближаясь къ деревнѣ Дая и Фрасине, обѣ колонны корпуса сдѣлали привалъ, затѣмъ переправились по мостамъ черезъ небольшой притокъ озера и стали въ боевой порядокъ. До 8,000 непріятельскихъ войскъ распредѣлились двумя группами около деревень Чатыржоглу и Турбата, не далеко отъ Журжи [1]).

Обѣ эти деревни были усилены окопами и приспособлены къ упорной оборонѣ. Генералъ Михельсонъ намѣревался произвести на оба непріятельскіе лагеря неожиданное нападеніе. Поэтому, во время отдыха онъ запретилъ разведеніе огней, не смотря на сильный холодный дождь, лившій всю ночь, и сдѣлалъ слѣдующія распоряженія къ атакѣ.

Генералъ-маіоръ Исаевъ (Е) съ однимъ баталіономъ, 700 казаковъ и 250 сербовъ и арнаутовъ, при двухъ

[1]) Планъ № 2.

Фратешти
Фрасине
Дая
Чатыржоглу
Турбатъ
Баратъ
Баланья
Омерика
Назырь
Мустафица
ЖУРЖА
ПЛАНЪ №2
Сраженіе при Турбатѣ и Журжѣ 5 и 6 Марта 1807 г.
Масштабъ
0
250
500 С.

орудіяхъ артиллеріи, направляется по дорогѣ изъ Фрасине къ деревнѣ Чатыржоглу и форсируетъ правый флангъ расположеннаго здѣсь непріятеля.

Въ то же время генералъ-маіоръ Уланіусъ (В) съ 1 баталіономъ Орловскаго и 1 баталіономъ Сибирскаго гренадерскаго полковъ, двумя баталіонами 6-го Егерскаго полка, 4 эскадронами чугуевскихъ казаковъ и Мелентьева полкомъ, при 4 орудіяхъ конной артиллеріи, направляется отъ деревни Дая по дорогѣ къ Чатыржоглу и располагается праве отряда генерала Исаева, для атаки лѣваго фланга непріятеля, стоявшаго у Чатыржоглу, съ цѣлью отрѣзать ему отступленіе къ Журжѣ. Общее командованіе колоннами Исаева и Уланіуса было поручено генералъ-маіору Шевичу.

Одновременно съ атакою позиціи у Чатыржоглу правая колонна (А), подъ личнымъ руководствомъ Милорадовича, должна овладѣть позиціею непріятеля при Турбатѣ и, если возможно, также отрѣзать противника отъ Журжи.

Колонну эту составляли по два баталіона Апшеронскаго и Орловскаго пѣхотныхъ полковъ, 10 эскадроновъ кавалеріи и 300 казаковъ, при 8 орудіяхъ артиллеріи.

Для связи между колоннами А и В, и въ видѣ общаго резерва, назначался генералъ-маіоръ Бахметьевъ (Д), который долженъ былъ слѣдовать отъ Дая по большой журжинской дорогѣ на деревню Каратъ, и, въ случаѣ надобности, поддерживать атаку или къ сторонѣ Турбата, или къ Чатыржоглу. У Бахметьева находились 2 баталіона Сибирскаго гренадерскаго полка, 8 эскадроновъ кавалеріи и 200 казаковъ, при 12 батарейныхъ орудіяхъ.

Находясь при колоннѣ Исаева, генералъ-маіоръ Шевичъ подошелъ къ позиціи непріятеля у Чатыржоглу 5-го марта, и былъ встрѣченъ значительною непріятельскою конницею, вышедшею въ открытое поле, съ праваго фланга укрѣпленной позиціи.

Построивъ пѣхоту въ карре, Шевичъ расположилъ конницу впереди (E) и выслалъ впередъ казаковъ подполковника Исаева 3, подкрѣпивъ его остальною конницею, съ цѣлью отрѣзать противника отъ укрѣпленія. Непріятель, дружно атакованный, обратился въ бѣгство, скрываясь за укрѣпленіе. Казаки заняли селеніе на крайнемъ правомъ флангѣ непріятельской позиціи.

Шевичъ хотѣлъ идти прямо на штурмъ укрѣпленія, но видя его силу, рѣшился лучше подготовить успѣхъ и дѣйствовать совмѣстно съ колонною генерала Уланіуса (B), до прибытія котораго къ Чатыржоглу, Михельсонъ выслалъ изъ карре Бахметьева (D) баталіонъ Сибирскаго полка (F), для усиленія Исаева.

Между тѣмъ, Уланіусъ, слѣдуя отъ Дая, прибылъ къ мѣсту сраженія и, расположившись правѣе Шевича, составилъ съ нимъ общую боевую линію, охвативъ лѣвый флангъ непріятеля у Чатыржоглу, который, такимъ образомъ, потерялъ сообщеніе съ Журжею. Выставивъ всѣ орудія на позицію, атакующіе открыли сильный огонь по укрѣпленію, намѣреваясь, по достаточномъ ослабленіи противника, взять штурмомъ непріятельскую позицію. Но наступившая темнота заставила отложить это намѣреніе до утра.

Между тѣмъ защитники Чатыржоглу, сознавая опасность быть отрѣзанными отъ Журжи, произвели ночью вылазку противъ войскъ, стоявшихъ на журжевской дорогѣ.

Вылазка эта была отражена, что не лишило непріятеля рѣшимости пробиться силою. Выйдя въ полномъ составѣ изъ укрѣпленія, турки произвели отчаянный натискъ и, хотя съ большими потерями, прорвали линію Уланіуса и отступили къ Журжѣ [1]).

Одновременно съ атакою Чатыржоглу, Милорадовичъ

---

[1]) Рапортъ генералъ-маіора Шевича 6 марта 1807 г. № 1346, В. Уч. Арх. Донесеніе Михельсона 1807.

сдѣлалъ нападеніе на Турбатъ, построясь при деревнѣ Дая въ боевой порядокъ, расположивъ пѣхоту въ два двухбаталіонныя карре, съ кавалеріею между ними и за правымъ своимъ флангомъ. Милорадовичъ выслалъ впередъ казаковъ Мелентьева и, 5-го числа, двинулся къ Турбату. Селеніе это было весьма сильно укрѣплено окопами и нѣсколько тысячъ турецкой конницы стояло въ полѣ, лѣвѣе Турбата.

Приблизясь къ селенію, Милорадовичъ остановилъ свой отрядъ, открывъ сильный артиллерійскій и ружейный огонь по непріятельской конницѣ, вскорѣ пришедшей въ разстройство. Тогда Милорадовичъ выслалъ въ атаку казаковъ Мелентьева, подкрѣпивъ его эскадрономъ Кинбурнскаго драгунскаго полка маіора Столыпина и эскадрономъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка поручика Грачева.

Высланныя въ атаку съ нашего праваго фланга войска заставили массу непріятельской конницы отступить на высоты, около деревень Баланья и Омерика. Въ сущности, это была только демонстрація противника, имѣвшаго въ виду привлечь въ эту сторону нашу кавалерію, тогда какъ значительнѣйшая масса турецкой конницы бросится правѣе Турбата, съ цѣлью ударить на лѣвый флангъ атакующихъ, прикрыть большую журжевскую дорогу и стать въ разрѣзъ между войсками, бывшими у Турбата и находящимися у Чатыржоглу.

Но непріятель упустилъ изъ вида, что на большой журжевской дорогѣ стоялъ отрядъ генерала Бахметьева, который отъ деревни Дая двинулся на Каратъ. При этомъ отрядѣ находился и главнокомандующій.

Въ то время какъ непріятельская конница атаковала впереди Карата кавалерію Бахметьева, Милорадовичъ выслалъ эскадронъ Кинбурнскаго драгунскаго полка маіора Кемпена и Бѣлорусскаго полка эскадронъ рот-

мистра Закрѣева (G), съ цѣлью отрѣзать непріятеля отъ Турбата.

Отбитые Бахметьевымъ и отрѣзанные отъ Турбата, турки всею массою бросились къ своему лѣвому флангу и соединились съ бывшею тамъ на высотахъ конницею, у деревни Баланья.

Для преслѣдованія опрокинутой Бахметьевымъ непріятельской конницы, были высланы изъ отряда Бахметьева конныя войска, а Милорадовичъ, въ подкрѣпленіе имъ, отправилъ еще на ту сторону Турбата стоявшихъ на его лѣвомъ флангѣ два эскадрона драгунъ и 1 эскадронъ гусаръ, подъ командою подполковника Пузанова (H).

Въ то же время Милорадовичъ приказалъ казакамъ, вмѣстѣ съ эскадрономъ Кинбурнскаго полка маіора Столыпина и Бѣлорусскаго гусарскаго полка эскадрономъ поручика Грачева (i), стоявшимъ въ серединѣ между пѣхотными карреями, атаковать турецкую конницу на высотахъ у Баланья. Для подкрѣпленія этой атаки были также высланы, подъ командою маіора Шрамченко, стрѣлки изъ праваго карре, составленнаго изъ двухъ баталіоновъ Апшеронскаго полка. Стрѣлки же другаго карре, которое состояло изъ двухъ баталіоновъ Орловскаго полка, высланы при поручикѣ Липуновѣ 2, для овладѣнія самой деревней Турбатъ. Этимъ дружнымъ натискомъ непріятель былъ выбитъ изъ всѣхъ позицій и поспѣшно отступилъ къ деревнѣ Назырь.

Занявъ Турбатъ и высоты при Баланья, Милорадовичъ выслалъ для преслѣдованія непріятеля всю кавалерію, при генералъ-маіорѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ, который неотступно слѣдуя за непріятелемъ, занялъ Назырь (g).

Такимъ образомъ, турки были совершенно разбиты при Турбатѣ и бѣжали къ Журжѣ. Только до 300 челов., не успѣвшихъ бѣжать изъ Турбата, засѣли въ укрѣ-

пленномъ замкѣ Мустафы Байрактара, и отказались сдаться. Тогда къ замку были подвезены орудія, дѣйствіемъ которыхъ, однако, турки не были вынуждены прекратить оборону.

Чтобы покончить съ ними, Милорадовичъ послалъ на штурмъ замка охотниковъ Орловскаго полка при штабсъ-капитанѣ Молчановѣ и 50 охотниковъ Сибирскаго гренадерскаго полка, при баронѣ Гейсмарѣ, бывшемъ адъютантомъ при Бахметьевѣ. Въ подкрѣпленіе охотниковъ высланы также двѣ роты Орловскаго полка. Замокъ взятъ былъ штурмомъ, и всѣ засѣвшіе тамъ турки переколоты, тѣ же, которые успѣли спастись въ одиночку, были истреблены черносербскими гусарами полковника Милорадовича, который, обскакавъ замокъ, сталъ на журжевской дорогѣ и отрѣзалъ бѣгущимъ отступленіе.

Затѣмъ Милорадовичъ расположился на ночлегъ при Турбатѣ и Каратѣ, выставивъ наблюдательные посты на всѣхъ дорогахъ, ведущихъ къ Журжѣ (аа).

Потерявъ свои позиціи у Турбата и Чатыржоглу, непріятель бѣжалъ къ Журжѣ. Соединясь съ бывшими тамъ войсками, турки въ числѣ до 18,000 челов., открыли на другой день, 6 марта, общее наступленіе семью отдѣльными толпами и потѣснили наши передовые посты. Но чтобы не дать непріятелю времени усилиться, главнокомандующій приказалъ, немедленно, того же 6-го марта, наступать къ Журжѣ карреями. Поэтому карреи Исаева и Уланіуса (bb) двинулись отъ Чатыржоглу, а карреи Орловскаго и Апшеронскаго полковъ (сс) отъ Турбата.

Большая масса непріятельской конницы стояла группами впереди предмѣстья крѣпости. Это заставило наступающихъ выдвинуть кавалерію впередъ чрезъ интервалы между карреями. Турки открыли атаку, стараясь охватить у насъ оба фланга.

На лѣвомъ нашемъ флангѣ турки успѣли смять пе-

редовыхъ казаковъ. Генералъ Исаевъ выслалъ на подкрѣпленіе ихъ всѣхъ остальныхъ казаковъ и арнаутовъ своего отряда, которые, въ свою очередь, опрокинули противника. Одинаково неудачно была ведена турками атака и праваго нашего фланга. Генералъ-маіоръ Бедряга, съ Чугуевскимъ полкомъ, встрѣтилъ нападеніе противника и задержалъ его. Вслѣдъ затѣмъ, кавалерія генералъ-маіора Кутузова, слѣдовавшая отъ Назыря, ударила непріятелю въ лѣвый флангъ и сильно разстроила его. Разбитая турецкая конница укрылась въ крѣпость, причемъ была преслѣдуема до самаго рва.

Между тѣмъ, наша пѣхота подошла къ предмѣстью Журжи, и стала въ боевой порядокъ (dd). Артилерійскимъ огнемъ предмѣстье было зажжено.

Въ это время турецкая конница снова выступила изъ крѣпости, и два раза бросалась въ атаку, намѣреваясь охватить правофланговое карре Апшеронскаго полка, но оба раза была отбита. Вмѣстѣ съ тѣмъ, апшеронское карре подалось еще правѣе, къ деревнѣ Мустафица, которая была сожжена нашей кавалеріей, чтобы непріятель не могъ засѣсть въ ней. Отбитый отъ Мустафица, непріятель скрылся въ крѣпость, и уже не возобновлялъ нападенія. Наша кавалерія преслѣдовала его до самаго крѣпостнаго рва. Затѣмъ главнокомандующій Михельсонъ, сдѣлавъ рекогносцировку Журжи, приказалъ всѣмъ войскамъ отступить въ Турбатъ [1]).

Въ дѣлахъ 5 и 6-го марта турки потеряли до 1,500 челов. и пять знаменъ, въ томъ числѣ два янычарскихъ. У насъ убито 4 офицера и 344 н. чин. Ранено 10 офицера и 170 н. чин. [2]).

Цѣль экспедиціи къ Журжѣ была вполнѣ достигнута. Озабоченый наступленіемъ нашихъ войскъ къ

---

[1]) Рапортъ генералъ-лейтенанта Милорадовича Михельсону отъ 10 марта 1807 г. В. Уч. Арх. № 1346.

[2]) Михельсонъ Разумовскому, отъ 11 марта 1807 г.

Журжѣ, непріятель не могъ отправить подкрѣпленій къ Измаилу, гдѣ собственно и сосредоточивался главный интересъ данной минуты.

„Все это, доносилъ Михельсонъ, составляетъ важнѣйшее достиженіе цѣли моей. На непріятеля наведенъ страхъ и отвлечены силы его отъ подкрѣпленій противъ Измаила и Браилова. Не безполезнымъ послѣдствіемъ моей экспедиціи будетъ и то, что селенія здѣшнія, служившія гнѣздомъ и пропитаніемъ журжинскаго гарнизона, будутъ истреблены [1])".

Въ письмѣ къ гр. Разумовскому, отъ 11 марта, Михельсонъ писалъ о сраженіи при Турбатѣ: „Засѣвшіе въ земляныхъ укрѣпленіяхъ и въ бывшемъ въ Турбатѣ замкѣ (турки) защищались съ такою упорностію и, можно сказать, бѣшенствомъ, что не смотря на дѣйствіе артилеріи, которая всѣ ихъ строенія сожгла, а каменныя разрушила, и не смотря на окруженіе со всѣхъ сторонъ, не оставлявшее къ спасенію надежды, они держались съ однимъ ружейнымъ огнемъ до того, что принуждено было прибѣгнуть къ послѣднему средству: штурму, съ обыкновенною, въ такихъ случаяхъ, гибелью упорныхъ".

Почти одновременно съ дѣломъ при Турбатѣ, корпусъ генерала Мейндорфа подошелъ, 3 марта, къ Измаилу и началъ блокаду крѣпости.

Дѣйствія Мейндорфа подъ Измаиломъ были вялы и не представляютъ ничего замѣчательнаго. Они будутъ разсмотрѣны отдѣльно. Теперь же, чтобы не прерывать хода военныхъ событій, обратимся къ тѣмъ мѣрамъ, которыя были приняты Михельсономъ, въ видахъ содѣйствія Мейндорфу, овладѣть Измаиломъ, что было, какъ уже сказано, главною задачею кампаніи 1807 года.

Послѣ побѣды при Турбатѣ и угрозы противъ Журжи, Михельсонъ простоялъ три недѣли въ виду этой крѣ-

---

[1]) Донесеніе отъ 10 марта 1807 г. В. Уч. Арх. № 1346.

пости, на позиціи около Турбата, а затѣмъ отступилъ обратно къ Бухаресту, съ войсками корпуса Милорадовича, намѣреваясь въ маѣ, лично, отправиться къ Измаилу, чтобы руководить ходомъ осады этой крѣпости.

Рущукскій паша, помня свое недавнее пораженіе, не рѣшался выступать изъ Журжи и, такимъ образомъ, лишенъ былъ возможности отправить подкрѣпленія къ Измаилу.

Чтобы не дозволить и браиловскому гарнизону усилить оборону Измаила, Михельсонъ приказалъ корпусу графа Каменскаго произвести демонстрацію къ Браилову, что было также необходимо и въ виду того, что непріятельскія партіи начали выходить изъ этой крѣпости, для нападенія на наши пути сообщенія.

Корпусъ графа Каменскаго, составлявшій связь между корпусами Милорадовича и Мейндорфа, былъ въ это время расположенъ слѣдующимъ образомъ.

Генералъ-маіоръ Колюбакинъ, съ 2 баталіонами пѣхоты, 4 эскадронами кавалеріи и 2 сотнями казаковъ, занималъ Галацъ, составляя лѣвое крыло корпуса. Затѣмъ остальные 9 баталіоновъ пѣхоты и 14 эскадроновъ кавалеріи Каменскій расположилъ въ Слободзеѣ, гдѣ находился генералъ-маіоръ Долгорукій; въ Максименяхъ, при генералъ-маіорѣ Шевичѣ, и въ Градешти, гдѣ помѣщалась корпусная квартира.

Наблюденіе пространства между рѣками Яломицею и Аржисомъ было поручено маіору Паніоло, занимавшему съ 600 волонтеровъ Каларашъ, противъ Силистріи.

Особенное вниманіе Каменскаго было обращено на полученіе свѣдѣній о Браиловѣ. Съ этою цѣлью установлены были сношенія съ нѣкоторыми лицами въ самомъ Браиловѣ и съ Аяномъ Мачинскимъ.

Такимъ образомъ было извѣстно, что, къ концу апрѣля, въ Браиловъ прибыло изъ Константинополя не болѣе 500 челов., что въ крѣпости имѣлось до 100 пу-

шекъ и не болѣе 6,000 чел. войска, считая въ томъ числѣ и жителей, но что ожидалось еще до 20,000 подкрѣпленія отъ визиря.

Дѣйствительно, 21 мая Каменскій узналъ о прибытіи въ Браиловъ 8,000 анатолійскихъ войскъ съ Чапанъ-Оглу-пашою, и о намѣреніи противника дѣйствовать наступательно, противъ отдѣльныхъ отрядовъ его корпуса. Поэтому онъ рѣшился самъ идти къ Браилову и уничтожить намѣренія непріятеля.

Съ этою цѣлью Каменскій выступилъ изъ Градешти, къ такъ называемому Визирскому броду, на рѣкѣ Бузео, и наведя здѣсь понтонный мостъ, перешелъ рѣку 22 мая. Въ то же время, отряды генералъ-маіора Шевича изъ Максименъ и кн. Долгорукаго изъ Слободзеи получили приказаніе поспѣшить движеніемъ къ Визирскому броду, для соединенія всѣхъ силъ корпуса, что и послѣдовало на другой день. Такимъ образомъ, кромѣ отряда, занимавшаго Галацъ, весь корпусъ находился въ сборѣ. Каменскій раздѣлилъ его, для слѣдованія къ Браилову, на три колонны.

Правая изъ нихъ, въ которую вошли полки Орловскій, мушкетерскій съ его артиллеріею, два эскадрона Кинбурнскихъ драгунъ, два эскадрона Чугуевскаго регулярнаго казачьяго полка и сотня донскихъ казаковъ Исаева 3-го, была поручена генералъ-маіору князю Долгорукому 4.

Среднюю колонну, бывшую подъ начальствомъ командира Тверскаго драгунскаго полка полковника Бердяева, при которой находился и гр. Каменскій, составляли Фанагорійскій полкъ съ его артиллеріею, эскадронъ чугуевскихъ регулярныхъ казаковъ, три эскадрона Кинбурнскаго драгунскаго полка и донскіе казачьи полки полковниковъ Исаева 1 и Чернушкина. Сверхъ того при колоннѣ находились два орудія донской конной артиллеріи.

Лѣвою колонною командовалъ генералъ-маіоръ Ше-

вичъ. Ее составляли Новоингерманландскій мушкетерскій полкъ, съ его артиллеріею, по два эскадрона Тверскаго драгунскаго и Чугуевскаго регулярнаго казачьяго полковъ, донской Мелентьева 3-го полкъ и часть казаковъ Чернушкина. При лѣвой колоннѣ находились и всѣ арнауты.

Послѣ полуночи на 23 мая, Каменскій выступилъ съ позиціи у Визирскаго брода. Онъ имѣлъ въ виду скрытно подойти къ Браилову, сбить всѣ передовые непріятельскіе посты и, неотступно ихъ преслѣдуя, ворваться въ крѣпость. Если же гарнизонъ крѣпости рѣшится выступить въ поле, то разбить его, имѣя также въ виду попытку занять самый Браиловъ. Во всякомъ случаѣ, диверсія Каменскаго далжна была лишить непріятеля возможности производить набѣги отъ Браилова внутрь Валахіи.

Лишить непріятеля этой возможности было весьма важно, такъ какъ корпусъ Каменскаго назначался для усиленія Милорадовича, въ случаѣ наступленія на него главныхъ силъ непріятеля со стороны Дуная. Поэтому Каменскій рѣшился выжечь всѣ окрестныя мусульманскія селенія, чтобы непріятель не могъ пользоваться подводами и припасами жителей для своихъ поисковъ; а всѣхъ христіанъ, съ ихъ имуществомъ, перевести на лѣвый берегъ Бузео, для поселенія внутри Валахіи.

Ночной переходъ къ Браилову былъ чрезвычайно труденъ. Всю ночь лилъ проливной дождь. Жирный грунтъ дороги распустился, люди и лошади скользили и часто падали. Но преодолѣвъ всѣ препятствія, корпусъ подошолъ, къ 9 часамъ утра 24 числа, къ лежащему близь Браилова селенію, Гаджи-Хапитанъ-Мегметъ (Омеръ). Каменскій приказалъ окружить это селеніе двумя эскадронами чугуевскихъ казаковъ, чтобы бывшіе тамъ турки не могли уйти въ крѣпость; а для занятія самаго селенія, высланы были арнауты, съ частью донскихъ

казаковъ. Удивленные внезапностью нападенія, турки отчаянно защищали селеніе, но потерявъ до 120 чел. убитыми и многихъ плѣнными, принуждены были уступить. Селеніе было занято, и Каменскій продолжалъ движеніе къ Браилову, не доходя до котораго версты на четыре, остановился въ удобной позиціи, построивъ войска въ боевой порядокъ, пятью карреями.

Съ этой позиціи разосланы были конные отряды, съ цѣлью выбить турокъ изъ ближайшихъ къ крѣпости деревень; но оказалось, что всѣ эти деревни были уже очищены непріятелемъ.

Плѣнные, взятые въ Мегметъ-Омерѣ, объявили, что назырь браиловскій, съ Оглой-пашей, не расчитывая на прибытіе русскихъ войскъ къ Браилову, вышли изъ крѣпости, съ 5,000 отборной конницы, для грабежей, къ селенію Одай, близь рѣчки Калмацуй, намѣреваясь оттуда сдѣлать поискъ на Слободзею. Получивъ это свѣдѣніе, Каменскій намѣревался отрѣзать Назырь-пашу отъ Браилова.

Утомительный тридцати-верстный переходъ по трудной дорогѣ не дозволилъ привести тотчасъ-же этого намѣренія въ исполненіе. Войскамъ былъ необходимъ отдыхъ, въ теченіи 23 числа. На другой же день, съ разсвѣтомъ, Каменскій имѣлъ въ виду направить отрядъ кн. Долгорукаго для отрѣзанія Назырь-паши. Но послѣдній успѣлъ уже получить увѣдомленіе объ опасности, предстоявшей Браилову, и потому не рѣшился идти изъ Одая къ Слободзеѣ, а успѣвъ только ограбить нѣсколько деревень между Калмацуемъ и Бузео, въ томъ числѣ Ульмъ, на р. Калмацуѣ, поспѣшно возвратился назадъ и вступилъ въ крѣпость. Узнавъ объ этомъ отъ бѣжавшаго изъ Браилова валаха, въ то самое время, когда отрядъ Долгорукаго готовился къ выступленію на слободзейскую дорогу, Каменскій отмѣнилъ предполагавшееся движеніе въ этомъ направленіи и, занявшись

отправленіемъ христіанскихъ жителей на лѣвую сторону рѣки Бузео, намѣревался выманить непріятеля въ поле и разбить его.

Между тѣмъ, еще 23 мая, т. е. до возвращенія Назыря-паши, около 1,000 чел. непріятельской конницы выступили изъ крѣпости послѣ полудня и открыли перестрѣлку съ передовыми казачьими постами.

Турки, повидимому, намѣревались произвести рекогносцировку, съ цѣлью опредѣлить численность русскихъ войскъ. Атакованные донцами, они ушли поспѣшно въ крѣпость.

Каменскій ожидалъ ночнаго нападенія, такъ какъ, не смотря на неуспѣвшаго еще возвратиться 5,000 отряда Назыря-паши, непріятель имѣлъ значительный перевѣсъ въ силахъ противъ отряда Каменскаго, насчитывавшаго подъ ружьемъ не болѣе 8,000 чел., тогда какъ у непріятеля было болѣе 20,000. Но турки ничего не предпринимали во всю ночь на 24 мая.

Тогда, накормивъ людей, Каменскій двинулся къ Браилову въ 10 часовъ утра, построивъ войска въ пять карре. Движеніе это было произведено,—„съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ, но съ такой дистанціи, доносилъ Каменскій, чтобы крѣпостныя пушки не могли мнѣ вредить, дабы понапрасну не терять, безъ малѣйшей пользы людей, и въ единомъ намѣреніи подзадорить Назыря съ пашей, и выманить ихъ изъ крѣпости“.

Маневрируя, такимъ образомъ, въ виду непріятеля, Каменскій повернулъ всю линію вправо и двигался флангомъ вдоль западной части Браилова, показывая видъ желанія обойти крѣпость и примкнуть правымъ флангомъ къ Дунаю, что обезпечило бы ему вѣрное сообщеніе съ корпусомъ Милорадовича въ Бухарестѣ. Впрочемъ, стратегическія соображенія тутъ были не причемъ. Имѣлся

въ виду единственно тактическій бой, съ цѣлью вызвать противника въ поле, что и было достигнуто.

Едва войска наши предприняли фланговое движеніе вдоль западной части Браилова, какъ непріятель, оставивъ въ крѣпости 6,000 чел., выслалъ въ поле до 15,000 конницы, которая стремительно понеслась въ атаку, стараясь, по своему обыкновенію, охватить наши войска со всѣхъ сторонъ.

Въ особенности же, усилія его были направлены на два лѣвыя карре, которыми командовалъ генералъ-маіоръ Шевичъ.

Остановивъ движеніе, Каменскій открылъ сильный огонь. Шевичъ, никогда не терявшій спокойствія, съумѣлъ отбить всѣ направленныя противъ него атаки. Тогда турки обратили свои главныя усилія на трехбаталіонное карре Фанагорійскаго полка, бывшее въ срединѣ боеваго порядка. Они направили на это карре сильный артиллерійскій огонь, а потомъ конницу. Изъ крѣпости выступила большая масса пѣхоты, которая, расположившись на ближайшихъ высотахъ, ожидала разстройства фанагорійскаго карре, чтобы докончить его пораженіе.

Но фанагорійцы проявили геройскую стойкость и отбили, съ большимъ для непріятеля урономъ, всѣ атаки его конницы, такъ что турецкая пѣхота не рѣшилась сдѣлать нападенія.

Тѣмъ не менѣе, ожесточенный бой не прекращался. Превосходство непріятеля въ силахъ и производимыя имъ нападенія на наши войска, остановившіяся на маршѣ, въ случайной, неудобной позиціи, открытой со всѣхъ сторонъ, побудили Каменскаго перейти на свою прежнюю позицію, представлявшую несравненно больше выгодъ. Поэтому онъ повернулъ отрядъ влѣво и, слѣдуя карре за карреемъ, открылъ движеніе.

Тогда турки всею массою ударили на два карре пра-

ваго фланга, состоявшія подъ командою генералъ-маіора князя Долгорукаго 4-го. Но и эта атака была отбита, и весь отрядъ расположился на прежней боевой позиціи, въ четырехъ верстахъ отъ крѣпости.

Тутъ разыгрался конецъ боя. Турки повели послѣднюю, отчаянную атаку на всю позицію. Огнемъ они были отбиты на всѣхъ пунктахъ и, преслѣдуемые конницею, бѣжали въ крѣпость, потерявъ убитыми и ранеными до 2,000 чел. Въ плѣнъ было взято всего 23 чел., въ томъ числѣ ага и секретарь назыря. Множество рогатаго скота и овецъ захвачено нашими войсками и роздано въ части на порціи. Съ нашей стороны убито всего 14 и ранено 65 чел.

„Я не найду словъ,—доносилъ Каменскій,—какъ нахвалиться ревностью и усердіемъ всѣхъ войскъ вообще, кои, не смотря ни на погодицу, ни на дурную дорогу и на отдаленность разстоянія, ничего такъ не желали, какъ скорѣе повстрѣчаться съ непріятелемъ". Войска просились идти на штурмъ Браилова, но гр. Каменскій, имѣя въ виду значительную потерю, которая была бы неизбѣжна, и назначеніе своего корпуса содѣйствовать Милорадовичу, не могъ исполнить этой просьбы [1]).

Со стороны турокъ въ сраженіи 24-го мая участвовали большею частью войска, прибывшія изъ Анатоліи съ своимъ агою, убитымъ въ дѣлѣ вмѣстѣ съ пятью другими турецкими начальниками.

Предавъ огню окрестныя мусульманскія селенія и разрушивъ домъ, принадлежавшій назырю, Каменскій, того же 24-го мая, возвратился на лѣвый берегъ Бузео, и сталъ у Визирскаго брода въ увѣренности, что непріятель не рѣшится болѣе выходить изъ Браилова, и дастъ ему возможность выступить на помощь Милора-

---

[1]) Донесеніе гр. Каменскаго главнокомандующему, отъ 28-го мая 1807 г. В. Уч. Арх. № 1346.

довичу, противъ котораго готовился главный ударъ противника.

Для непосредственной же связи съ корпусомъ Милорадовича былъ, немедленно, высланъ въ Бузео отрядъ кн. Долгорукаго 4-го, изъ одного пѣхотнаго и одного драгунскаго полковъ.

Обратимся теперь къ дѣйствіямъ главныхъ силъ турокъ противъ корпуса Милорадовича.

II.

Положеніе дѣлъ въ Турціи.—Своеволіе пашей и янычары.—Регулярныя турецкія войска.—Угрозы Англіи Константинополю и ихъ неуспѣшность. — Бунтъ янычаръ.— Низверженіе султана Селима III и избраніе Мустафы IV.

Слишкомъ выдвинутое впередъ положеніе корпуса Милорадовича, занимавшаго Бухарестъ и Валахію, вызывало, казалось, у непріятеля необходимость направить противъ него сильный ударъ, чтобы, воспользовавшись превосходствомъ своихъ силъ на Дунаѣ, разбить этотъ корпусъ, очистить отъ русскихъ Валахію, и вступить въ Молдавію, для оказанія помощи осажденному Измаилу.

Но чтобы понять, почему этого не было сдѣлано ранѣе, когда русскія войска еще не были упрочены въ княжествахъ, необходимо бросить взглядъ на обстоятельства, въ которыхъ находилась турецкая армія съ самаго начала войны.

Мы видѣли, что Турція долго не соглашалась объявить войну Россіи, не смотря даже на вступленіе русскихъ войскъ въ ея предѣлы. Эта нерѣшительность обусловливалась, прежде всего, печальнымъ состояніемъ внутренняго порядка страны и тѣмъ положеніемъ, въ которомъ она находилась въ періодъ, предшествовавшій разрыву.

Паши не признавали власти султана и одерживали побѣды надъ высылаемыми противъ нихъ султанскими войсками.

Такъ мы видѣли, что Пассеванъ-Оглу-паша виддинскій, объявивъ себя независимымъ въ 1804 году, разбилъ султанскую армію Гусейна-паши и распространилъ свою власть на всю верхнюю Валахію. Еще ранѣе, въ 1800 году, онъ разбилъ румелійскаго пашу, и овладѣлъ Тырновымъ въ Болгаріи. Господарь Валахскій и бѣлградскій паша соединились между собою для дѣйствія противъ Пассеванъ-Оглу, укрѣпившагося въ Виддинѣ.

Паши: измаильскій—Пеглеванъ и рущукскій—Терсенекли-Оглу также отказались отъ повиновенія султану.

Джезаръ-паша дамасскій управлялъ Сиріею, какъ независимый правитель, и только по внѣшности подчинялся верховной власти.

Египетъ также едва не былъ потерянъ. Сперва его заняли французы, потомъ англичане. По удаленіи англичанъ, Египтомъ управлялъ Мегмедъ-Али, обязанный платить султану ежегодную дань, которую, однако, онъ платилъ только тогда, когда самъ этому не противился. Въ 1803 году объявилъ свою независимость сербскій князь Георгій, извѣстный подъ именемъ *Черного*, личность чрезвычайно энергическая, патріотъ, рѣшившійся бороться за свободу Сербіи.

При такихъ обстоятельствахъ нужно замѣтить, что, собственно говоря, султанъ не имѣлъ арміи, потому что не могъ на нее расчитывать, такъ какъ своеобразная постоянная милиція, извѣстная подъ названіемъ янычаръ, болѣе слушала своихъ пашей, чѣмъ повелѣнія султана. Для сохраненія своего вліянія, паши дозволяли янычарамъ грабить, буйствовать и бунтовать.

Понимая, что съ такими войсками нельзя расчитывать ни на борьбу съ внѣшнимъ противникомъ, ни на приданіе силы своей власти, султанъ, по совѣту Напо-

леона, предпринялъ организацію новыхъ войскъ, формируемыхъ по образцу регулярныхъ военныхъ силъ европейскихъ государствъ.

Въ 1802 году, Наполеонъ, принявъ титулъ императора, отправилъ въ Константинополь маршала Брюна, въ качествѣ посланника, съ цѣлью склонить Порту къ признанію за нимъ императорскаго титула, взамѣнъ чего Брюнъ обѣщалъ организовать и обучить по-европейски вновь учреждаемыя султаномъ регулярныя войска.

Но Брюнъ не достигъ своей цѣли, такъ какъ поступалъ съ турками слишкомъ по-европейски.

Тѣмъ не менѣе, султанъ не переставалъ надѣяться на образованіе новаго регулярнаго войска и употреблялъ къ тому всѣ усилія. Но организація велась крайне неуспѣшно. Вновь формируемыя войска были немногочисленны и трудно подчинялись требованіямъ воинской дисциплины. Къ тому же у нихъ не было знающихъ дѣло руководителей.

При такихъ условіяхъ начинать внѣшнюю войну было немыслимо. Поэтому султанъ, въ силу самой необходимости, лавировалъ, такъ сказать, между Сцилой и Харибдой. Съ одной стороны Франція совѣтывала Портѣ идти на разрывъ съ Россіей, обѣщая въ этомъ случаѣ свое содѣйствіе султану; но были причины не довѣрять Наполеону, такъ какъ султанъ имѣлъ въ своихъ рукахъ документъ, доставленный англичанами, что еще въ 1803 году, въ разговорѣ съ лордомъ Уитдортомъ, Наполеонъ предлагалъ раздѣлъ Турціи съ тѣмъ, чтобы Египетъ остался за Франціей. Съ другой стороны, Россія доказывала Портѣ корыстныя цѣли Наполеона, и требовала, чтобы султанъ прекратилъ съ нимъ всякія сношенія, объявляя, что, въ противномъ случаѣ, она будетъ считать султана своимъ врагомъ. Въ томъ же тонѣ говорилъ и французскій посланникъ, въ Константинополѣ, генералъ Себастіани, требовавшій отъ Порты объявле-

нія войны Россіи, угрожая, въ противномъ случаѣ, вступленіемъ въ предѣлы Турціи французскихъ войскъ, занимавшихъ уже Далмацію.

Съ своей стороны, посланникъ Англіи, Арбутнотъ, когда русскія войска заняли Валахію, требовалъ, чтобы до заключенія мира англійская эскадра заняла Дарданеллы. Порта на это не соглашалась и даже Императоръ Александръ никакъ не могъ одобрить чрезмѣрныхъ требованій англійскаго посла. (Будбергъ Михельсону).

Обаяніе славы Наполеона, котораго вся современная Европа признала феноменальнымъ военнымъ геніемъ, его блистательныя побѣды въ Италіи, Египтѣ и потомъ Аустерлицкая катастрофа, показавшая, что Наполеонъ могъ разгромить не только австрійцевъ, но и русскія войска вмѣстѣ съ австрійскими, все это, взятое въ совокупности, рѣшило выборъ султана.

Въ августѣ 1806 года прибылъ, какъ мы видѣли, въ Константинополь французскій посланникъ генералъ Себастіани. Чтобы сильнѣе подѣйствовать иа приближенныхъ султана, Себастіани окружилъ себя внѣшнимъ блескомъ и царскою роскошью. У него было много привезено денегъ и цѣнныхъ подарковъ, для подкупа продажныхъ членовъ дивана. Нѣмецкіе, итальянскіе и французскіе инженеры и артиллеристы составляли его свиту, и назначались для обученія новыхъ регулярныхъ войскъ султана и производства сооруженій, съ цѣлью обороны страны.

Значеніе Себастіани возрастало съ каждымъ днемъ. Пока французы занимались обученіемъ турецкихъ регулярныхъ войскъ, султанъ ожидалъ какіе ими будутъ достигнуты результаты и все еще не разрывалъ съ Россіею, не вполнѣ довѣряя Наполеону, за его мысль о раздѣлѣ Турціи. Тогда Себастіани указалъ султану на то, что еще въ 1798 году, при содѣйствіи Англіи, Тур-

ція заключила съ Россіей дружественный договоръ, въ которомъ говорилось о неприкосновенности турецкихъ владѣній; но Императоръ Александръ, вступивъ на престолъ, не призналъ этого договора, потому что это значило-бы гарантировать цѣлость Турецкой имперіи, чѣмъ и доказалъ, что, смотря по обстоятельствамъ, онъ и самъ, можетъ быть, не противъ раздѣла.

Мы уже видѣли, что неизбѣжный разрывъ съ Турціей былъ только вопросомъ времени, а замедлялся лишь неготовностью Турціи къ войнѣ и неимѣніемъ регулярной арміи.

Чтобы еще болѣе замедлить и затруднить формированіе турецкой арміи, англичане не мало потрудились надъ возбужденіемъ религіознаго фанатизма, въ предѣлахъ Турецкой имперіи. Почва для этого оказалась весьма удобною. Въ дѣлѣ серіозныхъ государственныхъ преобразованій, упирающихся на вѣковыхъ, хотя и ложныхъ, традиціяхъ прошлаго, неизбѣжно являются противники и сторонники стараго и новаго порядка вещей.

Къ новымъ воззрѣніямъ пристаютъ или люди, лично видящіе въ нихъ свою выгоду, или стоящіе по своему умственному развитію выше средняго уровня, способные отрѣшиться отъ старой рутины и признать въ новомъ дѣлѣ залогъ лучшаго будущаго страны.

Но когда на мѣстѣ стараго, прогнившаго зданія возводится новое, то старое приходится ломать, при чемъ образуется много мусора, уборка котораго требуетъ и труда и времени.

Такъ случается всегда, такъ случилось и въ Турціи, въ вопросѣ объ учрежденіи новыхъ регулярныхъ войскъ, вмѣсто ни къ чему негодной милиціи, янычаръ. Нашлись многочисленные противники предпринятыхъ султаномъ нововведеній. Улемы, т. е. привилегированные толкователи корана, и всегда объясняющіе его сообразно своимъ видамъ, нашли, что всѣ вводимыя въ

войскахъ реформы, которыми руководятъ гяуры, враги пророка, противны волѣ Магомета, и что султанъ злоупотребляетъ своимъ званіемъ главы правовѣрныхъ. Поэтому, въ Аравіи глава бедуиновъ, Абдулъ-Ваабъ, объявилъ, что онъ не признаетъ духовнаго главенства султана и, собравъ шайку разбойниковъ, ограбилъ священные города и угрожалъ опустошеніемъ странамъ, сосѣднимъ съ Аравіей.

Все это и было причиною той медленности, съ которою турецкія войска собирались дѣйствовать противъ русскихъ. Нужно было сперва покончить съ сербами, гдѣ Черный Георгій осаждалъ Бѣлградъ, энергически защищаемый Кузенджи-Али пашею. Но $\frac{\text{30-го ноября}}{\text{12-го декабря}}$ 1806 г. Бѣлградъ былъ взятъ штурмомъ.

Съ другой стороны, назначенныя противъ русскихъ регулярныя войска, бывшія подъ начальствомъ Короманъ-паши, должны были остаться въ Константинополѣ, которому угрожалъ англійскій флотъ; а до 25,000 этихъ войскъ отправлено въ Сербію, для дѣйствій противъ Чернаго Георгія.

Столица Порты дѣйствительно находилась въ опасности. Англійскій посланникъ въ Турціи, Арбутнотъ, видя, что всѣ его старанія отклонить султана отъ войны съ Россіей оказываются безсильными, объявилъ, что въ случаѣ войны, англійскій флотъ, бывшій въ Средиземномъ морѣ, подъ начальствомъ лорда дѣ-Куорта, вмѣстѣ съ русскимъ флотомъ адмирала Сенявина, бывшимъ въ Рагузѣ, подойдутъ къ Константинополю и обратятъ его въ пепелъ.

Сенявинъ дѣйствительно направился къ Дарданелламъ, куда уже прежде подошелъ дѣ-Куортъ, бросивъ якорь у Тенедоса.

Арбутнотъ рѣшительно потребовалъ, чтобы Себастіани былъ, немедленно, высланъ изъ Константинополя, и чтобы султанъ заключилъ союзъ съ Россіей и Англіей про-

тивъ Франціи, грозя, въ противномъ случаѣ, сжечь столицу Порты.

Подавъ эту ноту, Арбутнотъ, въ ожиданіи отвѣта переѣхалъ на англійскій корабль. Султанъ уже колебался, когда Себастіани убѣдилъ его, что угрозы англичанъ напрасны, и что Наполеонъ намѣренъ выслать изъ Далмаціи 25,000 французскихъ войскъ въ помощь султану; что, разгромивъ уже Пруссію, занявъ Берлинъ, Наполеонъ скоро покончитъ и съ Россіей, которая не въ состояніи уже и теперь выслать противъ Турціи значительную армію.

Султанъ уступилъ доводамъ Себастіани и отказалъ Арбутноту въ его требованіяхъ. Тогда Арбутнотъ, немедленно, отплылъ къ эскадрѣ у острова Тенедоса, съ тѣмъ, чтобы привести свою угрозу въ исполненіе. 18 (30) декабря 1806 г. Порта объявила войну Россіи. 19 февраля 1807 г. эскадра Арбутнота, открывъ съ бортовъ учащенный огонь, быстро вступила въ Дарданеллы, прошла Мраморное море и, уничтоживъ всѣ турецкія суда, попадавшіяся ей на пути слѣдованія, подступила къ Константинополю. Турецкія батареи, устроенныя еще въ 1770 году барономъ Тоттомъ, были почти совсѣмъ невооружены; къ защитѣ не было принято никакихъ мѣръ, и потому англійская эскадра не понесла ни малѣйшаго урона.

Султанъ, приведенный въ ужасъ, просилъ Себастіани, *добровольно*, оставить столицу Порты. Но Себастіани требовалъ только, чтобы ему было поручено защищать Константинополь, принять мѣры, съ цѣлью запереть англичанъ въ Мраморномъ морѣ и не пропустить русскаго флота въ Дарданеллы. Султанъ уступилъ. Себастіани съ полной энергіей принялся за дѣло.

По его указанію, для защиты Константинополя воздвигнуты были новыя укрѣпленія, въ то время какъ генералы Гаксо и Фуа, съ присланными Мармономъ изъ

Далмаціи французскими инженерами, исправляли береговыя батареи въ Дарданеллахъ.

Себастіани составилъ смѣлый планъ, вооруживъ орудіями батареи, запереть англійскій флотъ въ Мраморномъ морѣ, не дозволяя ему уйти ни въ Средиземное, ни въ Черное моря, для чего были возведены также сильныя батареи на Босфорѣ.

Адмиралъ англійской флотиліи, лордъ де-Куортъ, вовремя понялъ угрожавшую ему опасность и потому, прежде чѣмъ Себастіани успѣлъ сдѣлать всѣ нужныя приготовленія, воспользовался попутнымъ вѣтромъ и, 2 марта, направился къ выходу изъ Дарданеллъ. Турки открыли по эскадрѣ сильный огонь и бросали громадныя каменныя ядра, вѣсомъ въ 600—700 фунтовъ. Одно изъ нихъ сломало главную мачту на кораблѣ, а другое убило 60 человѣкъ. Два линейные корабля были сильно повреждены. Тѣмъ не менѣе, англійская эскадра успѣла уйти въ море, не рѣшаясь уже въ другой разъ на столь рискованное предпріятіе.

Вскорѣ появилась въ Егейскомъ морѣ эскадра Синявина, пристававшая по островамъ и призывавшая грековъ кь возстанію. Дё-Куортъ отплылъ въ Египетъ, чтобы поддержать предводителей мамелюковъ, возставшихъ противъ Мегмета-Али, намѣстника султана, стремившагося овладѣть верховною властью. Де-Куортъ направился къ Александріѣ, которая еще 15 марта сдалась на капитуляцію генералу Мекензи, прибывшему съ англійскимъ флотомъ изъ Сициліи.

Но Мегметъ-Али, въ свою очередь, явившись въ Александрію, заставилъ англичанъ очистить городъ. Сенявинъ, оставшись одинъ по уходѣ де-Куорта, разбилъ 4 октября турецкій флотъ, но снялъ блокаду Дарданеллъ.

Неудачная демонстрація англійскаго флота къ Константинополю, тѣмъ не менѣе, значительно задержала

отправленіе турецкихъ силъ на театръ войны противъ русскихъ.

Себастіани ожидалъ возможности повторенія попытки англійской эскадры, въ совокупности съ русскою, адмирала Сенявина. Лично наблюдая за укрѣпленіемъ Дарданеллъ, Себастіани оставилъ, временно, Константинополь. Отсутствіемъ его воспользовались для возмущенія столичныхъ янычаръ, недовольныхъ тѣмъ, что султанъ хотѣлъ замѣнить ихъ національную одежду мундирами новыхъ регулярныхъ войскъ низама.

Янычары составили заговоръ противъ нововведеній султана и, предводимые Кабашки-Оглу, заняли замокъ на азіятской сторонѣ, намѣревались умертвить министра иностранныхъ дѣлъ, и собрались массою, на европейскомъ берегу, у деревни Буюкдере. Тѣмъ янычарамъ, которые не пристанутъ къ своимъ товарищамъ, угрожалось смертью.

28 мая 1807 года, 15,000 возставшихъ янычаръ заняли предмѣстье Перу, соединились съ артиллерійскимъ корпусомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Топчи, овладѣли крѣпостными орудіями, потребовали отмѣны всѣхъ новыхъ учрежденій и смерти тѣхъ лицъ, которыя способствовали ихъ введенію. Напрасно султанъ, приведенный въ ужасъ, старался успокоить янычаръ обѣщаніями и подкупами,—волненіе не прекращалось. Деньги, которыя султанъ приказалъ раздать возмутившимся, затерялись въ карманахъ нѣсколькихъ лицъ, и не дошли по назначенію.

Улемы и муфти объявили султана еретикомъ. Бунтовщики окружили сераль и казнили всѣхъ двѣнадцать министровъ; затѣмъ, овладѣвъ дворцомъ, объявили Селима III низверженнымъ съ престола, заключивъ его въ ту часть дворца, въ которой находились до того въ заключеніи Мустафа и Бехмутъ, сыновья его предшественника Абдулъ-Хамида.

29-го мая 1807 года, старшій изъ нихъ, Мустафа, былъ провозглашенъ султаномъ, подъ именемъ Мустафы IV, и 13-го іюня совершилъ обрядъ опоясанія Магометова меча.

Новый султанъ объявилъ о своемъ намѣреніи энергически продолжать войну, на сушѣ и на морѣ.

Но 1-го іюля, Сенявинъ нанесъ сильное пораженіе турецкому флоту при Лемносѣ. Въ Азіи, бунтовщики продолжали владѣть священными городами, а въ Египтѣ, Мегметъ-Али сдѣлался совершенно независимымъ.

При такихъ обстоятельствахъ, военныя силы Порты не могли быть направлены къ одной общей цѣли—дѣйствія противъ русскихъ.

Относительно произведенной въ Константинополѣ революціи, приведемъ выписки изъ письма Гибша, датскаго посланника при Портѣ, къ Родофиникину [1]).

Желаніе уничтожить янычаръ вызвало въ 1806 г. бунтъ. Султанъ обвинилъ министровъ, какъ требовавшихъ военныхъ нововведеній, которыя и обѣщалъ отмѣнить навсегда. Въ 1807 г. та же идея уничтожить янычаръ возникла съ прежней силой. Янычары снова взбунтовались, ссылаясь на обѣщанія султана. Бунтовщики склонили на свою сторону войска, занимавшія укрѣпленные замки на Черномъ морѣ и также состоявшія изъ янычаръ. Гарнизонъ замка Моджіаръ въ Азіи первый выставилъ знамя и отказался надѣть новую форму обмундированія, на европейскій образецъ. Начальникъ гарнизона Халиль-ага, требуя послушанія, перешелъ къ угрозамъ. Тогда послѣдовалъ единодушный взрывъ возстанія, и Халиль-ага былъ первою его жертвою. Затѣмъ началось избіеніе всѣхъ, кого считали приверженцемъ нововведеній. Былъ убитъ Магометъ Эфенди, общій начальникъ укрѣпленій на Босфорѣ. Тогда до 6,000 янычаръ собрались лагеремъ на равнинѣ у Буюкъ-дере,

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Hubsche à Rodofinikin. 3 Juin 1807.

и отправились на избіеніе всѣхъ приверженцевъ нововведеній. Султанъ отправилъ къ нимъ посланныхъ съ увѣреніемъ, что всѣ ихъ требованія будутъ исполнены, съ условіемъ, чтобы они разошлись и заняли свои мѣста, которыя ввѣрены ихъ защитѣ. Янычары отвѣчали— „что слова султана не имѣютъ болѣе для нихъ гарантіи и что они, на этотъ разъ, рѣшились не оставлять оружія, пока виновники ихъ несчастій не понесутъ должной кары“.

27-го мая, вечеромъ, янычары выступили отъ Буюкъ-дере. 28-го съ разсвѣтомъ, они заняли артиллерійскія казармы Горлане, со всѣми пушками и ружьями, которыя тамъ были. Занимавшія казарму войска соединились съ янычарами, которые разослали по всѣмъ частямъ города небольшіе отряды, для сохраненія порядка. Нѣсколько тысячъ жителей присоединилось къ янычарамъ, и вся эта толпа стала на обширномъ плацѣ, близъ Сераля. Здѣсь былъ составленъ списокъ 12 лицъ, т. е. всѣхъ министровъ, которыхъ султанъ долженъ былъ осудить на смерть, и въ то же время жилища обреченныхъ были окружены войсками. Въ надеждѣ усмирить бунтъ, султанъ предалъ казни четырехъ министровъ, головы которыхъ были выставлены на показъ народу. Но янычары этимъ не удовольствовались и казнили остальныхъ, ими обреченныхъ на смерть. Затѣмъ, янычары объявили султана недостойнымъ царствовать, и провозгласили Мустафу, старшаго сына Абдулъ-Хамида. Несчастный султанъ Селимъ, оставленный всѣми, долженъ былъ покориться судьбѣ и могъ только сказать своему преемнику: „Никогда не оказывайте полнаго довѣрія вашимъ министрамъ. Нужно самому все видѣть и всѣмъ управлять. Если я имѣлъ несчастіе потерять любовь и уваженіе своего народа, то лишь потому, что дозволилъ управлять собою министрамъ, недостойнымъ моего довѣрія“.

Совѣтъ практичный, но поздній. Только теперь Се-

лимъ понялъ, что былъ окруженъ министрами, скорѣе служившими Наполеону, чѣмъ Турціи.

Замѣчательно, что вся эта революція совершилась въ два дня. На третій, новые министры уже совершенно вступили въ отправленіе своихъ должностей. Во все время не было ни малѣйшаго случая грабежа или насилія, такъ какъ за нихъ полагалось страшное наказаніе.

Революціи въ Константинополѣ и предшествовавшія ей событія въ Турціи, неминуемо, замедлили открытіе военныхъ дѣйствій главной непріятельской арміи, къ обзору предпріятій которой теперь и обратимся.

III.

Турецкая армія собирается у Шумлы, къ 30 марта 1807 г.—Наступленіе ея къ Силистріи и Журжѣ. — Опасность, угрожавшая Бухаресту, мѣры для его защиты.—Бой при Обилешти и его послѣдствія. — Разборъ военныхъ дѣйствій Милорадовича.

Собранная въ Адріанополѣ еще въ началѣ 1807 года, турецкая армія прибыла въ Шумлу только 30 марта. Верховный визирь, Ибрагимъ-паша, по совѣту французскихъ офицеровъ, рѣшился двинуться изъ Шумлы двумя массами—на Силистрію и Журжу. Наступая отъ Журжи на Бухарестъ, визирь имѣлъ въ виду направиться, въ то же время, изъ Силистріи на сообщенія, ведущія изъ Бухареста и, такимъ образомъ, уничтожить корпусъ Милорадовича, занимавшаго столицу Валахіи.

Планъ этотъ, безпорно, былъ составленъ хорошо и превосходство непріятеля въ силахъ давало возможность его выполненія, для чего прежде всего нужно было умѣть воспользоваться временемъ.

Но мы уже видѣли, какія причины не дозволяли сперва отправить къ Дунаю силы, достаточныя для наступленія. Когда же армія была доведена до надлежащей нормы, политическія событія въ Константинополѣ и

низложеніе Селима III явились новымъ поводомъ не начинать рѣшительныхъ дѣйствій. Достаточно сказать, что вся собранная въ Шумлѣ визирская армія состояла изъ низама, новаго регулярнаго войска, за введеніе котораго Селимъ III поплатился престоломъ. Неизвѣстно было какъ новый султанъ отнесется къ начальникамъ новаго войска и къ самому визирю, который стоялъ во главѣ его. За неумѣстную энергію можно было поплатиться головою. Оставалось ожидать внушеній изъ Константинополя, гдѣ борьба партій не только не прекращалась, но принимала новый острый характеръ.

Вскорѣ получено было въ Шумлѣ извѣстіе о смѣнѣ верховнаго визиря Ибрагима-паши, и о назначеніи на его мѣсто Челеби-паши.

Только Мустафа Байрактаръ Рущукскій не терялъ головы въ этой сумятицѣ. Искренній приверженецъ низвергнутаго султана, Байрактаръ не оставлялъ надежды возвести его снова на престолъ; но для этого онъ рѣшился прежде разбить русскихъ и, въ качествѣ побѣдителя, явиться въ Константинополь во главѣ своихъ войскъ, для возстановленія Селима III.

Поэтому Байрактаръ успѣлъ убѣдить визиря не отлагать движенія изъ Шумлы на Силистрію и далѣе къ Бухаресту, куда онъ самъ двинется отъ Журжи. Давно задуманный планъ наступленія только теперь приводился въ исполненіе. Мустафа Байрактаръ Рущукскій перешолъ Дунай у Рущука, и сталъ на лѣвомъ берегу его у Слободзеи, въ двухъ верстахъ выше Журжи.

Въ среднихъ числахъ мая мѣсяца, Милорадовичъ получилъ извѣстіе о наступленіи арміи Мустафы. Извѣстно также было, что верховный визирь съ 80,000 арміею стоитъ у Базарджика, приказавъ Аяну Мачинскому, подъ страхомъ уничтоженія Мачина, выслать тамошнія войска къ Браилову. Самъ же визирь намѣревался

идти къ Силистріи, переправиться черезъ Дунай и вступить въ Валахію.

Начало наступательныхъ дѣйствій противника выяснилось, такимъ образомъ, само собою.

Аянъ Мачинскій и его сторонникъ Тагиръ-Бей были тайными партизанами Россіи. На категорическое требованіе визиря выслать мачинскія войска въ Браиловъ, Тагиръ-Бей писалъ генералъ-маіору Колюбакину, занимавшему постъ въ Галацѣ, чтобы русскія выслали роты двѣ на правый берегъ Дуная, какъ-бы для нападенія на Мачинъ, обѣщая, что тамошнія войска, подъ предлогомъ явной опасности, разбѣгутся. Но Колюбакинъ не рѣшился на это. Тогда было условлено, что русскіе откроютъ по Мачину, черезъ Дунай, съ лѣваго его берега, пушечную пальбу холостыми зарядами, чтобы мачинскія войска имѣли поводъ разбѣжаться. Эта камедія дѣйствительно и была разыграна почти въ виду всей визирской арміи. Но визирь выслалъ 12,000 челов. съ Чапанъ-оглу, для занятія Мачина; Аяну Мачинскому объявилъ помилованіе только подъ условіемъ, чтобы онъ взялъ Галацъ. Всѣ эти подробности получались отъ Тагиръ-Бея, которому въ разное время за его сообщенія выдано до 18,000 червонцевъ.

Въ виду наступленія арміи Мустафы, Милорадовичъ занялъ боевую позицію на рѣкѣ Саборѣ, намѣреваясь встрѣтить на ней непріятеля, наступающаго со стороны Журжи. Въ возможности разбить Байрактара Рущукскаго, Милорадовичъ не сомнѣвался. Но вопросъ значительно усложнялся, если, одновременно съ наступленіемъ отъ Журжи, непріятель главными силами перейдетъ Дунай у Силистріи и направится или къ Бухаресту на Обилешти, или чрезъ Слободзею къ г. Бузео, въ тылъ Милорадовича, въ разрѣзъ между нимъ и корпусомъ гр. Каменскаго, оперировавшимъ у Браилова.

Послѣднее было возможно лишь въ томъ случаѣ, если-

бы Браиловскій Чапанъ-паша успѣлъ разбить Каменскаго. Но мы видѣли, что результатомъ дѣйствій Каменскаго подъ Браиловымъ было лишеніе браиловскихъ войскъ возможности предпринять, по крайней мѣрѣ въ скоромъ времени, наступательныя дѣйствія, и что обезпеченный, съ этой стороны, Каменскій выслалъ отрядъ кн. Долгорукаго въ Бузео, для связи съ корпусомъ Милорадовича.

Поэтому, скорѣе можно было ожидать движенія визирской арміи отъ Силистріи къ Бухаресту на Обилешти.

Это движеніе представлялось тѣмъ болѣе опаснымъ, что непріятель могъ произвести, съ двухъ сторонъ, общее нападеніе на Бухарестъ, прежде чѣмъ корпусъ гр. Каменскаго успѣетъ прибыть на помощь столицѣ Валахіи, гдѣ были большіе склады нашихъ продовольственныхъ припасовъ.

Рѣшившись, во чтобы ни стало, отстоять Бухарестъ, Милорадовичъ, тѣмъ не менѣе, принялъ прадварительныя мѣры, чтобы въ случаѣ необходимости уступить превосходству силъ противника, не быть поставленнымъ въ критическое положеніе.

Поэтому, онъ приказалъ, слѣдовавшему къ арміи изъ Яссъ, запасному артиллерійскому парку остановиться въ Фокшанахъ и не идти далѣе, впредь до приказанія.

Въ то же время изъ Бухареста всѣ больные были отправлены въ Фокшаны, съ приказаніемъ остановиться въ Урзичени, если дальнѣйшее слѣдованіе будетъ не безопасно и занять, въ случаѣ опасности, Урзиченскій монастырь.

Продовольственные припасы и всѣ тяжести, насколько позволяли перевозочныя средства, были направлены въ Урзичени, гдѣ Милорадовичъ приказалъ устроить изъ нихъ вагенбургъ, подъ прикрытіемъ эскадрона Житомірскаго драгунскаго полка, 180 чел. пѣхоты и двухъ батарейныхъ орудій маіора Веселицкаго.

Другой эскадронъ Житомірскаго полка, стоявшій въ Чокинѣ, долженъ былъ дѣлать усиленные разъѣзды между Урзичени и Слободзеей и, въ случаѣ появленія непріятеля, присоединиться къ прикрывающимъ урзиченскій вагенбургъ войскамъ.

Усиленные разъѣзды, высланные во всѣ стороны, наблюдали малѣйшія движенія непріятеля, какъ со стороны Журжи, такъ и отъ Силистріи.

Безконечные обозы, двигавшіеся отъ Бухареста по дорогамъ въ Урзичени и далѣе, къ Фокшанамъ, производили паническій страхъ на мѣстныхъ жителей, видѣвшихъ въ этомъ ясное указаніе на готовность русскихъ къ полному отступленію. Страхъ увеличивался еще убѣжденіемъ, что турки жестоко отомстятъ за тотъ радушный пріемъ, какимъ пользовались наши войска въ Валахіи. Многіе были убѣждены, что какъ только русскія войска увидятъ готовность турокъ къ серьезнымъ дѣйствіямъ, то очистятъ княжества, такъ какъ Россія не издавала манифеста о войнѣ ея съ Турціей. Манифестъ этотъ дѣйствительно никогда не былъ обнародованъ [1]).

Поэтому всѣ, кто только могъ, оставляли Бухарестъ, выѣзжая въ Яссы или въ Кронштадтъ, къ границамъ Австріи. Нѣмецкій и англійскій консулы и самъ кн. Ипсилантій уѣхали въ Фокшаны.

Кн. Ипсилантій, которому кромѣ управленія диваномъ Валахіи, былъ подчиненъ и молдавскій диванъ, такъ какъ кн. Мурузи оказался не благонадежнымъ въ интерессахъ Россіи, бѣжалъ изъ Бухареста прежде дру-

---

[1]) Въ дѣлахъ Гл. Арх. М. И. Д. Campagnes. Turquie. Michelson. 1807. Rescripts,—находится рукописный проектъ этого манифеста, въ которомъ сказано почти все то же, что и въ извѣстной прокламаціи Михельсона по переходѣ Днѣстра; проектъ помѣченъ 27 мая 1807 г.; при чемъ на немъ имѣется помѣтка: „отмѣнено“.

гихъ, ссылаясь на то, что онъ слышалъ, будто бы, Милорадовичъ имѣлъ тайное приказаніе очистить Валахію. Уѣхавъ въ Фокшаны, и взявъ съ собою, состоявшаго при немъ въ качествѣ совѣтника, дс. с. сов. Родофиникина, кн. Ипсилантій издалъ 1-го іюля манифестъ, которымъ слагалъ съ себя управленіе дѣлами Молдавіи, передавъ свое президентство въ диванѣ Родофиникину.

Напрасно Милорадовичъ старался разсѣять опасенія жителей, приказавъ вездѣ играть музыкѣ и давая балы въ Бухарестѣ. Все это относили только къ его безпечности. Никто изъ жителей не сомнѣвался, что русскія войска, стоявшія подъ Бухарестомъ, будутъ разбиты отрѣзаны отъ сообщеній и, конечно, принуждены будутъ сдаться. Тогда настанетъ грозный часъ расплаты съ турками.

Но Милорадовичъ былъ не изъ тѣхъ, которыхъ тѣшатъ пустыя забавы, въ ущербъ дѣла. Онъ понималъ всю важность обстоятельствъ и съ напряженной энергіей слѣдилъ за каждымъ шагомъ противника, обдумывая планъ, способный разстроить всѣ расчеты непріятеля. Допуская даже худшій исходъ дѣла, возможность быть отрѣзаннымъ отъ Каменскаго, онъ писалъ 19 мая Михельсону, что въ такомъ случаѣ: „храбрость ввѣреннаго мнѣ войска соединитъ меня съ корпусомъ гр. Каменскаго“.

Бухарестъ и всѣ его окрестности опустѣли еще съ 17 мая. Не только кн. Ипсилантій, но и состоявшій при немъ Родофиникинъ дѣйствіями своими возбуждали общую тревогу. „17 мая, доносилъ Родофиникинъ Михельсону[1]), „Милорадовичъ сообщилъ чрезъ меня и потомъ лично объявилъ кн. Ипсилантію, что по движеніямъ, кои онъ находитъ обязаннымъ сдѣлать, Бухарестъ не можетъ быть обезпеченъ со всѣхъ сторонъ, и

[1]) Campagnes. Turquie. Rodofinikin. № 238. 1806. Гл. Арх. М. И. Д.

что для сего небезполезно бы было объявить жителямъ, чтобы взяли, относительно своихъ семействъ и имущества, мѣры предосторожности".

Въ два дня всѣ бросились изъ Бухареста. Жители окрестныхъ деревень послѣдовали ихъ примѣру, такъ что не было возможности достать подводъ и съ трудомъ лишь могли перевезти больныхъ и сухари въ Урзичени.

Затѣмъ Родофиникинъ доносилъ: „19 мая г.-л. Милорадовичъ, чрезъ меня, сообщилъ кн. Ипсилантію, чтобы уѣхалъ изъ города, что тотъ и исполнилъ, того же числа, вмѣстѣ со мною. Всѣ деревни, до Фокшанъ, оказались пустыми. Магазины въ Урзичени и Бузео были брошены".

Узнавъ объ этомъ донесеніи, Милорадовичъ отправилъ, 27 мая, Родофиникину письмо, „въ которомъ онъ, какъ доносилъ Михельсонъ, отъ 31 мая [1]), совершенно опровергаетъ, чтобы кн. Ипсилантій, по его внушенію, Бухарестъ оставилъ; что къ отъѣзду его все приготовлено было прежде и все отправлено; что отправленію лазаретовъ нельзя приписать тревогу жителей, которые всѣ разъѣхались 17-го числа, а лазаретъ отправленъ 19-го; что по приказанію князя, всѣмъ жителямъ объявлено письменными прокламаціями, а крикуны кричали по улицамъ *спасайся кто можетъ*, почему всѣ и разбѣжались; что онъ, Милорадовичъ, объявилъ князю: „безъ боя Бухареста не отдамъ и надѣюсь удержать городъ". Родофиникинъ-же подтверждаетъ свое прежнее донесеніе.—Всѣ колодники въ Бухарестѣ не извѣстно кѣмъ распущены".

Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, кто былъ причиною общей паники и бѣгства остался не вполнѣ выясненнымъ. Имѣя же въ виду, что Милорадовичъ настойчиво отрицалъ сказанныя имъ, будто-бы, слова о

---

[1]) Тамъ-же.

необходимости очистить Бухарестъ, и что фактъ объявленія глашатаями на улицахъ и площадяхъ города приказанія кн. Ипсилантія—*спасайтесь кто можетъ*, подтвержденъ,—нельзя не признать, что, главнымъ образомъ, паника произошла отъ князя Ипсилантія.

Между тѣмъ, время проходило, а непріятель все еще не обнаруживалъ, явно, своихъ намѣреній. Значительныя силы появились на журженской дорогѣ у Калугарени, съ намѣреніемъ, вѣроятно, произвести рекогносцировку, и вскорѣ отошли назадъ. Со стороны Силистріи турки показывались у Калараша и высылали разъѣзды до самой Слободзеи; почему высланъ изъ Бузео отрядъ кн. Долгорукаго, для занятія своего прежняго поста въ Слободзеѣ.

Въ концѣ мая получено было извѣстіе, что до 30,000 турецкихъ войскъ переправились, съ помощью многочисленныхъ лодокъ, черезъ Дунай у Калараша, противъ Силистріи, и до 24,000 чел. высажено на лѣвый берегъ Дуная у деревни Слободзеи противъ Рущука.

Въ тотъ же день генералъ-маіоръ Уланіусъ донесъ, что непріятельская партія, силою до 500 чел., показалась уже у Обилешти, заставивъ бывшій тамъ постъ, изъ 50 казаковъ, отступить къ Будешти, гдѣ находился отрядъ генералъ-маіора Мясоѣдова, изъ одного эскадрона чугуевскихъ казаковъ и 150 донцевъ. Генералъ-маіоръ Уланіусъ, имѣя въ виду предупредить усиленіе непріятеля со стороны Обилешти и для прикрытія Бухареста съ этой стороны, выслалъ изъ Синтешти одинъ баталіонъ Олонецкаго полка, съ его орудіями и сотней донскихъ казаковъ, въ деревню Подупитарулуй.

Въ то же время эскадронъ бѣлорусскихъ гусаръ маіора Волконскаго и эскадронъ черносербскихъ гусаръ, при полковникѣ Милорадовичѣ, были высланы изъ Ферешти въ Будешти, чтобы вмѣстѣ съ бывшимъ здѣсь отрядомъ генерала Мясоѣдова произвести поискъ къ

Обилешти, для разъясненія намѣреній противника, и если окажется возможнымъ—выгнать турокъ изъ этого мѣстечка. Не доходя пяти верстъ до Обилешти, полковникъ Милорадовичъ встрѣтилъ непріятельскую партію, силою въ 600 челов., и разбилъ ее, взявъ при этомъ въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ.

Плѣнные дали показанія, что находящійся въ Силистріи бывшій господарь Суццо настоятельно требуетъ наступленія на Бухарестъ чрезъ Обилешти, откуда будетъ высланъ значительный отрядъ къ Слободзеѣ, на р. Яломицѣ, съ цѣлью отрѣзать бухарестскому отряду отступленіе чрезъ Бузео или Урзичени. Одновременно съ этимъ рущукскій Байрактаръ откроетъ наступленіе на Бухарестъ со стороны Журжи, двинувшись для этого, тремя колоннами, наФерешти, Калугарени и Водулатъ. Это наступленіе предполагалось начать 3 іюня. Сверхъ того, для дѣйствія противъ русскихъ войскъ въ Верхней Валахіи, гдѣ находился отрядъ генерала Исаева, около Краіова, назначался 7,000 отрядъ турокъ, собранныхъ у Зимницы.

Показанія эти, сдѣланныя плѣннымъ Буюкъ-пашею, имѣли всѣ признаки достовѣрности, и подкрѣплялись донесеніями нашихъ разъѣздовъ, давшихъ знать, что у Обилешти находится уже до 16,000 турокъ, число которыхъ все увеличивается.

Не сомнѣваясь болѣе въ намѣреніи непріятеля окружить, со всѣхъ сторонъ, нашъ бухарестскій корпусъ, генералъ Милорадовичъ предпринялъ смѣлый и замѣчательно хорошо соображенный планъ дѣйствій, составляющій лучшую страницу въ его славной боевой жизни.

Сообразивъ, что значительнымъ возвышеніемъ воды въ рѣкахъ Аржисѣ и Саборѣ переправа для непріятеля, наступающаго отъ Журжи, будетъ очень затруднена, такъ какъ мосты были или снесены или испорчены, Милорадовичъ рѣшился оставить съ этой сто-

роны, только для маскировки, самое ограниченное число войскъ, собрать весь остальной свой корпусъ и быстро двинуться противъ наступающаго отъ Обилешти непріятеля.

Въ случаѣ разбитія этихъ главныхъ силъ противника, наступленіе со стороны Журжи неизбѣжно будетъ само собою уничтожено, или же и эта болѣе слабая часть также будетъ разбита войсками, которыя, нанеся ударъ при Обилешти, успѣютъ возвратиться для защиты Бухареста прежде, чѣмъ рущукскій Байрактаръ можетъ подойти къ городу.

Поэтому распоряженія Милорадовича состояли въ слѣдующемъ: генералъ-маіоръ Мичуринъ, съ баталіономъ Олонецкаго полка и отрядомъ кавалеріи, былъ высланъ къ Слободзеѣ на р. Яломицѣ, чтобы прикрыть съ этой стороны наши пути отступленія изъ Бухареста и, въ случаѣ возможности, для дѣйствія въ правый флангъ и тылъ стоящему у Обилешти непріятелю.

Отрядъ генерала Исаева, въ Верхней Валахіи, получилъ приказаніе, въ случаѣ необходимости очистить нашими войсками Бухарестъ, поспѣшно отступить къ сѣверу, чтобы не быть отрѣзаннымъ.

На рѣкѣ Саборѣ выставлены были одни извѣщательные посты, а для охраненія порядка въ Бухарестѣ назначался одинъ только эскадронъ казаковъ Чугуевскаго полка, при ротмистрѣ Ануфріевѣ.

Сдѣлавъ эти предварительныя распоряженія, Милорадовичъ быстро собралъ, 31 мая, весь остальной корпусъ къ Бухаресту. Численность войскъ не превышала 7,000 челов. Для наступленія войска были раздѣлены на двѣ колонны.

Первая колонна состояла подъ начальствомъ генералъ-маіора Уланіуса. Сюда входили—6-й Егерскій полкъ, 2 баталіона Апшеронскаго полка, 3 полка казаковъ, 5 эскадроновъ кавалеріи и арнауты кн. Ипсилантія.

Вторая колонна находилась подъ начальствомъ генералъ-маіора Бахметьева. Здѣсь были Сибирскій гренадерскій полкъ, 1 баталіонъ Олонецкаго полка, 3 эскадрона гусаръ, 3 эскадрона и 4 сотни казаковъ, при 11 орудіяхъ артиллеріи.

Общее командованіе кавалеріею предоставлено генералъ-маіору графу Палену. Артиллеріей командовалъ полковникъ Мартенсъ [1]).

Въ ночь на 31-го мая, собранный у Бухареста корпусъ Милорадовича выступилъ къ Обилешти по дорогѣ на Писари и Солиманъ. Принимая это направленіе, Милорадовичъ имѣлъ въ виду появиться предъ Обилешти съ той стороны, откуда его не могъ ожидать непріятель, такъ какъ вѣроятнѣе было предположить, что движеніе русскихъ войскъ изъ Бухареста къ Обилешти будетъ произведено по дорогѣ чрезъ Подупитарулуй и Пирана, такъ какъ дорога эта была короче и лучше устроена. Вообще-же говоря, Али-паша, командовавшій турецкими

Первая колонна.

[1]) Кавалерія. Казачьи Донскіе полки, подполковника Чернушкина и войсковаго старшины Мелентьева. Вновь сформированные казаки и арнауты князя Ипсилантія, подъ общею командою, полковника Нитича. Черносербскіе гусары при полковникѣ Милорадвичѣ. 1 эскадронъ Чугуевскаго полка, подполковника Мясоѣдова. 2 эскадрона Бѣлорусскихъ гусаръ, маіора Волконскаго. 2 эскадрона Житомірскихъ драгунъ маіора Платова и 1 орудіе донской конной артиллеріи подполковника Фока.

Пѣхота. 6-й Егерскій полкъ, полковника Кожина. Полурота батарейной артиллеріи, полковника Мартенса. 2 баталіона Апшеронскаго полка, подполковника Рейхеля,

Вторая колонна.

Кавалерія: 3 эскадрона Бѣлорусскихъ гусаръ, 3 эскадрона Чугуевскихъ казаковъ и 4 сотни донцевъ, бывшаго Исаева 3 полка, подъ общею командою полковника Бердяги.

Пѣхота: Сибирскій гренадерскій полкъ, полковника Рылѣева, и одинъ баталіонъ Олонецкаго полка, при 11 батарейныхъ орудіяхъ, маіора Веселитскаго.

войсками въ Обилешти, не допускалъ даже возможности, чтобы Милорадовичъ рѣшился оставить Бухарестъ и выступить, съ своимъ малочисленнымъ отрядомъ, для открытаго нападенія на сильнѣйшаго противника.

На эту неожиданность своего появленія Милорадовичъ, главнымъ образомъ, и расчитывалъ. Сверхъ того, это направленіе давало корпусу Милорадовича возможность отступить на Урзичени и не быть отрѣзаннымъ, въ случаѣ пораженія его при Обилешти. Поэтому онъ имѣлъ въ виду, занявъ Солиманъ, встрѣтить непріятеля фронтомъ, если бы турки предприняли движеніе на Урзичени, съ цѣлью овладѣть нашимъ вагенбургомъ и стать на пути сообщенія съ Бухарестомъ. Въ случаѣ же движенія непріятеля изъ Обилешти къ Бухаресту по дорогѣ на Пирана, Милорадовичъ могъ атаковать его въ тылъ и въ правый флангъ.

Съ другой стороны, чтобы самому не подвергнуться удару въ правый флангъ со стороны Пирана, Милорадовичъ отдѣлилъ отъ колонны Уланіуса полковника Нитича, съ частью донскихъ казаковъ и арнаутами кн. Ипсилантія, приказавъ ему слѣдовать къ Обилешти по дорогѣ на Подупитарулуй и Пирана, высылая разъѣзды впередъ и по сторонамъ, причемъ разъѣзды, высланные влѣво отъ дороги, должны были сохранять постоянную связь съ разъѣздами, высылаемыми Уланіусомъ вправо отъ пути его слѣдованія. Сверхъ того, полковнику Нитичу было приказано быть всегда, во время слѣдованія, на одной высотѣ съ колонною Уланіуса, чтобы не подвергнуться отдѣльному нападенію и имѣть возможность безпрепятственно съ нимъ соединиться.

Имѣя также въ виду прикрыть, во время движенія, свой лѣвый флангъ и не допустить непріятеля пробраться къ Урзичени, Милорадовичъ отрядилъ влѣво Мелентьева казачій полкъ, подъ командою сотника Пузанова, приказавъ ему слѣдовать на Годжешти, а оттуда, сообра-

зуясь съ движеніями главныхъ силъ и стараясь быть съ ними на одной высотѣ, направиться на Сатурчоу и далѣе къ Солиману.

Строго соблюдая всѣ мѣры предосторожности, Милорадовичъ, на разсвѣтѣ 2 іюня, приблизился къ позиціи непріятеля, стоявшаго лагеремъ у Обилешти.

Передовыя конныя войска, бывшія во главѣ колонны Уланіуса, открыли турецкій пикетъ, который, быстро ускакавъ къ лагерю, далъ знать о неожиданномъ появленіи русскихъ.

Расчитывать на внезапность нападенія было нельзя. Али-паша выстроилъ свои войска, числомъ до 12,000 челов., въ боевой порядокъ.

Рѣшившись немедленно атаковать противника, Милорадовичъ приказалъ отрядамъ Мелентьева и Нитича присоединиться къ главнымъ силамъ, и расположилъ отрядъ параллельно непріятельскому фронту, пятью карреями. Боевая линія Милорадовича представлялась въ слѣдующемъ видѣ [1]) (АА).

Изъ колонны Уланіуса, бывшей во время движенія впереди, построены два карре: № 1 и 2, причемъ карре № 1, изъ 6-го Егерскаго полка, составило правый флангъ позиціи. Карре № 3, изъ двухъ баталіоновъ Апшеронскаго полка, поставлено въ центрѣ. Лѣвый флангъ составили два карре, построенныя изъ колонны Бахметьева. Карре № 4 изъ баталіона Олонецкаго, а карре № 5, накрайнемъ лѣвомъ флангѣ, изъ Сибирскаго полка.

Артиллерія расположилась, при своихъ карреяхъ, въ интервалахъ между ними, и на одной съ ними высотѣ.

Собранные со всѣхъ полковъ стрѣлки поставлены во второй линіи, въ срединѣ ея, и составили общій резервъ. Кавалерія расположена также во второй линіи, за наружными флангами боеваго порядка пѣхотныхъ карреевъ, чтобы въ случаѣ надобности, она безпрепят-

[1]) Планъ № 3.

N
S
Уланіусъ
стрѣлки
бахметевъ
А.
1.
2.
3.
4.
5.
А.
Обилешти-веки
в.
с.
а.
с.
с.
Д.
Д.
д.
Изъ Букареста
В.
В.
Обилешти-ноу
Е.
е.
в.
ПЛАНЪ № 3.
Сраженіе при
Обилешти
2го Іюня 1807 г.
Масштабъ
0
250.
500 Саж.

ственно могло вынестись впередъ. Наконецъ, фронтъ позиціи прикрывала цѣпь фланкеровъ.

Въ такомъ боевомъ порядкѣ Милорадовичъ съ позиціи АА двинулся для атаки непріятеля, стоявшаго на позиціи ВВ.

Замѣтивъ наступленіе русскихъ, Али-паша, въ свою очередь, двинулся впередъ, и массою своей конницы ударилъ на линію всего фронта наступающихъ, остановившихся для отраженія атаки, на позиціи *CC* близь деревни Обилешти-Веки.

Имѣя въ виду чрезмѣрное численное превосходство непріятельской конницы, сравнительно съ нашей, и не желая подвергать ее неравному бою, Милорадовичъ приказалъ ей стать за интервалами между карреевъ, расчитывая удержать натискъ непріятеля картечнымъ и ружейнымъ огнемъ.

Но несмотря на страшное опустошеніе, производимое въ массѣ противника нашимъ огнемъ, турки, опоенные, какъ оказалось, опіумомъ, подскакали къ самому фронту пѣхоты и окружили съ трехъ сторонъ стоявшихъ на лѣвомъ флангѣ три эскадрона бѣлорусскихъ гусаръ, генералъ-маіора графа Палена (а). Видя опасность, угрожавшую Палену, Милорадовичъ выслалъ ему въ помощь два эскадрона Чугуевскихъ казаковъ (b). Но прежде чѣмъ подкрѣпленіе это успѣло подоспѣть на выручку, храбрый Паленъ отчаянно кинулся впередъ съ своими гусарами и, несмотря на многочисленность непріятеля, обратилъ его въ бѣгство, взялъ одно знамя и положилъ на мѣстѣ много турокъ. За то и съ нашей стороны, въ этой удалой схваткѣ, нѣкоторые гусары получили по 15 и 17 ранъ.

Вообще, первыя усилія Али-паши были направлены на лѣвый нашъ флангъ.

Одновременно съ атакою на гусаръ гр. Палена, турки атаковали также и лѣвофланговое карре, Сибир-

скаго полка, № 5, стараясь также окружить его. Но и эта атака была отбита сильнымъ огнемъ.

Тогда Милорадовичъ приказалъ карреямъ № 1, 2 и 3 выдвинуться эшелономъ, съ праваго фланга впередъ, чтобы въ случаѣ возобновленія атакъ непріятеля на лѣвый нашъ флангъ, поставить турокъ подъ перекрестный огонь.

Понявъ это, турки прекратили нападеніе на лѣвый флангъ и, соединясь съ прибывшими изъ лагеря подкрѣпленіями, выставили противъ карре № 3 сильную батарею и ударили на правофланговыя карре № 1 и 2. Опрокинувъ стоявшую за правымъ флангомъ нашу кавалерію, они ворвались въ лощину, бывшую правѣе карре № 1. Тѣмъ не менѣе, они не могли охватить съ фланга этого карре, такъ какъ Милорадовичъ расположилъ его такъ удачно, что правый флангъ карре прикрывался глубокимъ оврагомъ, неудобнымъ для дѣйствій непріятельской конницы.

Столпившись въ оврагѣ и не имѣя возможности выйти изъ него для удара въ правый флангъ и въ тылъ нашего расположенія, турецкая конница представляла собою сплошную, неподвижную массу, по которой было весьма удобно дѣйствовать огнемъ съ противуположной стороны оврага. Этимъ обстоятельствомъ не упустили воспользоваться русскіе генералы.

Генералъ-маіоръ Уланіусъ быстро выдвинулъ изъ резерва всю артиллерію, къ правому флангу, и егерскихъ стрѣлковъ (c), расположивъ ихъ вдоль по краю оврага, и осыпалъ непріятеля мѣткимъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ. Съ другой стороны, правофланговое карре открыло также убійственный огонь во флангъ столпившагося въ оврагѣ непріятеля.

Видя, что турки употребляютъ всѣ усилія противъ праваго нашего фланга, Милорадовичъ приказалъ гусарамъ Палена (a), бывшимъ на лѣвомъ флангѣ позиціи,

спѣшить къ правому флангу, для усиленія бывшей на этомъ флангѣ кавалеріи генерала Ребиндера.

Поставленные между двухъ огней турки, столпившіеся въ оврагѣ на правомъ флангѣ, потерявъ нѣсколько сотъ убитыми, пришли въ замѣтное разстройство и подались назадъ.

Тогда, чтобы развить замѣшательство противника, Милорадовичъ выслалъ въ атаку всю кавалерію Ребиндера, а вслѣдъ затѣмъ—и подоспѣвшихъ гусаръ гр. Палена. Вмѣстѣ съ тѣмъ часть кавалеріи, при генералѣ Натали (d), была направлена въ обходъ лѣваго непріятельскаго фланга, чтобы занять у него въ тылу плотину, около деревни Обилешти-Ноу, ведущую къ турецкому лагерю, стоявшему на высотахъ около этой деревни.

Между тѣмъ, неотступно преслѣдуемые съ фронта, угрожаемые съ фланга и съ тылу, турки отступили на всѣхъ пунктахъ, къ своей прежней позиціи *BB*, потерявъ при этомъ одно знамя, отбитое кавалеріей.

Сберегая кавалерію для дальнѣйшаго преслѣдованія противника и имѣя въ виду ея малочисленность, сравнительно съ непріятельской конницей, генералъ Милорадовичъ приказалъ ей снова стать во вторую линію за пѣхотой и на ея флангахъ. Въ то же время вся пѣхота двинулась впередъ бѣглымъ шагомъ и, подойдя на половину пушечнаго выстрѣла къ непріятельской позиціи у BB, стала въ одну линію, въ DD. Отсюда уже былъ открытъ сильный пушечный огонь, дѣйствіемъ котораго турецкія батареи принуждены были, вскорѣ, прекратить огонь.

Турки снова начали отступать къ позиціи Е Е, у самой деревни Обилешти-Ноу. На этой позиціи стояла непріятельская пѣхота и виднѣлись новыя батареи.

Здѣсь непріятель намѣревался дать послѣдній, отчаянный отпоръ; но Милорадовичъ, вслѣдъ за отступленіемъ непріятеля съ позиціи *BB*, открылъ общее наступ-

леніе всею линіею, и взялъ штыками турецкую позицію при ЕЕ.

Послѣ того, непріятель, въ страшномъ разстройствѣ, бѣжалъ по дорогѣ въ Силистрію, и присоединился къ арміи верховнаго визиря, которая перешла уже на лѣвый берегъ Дуная.

Узнавъ о пораженіи Али-паши, визирь отказался отъ дальнѣйшаго покушенія на Бухарестъ, и перешелъ обратно на правую сторону Дуная.

Милорадовичъ выслалъ впередъ всю кавалерію генералъ-маіоровъ гр. Палена и Ребиндера, которая гнала непріятеля 10 верстъ, „поражая безпощадно онаго, ибо раздраженные солдаты не давали пардону".

При этомъ преслѣдованіи турки потеряли 3 знамени, 2 тулумбаса и 1 пушку, 2 зарядные ящика, пашинскую палатку и множество шанцеваго инструмента, опіуму и разнаго рода вещей, которыми, впрочемъ, воспользовались только казаки. „Гусары, доносилъ Милорадовичъ, ничего не взяли, отзываясь своимъ товарищамъ—что они, рубя непріятеля, не имѣли времени симъ заниматься".

Сраженіе при Обилешти продолжалось съ 7 часовъ утра до 2 часовъ пополудни. Турки потеряли въ этомъ дѣлѣ до 3,000 чел. Въ плѣнъ взято только 29 человѣкъ.

Наша потеря состояла изъ 2 убитыхъ и 3 раненыхъ оберъ-офицеровъ; нижнихъ чиновъ убито 13 и ранено 273 челов. [1]).

Пораженіе арміи Али-паши могло бы имѣть еще болѣе гибельныя для него послѣдствія, если бы было время настойчиво его преслѣдовать до самаго Дуная къ Силистріи. Но Милорадовичъ не могъ этого сдѣлать, такъ какъ долженъ былъ спѣшить къ Бухаресту, къ которому подступалъ уже рущукскій Байрактаръ.

---

[1]) Донесеніе Милорадовича Михельсону отъ 12 іюня 1807 г. Michelson. 1807. Гл. Арх. М. И. Д.

Хотя движеніе турокъ съ этой стороны и было замедлено разливомъ рѣкъ, но замѣтивъ слабость выставленныхъ на рѣкѣ Сабору нашихъ наблюдательныхъ постовъ, и зная, что всѣ русскія войска выступили изъ Бухареста, рущукскій Байрактаръ ускорилъ свое наступленіе, чтобы овладѣть столицею Валахіи прежде, чѣмъ русскія войска успѣютъ въ нее возвратиться.

Поэтому, 3-го іюня, нѣсколько тысячъ турокъ вступили въ Синтешти, на р. Саборѣ, заставивъ наши посты поспѣшно отойти къ Бухаресту.

Нѣсколько часовъ промедленія со стороны Милорадовича—и Бухарестъ испыталъ бы страшную участь, которую ему готовилъ непріятель. Но турки опоздали. Тотчасъ по окончаніи сраженія при Обилешти, Милорадовичъ, давъ войскамъ необходимый отдыхъ, усиленнымъ маршемъ спѣшилъ къ Бухаресту, и къ вечеру 3-го іюня пѣхота его уже заняла позицію подъ Бухарестомъ.

Узнавъ объ этомъ и о пораженіи Али-паши при Обилешти, рущукскій Байрактаръ не рѣшился напасть на Бухарестъ и, бывши уже отъ него въ нѣсколькихъ верстахъ, отступилъ по дорогѣ въ Журжу.

Опасность, угрожавшая Бухаресту и даже корпусу Милорадовича, миновала. Жители столицы Валахіи съ неподдѣльнымъ восторгомъ привѣтствовали своего избавителя. Духовенство, въ полномъ облаченіи, встрѣчало русскія войска, идя во главѣ церковной процессіи.

Жители разукрасили городъ коврами и флагами, и бросали на пути слѣдованія войскъ лавровые вѣнки. Одѣтыя въ бѣломъ, красивѣйшія боярыни раздавали цвѣты. Въ городѣ начался нескончаемый рядъ баловъ въ честь русскихъ офицеровъ. Милорадовичъ не пропускалъ ни одного изъ нихъ.

Въ награду за побѣду, Михельсонъ представилъ Милорадовича къ ордену св. Георгія 2-й степени; но вмѣсто

того, Милорадовичъ получилъ золотую саблю съ надписью: „За спасеніе Бухареста“.

Всѣ дѣйствія Милорадовича, предпринятыя имъ въ виду опасности, которой подвергалась столица Валахія, можно назвать образцовыми. Въ военномъ отношеніи они представляютъ крайне поучительный примѣръ удачно составленныхъ стратегическихъ соображеній, выполненныхъ съ рѣдкимъ искуствомъ, при посредствѣ указаній тактики.

Какъ только получено было извѣстіе о появленіи визирской арміи у Силистріи и о стягиваніи къ Рущуку войскъ арміи Байрактара рущукскаго, Милорадовичъ отгадалъ планъ противника ударить на Бухарестъ съ двухъ сторонъ и, пользуясь превосходствомъ силъ, отрѣзать бухарестскому корпусу путь отступленія.

Выславъ заблаговременно больныхъ и всѣ тяжести изъ Бухареста, на случай необходимости уступить превосходной силѣ, Милорадовичъ, тѣмъ не менѣе, ручался за то, что въ случаѣ крайности, онъ съумѣетъ пробиться на соединеніе съ корпусомъ гр. Каменскаго, бывшаго въ то время около Браилова, и не дастъ себя отрѣзать.

Затѣмъ узнавъ, что верховный визирь отдѣлилъ къ Обилешти сильный отрядъ Али-паши и самъ перешелъ Дунай у Силистріи, для поддержанія своего передоваго отряда у Обилешти; узнавъ, въ то же время, что рущукскій Байрактаръ наступаетъ отъ Журжи, Милорадовичъ рѣшился предупредить соединеніе непріятельскихъ силъ и, собравъ, по возможности, всѣ свои силы, не превосходившія 7.000 чел., быстро направляется на Обилешти, противъ сильнѣйшаго противника, чтобы нанести ему ударъ, прежде чѣмъ онъ успѣетъ усилиться отъ Силистріи. Разбивъ же сильнѣйшаго изъ двухъ противниковъ, можно было расчитывать, что другой, болѣе слабый, самъ откажется отъ боя, что и дѣйствительно послѣдовало.

Выборъ пути слѣдованія къ Обилешти и мѣры, принятыя въ походѣ, въ видахъ устраненія всякихъ случайностей и неожиданностей, показываютъ, что Милорадовичъ умѣлъ предвидѣть все и соединить крайнюю осторожность съ рѣшительностію и смѣлостію, что такъ рѣдко случается встрѣчать въ военномъ дѣлѣ.

Расчитывая на неожиданность своего появленія передъ непріятелемъ у Обилешти, для чего и былъ избранъ путь, по которому всего менѣе можно было ожидать появленія русскихъ, Милорадовичъ, хотя и явился неожиданно, но нашелъ непріятеля уже готовымъ къ бою.

Главныя силы непріятельскихъ войскъ состояли изъ конницы, противъ которой наша кавалерія оказывалась слабою. Поэтому она и поставлена во вторую линію, подъ защиту пѣхотныхъ карре, на которыхъ и было возложено главное веденіе боя, ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Расположеніе всѣхъ лучшихъ стрѣлковъ въ одно цѣлое, составивъ изъ нихъ резервъ, можно назвать вполнѣ удачнымъ. Выдвинутые въ рѣшительную минуту боя, всею массою, къ правому флангу, которому угрожалъ отчаянный натискъ противника, стрѣлки не дозволили турецкой конницѣ перейти оврагъ и охватить тылъ нашего боеваго порядка. Самая позиція, на которой была остановлена пѣхота, въ ожиданіи вторичнаго натиска непріятеля, показываетъ, насколько Милорадовичъ умѣлъ пользоваться мѣстностію. Прикрывъ правый флангъ оврагомъ, Милорадовичъ затруднялъ этимъ непріятелю возможность охватить его съ тыла; въ то же время, расположенные по оврагу стрѣлки и резервныя орудія сдѣлали попытки противника перейти оврагъ невозможными.

При всякомъ удобномъ случаѣ, когда турецкая конница разстроивалась нашимъ огнемъ и приходила въ замѣшательство, Милорадовичъ умѣлъ пользоваться этимъ случаемъ, высылалъ впередъ свою кавалерію, а пѣхота,

тѣмъ временемъ, быстро двигалась впередъ, такъ что когда непріятель успѣвалъ устроиться, передъ нимъ стоялъ уже, готовый къ бою, строй пѣхоты и поражалъ его губительнымъ огнемъ. Такимъ образомъ, заставляя непріятеля терять свои позиціи, и овладѣвъ послѣднею изъ нихъ штыками, Милорадовичъ разгромилъ противника. Время не дозволяло ему извлечь всѣхъ выгодъ побѣды. Давъ войскамъ всего нѣсколько часовъ отдыха, онъ усиленнымъ маршемъ спѣшитъ къ Бухаресту, оставленному совершенно безъ обороны и, появленіемъ своимъ, заставляетъ рущукскаго Байрактара отступить, можно сказать, отъ воротъ Бухареста къ Журжѣ.

Если бы Милорадовичъ однимъ часомъ опоздалъ прибыть къ Бухаресту, городъ былъ бы ограбленъ и выжженъ непріятелемъ.

Не умѣвъ во время подкрѣпить Али-пашу у Обилешти, визирь, узнавъ о пораженіи своего передоваго отряда и объ отступленіи Байрактара къ Журжѣ, отказался отъ дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій и перешелъ обратно Дунай.

Спасеніе Бухареста отъ угрожавшей ему участи убѣдило жителей Молдавіи и Валахіи въ силѣ русскаго оружія и, какъ послѣдствіе такого убѣжденія, былъ слѣдующій адресъ Императору Александру, подписанный, 27 іюня въ Яссахъ, молдавскимъ митрополитомъ Веніаминомъ и 20 чел. главнѣйшихъ бояръ и епископовъ: „Истреби несносное правленіе (турецкое), дышущее угнетеніемъ бѣдному сему народу (молдаванамъ). Присоедини правленіе земли сей съ богохранимою державою Твоею, съ полезными преимуществами, которыя Твоя же власть землѣ сей утвердила. Да будетъ одно стадо и одинъ пастырь, и тогда, да наименуемъ—сей есть златый вѣкъ состоянія нашего. Сіе-то есть, отъ всея души, общее народа сего моленіе“. Яссы, 27 іюня 1807 [1]).

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Michelson 1807.

Побѣда при Обилешти совпала съ несчастнымъ для русскаго оружія боемъ при Фридландѣ, послѣ чего Императоръ Александръ приступилъ къ мирнымъ переговорамъ съ Наполеономъ, почему и дальнѣйшія дѣйствія на Дунаѣ были пріостановлены, такъ какъ это входило въ условія, предложенныя Франціей.

Намъ остается для обзора военныхъ дѣйствій 1807 года на Дунаѣ, разсмотрѣть операціи корпуса Мейндорфа у Измаила, имѣвшія лишь второстепенное значеніе, и остановиться на дѣйствіяхъ отряда генералъ-маіора Исаева, въ Верхней Валахіи, высланнаго въ помощь сербамъ.

IV.

Дѣйствія корпуса генерала Мейндорфа подъ Измаиломъ.—Вылазки Пегливана-паши 6 и 17 марта.—Прибытіе дунайской флотиліи и дѣйствія ея противъ Тульчи.—Дѣло при Измаилѣ 2 апрѣля.—Дѣло 26 мая подъ Измаиломъ.—Дѣло 12 іюня.

Мы уже видѣли какія причины побудили главнокомандующаго дунайскою арміею, генерала Михельсона, предпринять овладѣніе Измаиломъ.

До тѣхъ поръ, пока крѣпость эта не будетъ въ нашей власти, пути сообщенія въ Молдавіи и Валахіи не могутъ считаться обезпеченными.

Для наблюденія Измаила приходилось бы держать постоянно цѣлый корпусъ генерала Мейндорфа, чтобы прикрывать лѣвый флангъ и тылъ нашей коммуникаціонной линіи съ Кишиневымъ и вообще Бессарабіей. Было весьма важно овладѣть Измаиломъ, чтобы освободить цѣлый корпусъ Мейндорфа, и предпринять дальнѣйшее движеніе за Дунаемъ, съ цѣлью овладѣть Силистріей.

Поэтому-то, послѣ неудачной диверсіи къ Измаилу въ концѣ 1806 г., Мейндорфъ получилъ теперь приказаніе двинуться къ этой крѣпости, куда онъ и прибылъ 3-го марта 1807 г.

Овладѣть такою крѣпостью, какъ Измаилъ, гдѣ собрано было до 20,000 чел., во главѣ которыхъ находился энергичный Пегливанъ-паша, заклятый врагъ русскихъ, не представлялось возможнымъ при тѣхъ средствахъ, которыми располагалъ Мейндорфъ. У него не было даже вспомогательной флотиліи, первая часть которой была выслана къ нему изъ Одессы, не ранѣе 1-го марта.

Имѣя въ виду превосходство непріятеля въ силахъ и предпріимчивость защитниковъ крѣпости, которые могли выходить большими массами для нападенія, Мейндорфъ не рѣшился располагать свои войска вокругъ всей крѣпости, такъ какъ такое расположеніе сдѣлало-бы его слабымъ на всѣхъ пунктахъ, и непріятель легко могъ бы прорывать нашу линію.

Поэтому, Мейндорфъ счелъ за лучшее расположить весь свой отрядъ тремя отдѣльными массами, стоявшими въ особыхъ окопахъ, связавъ ихъ линіей редутовъ, при которыхъ поставлены были казаки.

Такъ что, въ общемъ, расположеніе корпуса Мейндорфа представлялось въ слѣдующемъ видѣ [1]):

На правомъ флангѣ, по дорогѣ въ Браиловъ, поставлено въ окопахъ 8 баталіоновъ пѣхоты, 1 рота батарейной артиллеріи и рота піонеръ [2]). За правымъ флангомъ, казачій полкъ Платова 3-го и 1-й Бугскій полкъ. Позади окоповъ праваго фланга расположена главная квартира, а за нею устроены пороховые погреба. На правомъ флангѣ командовалъ генералъ - лейтенантъ Ротгофъ.

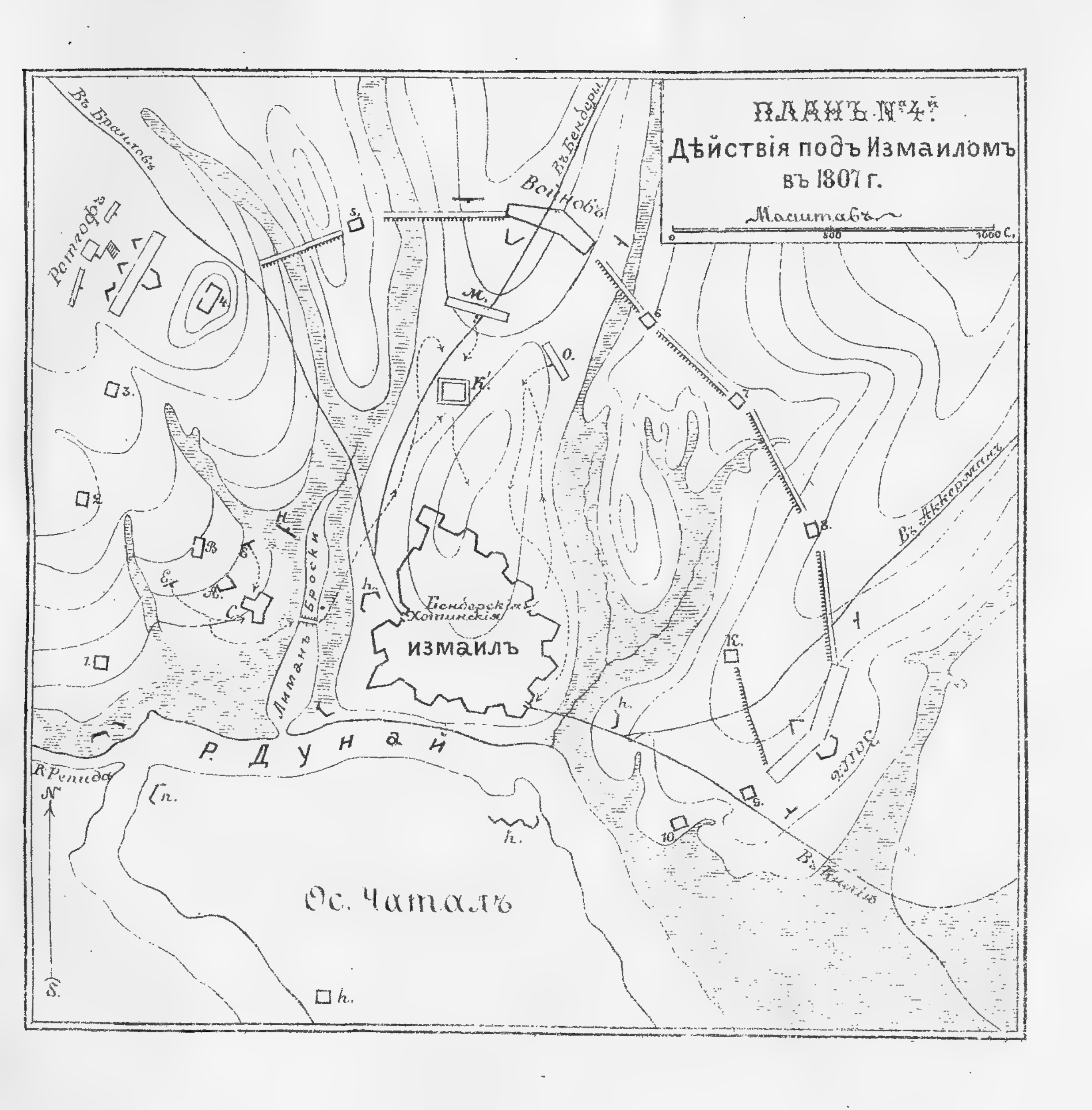
Окопы праваго фланга начаты 3-го и окончены къ 10-му марта.

Въ центрѣ стояли, на Бендерской дорогѣ, 16 эскадро-

---

¹) Планъ № 4.

²) 1 баталіонъ 11-го Егерскаго полка, 2 баталіона Нарвскаго и 2 баталіона Одесскаго полковъ и Новогородскій полкъ.

ПЛАНЪ № 4й.
Дѣйствія подъ Измаиломъ въ 1807 г.
Масштабъ
0
500
1000 С.
Въ Браиловъ
Въ Бендеры
Войновъ
Ретгофъ
Въ Аккерманъ
Лиманъ Броски
Бендерскія
Хотинскія
ИЗМАИЛЪ
Р. Дунай
R. Репида
Ос. Чаталъ
Въ Килію
Мясоѣдов...

новъ кавалеріи [1]), и 1 баталіонъ Нарвскаго полка. Правѣе центральнаго окопа казачій полкъ Протопопова, а лѣвѣе казачій Янова 2-го полкъ. Центромъ командовалъ храбрый и лихой кавалеристъ, генералъ-маіоръ Воиновъ. Центральный окопъ также начатъ 3-го и конченъ 15-го марта.

Въ окопѣ лѣваго фланга, начатомъ 6-го и оконченномъ только 18 марта, идущемъ паралельно аккерманской дорогѣ и перпендикулярно килійской, находилось 8 баталіоновъ пѣхоты [2]) и 3 эскадрона Переяславскаго драгунскаго полка. Правѣе окопа казачій полкъ Мартынова, а лѣвѣе—волонтерскій полкъ графа Делона. Лѣвымъ флангомъ командовалъ генералъ-лейтенантъ Зассъ.

Для связи праваго фланга съ центромъ, немедленно былъ заложенъ, 3-го марта, редутъ (№ 5), въ прикрытіе котораго назначался, посмѣнно, 1 баталіонъ пѣхоты и полкъ казаковъ отъ праваго фланга. Въ то же время, для связи центра съ лѣвымъ флангомъ, устроено три редута (№ 6, 7 и 8), къ которымъ также назначалось по баталіону пѣхоты и по полку казаковъ, отъ лѣваго фланга.

Едва корпусъ Мейндорфа занялъ означенную позицію подъ Измаиломъ, какъ непріятель обнаружилъ намѣреніе къ производству энергическихъ вылазокъ. Поэтому, оконечности обоихъ фланговъ были усилены новыми редутами, такъ что съ 3-го по 15 марта, позиція Мейндорфа защищалась 10 отдѣльными редутами (№ 1—10).

Еще не всѣ эти редуты были окончены, какъ, 6-го марта, Пегливанъ-паша предпринялъ съ конницею

---

[1]) Стародубовскій, Смоленскій и Сѣверскій драгунскіе полки, и лейбъ-кирасирскій Ея Величества полкъ.

[2]) По 2 баталіона Алексопольскаго и Нижегородскаго полковъ, и по 1 баталіону Ладогскаго, Пензенскаго, 11 егерскаго и Полтавскаго полковъ.

сильную вылазку на лѣвый флангъ нашего расположенія.

Замѣтивъ приготовленія непріятеля къ вылазкѣ, противъ генерала Засса, Мейндорфъ тотчасъ отрядилъ съ праваго фланга два баталіона пѣхоты съ генераломъ Ротгофомъ, для усиленія центральной позиціи Воинова; а послѣднему приказалъ поддерживать Засса, позиція котораго еще не была усилена окопомъ.

Сверхъ того, отрядъ Засса былъ еще усиленъ незадолго до того прибывшимъ къ Измаилу отрядомъ генерала Ланжерона, состоящимъ изъ 1 баталіона Бутырскаго полка, вмѣстѣ съ Нашебургскимъ гренадерскимъ полкомъ, два баталіона котораго поставлены на лѣвомъ флангѣ, а одинъ баталіонъ приданъ къ отряду генерала Воинова.

Собравшись въ оврагѣ, идущемъ параллельно фронту позиціи Засса, непріятельская конница быстро понеслась на правый его флангъ.

Для отраженія атаки, генералъ Зассъ выслалъ по баталіону пѣхоты Ладожскаго, Полтавскаго и 11-го Егерскаго полковъ, приказавъ маіору Аплечеву открыть картечный огонь изъ орудій.

Дѣйствія артиллеріи были такъ удачны, что непріятель обратился вскорѣ въ безпорядочное бѣгство.

Собравшись въ оврагѣ и получивъ новыя подкрѣпленія, непріятель вторично понесся въ атаку, стараясь охватить оба фланга позиціи Засса. Для отраженія этой атаки, былъ высланъ генералъ-маіоръ Ермоловъ, съ двумя ротами Нашебургскаго и двумя ротами Ладогскаго полковъ, съ ихъ артиллеріею, за которыми слѣдовали еще по баталіону Нашебургскаго и Бутырскаго полковъ.

Не доскакавъ до позиціи, непріятель снова былъ обращенъ въ бѣгство однимъ артиллерійскимъ огнемъ, оставивъ на мѣстѣ много убитыхъ и два подбитыя орудія.

Тогда снова собравшись въ оврагѣ, турецкая конница,

вдругъ, понеслась на центральный отрядъ генерала Воинова. Отбитые и здѣсь, турки укрылись въ оврагѣ.

Въ это время они замѣтили слѣдовавшій къ отряду Засса, по аккерманской дорогѣ, обозъ волонтерскаго полка, и массой понеслись на него. Сбивъ казаковъ, турки овладѣли обозомъ. Завидя это, генералъ Воиновъ, съ Смоленскимъ и Стародубовскимъ драгунскими полками, понесся въ атаку непріятеля, приказавъ слѣдовать за собою Переяславскому полку и баталіону Нашебургскаго полка. Находясь во главѣ атаки, Воиновъ съ двумя первыми эскадронами смоленскихъ драгунъ, врѣзался въ непріятельскую толпу, простиравшуюся до 3,000 челов., обратилъ ее въ бѣгство и отбилъ захваченный ею обозъ. Первоначально изумленные дерзкою атакою, турки снова начали групироваться, для новаго нападенія, но были повсемѣстно обращены въ бѣгство, прибывшими на мѣсто боя, остальными частями кавалеріи и двумя баталіонами пѣхоты, генералъ-лейтенанта Ротгофа.

Несмотря на это, турки предприняли къ вечеру еще третью атаку на наше лѣвое крыло. Но и это нападеніе было отражено высланными впередъ двумя баталіонами, по одному отъ 11-го Егерскаго и Алексопольскаго полковъ, при подполковникѣ Будбергѣ.

Потеря наша въ этомъ дѣлѣ состояла всего изъ 22-хъ убитыхъ и 78 раненыхъ, тогда когда непріятель лишился нѣсколько сотъ человѣкъ, потерявъ одними убитыми до 150 челов. [1]).

Не имѣя осадныхъ орудій, Мейндорфъ не могъ предпринять бомбардированія Измаила; тѣмъ менѣе могъ онъ рисковать штурмомъ. Поэтому, онъ ограничился только блокадою крѣпости и отраженіемъ непріятельскихъ вылазокъ.

Начиная съ 10-го марта, турки приступили къ возведенію небольшихъ батарей (hh) на западномъ и на

[1]) Донесеніе Мейндорфа, отъ 8 марта 1806 г., В. Уч. Арх.

восточномъ фасахъ крѣпости; а также на островѣ Чаталъ, съ цѣлью воспрепятствовать судамъ нашей дунайской флотиліи, ожидавшейся къ Измаилу, подойти къ крѣпости, или высадить на островъ десантъ, для дѣйствія по южному фасу измаильскихъ укрѣпленій.

Нужно замѣтить при этомъ, что во время второй турецкой войны, когда Суворовъ взялъ Измаилъ штурмомъ, береговая сторона крѣпости защищалась только небольшими отдѣльными батареями, почему флотилія наша и могла тогда сдѣлать съ этой стороны десантъ.

Теперь же береговой фасъ Измаила представлялъ сплошную ограду, съ двумя сильными бастіонами по срединѣ. Поэтому крѣпость представляла и съ этой стороны сильную преграду, и дѣйствовать по ней съ мелкихъ судовъ нашей флотиліи было трудно.

Видя бездѣйствіе русскихъ войскъ, непріятель предпринялъ новую, еще болѣе сильную, вылазку противъ отряда генерала Засса.

17-го марта, въ 8 часовъ утра, значительный отрядъ турецкой пѣхоты, выступя изъ крѣпости, потянулся берегомъ Дуная, въ обходъ лѣваго фланга Засса, съ цѣлью заложить здѣсь батареи, для продольнаго обстрѣливанія его лагеря. Орудія, стоявшія на лѣвомъ флангѣ лагернаго окопа, открыли по непріятелю такой мѣткій огонь, что турки послѣ четвертаго выстрѣла убѣжали въ крѣпость.

Тогда, въ 11 часовъ утра, до 1,500 челов. турецкой конницы двинулись къ правому флангу Засса, стараясь его охватить; а до 3,000 непріятельской пѣхоты съ артиллеріею, пройдя лощиною по берегу Дуная, засѣли въ камышахъ и рытвинахъ, начали окапываться и открыли сильный пушечный огонь въ лѣвый флангъ Засса, нанеся ему, продольными выстрѣлами, сильный вредъ.

Чтобы выбить непріятеля изъ его засады, Зассъ выслалъ баталіонъ 11-го Егерскаго полка, генералъ-маіора

Балло, баталіонъ Ладожскаго полка, маіора Афанасьева, и баталіонъ Алексопольскаго полка, подполковника Будберга.

Непріятель былъ хорошо укрытъ въ садахъ и рытвинахъ, почему видя затрудненіе выбить его оттуда, генералъ Зассъ приказалъ высланнымъ баталіонамъ медленно отступать, съ цѣлью вызвать непріятеля изъ закрытій, и подвести его подъ картечные выстрѣлы съ лагеря.

Дѣйствительно, завидя отступленіе русскихъ, турецкая пѣхота, число которой возросло уже до 4.000 челов., отважно кинулась для преслѣдованія отступавшихъ, и подошла очень близко къ лагерю. Подпустивъ ее на ближній картечный выстрѣлъ, Зассъ приказалъ всѣмъ орудіямъ, стоявшимъ на лѣвомъ флангѣ его лагеря, открыть быстрый картечный огонь залпами. Сотнями падали турки и вскорѣ въ разсыпную побѣжали назадъ.

Тогда подводившіе ихъ подъ выстрѣлы баталіоны ударили въ штыки и, поражая непріятеля на каждомъ шагу, вогнали его снова въ камыши и даже въ Дунай, гдѣ много турокъ потонуло.

Для окончательнаго преслѣдованія непріятеля, Зассъ выслалъ командира Алексопольскаго полка, генералъ-маіора Ловейко, съ гренадерскимъ имени его полка баталіономъ, а также баталіонъ Бутырскаго полка, при полковникѣ Трескинѣ, и полковника Либгарта, съ баталіономъ Нашебургскаго полка. Къ этимъ тремъ баталіонамъ была придана еще рота егерей, при подполковникѣ Зандерѣ.

Высланныя войска выбили непріятеля изъ всѣхъ его прикрытій и гнали къ самой крѣпости, несмотря на сильный огонь, которому они подвергались съ турецкой батареи, устроенной на островѣ Чаталъ, и впереди восточнаго фаса крѣпости.

Во время описанныхъ дѣйствій, генералъ-маіоръ Ер-

моловъ весьма успѣшно отражалъ покушенія 1500 непріятельской конницы на правый флангъ Засса.

Дѣло 17-го марта продолжалось съ 11-ти часовъ утра до 7 часовъ вечера, и стоило непріятелю болѣе 600 челов. одними убитыми. Съ нашей стороны ранено 5 офицеровъ, 117 нижнихъ чиновъ и убито всего 7 человѣкъ [1]).

По инженерной части у насъ, въ теченіи апрѣля мѣсяца, была насыпана только одна сильная, на 10 орудій, батарея (В) на правомъ флангѣ, начатая 27 апрѣля и оконченная къ 1-му мая. Батарея эта была возведена по приказанію главнокомандующаго арміею Михельсона, лично, какъ мы видѣли, отправившагося къ Измаилу, съ съ цѣлью придать болѣе энергіи дѣйствіямъ подъ этою крѣпостью. Но дѣйствія и этой батареи, равно какъ и заложенной съ 3—5 мая, на лѣвомъ флангѣ 8 орудійной батареи *К*, не подвинули дѣла.

Прибытіе къ Измаилу флотиліи также ничѣмъ особеннымъ не ознаменовалось.

Когда корпусъ Мейндорфа былъ направленъ къ Измаилу, въ то еще время приказано было выслать отъ нашего черноморскаго флота особую флотилію къ устьямъ Дуная, съ цѣлью дальнѣйшаго движенія ея къ Измаилу.

Русскій черноморскій флотъ стоялъ въ Одессѣ и Николаевѣ и находился подъ командою адмирала маркиза де-Траверсе.

1-го марта, капитанъ-лейтенантъ Попандопуло получилъ приказаніе выступить изъ Одессы къ устьямъ Дуная съ 42 лодками, въ числѣ которыхъ было 10 канонирокъ. Еще ранѣе, 28-го февраля, туда же вышли 6 лодокъ изъ Николаева.

Изъ числа отправленныхъ изъ Одессы лодокъ, 28 вступили въ килійское гирло Дуная 6-го марта и 8-го числа подошли къ Киліи. Въ это время 10 канонирокъ,

[1]) Донесеніе ген. Засса, отъ 19 марта 1807 г., В. Уч. Арх.

при капитанъ-лейтенантѣ Машинѣ, прибывшихъ къ Киліи 20-го февраля, стояли уже въ Килійскомъ гирлѣ, въ 5 верстахъ отъ Измаила. Подойти ближе къ крѣпости онѣ не могли, пока островъ Чаталъ не будетъ занятъ нашимъ дессантомъ. Отдѣлить для этого часть войскъ съ лѣваго фланга отъ отряда Засса, гдѣ было всего 9 баталіоновъ пѣхоты, Мейндорфъ не рѣшался, такъ какъ для этого потребовалось бы назначить не менѣе 4 баталіоновъ, что слишкомъ ослабило бы нашъ лѣвый флангъ. Поэтому изъ отряда Засса былъ назначенъ на флотилію только 1 баталіонъ, а 3 баталіона ожидались изъ Бендеръ. Только по прибытіи ихъ представлялось возможнымъ занять островъ Чаталъ, укрѣпиться на немъ и начать болѣе энергическія дѣйствія противъ Измаила. Къ тому же, противные вѣтры и отправленіе изъ Одессы судовъ отдѣльными партіями замедляло сосредоточеніе судовъ дунайской флотиліи, такъ что капитанъ Попандопуло только 16-го марта могъ отплыть отъ Киліи для овладѣнія Тульчей, имѣя при себѣ 20 канонирскихъ лодокъ, съ посаженными на нихъ 800 челов. всѣхъ чиновъ, въ томъ числѣ баталіонъ Бутырскаго полка и 280 волонтеровъ. Въ Киліи Попандопуло запасся продовольствіемъ на мѣсяцъ и 29-го марта вступилъ въ Сулинское гирло Дуная. Для наблюденія за устьемъ Сулинскаго гирла оставлены были 4 лодки съ 60 волонтерами, съ приказаніемъ насыпать, для защиты входа въ гирло, батарею на пять трехфунтовыхъ фальконетныхъ пушекъ.

Слѣдуя съ остальными лодками вверхъ по теченію и не дойдя 13 верстъ отъ Тульчи, Попандопуло получилъ, 6-го апрѣля, приказаніе остановиться для усиленія своей флотиліи.

Съ острова Чатала къ нему прибылъ, 11-го апрѣля. баталіонъ Ладожскаго полка, числомъ 432 чел., для перевозки которыхъ Попандопуло послалъ часть своихъ су-

довъ. Сверхъ того, къ флотиліи присоединились четыре канонирскія судна, прибывшія изъ Одессы, а 15-го апрѣля соединились съ нею еще пришедшія съ лейтенантомъ Жеребцовымъ 4 казачьи лодки, 1 канонирка и 4 канонирскихъ барказовъ; а къ вечеру того же числа подошелъ капитанъ 2-го ранга Микрюковъ съ 5 арнаутскими и 2 запорожскими лодками при 2 ротахъ Бутырскаго полка [1]).

Для дальнѣйшихъ дѣйствій противъ Тульчи, Сулинская флотилія была поручена генералъ-маіору Герарду, прибывшему къ ней 19-го апрѣля.

Въ тотъ же день Герардъ двинулся къ Тульчѣ. На мысѣ острова Чаталъ, при самомъ началѣ Сулинскаго гирла, турки устроили батарею, которая, впрочемъ, не была еще вооружена. Сверхъ того, на правомъ берегу Георгіевскаго гирла, ниже Тульчи, противъ Сулинскаго рукава, находилась другая, сильной профили, непріятельская батарея на 5 орудій, которая могла стрѣлять продольно, по приближавшейся флотиліи Герарда. Поэтому нужно было сперва ослабить эту батарею.

Для этого генералъ Герардъ высадилъ на островъ Чаталъ баталіонъ Ладожскаго полка, приказавъ ему овладѣть бывшею на мысѣ батареей. Завидя сильный десантъ, турки бросили свою батарею и на небольшихъ лодкахъ поспѣшили переплыть къ Тульчѣ.

Занявъ чатальскую батарею, Герардъ открылъ изъ нея огонь по береговой тульчинской батареѣ, о которой было уже говорено, и, оставивъ часть флотиліи въ Сулинскомъ гирлѣ, онъ съ остальною частью вступилъ въ Георгіевское, расположилъ въ немъ суда такимъ образомъ, чтобы продольно обстрѣливать турецкую береговую батарею. Когда же огонь ея былъ значительно ослабленъ, Герардъ высадилъ на правый берегъ Георгіев-

---

[1]) Донесеніе Попандопуло генералу Ланжерону, отъ 25 апрѣля 1807 г. В. Уч. Ар.

скаго гирла баталіонъ Бутырскаго полка, а самъ, пользуясь открывшимся попутнымъ вѣтромъ, развернулъ паруса, подошелъ съ флотиліей къ самой батареѣ и открылъ по ней сильный пушечный огонь ядрами и картечью. Турки упорно отстрѣливались, но у нихъ было подбито два орудія и самая насыпь батареи сильно пострадала. Боясь быть отрѣзанными отъ Тульчи приближавшимся десантомъ, защитники батареи рѣшились ее оставить вмѣстѣ съ подбитыми орудіями и, въ одиночку, потянулись къ Тульчѣ, по узкой береговой дорогѣ. Десантъ приблизился къ батареѣ и открылъ огонь по отступавшимъ; подойти же къ самой батареѣ, а также отрѣзать отступавшихъ оказалось невозможнымъ, такъ какъ въ тылу батареи лежало болото, простиравшееся версты на три въ длину, для обхода котораго требовалось бы не мало времени, тогда какъ непріятель отступалъ ближайшею береговою дорогою.

Въ этомъ дѣлѣ, окончившемся поздно вечеромъ, турки потеряли не менѣе 300 чел. убитыми и ранеными. Наша же потеря состояла всего изъ 1 убитаго и 3 раненыхъ [1].

Оставивъ 4 канонирскія и 2 казацкія лодки для прикрытія Сулинскаго и Георгіевскаго гирлъ, Герардъ съ остальною флотиліею подошелъ 20-го числа къ Тульчѣ, двигаясь бичевою, вверхъ по правому берегу Дуная.

Но непріятель въ Тульчѣ оказался сильнѣе, чѣмъ предполагали, и доходилъ до 3,000 челов. Самая крѣпость была сильно вооружена орудіями большаго колибра, такъ что взять ее открытымъ нападеніемъ съ сухаго пути не представлялось возможнымъ. Дѣйствовать же по ней огнемъ съ флотиліи—значило подвергать послѣднюю неравному бою. Пройти мимо Тульчи, чтобы отрѣзать Измаилу сообщеніе какъ съ нею, такъ и съ Исакчи, представлялось крайне рискованнымъ. Для

[1]) Донесеніе генералъ-маіора Герарда генералу Мейндорфу, отъ 20-го апрѣля 1807 г. В. Уч. Ар.

этого нужно было принять въ соображеніе, что флотилія наша могла двигаться, вверхъ по теченію, только бичевою, и при этомъ крайне медленномъ движеніи находиться постоянно подъ выстрѣлами тульчинскихъ батарей. Сверхъ того, берегъ острова Чатала былъ мелководенъ, почему суда наши должны были бы проходить серединою рѣки, почти подъ самыми стѣнами крѣпости. Наконецъ, на мысѣ Чаталъ турки имѣли береговую батарею, которою слѣдовало овладѣть, безъ чего флотиліи нашей предстояло бы идти бичевою между двухъ огней.

Могло быть еще и хуже. Допустивъ, что наша флотилія прошла мимо Тульчи, непріятель имѣлъ возможность выслать изъ Тульчи войска и орудія для расположенія батарей на берегу Дуная, въ тылу нашей флотиліи, въ то время, какъ по теченію рѣки на нея устремятся отъ Исакчи и Измаила турецкія суда, для нападенія съ фронта, а съ острова Чатала непріятельскія орудія откроютъ огонь во флангъ.

Поставленная между трехъ огней, атакованная съ фронта и обстрѣливаемая въ тылъ, флотилія наша могла испытать печальную участь.

Поэтому, генерелъ Герардъ, видя невозможность овладѣть Тульчей и пройти мимо нея, посадилъ десантъ на суда и спустился внизъ къ Сулинскому гирлу. Взявъ съ флотиліи пѣхоту, Герардъ высадился на островъ Чаталъ и возвратился къ Измаилу, оставивъ командованіе флотиліей капитану 2 ранга Микрюкову.

Оставивъ 9 канонерокъ и 1 бомбардирскую лодку, съ лейтенантомъ Жеребцовымъ, у Сулинскаго гирла, Микрюковъ, съ остальною частью флотиліи, вступилъ въ Георгіевскій рукавъ.

Между тѣмъ, турки, по отступленіи нашей флотиліи отъ Тульчи, рѣшились возобновить оставленныя ими 19 апрѣля батареи на Чаталѣ, при устьѣ Сулинскаго

гирла, и вооруживъ ихъ пятью 12 и 24 фунтовыми пушками, спустили къ ней отъ Тульчи 10 лодокъ и открыли, въ 4 часа утра 23 апрѣля, огонь по флотиліи Жеребцова, причемъ потопили у него три лодки, а двѣ повредили. Отправивъ въ подкрѣпленіе Жеребцова 7 лодокъ съ капитаномъ Попандопуло, поднявшихся бичевою изъ Георгіевскаго рукава и вступившихъ въ Сулинское гирло, и выславъ по 150 волонтеровъ на оба берега Георгіевскаго гирла, капитанъ Микрюковъ приказалъ своей флотиліи спуститься, подъ прикрытіемъ высаженныхъ волонтеровъ, къ устью рѣки Попадви, гдѣ и остановился въ Георгіевскомъ рукавѣ.

Было ясно, что для прохода нашихъ судовъ къ Измаилу слѣдовало овладѣть Тульчей, съ сухаго пути, на что потребовался бы болѣе сильный десантъ и, сверхъ того, нужно было прочно занять островъ Чаталъ, на которомъ турки имѣли три батареи. Главная изъ нихъ, на 13 орудій, съ прикрытіемъ въ 1,000 челов., находилась противъ юго-восточнаго бастіона Измаила; другая на 4 орудія, съ прикрытіемъ въ 3,000 челов., располагалась при изгибѣ Дуная, противъ впаденія въ него р. Репида, и третья представляла редутъ на 4 орудія съ 150 чел. прикрытія, расположенный на западномъ берегу Чатала, противъ Тульчи.

Въ виду всѣхъ указанныхъ затрудненій, дѣйствія дунайской флотиліи, по отношенію къ Тульчѣ, ограничились одними лишь демонстраціями, и не могли принести пользы осадѣ Измаила. Обратимся снова къ дальнѣйшему ходу осады, или вѣрнѣе, блокады Измаила, которую мы оставили описаніемъ вылазки турокъ, произведенной 17 марта.

Начиная съ этого дня, болѣе двухъ недѣль прошло въ совершенномъ бездѣйствіи съ обѣихъ сторонъ, если не считать возведеніе въ разное время, новыхъ батарей, о которыхъ уже было упомянуто. Но 2-го ап-

рѣля, въ 4 часа пополуночи, 3,000 турецкой пѣхоты и до 2,000 конницы, пользуясь туманомъ, атаковали редутъ № 5, что на лѣвомъ флангѣ отряда г.-л. Ротгофа, соединявшій его съ отрядомъ г.-м. Войнова. Въ редутѣ было 2 роты Нарвскаго мушк. полка при ш.-к. Горенкинѣ 2, съ 2 батар. орудіями. Прикрытая конницей турецкая пѣхота ударила на правый фасъ редута. Горенкинъ перетащилъ на этотъ фасъ оба орудія и ударилъ картечью. Турки пришли въ замѣшательство. Но другая толпа янычаръ атаковала лѣвый фасъ редута, а конница устремилась на правый флангъ отряда Войнова, что бы воспрепятствовать высылкѣ къ редуту подкрѣпленій. Атакующіе-же спустились въ ровъ редута № 5 и, подсаживая другъ друга, лезли прямо въ амбразуры. Подошли къ атакующимъ подкрѣпленія и штурмъ былъ поведенъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Но храбрость русскихъ, дѣйствовавшихъ огнемъ и штыкомъ, все превозмогла: „вездѣ они (турки) встрѣчали смерть и редутные рвы были ихъ гробомъ“.

Въ это время подошли, высланные Мейндорфомъ изъ отряда Ротгофа, егерскіе стрѣлки, баталіонъ Нарвскаго полка и баталіонъ егерей, которые ударили въ штыки, въ тылъ непріятелю. За ними шли еще два баталіона Новгородскаго полка при г.-м. Репнинскомъ. Турки бѣжали отъ редута, но вскорѣ повели общую атаку на правый и лѣвый флангъ общаго нашего расположенія, выведя чрезъ килійскія ворота значительныя войска и сильные резервы. Но и тутъ непріятель былъ вездѣ отбитъ и обратился въ крѣпость, продолжая пушечную и ружейную пальбу.

Турки потеряли до 700 чел. оставшихся на полѣ, не считая унесенныхъ. Наша потеря состояла изъ 77 человѣкъ [1]).

Затѣмъ въ концѣ мая турки снова предприняли силь-

[1]) Донесеніе Мейндорфа, отъ 4 апрѣля 1807 г. В. Уч. Ар.

ную вылазку, направленную, этотъ разъ, на правый флангъ блокирующихъ войскъ.

Во время бездѣйствія блокады, турки успѣли устроить плотину, для перехода черезъ лиманъ Броски, и въ прикрытіе ея насыпали, на нашемъ берегу лимана, земляной шанецъ *C*, который и заняли пѣхотою. Шанецъ этотъ находился шагахъ въ 600 отъ нашей главной, на правомъ флангѣ, батареи *B*, которою командовалъ генералъ-маіоръ Герардъ.

26-го мая въ 8 часовъ утра, капитанъ Одесскаго полка Шахиревъ, занимавшій съ баталіономъ батарею *B*, замѣтилъ, что турки переходятъ черезъ плотину на лиманѣ Броски и усиливаются въ шанцѣ *C*. Шахиревъ выслалъ 60 стрѣлковъ, чтобы разузнать намѣренія противника. Турки, по приближеніи нашихъ стрѣлковъ къ шанцу *C*, открыли изъ него сильный ружейный огонь.

Тогда Шахиревъ выслалъ впередъ еще 60 стрѣлковъ, приказавъ имъ выбить непріятеля изъ его шанца, гдѣ уже скопилось до 300 челов. турокъ.

Видя малочисленность наступавшихъ, турки сами вышли въ поле и началась жаркая перестрѣлка, которая оживлялась все болѣе, по мѣрѣ прибытія съ обѣихъ сторонъ подкрѣпленій.

Между тѣмъ, лѣвѣе плотины, у самаго берега Дуная, масса турокъ, вышедшихъ изъ хотинскихъ воротъ крѣпости, начала переправляться черезъ лиманъ, вбродъ и на небольшихъ лодкахъ, съ намѣреніемъ отрѣзать нашихъ стрѣлковъ отъ батареи *B*.

Но Одесскаго полка штабсъ-капитанъ Крюковъ, занимавшій редутъ № 1, выслалъ 40 стрѣлковъ, которые, скрытно пройдя оврагомъ отъ редута № 1 къ берегу лимана, расположились подъ удобными закрытіями и неожиданно открыли мѣткій огонь во флангъ непріятелю, принудивъ его въ большомъ безпорядкѣ броситься къ своимъ лодкамъ. Тогда всѣ бывшіе въ дѣлѣ стрѣлки

ударили въ штыки, и вогнали многихъ турокъ въ самый лиманъ, гдѣ ихъ немало потонуло.

Не смотря на это, непріятель продолжалъ переводить новыя войска черезъ плотину, и число его усилилось уже до того, что онъ предпринялъ нападеніе на нашу главную батарею *В*.

Встрѣченные картечью, турки храбро подошли къ самой батареѣ, но стрѣлки ударили имъ во флангъ и опрокинули. Получивъ новыя подкрѣпленія, турки нѣсколько разъ возобновляли атаку батареи, но всегда безуспѣшно и съ большими для нихъ потерями. Наконецъ, въ 7 часовъ вечера, непріятель рѣшился произвести послѣднее, наиболѣе отчаянное, нападеніе, и выслалъ для этого до 6,000 чел. пѣхоты и конницы съ 8 орудіями.

Отдѣльными массами турки переходили черазъ плотину и правѣе ея въ обходъ лимана.

Главнокомандующій, генералъ Михельсонъ, лично управлялъ боемъ, находясь всегда въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Предвидя нападеніе не только на батарею *В*, но и на курганный редутъ № 4, Михельсонъ усилилъ первую, двумя ротами Одесскаго, и послѣдній—ротою Малороссійскаго гренадерскаго полковъ. Баталіонъ же этого послѣдняго полка, при маіорѣ Брантѣ, съ двумя орудіями, направленъ къ берегу лимана, для отраженія скопившагося тамъ непріятеля. Съ тою же цѣлью выдвинуты къ лиману двѣ роты Нарвскаго полка, съ однимъ орудіемъ, и баталіонъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка.

Разсыпавшись въ разныя стороны, непріятель кидался всюду, вездѣ встрѣчая несокрушимую стойкость русскихъ. Часть непріятеля устремилась на редутъ № 4; Михельсонъ приказалъ занимавшему редутъ поручику Кочукову выйти съ своею ротою въ поле и атаковать противника, который былъ отбитъ и преслѣдуемъ до самаго лимана.

Наибольшія усилія непріятель употреблялъ на овладѣніе батареей *B*. Но поражаемый огнемъ, саблею, штыкомъ, онъ былъ отбитъ на всѣхъ пунктахъ и, не отступно преслѣдуемый, вогнанъ въ лиманъ, гдѣ погибло много турокъ [1]).

Не имѣя осадной артиллеріи, нельзя было нанести укрѣпленіямъ Измаила чувствительнаго вреда. Тѣмъ не менѣе, чтобы придать огню нашихъ батарей болѣе дѣйствительности и стѣснить на будущее время производство вылазокъ, въ родѣ бывшей 26-го мая, генералъ Михельсонъ приказалъ, въ ночь съ 11-го на 12 іюня, насыпать новую батарею А, въ 400 шагахъ впереди главной батареи *B*. Работа эта была поручена инженеръ генералъ-маіору Гартингу.

Непріятель замѣтилъ производившуюся работу, и открылъ изъ крѣпости сильную пальбу, продолжавшуюся всю ночь. Поэтому, къ утру 12-го іюня, батарея *A* не была окончена и оставалась открытою съ куртины. Орудія на батарею не были поставлены, и она защищалась только 80 стрѣлками Малороссійскаго полка. Утромъ, въ 8 часовъ 12-го числа, до 200 турокъ, выйдя изъ хотинскихъ воротъ, направились къ своему шанцу *C*, перейдя лиманъ—кавалерія вплавь, а пѣхота по плотинѣ. Засѣвшіе въ шанцѣ открыли сильный огонь по батареѣ *A*, и потомъ двинулись для овладѣнія ею. Генералъ Михельсонъ, еще ранѣе, приказалъ занимавшимъ батарею стрѣлкамъ, въ случаѣ нападенія на нихъ превосходныхъ силъ непріятеля, поспѣшно отступить къ батареѣ *B*, которую занималъ генералъ Герардъ, съ баталіономъ Малороссійскаго полка. Цѣль этого отступленія состояла въ томъ, чтобы подвести непріятеля подъ картечные выстрѣлы съ батареи *B*.

Послѣ двухчасовой перестрѣлки, турки атаковали ба-

---

[1]) Донесеніе генералъ-маіора Герарда Михельсону, отъ 31-го мая 1807 года. В. Уч. Арх.

тарею *А*. Защитники ея, давъ залпъ, поспѣшно отступили къ батареѣ *В*. Ободренные мнимымъ успѣхомъ, турки заняли оставленную батарею и подошли на нѣсколько шаговъ къ главной батареи *В*. Но тутъ, встрѣченные картечью и ядрами, понесли большой уронъ и стремительно бросились назадъ, укрывшись частью во рвѣ занятой ими батареи *А*; главнымъ же образомъ засѣли въ своемъ шанцѣ *С*. Тогда генералъ Михельсонъ выслалъ съ праваго фланга, т. е. изъ отряда генералъ-лейтенанта князя Гики, замѣнившаго генералъ-маіора Ротгофа,—Платова казачій полкъ и пять эскадроновъ Бѣлорусскаго драгунскаго полка, при генералъ-маіорѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ (*Н*), приказавъ ему стараться отрѣзать непріятеля отъ плотины на лиманѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-маіоръ Ушаковъ, съ баталіономъ Одесскаго и баталіономъ Малороссійскаго полковъ (*Е*) былъ высланъ для овладѣнія шанцемъ *С*.

Завидя приближеніе Ушакова, засѣвшіе во рву батареи *А* турки поспѣшно отступили къ своему шанцу. Преслѣдуя ихъ бѣгомъ, Ушаковъ ворвался въ непріятельскій шанецъ и овладѣлъ имъ. Турки бросились къ плотинѣ, которая была очень узка, и потому на ней произошла страшная давка. Многіе турки упали въ воду, стараясь спастись вплавь. Ушаковъ поставилъ въ шанцѣ одно орудіе, которое продольно обстрѣливало ядрами столпившагося на плотинѣ непріятеля. Въ то же время, по берегу лимана, въ обѣ стороны отъ шанца *С*, были высланы стрѣлки, которые стрѣляли какъ по плотинѣ, такъ и по тѣмъ, которые спасались вплавь.

Не видя нигдѣ спасенія, большая часть турокъ бросилась влѣво отъ плотины, вверхъ по берегу лимана. въ намѣреніи обойти его въ верховьяхъ. Для поддержанія ихъ, непріятель выслалъ изъ своей батареи *К* до 2,000 пѣхоты и конницы. Но въ это время подо-

спѣлъ генералъ Кутузовъ (*Н*) съ своими драгунами, и гналъ непріятеля вдоль берега лимана. Только не многіе другіе турки успѣли обойти верховья лимана, но и они, числомъ до 1,500 чел., были атакованы во флангъ и загнаны въ воду прискакавшимъ личнымъ конвоемъ генерала Михельсона. Успѣвшіе спастись турки спѣшили укрыться въ своей батареѣ *К*. Тогда генералъ Михельсонъ приказалъ генералъ-маіору Воинову, съ Стародубовскимъ драгунскимъ и казачьимъ Протопопова полками (*М*) ударить на непріятеля, направившагося къ батареѣ *К*. Смѣлою атакою Воинова съ фронта, а Кутузова во флангъ, непріятель былъ опрокинутъ и отступилъ ближе къ крѣпости.

Между тѣмъ, другая масса турецкой конницы, силою до 4,000 чел., высланныхъ изъ крѣпости, чрезъ бендерскія ворота, для поддержанія батареи *К*, двинулась правѣе этой батареи въ обходъ лѣваго фланга Стародубовскихъ драгунъ, съ цѣлью атаковать ихъ въ тылъ и отрѣзать отъ центральнаго лагеря. Но на встрѣчу имъ неслись уже, высланные изъ этого лагеря Михельсономъ 2 эскадрона Смоленскаго, 2 эскадрона Сиверскаго драгунскихъ полковъ и казачій полкъ Янова (*О*), за которыми слѣдовали, въ резервѣ, лейбъ-кирасиры, стрѣлки Нарвскаго и баталіонъ Пензенскаго полковъ. Новая атака была также удачна, какъ и первая. Не смотря на сильный огонь съ батареи *К*, непріятель былъ мгновенно опрокинутъ и бѣжалъ къ крѣпости. Ни пальба съ крѣпостнаго вала, ни огонь съ Пашинскаго сада не могли остановить энергическаго преслѣдованія непріятеля, котораго войска наши гнали до самаго гласиса крѣпости, ни кому не давая пощады. Опасаясь, чтобы преслѣдующія войска не ворвались вслѣдъ за бѣгущими, въ самую крѣпость, комендантъ Измаила приказалъ запереть бендерскія ворота. Оставленныя на жертву, уже и безъ того сильно пострадав-

шія турецкія войска, разсѣялись по полю, стараясь добраться до килійскихъ воротъ. Въ это время генералъ Зассъ приказалъ открыть по бѣгущимъ частый огонь изъ всѣхъ батарей, возведенныхъ на лѣвомъ флангѣ блокады. Понеся страшныя потери, турки успѣли, наконецъ, вступить въ килійскія ворота.

Тогда генералъ Михельсонъ приказалъ всѣмъ войскамъ возвратиться въ свои лагери. Непріятель не смѣлъ болѣе выходить изъ крѣпости.

Турки потеряли въ этомъ дѣлѣ не менѣе 800 чел. убитыми и утонувшими. Наша потеря состояла изъ 35 убитыми и 176 раненыхъ, въ томъ числѣ находился и храбрый генералъ Ушаковъ, раненый въ ногу, но не оставлявшій командованія [1]).

Дѣломъ 12-го іюня подъ Измаиломъ закончились дѣйствія нашихъ войскъ въ кампанію 1807 года.

Переговоры о мирѣ, начатые Императоромъ Александромъ съ Наполеономъ, требовали пріостановки и военныхъ дѣйствій въ Турціи, съ которою также начались переговоры о перемиріи.

Намъ остается, на европейскомъ театрѣ войны, разсмотрѣть дѣйствія въ Сербіи.

V.

Военныя дѣйствія въ Сербіи, въ 1806 и 1807 г.г. — Взглядъ на положеніе Сербіи, до войны. — Сношенія Михельсона съ сербами. — Дѣло при Штубикѣ и Малайницѣ 19-го іюня. — Дѣйствія у Неготина. — Миссія полковника маркиза Паулучи. — Конвенція, заключенная Паулучи съ Чернымъ Георгіемъ 28 іюня 1807 г. — Отправленіе въ Сербію Т. С. Родофиникина, и инструкціи, ему данныя. — Положеніе дѣлъ въ Сербіи, и выработанная для нея конституція. — Снятіе осады Неготина 19-го августа 1807 г. — Отступленіе отряда Исаева изъ Сербіи къ Краіову.

Во время развитія военныхъ дѣйствій арміи Михельсона на Дунаѣ, сербы, подъ предводительствомъ своего храбраго вождя Георгія Чернаго, также вели успѣшныя операціи на верхнемъ Дунаѣ.

[1]) Донесеніе Михельсона Императору отъ 17-го іюня 1807 г.

Сербія, составляя провинцію Порты, обязана была платить ей ежегодную вассальную дань.

Паша Пасеванъ-Оглу, назначенный правителемъ видинскаго округа, счелъ за лучшее сбирать съ сербовъ дань въ свою пользу, почему еще въ 1800 году занялъ Бѣлградъ. Безпрепятственно грабя и не посылая никакихъ денегъ въ Константинополь, Пасеванъ-Оглу навлекъ на себя гнѣвъ султана. Когда же новый султанъ, слѣдуя совѣтамъ Наполеона, рѣшился уничтожить корпусъ янычаръ и, взамѣнъ ихъ, ввести регулярныя войска, обученныя по европейски, Пасеванъ-Оглу явно противился этой мѣрѣ. Для наказанія его былъ высланъ значительный отрядъ янычаръ. Пасеванъ-Оглу, вступивъ съ ними въ переговоры, успѣлъ убѣдить ихъ, что служить у него имъ будетъ лучше, чѣмъ правительству; обѣщалъ имъ давать хорошее жалованье и содержаніе, которыхъ они совсѣмъ не получали отъ правительства, и достигъ того, что янычары, возмущенные уже тѣмъ, что предполагалось уничтожить ихъ старинныя права, перешли на сторону Пасеванъ-Оглу.

Тогда произволъ и грабительства послѣдняго достигли еще большихъ размѣровъ. Особенно было тяжело сербамъ. Въ видахъ личной защиты отъ грабежей, сербы запаслись, насколько можно, оружіемъ. Напрасно янычары предавали смерти каждаго серба, у котораго находилось оружіе.

Сила вещей взяла свое. Сербы начали группироваться въ отдѣльныя шайки, которыя турки называли разбойничьими, забывая, что грабежемъ и разбоемъ занимались именно они.

Къ современной Сербіи были примѣнимы слова Гизо, сказанныя относительно общаго хода европейской цивилизаціи: „elle marche selon les vues de Dieu“ [1]).

---

[1]) M. Guizot. Hist. de la civilisation en Europe.

Тяжелыя испытанія въ прошломъ, угнетенія въ настоящемъ порождали стремленія къ лучшему будущему.

Выполненіе этихъ ожиданій могло быть только замедленно силою обстоятельствъ, но ничто не могло ихъ уничтожить. Уроки исторіи свидѣтельствуютъ, что естественныя стремленія народовъ къ извѣстной цѣли, рано или поздно, всегда кончаются ея достиженіемъ. „Aujourd'hui l'histoire n'est plus aveugle, говоритъ Dollfus, ses yeux se sont ouverts, l'homme a reconnu la loi de la destinée. La leçon du passé il la comprend, il sait que les volontés hostiles ou les volontés ignorantes peuvent entraver la marche de l'espèce, la suspendre, jamais l'annéantir“ [1]).

Въ эпохи общаго напряженія жизненныхъ нервовъ народа, достаточно бываетъ, иногда, незначительнаго внѣшняго толчка, одного во-время сказаннаго слова, отвѣчающаго затаеннымъ желаніямъ каждаго, чтобы вызвать общій энтузіазмъ всѣхъ, и открыто направить ихъ къ завѣтной цѣли.

Такъ было и въ описываемую эпоху въ Сербіи. Всѣ желали избавиться отъ ненавистнаго турецкаго ига. Никто не начиналъ борьбы.

Явился энергическій храбрый человѣкъ, бывшій до того простымъ солдатомъ австрійской арміи, сербъ Георгъ Петровичъ, названный *кара*, т. е. *Чернымъ* Георгіемъ.

Страдая за участь своей родины и сознавая, что наступилъ часъ новой борьбы за ея свободу, Кара-Георгій явился на родину, и уговаривалъ всѣхъ соединиться для общей борьбы со врагомъ.

---

[1]) Dollfus. Le XIX siècle, p. 63: Въ наше время исторія не блуждаетъ болѣе во тьмѣ, она смотритъ открыто и человѣкъ понялъ законъ предопредѣленія. Онъ понимаетъ уроки прошлаго. Онъ знаетъ, что насильственныя или невѣжественныя побужденія могутъ затруднить, замедлить ходъ вещей, но никогда его не уничтожатъ.

Въ 1803 году, подъ Оращцемъ, собралось при Черномъ Георгіи до 300 чел., провозгласившихъ его старѣйшиной. „Я человѣкъ лютый, сказалъ онъ, и злой, и если кто меня не послушаетъ или кто уклонится въ сторону, то я убью того".—„Теперь намъ такого поглаваря и надо", отвѣчали ему [1]).

Войска Пасеванъ-Оглу занимали Бѣлградъ.

Сербскіе инсургенты сгруппировались у деревни Каменика, въ Бѣлградскомъ раіонѣ и, руководимые Чернымъ Георгіемъ, взяли 5-го апрѣля 1806 г. Островицу, а 12-го декабря (30-го ноября) Бѣлградъ. Общій энтузіазмъ въ народѣ возросъ до чрезвычайныхъ размѣровъ. Число вооруженныхъ сербовъ дошло уже до 60,000 человѣкъ. Къ оружію были призваны всѣ способные владѣть имъ. Черногорія и Герцеговина также готовились пристать къ сербскому движенію [2]).

Оправдались слова автора—Le genre humain et les nationalités [3]):

„Великое движеніе совершилось въ народахъ. Тѣ изъ нихъ, которые находятся подъ чужестраннымъ владычествомъ, стремятся къ самобытному существованію. Это движеніе стало въ наше время до того замѣтнымъ для всѣхъ — qu'on a cru pouvoir nommer notre siècle— celui des nationalités".

Не въ первый разъ уже сербы брались за оружіе для борьбы за свою независимость. При условіяхъ, въ которыхъ они находились относительно Порты, допускавшей алчный произволъ своихъ пашей, иначе и быть не могло. „Есть явленія измѣнчивыя, которыя слѣдуютъ неизмѣннымъ законамъ, говоритъ Бокль. Существуютъ

---

[1]) Н. Поповъ. „Россія и Сербія" 1869 г., т. I, стр. 16.

[2]) Jwan Kamenzkoi: Servien. Eine historisch-geographisch-statistische Skizze. Berlin, 1808.

[3]) Dollfus.

такіе порядки, съ которыми не разрывно связаны проявленія всякихъ безпорядковъ" [1]).

Одержавъ первые успѣхи, сербы обратились 6-го марта 1806 г. къ русскому главнокомандующему Дунайскою арміею съ просьбою поддержать ихъ движеніе русскими войсками и матеріальными средствами.

Но пока на среднемъ Дунаѣ не выяснилось положеніе дѣлъ, относительно намѣреній главныхъ турецкихъ силъ, Михельсонъ не могъ отдѣлить отъ своей арміи значительный отрядъ, въ помощь сербамъ, обѣщая имъ оказать ее при первой возможности.

Михельсонъ, дѣйствительно, находилъ весьма важнымъ поддержать сербовъ въ ихъ движеніи, что должно было отвлечь вниманіе турокъ въ ту сторону, и облегчить наши операціи со стороны Днѣстра.

Дѣятельное сношеніе Михельсона съ сербами началось съ августа 1806 года. Для ближайшаго ознакомленія съ сербскими дѣлами и соображеній, какого рода помощь можетъ быть оказана Сербіи, къ Черному Георгію были отправлены поручикъ Бей-Новокрещенцевъ и Угригичъ-Требинскій.

Въ августѣ 1806 г. Михельсонъ получилъ отъ Чернаго Георгія собственноручное письмо, съ благодарностію, за присылку къ нему Угригичъ-Требинскаго и Бея-Новокрещенцева, съ тѣмъ, чтобы узнать о нуждахъ Сербіи. „Деньги, оружіе, муниція и искусные воины суть наши первыя надобности. Молимъ Ваше Высокопр—во, увѣритися положительнѣйшимъ образомъ о великой нуждѣ состоянія нашего, и да изволите дати скорое пособіе, спѣшною помощію, немедленно насъ утѣшити, за которую (помощь) вамъ вѣчно народъ сербскій благодарити будетъ. Впрочемъ, вручаемъ насъ и цѣлое воинство наше и весь народъ сербскій милости и щедротамъ вашимъ и заступленію у всевысочайшаго

[1]) History of civilisation in England. 2 edit., VI p., 807.

Всероссійскаго двора, насъ всемилостивѣйше покровительствующаго. Имѣемъ высокую честь, съ отмѣннымъ высокопочитаніемъ пребыти — покорнѣйшій и нижайшій слуга Черный-Георгій Петровичъ, вождь сербовъ“ [1]).

До этого времени сношенія съ сербами производились при посредствѣ господаря Валахіи, князя Ипсилантія, и состоявшаго при немъ русскаго повѣреннаго, Родофиникина, въ § 5 инструкціи которому было сказано [2]): „Когда войска наши откроютъ наступленіе — вы должны обратить все ваше вниманіе на сербовъ, и обнадеживаніями скорой помощи и освобожденія отъ ига враговъ ихъ возбудить въ нихъ бодрость и усугубить рвеніе къ интересамъ нашимъ, чтобы они увеличили свои силы, не раздробляли ихъ и держались массою до дальнѣйшихъ наставленій отъ русскаго главнокомандующаго“.

Съ своей стороны турки, видя неизбѣжность войны съ Россіей, и желая, прежде всего, уничтожить Сербію, намѣревались усыпить ее обѣщаніями прощенія за возстаніе, и напасть на нее обезоруженную.

Родофиникинъ доносилъ Михельсону: „Въ Виддинѣ и окрестностяхъ опубликованъ фирманъ Порты, коимъ объявляется, что сербы прощены, и потому воспрещается дѣлать на нихъ нападеніе. Это обманъ со стороны Порты, чтобы усыпить сербовъ и удобнѣе поразить ихъ. Есть слухи, что французы вступаютъ въ Боснію, чтобы вмѣстѣ съ турками напасть на сербовъ“.

Пока войска наши еще не переходили границъ, помощь сербамъ могла быть оказана только деньгами и припасами. Баронъ Будбергъ, въ письмѣ къ Михельсону отъ 11-го сентября 1806 года [3]), писалъ: „Его Величество, уважая представленіе ваше о надобности подать

---

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Michelson. 1805—1807.

[2]) Тамъ-же. Rodofinikin. 1806.

[3]) Тамъ-же. Campagnes. Turquie. Michelson. 1805—6.

сербамъ помощь, повелѣть соизволилъ доставить къ вамъ для того 13,000 червонцевъ, чтобы деньги сіи изволили отправить къ Черному Георгію, сказавъ ему, что суммы этой на первой случай достаточно, для принятія сербами нужныхъ мѣръ къ своему защищенію".

Затѣмъ, въ рескриптѣ Михельсону отъ 22-го ноября 1806 г., Императоръ писалъ, чтобы онъ увѣдомилъ сербовъ, что когда наши войска приблизятся къ ихъ границамъ, то Сербія получитъ отъ насъ военную помощь.

Теперь-же къ нимъ велѣно послать нѣсколько опытныхъ инструкторовъ изъ офицеровъ для обученія; но сдѣлать это секретно, такъ чтобы Турція о томъ ничего не знала [1]).

Когда-же войска наши вступили въ княжества дунайскія и заняли Бухарестъ, въ Сербіи возникли самыя смѣлыя ожиданія; а въ Черногоріи явились предположенія не только относительно борьбы съ турками, но даже объ изгнаніи французовъ изъ Италіи и образованіи особаго *славяно-сербскаго царства*, титулъ котораго долженъ быть присоединенъ къ титулу Императора Всероссійскаго.

Въ началѣ 1807 года [2]), черногорскій архимандритъ Семенъ Ивковичъ отправился въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы просить, отъ имени митрополита черногорскаго и всей Черногоріи:

1) Чтобы по низложеніи всемірнаго врага, соединить воедино Черногорію, съ присоединеніемъ къ ней городовъ: Подгорицы, Спужа и Жабяка; в) Боку-ди-катаро, с) Герцеговину, д) Рагузу и е) Далмацію и составить изъ нихъ *славяно-сербское царство*.

2) Титулъ славяно-сербскаго царя присоединить къ титулу Императора Всероссійскаго.

---

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Campagnes. Turquie. Michelson. 1805—6.

[2]) Тамъ-же Michelson. 1805—7.

3) Для управленія царствомъ, назначить президента изъ природныхъ россіянъ.

4) Всѣ желаютъ, чтобы вице-президентомъ былъ черногорскій митрополитъ, даровавъ ему титулъ князя Россійскаго и чинъ дѣйств. статск. совѣтника.

5) Столицею назначается Рагуза, какъ центръ пяти областей.

6) Кромѣ митрополита постановить трехъ архіереевъ: въ Далмаціи (г. Зара), Герцеговинѣ (г. Требиньи) и въ Катаро, который будетъ намѣстникомъ митрополита.

7) Въ этихъ трехъ городахъ учредить семинаріи или школы.

Сверхъ того, народы царства сохраняютъ на вѣчныя времена свою вѣру и вольность, подъ покровительствомъ Россіи.

Въ то-же время, предлагался планъ къ завоеванію славяно-сербскихъ провинцій: „Отдѣлить изъ Валахіи въ Сербію русскій отрядъ въ 12 баталіоновъ пѣхоты и 3 полка казаковъ.

„Вступя съ ними въ Сербію, отправить баталіонъ и 2 полка казаковъ, къ которымъ присоединится 7,000 отборныхъ сербовъ, и двинуться съ ними къ Дринѣ, въ Герцеговину, гдѣ живетъ славянъ вчетверо больше, чѣмъ турокъ. Поднявъ всю Герцеговину, легко овладѣть мѣстными укрѣпленіями. Увеличась здѣсь 10,000 охотниковъ, занять провинцію Зенту, изстари принадлежавшую Сербіи, населенную славянами и богатую припасами. Такимъ образомъ, будетъ отрѣзана отъ Турціи Боснія, гдѣ втрое болѣе славянъ, чѣмъ турокъ.

„Затѣмъ слѣдуетъ, съ горъ, напасть на Бока-де-катаро и Далмацію, и принудить французовъ очистить ее. Въ Далмаціи можно набрать до 20,000 челов., и на рыбачьихъ лодкахъ, (есть до 1,000 лодокъ, на 40 челов. каждая), переплыть Адріатическое море (80 верстъ), занять Анкону, и всю Апулію весьма богатую.

„Во всю кампанію, войска не испытаютъ ни нуждъ, ни лишеній, и встрѣтятъ общій восторгъ славянъ“ [1]).

Понятно, что задаваться такими смѣлыми планами, когда еще не выяснились наши дѣла на Дунаѣ и даже не опредѣлился планъ турокъ, было вовсе не кстати. Тѣмъ не менѣе, нужно было поддерживать въ славянскихъ народностяхъ Балканскаго полуострова ихъ стремленіе къ Россіи и поощрять ихъ надежды.

Съ этою цѣлью, еще въ концѣ 1806 года, были отправлены въ Сербію разные подарки, между прочимъ 4 богато украшенныя сабли для сербскихъ вождей, а одна изъ нихъ для Чернаго Георгія; 2 архіерейскія панагеи и 6 золотыхъ крестовъ, на золотыхъ цѣпяхъ, для духовныхъ; затѣмъ золотыя и серебряныя медали.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, баронъ Будбергъ писалъ Михельсону, отъ 31-го декабря 1806 г.: „Хотя не имѣемъ мы здѣсь свѣдѣній о сношеніяхъ съ сербами, я тѣмъ не менѣе увѣренъ, что на сей счетъ, конечно, принять вы изволите всѣ нужныя мѣры. Весьма нужнымъ кажется мнѣ, по настоящимъ обстоятельствамъ, чтобы въ секретныхъ сношеніяхъ съ сербами употреблено было какъ наивозможно болѣе дѣятельности, дабы пріобрѣсть обстоятельное свѣдѣніе, во первыхъ, о всѣхъ ихъ способахъ, относительно числа войскъ, вооруженія оныхъ

[1]) Еще ранѣе этого проекта образованія славяно-сербскаго царства, составленнаго черногорскимъ архимандритомъ Семеномъ Ивковичемъ, въ 1804 году, былъ доставленъ въ Петербургъ проектъ „возстановленія новаго славяно-сербскаго государства“, составленный сербскимъ митрополитомъ Стратиміровичемъ. По этому плану требовалось, чтобы Порта признала Сербію независимою, платящею ей извѣстную дань, и состоящею подъ покровительствомъ Россіи. Во главѣ освобожденной Сербіи предполагалось поставить одного изъ русскихъ великихъ князей, или намѣстника, при которыхъ должно находиться отъ трехъ до четырехъ тысячъ русскихъ войскъ. (Русскій Архивъ 1868 г., стр. 111—120).

и пр., во вторыхъ-же, какимъ образомъ будутъ они намъ содѣйствовать. Всего лучше, конечно, будетъ употребить ихъ со стороны Бѣлграда и Виддина, но такимъ образомъ, чтобы дѣйствія со стороны сербовъ начаты были неукоснительно и въ одно время съ нашими“ [1]).

Въ январѣ 1807 г., Михельсонъ послалъ въ Сербію грека Монолаки, причемъ письмомъ отъ 11-го января совѣтовалъ Георгію идти къ Виддину, гдѣ онъ получитъ отъ насъ деньги и припасы. Георгій обѣщалъ двинуться къ Виддину въ концѣ января, такъ какъ теперь былъ занятъ Шабацемъ. Но по овладѣніи имъ поѣхалъ въ Нишъ, гдѣ христіане возстали противъ турокъ и просили у Чернаго Георгія помощи.

Утверждали, что у Ниша соберется до 20,000 христіанскаго войска; тогда Черный Георгій намѣренъ былъ двинуться къ Виддину съ 15,000 челов., изъ коихъ 2,000 вступятъ въ Кладово, а 13,000 въ Неготинъ. Движеніе это предполагалось произвести не позже первыхъ чиселъ февраля.

Съ Монолаки Черный Георгій прислалъ Михельсону и собственноручное письмо, отъ 13-го января:

„Ваше Высокопревосходительство,

Милостивый Государь!

„Господинъ Монолаки вручилъ намъ есть писаніе и устменный налогъ отъ васъ; вмѣстѣ же и Аманетъ посланный точно пріймили есмы, за которое вамъ покорнѣйше благодаримъ, и препоручаемъ себя и въ будуще на недостатки наши призрѣти.

„Мы г. Монолаки обширный отвѣтъ, устменно, вовѣрили, да вамъ сообщитъ; а симъ-же толико только честь имѣемъ извѣстити васъ, что мы теперь и здѣсь въ большемъ числѣ воинство держати, и противу Шабца и Босны, силы наши, по большей части, отсилати при-

[1]) М. И. Д. Michelson. 1805—7.

нуждены есмы. Впрочемъ, и совѣты ваши, по мѣрѣ возможности нашея, прерадостно слѣдовати будемъ.

„Только просимъ, что скорѣе желанія наша исполнити, да видимъ вскорѣ посредѣ насъ, единоплеменныхъ и единовѣрныхъ, любезныхъ братій нашихъ, которыхъ съ дальшими наставленіи и упутствованіи вашими за насъ, съ нетерпѣливостію, въ объятія наша ожидающе, вручаемъ себя благонаклонности вашей; съ отмѣннымъ-же высокопочитаніемъ, и всесердечнымъ предательствомъ, честь имѣемъ быти, покорный слуга, Георгій Петровичъ, вождь сербовъ, съ старѣйшинами". Бѣлградъ 13-го января 1807 года [1]).

По соглашенію Михельсона съ Чернымъ Георгіемъ, послѣдній, не позже конца февраля мѣсяца, долженъ былъ подступить къ Виддину и переправить 4 или 5 тысячъ сербовъ на лѣвый берегъ Дуная, къ Краіову, для совмѣстной съ русскими войсками защиты Валахіи, обѣщая снабдить этотъ отрядъ артиллеріей и продовольствіемъ.

Въ то же время Михельсонъ обѣщалъ собрать съ Валахіи 5,000 червонныхъ для сербской арміи, такъ какъ находилъ вполнѣ справедливымъ, чтобы страна платила за свою защиту.

Но Черный-Георгій, подойдя къ Виддину, занялся осадою Штубика и не призналъ возможнымъ выслать отрядъ сербовъ къ Краіову, почему верхняя Валахія оставалась безъ обороны, и турки могли въ разныхъ мѣстахъ переходить Дунай и предаваться грабежу, чрезъ что правый флангъ корпуса Милорадовича, занимавшаго Бухарестъ, могъ подвергнуться набѣгу небольшихъ непріятельскихъ партій. Поэтому Михельсонъ приказалъ выслать, въ половинѣ апрѣля мѣсяца, генералъ-маіора Исаева за Ольту. Отрядъ этотъ состоялъ всего изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты, казачьяго, имени

[1]) Тамъ-же.

Исаева, полка, части волонтеровъ, двухъ орудій донской конной артиллеріи, всего до 1,000 человѣкъ.

Перейдя Ольту при Слатинѣ, Исаевъ прибылъ въ Краіовъ 27-го апрѣля. Здѣсь отрядъ его долженъ былъ усилиться пандурами, которые были набраны валахскимъ правительствомъ, въ числѣ до 300 челов., въ томъ числѣ 100 конныхъ; столько же пандуровъ находилось въ Стрегаѣ.

Но войска эти были почти безъ оружія. „Проку въ нихъ мало и безъ казаковъ употребить нельзя".

Высылая разъѣзды изъ Краіова къ Дунаю, Исаевъ имѣлъ приказаніе стараться вступить въ сношенія съ сербами, стоявшими на правомъ берегу Дуная, въ окрестностяхъ Виддина. Въ это время всю сербскую армію Черный-Георгій раздѣлилъ на три части. Одна назначалась для овладѣнія кр. Шабацемъ, другая для закрытія границъ со стороны Босніи и третья, наиболѣе многочисленная, подъ начальствомъ Миленко, для операцій противъ Виддина и занятія нѣкоторыхъ острововъ выше этой крѣпости. Прибывъ въ Краіовъ, Исаевъ отправилъ къ сербскому вождю Миленко-Стойковичу, стоявшему у Кладово, письмо съ увѣдомленіемъ о цѣли своего прибытія и съ изъявленіемъ готовности соединить свой отрядъ съ сербами, для совмѣстныхъ дѣйствій противъ турокъ.

Сербскій вождь не замедлилъ отвѣтомъ, изъявляя свое нетерпѣніе въ ожиданіи прибытія русскихъ.

Прежде всего Исаевъ имѣлъ въ виду усилить свой небольшой отрядъ, присоединеніемъ къ нему пандуровъ, бывшихъ въ Стрегаѣ.

Поэтому въ Стрегай былъ высланъ отрядъ полковника Курта, изъ 200 казаковъ, съ приказаніемъ взять въ Стрегаѣ 300 пандуровъ, и слѣдовать къ Дунаю для занятія Изворино, близь Краіова, съ цѣлью овладѣть находившимся тамъ складомъ продовольствія, охраняемымъ всего 50 турками.

Овладѣвъ Изворином, Куртъ отправилъ взятые тамъ запасы въ Стрегай, а самъ двинулся къ Чернечи, гдѣ съ нимъ соединились остальные 700 челов. пандуровъ, высланныхъ изъ Стрегая.

Занявъ Чернечи, Куртъ сдѣлалъ сношеніе съ сербскими начальниками и ожидалъ тамъ прибытія всего отряда Исаева, который, оставивъ для охраненія Краіова 400 пандуровъ и нѣсколько десятковъ казаковъ, выступилъ изъ Краіова къ Чернечи 10-го мая [1]), отправивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, разъѣзды къ Зимницѣ, Турно и Рахово.

Между тѣмъ, турки, узнавъ о прибытіи отряда Исаева въ Чернечи и желая воспрепятствовать соединенію его съ сербами на правомъ берегу Дуная, рѣшились перейти на лѣвый берегъ его, угрожая сообщеніямъ Исаева съ Краіово. Для этого изъ Журжи высланъ былъ 350 отрядъ Дели-паши къ Виддину, гдѣ къ нему присоединилось 250 отборныхъ турокъ изъ гарнизона, съ Гусейнъ-агою. Сверхъ того, къ нимъ было придано 50 пандуровъ, перебѣжчиковъ изъ Валахіи.

Весь этотъ отрядъ перешелъ Дунай и укрѣпился въ селеніи Изворино-Альба. Узнавъ объ этомъ, Исаевъ быстро двинулся противъ перешедшаго Дунай непріятеля, намѣреваясь подойти къ нему скрытно и неожиданно атаковать. 14-го мая Исаевъ подошелъ къ Изворино-Альбѣ. Турки уже знали о его приближеніи и были готовы къ бою. Тогда Исаевъ построилъ свой отрядъ въ два карре. Правое—состояло изъ баталіона Олонецкаго мушкетерскаго полка, съ 8-ю орудіями. Лѣвое карре составили бухарестскіе пандуры, арнауты князя Ипсилантія и два эскадрона хорватовъ, при двухъ орудіяхъ. Лѣвымъ карре командовалъ полковникъ Куртъ. На правомъ флангѣ перваго карре поставленъ былъ

[1]) Донесеніе генералъ-маіора Исаева изъ Краіова. В. Уч. Арх.

казачій полкъ, имени командующаго отрядомъ, генерала Исаева.

Подойдя въ такомъ порядкѣ къ Изворино-Альбѣ, Исаевъ былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ непріятеля, засѣвшаго въ укрѣпленіяхъ, во рвахъ и, за наружными зданіями селенія. Остановивъ отрядъ, Исаевъ открылъ пушечный огонь. Не смотря на значительныя потери, непріятель продолжалъ упорно защищаться.

Тогда, чтобы выбить его изъ за закрытій, высланы были впередъ стрѣлки Олонецкаго баталіона и, въ подкрѣпленіе ихъ, двѣ пѣхотныя роты того же баталіона. Съ остальными ротами Исаевъ также двинулся впередъ. Высланные впередъ стрѣлки и двѣ роты штыками выбили непріятеля изъ за закрытій, и принудили его спасаться въ селеніи, причемъ турки потеряли до ста человѣкъ.

Увлеченные побѣдою русскихъ, пандуры лѣваго карре также двинулись впередъ и выбили непріятеля изъ его позицій. Послѣ чего турки тщетно старались удержаться въ селеніи и должны были вскорѣ его очистить. Казаки Исаева преслѣдовали бѣгущаго въ разбродъ непріятеля на разстояніи 30-ти верстъ, и только не многіе турки успѣли спастись въ камышахъ на берегу Дуная.

Въ этомъ дѣлѣ непріятель потерялъ три знамени. Гуссейнъ-паша виддинскій убитъ. Журженскій Дели-паша взятъ въ плѣнъ [1]).

Вѣсть о побѣдѣ при Изворино-Альбѣ распространила панику на всѣхъ турокъ, бывшихъ на лѣвомъ берегу Дуная. До 300 человѣкъ, занимавшихъ Калафатъ, противъ Виддина, опасаясь приближенія русскихъ, бросились на лодки съ такою торопливостію, что сталкивали другъ друга въ Дунай, гдѣ ихъ погибло до 100 челов.

Между тѣмъ, Исаевъ вовсе даже и не намѣревался идти къ Калафату. Онъ имѣлъ въ виду вступить въ

[1]) Донесеніе генералъ-маіора Исаева отъ 17-го мая 1807 г.

непосредственное сношеніе съ Миленко, который стоялъ теперь съ сербскими войсками у Штубика, на правомъ берегу Дуная, верстахъ въ 15 отъ позиціи Исаева, такъ что Исаевъ слышалъ выстрѣлы сербскихъ орудій, и это заставляло предполагать, что и сербы должны были знать о близости русскихъ. Тѣмъ не менѣе, отъ сербовъ не получалось никакихъ извѣстій. Это наводило на мысль, что сербскія войска окружены и не могутъ вступить въ сношеніе съ русскими, что и дѣйствительно оказалось, такъ какъ, начиная съ 14-го числа, турки не переставали производить на сербовъ подъ Штубикомъ сильныя нападенія, желая разбить ихъ до прибытія русскихъ.

Исаевъ послалъ къ Миленко трехъ секретныхъ пословъ и рѣшился, если окажется возможнымъ, соединиться съ сербами и перейти Дунай, причемъ, какъ доносилъ онъ отъ 22-го мая: „можно бы чудеса настроить. Задунайскія крѣпостцы не оставилъ бы безъ навѣщенія. Все въ тревогѣ. Коменданты въ крѣпостяхъ, всѣ къ побѣгу приготовленіе имѣютъ“.

Черный-Георгій, получивъ извѣствіе о близости отряда Исаева, просилъ его переправиться на правый берегъ Дуная.

Съ цѣлью переправы, Исаевъ перешелъ 17-го мая къ Гогошу, чтобы перейти Дунай съ помощію острова Кербова (Кольмаръ или Ольмаръ), если бывшее съ сербами сраженіе окажется въ ихъ пользу; въ противномъ же случаѣ, намѣревался отступить къ Краіову.

Но, въ дѣлахъ съ 14-го—17-го мая, сербы были разбиты и окружены, такъ что ни за какія деньги никто не рѣшался доставить Миленко письмо. А между тѣмъ, 500 турокъ вышло изъ Никополя съ намѣреніемъ дѣйствовать въ тылу отряда Исаева и направились къ Калакулу, чтобы выбить оттуда казацкій постъ.

Не имѣя возможности соединиться съ сербами и опа-

саясь за свой тылъ, Исаевъ отступилъ къ Краiову, 24-го мая, куда и прибылъ 26-го.

Между тѣмъ, Миленко-Стойковичъ снова просилъ Исаева идти съ нимъ на соединенiе, указывая на то, что съ помощiю прибывшаго подкрѣпленiя сербы разбили бы турокъ. Миленко указывалъ, что переправа черезъ Дунай можетъ быть значительно облегчена при посредствѣ острова Кербова, лежащаго между Прагово и Гогошемъ.

Сербы обѣщали приготовить лодки. Поэтому Исаевъ, 2-го iюня, вторично выступилъ изъ Краiова къ Гогошу и 8-го числа имѣлъ тамъ свиданiе съ Миленко-Стойковичемъ. На этомъ свиданiи было рѣшено, что Исаевъ займетъ русскими постами Изворино-Альбу и Калафатъ, перейдетъ Дунай черезъ островъ Кербовъ и соединится съ сербами для отраженiя 5,000 турокъ, выступившихъ изъ Виддина, чтобы напасть на сербовъ. По выступленiи же Исаева изъ Гогоша, онъ будетъ занятъ 500 сербовъ.

Въ то время, лѣсистый островъ Кербовъ былъ занятъ 200 турокъ, имѣвшихъ на островѣ укрѣпленiя.

5-го iюня, Исаевъ получилъ извѣстiе, что шесть турецкихъ судовъ идутъ вдоль берега острова, вверхъ по Дунаю.

Тогда полковникъ Карповъ, съ ротой Олонецкаго полка и двумя орудiями донской артиллерiи, немедленно былъ высланъ внизъ по лѣвому берегу Дуная, съ тѣмъ чтобы, пройдя незамѣтно, стать на берегу ниже турецкихъ судовъ, и не дозволить имъ отступить. Самъ же Исаевъ выставилъ два орудiя на берегу, выше приближавшихся турецкихъ судовъ, и встрѣтилъ ихъ выстрѣлами. Суда тотчасъ спустились внизъ, но поражаемыя орудiями полковника Карпова, тотчасъ же потопившими одно изъ нихъ, причалили къ берегу острова. Тогда Исаевъ выслалъ, вплавь, сотню казаковъ

своего имени полка, при хорунжемъ Поповѣ, который, вступя на островъ, овладѣлъ всѣми пятью турецкими суднами.

Бывшіе на островѣ турки, увидя казаковъ, бѣжали въ глубь, скрылись въ лѣсу, и потомъ переплыли на лодкахъ на правый берегъ Дуная.

Такимъ образомъ казаки заняли безъ выстрѣла островъ Кербовъ съ его укрѣпленіями, имѣя при себѣ только одни пики.

Всего же важнѣе было пріобрѣтеніе пяти судовъ, послужившихъ къ переправѣ черезъ Дунай. Къ тому же, на судахъ оказалось до 300 четв. пшеницы, очень пригодившейся отряду, и много разныхъ товаровъ, розданныхъ войскамъ [1]).

Между тѣмъ, Черный-Георгій блокировалъ стоявшихъ въ укрѣпленіяхъ у Штубика турокъ, и выставилъ на берегу Дуная сильныя батареи, не допускавшія въ Виддинъ никакихъ припасовъ и подкрѣпленій.

Черный-Георгій, какъ только узналъ о прибытіи русскихъ войскъ на островъ Кербовъ, тотчасъ-же отправился туда, чтобы лично опредѣлить силу прибывшаго на помощь сербамъ отряда, и остался, видимо, недоволенъ его малочисленностію. Исаевъ такъ доносилъ о своемъ первомъ свиданіи съ Чернымъ-Георгіемъ [2]):

„Черный-Георгій былъ очень угрюмъ. Посмотрѣвъ на укрѣпленія острова и, не сказавъ ни слова, ушелъ со всею своею свитою подъ тѣнь дерева". Исаевъ послалъ къ нему переводчика Лигатовича спросить что это значитъ. Черный-Георгій отвѣчалъ:

„Мнѣ себя не жаль, а сожалѣю многія тысячи душъ народа, отъ котораго я четыре года скрывалъ, и кромѣ тѣхъ. кому слѣдовало знать, не объявлялъ, о связяхъ

[1]) Донесеніе Исаева Михельсону, отъ 7 іюня 1807 г. М. И. Д.
[2]) Тоже, отъ 12 іюня 1807 г.

моихъ съ Россіей. Обстоятельства сего года заставили обнаружить австрійской Имперіи, что я нахожусь подъ покровительствомъ россійскаго Императора и, по обнадеживанію россійскихъ господъ, ожидалъ гораздо болѣе во всемъ пособія. Вмѣсто того, ни въ чемъ, даже и въ войскахъ, не нахожу его, въ то время какъ вся турецкая сила обращена на меня. Австрійскій же дворъ, негодуя на меня, строжайше запретилъ, ни за какія деньги, на войска мои хлѣба не отпускать, отчего я, съ войскомъ моимъ, имѣю въ ономъ совершенный недостатокъ". Затѣмъ, Черный-Георгій прислалъ къ Исаеву Миленко, уговориться на счетъ совмѣстныхъ дѣйствій у Штубика и Малайницы.

По поводу этого обстоятельства, Михельсонъ писалъ Исаеву, отъ 22-го іюня:

„Поведеніе противу васъ вождя сербскихъ войскъ, Чернаго-Георгія Петровича, для меня тѣмъ паче странно, что онъ имѣетъ всѣ возможныя доказательства, сколь поспѣшно приняты были мѣры къ соединенію и снабженію сербскихъ войскъ, по первомъ отзывѣ о положеніи ихъ, всѣмъ тѣмъ, чѣмъ только на первый случай, по настоящему положенію дѣлъ, снабдить было возможно. Деньги неоднократно посылаемы были. Съ депутатами вновь отправлены, равно артиллерія, порохъ и свинецъ, вслѣдъ коего сдѣлано новое отправленіе не малаго количества пороха и свинца, а вслѣдъ за симъ, имѣетъ прибыть Г. Д. Ст. Сов. Родофиникинъ, съ немалою суммою денегъ".

Въ то же время, снабдивъ Родофиникина 5,000 червонцевъ, для передачи сербамъ, сверхъ отправленныхъ еще прежде 50,000 піастровъ, Михельсонъ, предписаніемъ 22 іюня, ставитъ ему въ обязанность: „нужно и необходимо ваше пребываніе у сербовъ, чтобы успокоить Г-на Черни-Георгія Петровича, давъ ему вразумѣть, что когда прибыла противу насъ визирская ар-

мія, то и намъ, пока не подойдутъ наши силы, дѣлиться трудно“ [1]).

Родофиникинъ дѣйствительно отправился въ Сербію съ цѣлью, какъ писалъ Михельсонъ отъ 16 іюня 1807 г. сербскому народному совѣту: „сотрудничества съ сербскимъ совѣтомъ, въ образованіи устройства въ правленіи вашемъ, для блага народнаго“.

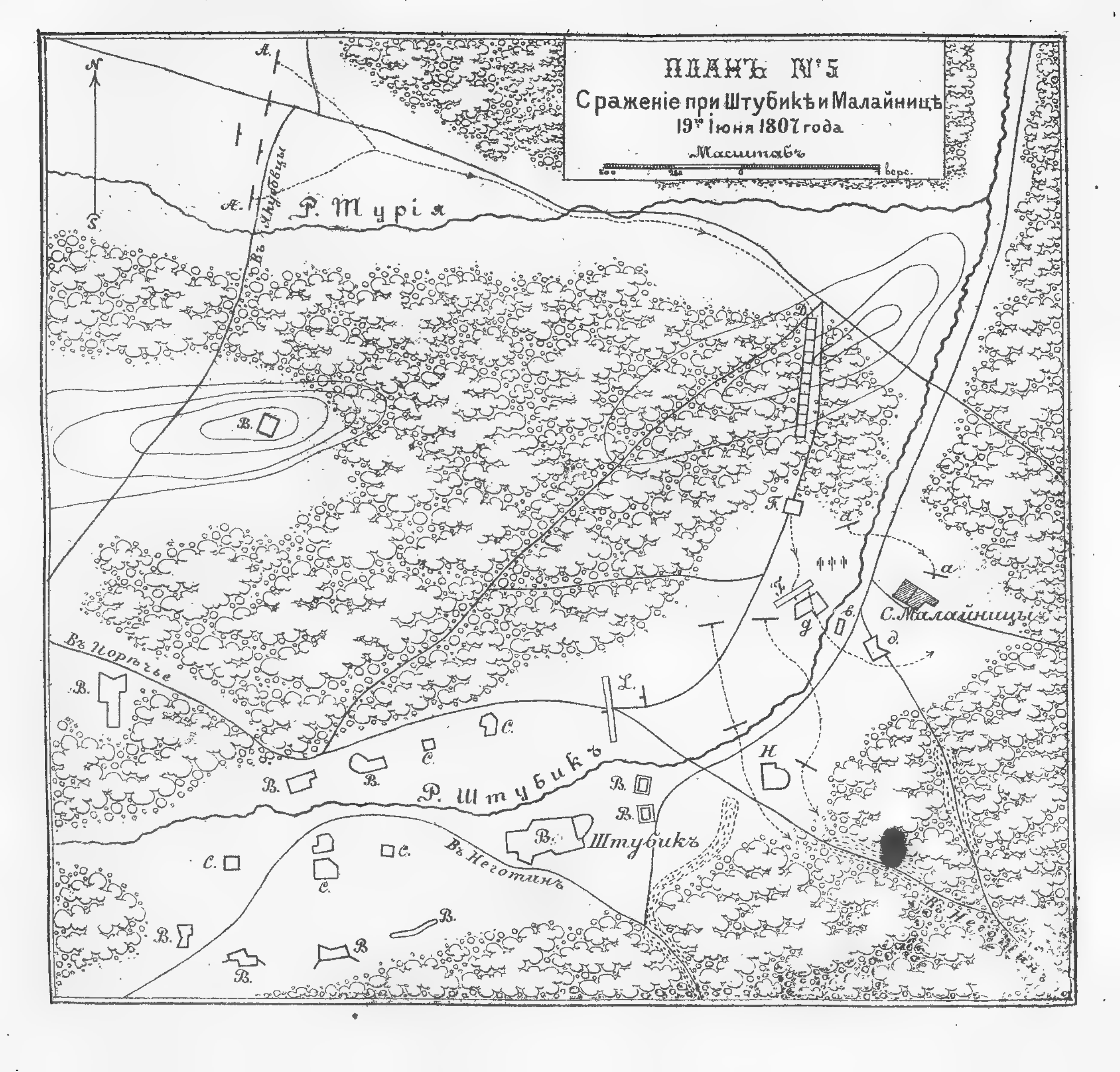
Чтобы удовлетворить Чернаго-Георгія, Исаевъ снабдилъ его, сколько могъ, порохомъ и свинцомъ, въ которыхъ сербы очень нуждались, и обѣщалъ ему рѣшительную помощь своими войсками, для дѣйствія противъ виддинскихъ турокъ, тѣмъ болѣе, что былъ слухъ, что если бы виддинскіе турки могли имѣть свободный выходъ изъ крѣпости, то присоединились бы къ арміи визиря, для наступленія на Бухарестъ. Поэтому было важно удержать ихъ въ Виддинѣ, и тѣмъ ослабить боевыя силы турокъ на главномъ театрѣ войны.

Оставивъ на островѣ Кербовѣ, для обезпеченія переправы черезъ Дунай, команду при подпоручикѣ Поздняковѣ, съ 2 орудіями и 500 сербами, Исаевъ, 17-го іюня, переправился на правый берегъ Дуная, употребивъ на переправу три дня, и 18 соединился съ Чернымъ-Георгіемъ, у Штубика, съ цѣлью выгнать 5,000 турокъ Мулла-паши изъ занимаемыхъ ими укрѣпленій при Малайницѣ [2]). Устроивъ свой отрядъ *A* въ лощинѣ на лѣвомъ берегу рѣчки Туріи, впадающей въ рѣку Штубикъ, Исаевъ двинулся, 12 іюня, къ деревнѣ Малайницѣ, вокругъ которой турки имѣли три шанца. Другіе пять турецкихъ шанцевъ, *C*, находились при Штубикѣ, окруженные сербскими шанцами *B*. Въ самомъ началѣ дѣла сербы, числомъ до 1,000 челов., отступили.

---

[1]) Донесеніе Исаева Михельсону. 1807 г. М. И. Д.

[2]) Планъ № 5.

ПЛАНЪ N°5
Сраженіе при Штубикѣ и Малайницѣ
19го Іюня 1807 года
Масштабъ
верс.
Р. Турія
Въ Якубовцы
Въ Порѣчье
Р. Штубикъ
Штубикъ
С. Малайницы
Въ Неготинъ
Въ Неготинъ

Перейдя Турію вродъ, Исаевъ двинулся глубокою колонною *Д* черезъ лѣсное дефиле у Малайницы и, выйдя на поляну, построилъ Олонецкій баталіонъ сперва въ карре, а потомъ фронтомъ F, выдвинулъ орудія на позицію, открылъ огонь по ближайшему турецкому шанцу (g) и затѣмъ, пустилъ пѣхоту въ штыки. Шанецъ g былъ взятъ.

Въ то же время пандуры (a) были высланы на правый берегъ Штубика, для общей атаки укрѣпленій при Малайницѣ, которыя и были взяты, вмѣстѣ съ шанцами b и d.

Одновременно съ этой атакой, казаки Исаева овладѣли шанцемъ *H*, между Малайницей и Штубикомъ.

Выбитые изъ всѣхъ своихъ пяти шанцевъ, турки, потерявъ до 1,000 человѣкъ, бѣжали къ Неготину, причемъ у нихъ было отбито, при преслѣдованіи, 2 пушки, 2 мортиры и все лагерное имущество.

Выславъ конницу для преслѣдованія, Исаевъ отрѣзалъ оставшихся въ укрѣпленіяхъ около Штубика турокъ отъ Неготина и Виддина.

По сербскимъ источникамъ, дѣло при Штубикѣ и Малайницѣ, какъ и вообще по участію русскихъ войскъ въ сербской войнѣ, представляется крайне невѣрно. Императорская Академія наукъ въ Петербургѣ сдѣлала, въ 1840 году, воззваніе въ венгерскихъ газетахъ, приглашая сербовъ представить ей безпристрастное описаніе дѣйствія русскихъ войскъ въ Сербіи, за все время войны 1806—1812 г. г. На это воззваніе отозвались, въ 1841 году, воевода Илья Чарапичь и Симеонъ Милутиновичъ Саройлія. Оба они принимали дѣятельное участіе въ войнѣ; Чарапичь былъ затѣмъ комендантомъ Бѣлграда, а Саройлія, во время войны, исполнялъ должность производителя дѣлъ народнаго совѣта сербскаго „и чрезъ его руки непремѣнно проходили всѣ дѣла“.

Представивъ нашей Академіи наукъ свою записку,

авторы ея объясняютъ, что предприняли это дѣло: „потому, что нынѣшняя Сербія, къ сожалѣнію нашему, питаема духомъ *не русскимъ*, но объята, совершенно духомъ *австрійскимъ* и, слѣдовательно, *лукавымъ* и *подлымъ*, и для Сербіи и для сербскаго народа вреднымъ и невыгоднымъ, ибо онъ объялъ даже и самаго владѣтельнаго князя, дѣйствуя по своему направленію, и предавая хулѣ какъ Россію, такъ и все русское“.

Послѣ такого вступленія, авторы просятъ вѣрить, что труды ихъ есть—„точное, совѣстное, вѣрное и искреннее описаніе“.

Насколько оба автора были вѣрны своимъ словамъ, видно изъ ихъ описанія сраженія при Штубикѣ и Малайницѣ, вся тяжесть котораго пала исключительно на русскія войска.

По сербскимъ-же источникамъ оказывается, однако, что героями бы были одни сербы. Черный-Георгій прибылъ къ Малайницѣ, чтобы оказать помощь сербскимъ воеводамъ Миленко и Добрынцу, запертымъ въ Штубикѣ арміею видинскаго Мулла-паши, у котораго, будто бы, было до 50,000 человѣкъ! (Всего 5,000). На другой день подошли къ Малайницѣ и русскія войска, подъ командою генераловъ: гр. Цукато и Исаева 1-го. „Эти два генерала, какъ въ началѣ, съ радостію и усердіемъ поспѣшали на помощь сербамъ, такъ теперь, по прибытіи, медлили напасть на турковъ—„боясь ихъ многочисленности. Тогда, Черный-Георгій—„будучи уже не въ состояніи уговаривать ихъ къ тому, вынужденъ былъ, наконецъ, сказать имъ: „сербамъ весьма нужно себя и братій своихъ защищать и спасать; и если вы, какъ русскіе наши братья, не хотите того, то вамъ не для чего было сюда и приходить; но я или съ вами вмѣстѣ нападу теперь на турковъ, или нападеніе это сдѣлаю самъ съ своими сербами: и сначала на нихъ, а потомъ

на васъ, какъ на новыхъ, безъ всякой причины и повода, враговъ" [1]).

Если подобныя нелѣпости писались людьми, преданными Россіи, и въ ней, лично для себя, заискивавшими, то что сказать о другихъ сербскихъ писателяхъ, указаніями которыхъ воспользовался профессоръ Ранке, и по немъ уже продолжали писать и новѣйшіе авторы сочиненій о Сербіи?

Въ этой же запискѣ сказано, что послѣдствіемъ побѣды при Штубикѣ было взятіе сербами Неготина, тогда какъ въ 1807 г. Неготинъ взятъ не былъ.

Дѣйствительно, намѣреваясь воспользоваться побѣдою, Исаевъ настоялъ на совмѣстномъ съ сербами движеніи къ Неготину.

Оставивъ отрядъ изъ 500 сербовъ для занятія шанцевъ у Штубика, соединенныя войска, къ вечеру 23-го іюня, выступили къ Неготину и 24 числа обложили эту крѣпость.

Рѣшено было взять Неготинъ штурмомъ, для чего, главнымъ образомъ, назначались русскія войска, такъ какъ число сербовъ было невелико и они занимались земляными работами.

Между тѣмъ, узнавъ объ оставленіи острова Кербова отрядомъ Исаева, турки отправили изъ Прагово 12 лодокъ для занятія этого острова. До 400 челов. успѣли уже сдѣлать десантъ. Но подпоручикъ Поздняковъ орудійными выстрѣлами успѣлъ потопить одно судно и подбить еще два, послѣ чего турки, не ожидавшіе встрѣтить на островѣ сопротивленія, поспѣшно возвратились въ Прагово, откуда, узнавъ объ осадѣ Неготина, они поспѣшно ушли внизъ по Дунаю, и Прагово было занято сотней сербовъ [2]).

---

[1]) В. Уч Арх. № 1,354. Записка о военныхъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ Сербіи, съ 1806—1812 г.

[2]) Донесеніе Исаева отъ 25-го іюня 1807 г.

Однако, овладѣть Неготинымъ оказывалось не легко. Крѣпость была обнесена высокой каменной стѣной и усилена отдѣльными укрѣпленіями. Къ тому же, до 15,000 турокъ, при Измаилъ-беѣ, прибыло для усиленія виддинскихъ войскъ и часть ихъ спѣшила къ Неготину.

Рискъ предпріятія открытаго штурма Неготина увеличивался еще плохою надеждой на сербовъ, которые охотнѣе рыли окопы и сидѣли за ними, чѣмъ выступали въ поле.

Поэтому, въ ожиданіи новыхъ подкрѣпленій, Исаевъ ограничивался блокадою Неготина. Сербы стояли на лѣвомъ флангѣ, обращенномъ къ сторонѣ Дуная, и прикрылись шанцами. Отрядъ Исаева составлялъ правый флангъ блокирующихъ войскъ.

Все, что Исаевъ могъ сдѣлать для Чернаго-Георгія, это предоставить въ его распоряженіе шесть русскихъ орудій, въ которыхъ онъ крайне нуждался.

Во время блокады Неготина, туда прибылъ полковникъ маркизъ Паулучи.

Еще въ маѣ 1807 года, полковникъ Паулучи, бывшій прежде во французской службѣ офицеромъ по части генеральнаго штаба, былъ отправленъ русскимъ правительствомъ въ Далмацію, которую онъ зналъ хорошо, по своей прежней служебной дѣятельности. Ему поручалось узнать положеніе французовъ въ Далмаціи, ихъ намѣренія и средства. Равнымъ образомъ, Паулучи, проѣздомъ черезъ Венгрію и Австрію, долженъ былъ обратить вниманіе на политическое ихъ настроеніе и затѣмъ, прибывъ въ Сербію, переговорить съ Чернымъ-Георгіемъ, и обо всемъ дать знать Михельсону.

Въ инструкціи, данной барономъ Будбергомъ Паулучи, отъ 11-го мая 1807 года [1]) было, между прочимъ,

[1]) Гл. Арх. М. И Д. Instruction du gen. de Budberg au colonel marquis de Paulucci 11 mai 1807 г.

сказано: „минуя Вѣну, прибыть въ Тріестъ и узнать подробно, сколько французскихъ войскъ въ Далмаціи, ихъ расположеніе, магазины, назначеніе и ожидаемыя подкрѣпленія; настроеніе жителей Далмаціи, Босніи, Герцоговины и друг. къ Франціи и средства ихъ для снабженія французовъ. Разузнать о французахъ въ Фріулѣ. Затѣмъ проѣхать чрезъ Венгрію въ Бѣлградъ, обративъ вниманіе на средства Венгріи и ея отношенія къ Австріи. Прибывъ въ Бѣлградъ, стараться опредѣлить силу этой крѣпости и сербскаго его гарнизона, настроеніе жителей и проч. Сербскій митрополитъ Леонъ и комендантъ Бѣлграда—оба намъ преданные люди. Въ разговорахъ съ ними указать на опасность для Сербіи покориться султану или полагаться на обѣщанія Франціи. Чрезъ посредство преданныхъ людей узнать численность сербскаго войска, о степени его преданности Россіи, и есть ли приверженцы Франціи; въ чемъ состоятъ военныя приготовленія и предпріятія сербовъ, и установить сообщенія между ними и Черногоріей, а также съ русскими войсками. Увѣрить сербовъ въ готовности Россіи помогать имъ деньгами, оружіемъ и проч. Затѣмъ, явиться къ Черному-Георгію, передать ему письмо и стараться узнать о его намѣреніяхъ, оборонительныхъ или наступательныхъ дѣйствіяхъ, о сообщеніяхъ съ русскими и проч., а также о его расположеніи къ Россіи и не завидуетъ ли онъ митрополиту Леону, очень популярному въ Сербіи. Обо всемъ этомъ увѣдомить Михельсона и прибыть въ Бухарестъ“.

Письмо къ Черному-Георгію, писанное Будбергомъ 11-го мая, было слѣдующаго содержанія:

„Высокородному и знаменитому Георгію Петровичу, славному вождю народа славяно-сербскаго, доброму нашему пріятелю, дружескій нашъ поклонъ.

„Съ отличнымъ удовольствіемъ узнали мы о побѣдахъ, одержанныхъ вами надъ непріятелемъ имени христіан-

скаго и непримиримымъ врагомъ храбраго народа славено-сербскаго.

„Принося вамъ усердное мое поздравленіе съ толико желаннымъ успѣхомъ, возвѣщу вамъ, что россійскій полковникъ маркизъ Паулучи, который вручитъ вамъ сіе мое писаніе, имѣетъ особенное порученіе освѣдомиться о нуждахъ вашихъ, равно и о способахъ извлечь величайшую пользу изъ единогласнаго дѣйствія войскъ Его Величества, на Дунаѣ находящихся, и неустрашимаго воинства, вами предводительствуемаго. Ему же приказано увѣрить васъ, паки, въ непремѣнномъ покровительствѣ великаго Императора Всероссійскаго и донести намъ обо всемъ, что вашему превосходительству угодно будетъ сообщить ему. Итакъ, прося васъ имѣть къ г. полковнику Паулучи полную довѣренность во всемъ, что онъ вамъ скажетъ отъ имени Высочайшаго Двора, я рекомендую его особенному вниманію и дружбѣ вашей. Заключаю увѣреніемъ васъ, что поколику то по обстоятельствамъ возможно будетъ, вы отъ насъ получите всякое пособіе къ дальнѣйшимъ подвигамъ противъ общаго непріятеля, способствовать могущее.

„Засимъ, свидѣтельствуя вамъ истинное мое почтеніе и преданность“ и проч. [1]).

Побывавъ въ Далмаціи и въ Австріи, Паулучи прибылъ 24 іюня съ письмомъ Будберга къ Черному Георгію, бывшему вмѣстѣ съ отрядомъ Исаева подъ Неготинымъ.

Незадолго передъ тѣмъ Михельсонъ отправилъ къ Черному Георгію поздравительное письмо, по поводу одержанныхъ въ Сербіи успѣховъ надъ турками, увѣдомляя его и о блестящей побѣдѣ, одержанной Милорадовичемъ при Обилешти. Приводимъ это письмо, дословно.

---

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Paulucci. 1807.

„Высокородный и высокомочный вождь храбраго сербскаго народа, Черный Георгій Петровичъ!

Милостивый государь мой!

Вамъ, почтеннѣйшему другу моему, всѣмъ князьямъ и воеводамъ, и всему сербскому совѣту, здравія желаю.

Наконецъ приспѣлъ часъ ратникамъ имени христіанскаго низвергнуть иго мусульманъ; возвратить страждущія племена христіанскія къ древнему достоянію ихъ, славѣ и благоденствію.

Порта Оттоманская объявила Россіи войну, за ея попеченіе и благѣ единовѣрныхъ ей народовъ, за наше приближеніе къ вамъ, любезные намъ единовѣрцы.

Сербская нація служитъ всему свѣту примѣромъ, что можетъ геройскій духъ, воспламененный вѣрою христіанскою и любовію къ отечеству. А новыя побѣды россіянъ надъ гордымъ возмутителемъ Европы, Бонапарте, который не полагалъ нашествіямъ своимъ предѣловъ, являютъ силу оружія россійскаго: соединивъ одно съ другимъ, чего ожидать не можемъ?

Мнѣ давно уже извѣстно благополучное овладѣніе ваше Бѣлградомъ. Я васъ съ тѣмъ поздравлялъ, и паки поздравляю. Вамъ, конечно, тоже извѣстно, что я со ввѣренными мнѣ отъ Государя моего силами, овладѣлъ крѣпостями Хотинымъ и Бендерами, Аккерманомъ и Киліею; покоривъ татаръ буджакскихъ и объявъ всю землю молдавскую, поразивъ толпища кирджаліевъ Мустафы Байрактара; освободивъ отъ звѣрства ихъ Бухарестъ и всю почти землю валахскую, простираюсь до береговъ Дуная, и готовъ къ дальнѣйшему пораженію непріятеля“ [1]).

Письмомъ этимъ, Михельсонъ надѣялся возбудить надежды сербовъ и вызвать въ Черномъ Георгіѣ рѣшимость согласовать свои дѣйствія съ дѣйствіями русскихъ войскъ.

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Michelson. 1805—1807.

Но Черный Георгій, по прежнему, не переставалъ упрекать русскихъ въ слабой съ ихъ стороны помощи. Паулучи просилъ генерала Исаева представить его Черному Георгію. Черный Георгій принялъ его очень холодно, что подтвердило только слова Исаева, описывавшаго Чернаго Георгія какъ человѣка, котораго очень трудно заставить говорить о дѣлахъ; такъ что онъ ни слова не говорилъ даже съ Исаевымъ, до тѣхъ поръ, пока тотъ не освободилъ сербовъ, окруженныхъ подъ Штубикомъ. Впрочемъ, нужно имѣть въ виду, что Черный Георгій принялъ сперва Паулучи за французскаго агента, и только послѣ, когда онъ убѣдился въ противномъ, извинялся передъ нимъ говоря, что это доказываетъ лишь его нежеланіе сноситься съ иностранцами.

Принявъ Паулучи, Черный Георгій долго молчалъ, но, наконецъ, началъ жаловаться на Россію и на Австрію, которыя надавали ему обѣщаній и не исполнили ихъ, если не считать незначительной помощи, полученной отъ Россіи.

Изъ числа приближенныхъ къ Черному Георгію, болѣе другихъ пользовались его довѣріемъ—Гагичъ, бывшій въ числѣ депутатовъ къ Михельсону, и Уроповичъ, котораго Черный Георгій посылалъ въ Петербургъ, къ кн. Чарторыжскому.

Долго совѣщаясь съ ними, послѣ представленія Паулучи, Черный Георгій сказалъ, что, никоимъ образомъ, не слѣдуетъ довѣряться Паулучи, потому что по полученнымъ имъ изъ Австріи свѣдѣніямъ, Россія находится въ очень критическомъ положеніи и закончилъ увѣреніемъ, что „для сербской націи ничего болѣе не остается, какъ расчитывать на Австрію, и что, если его совѣтники согласны, онъ, чрезъ нѣсколько дней, покончитъ это дѣло съ Австріей“. Уруповичъ отвѣтилъ ему на это, что все зависитъ отъ самаго Чернаго Георгія, и разговоръ не привелъ ни къ какому результату.

Вообще нужно сказать, что Австрія начала сильно интриговать въ это время, и старалась привлечь къ себѣ Черннаго Георгія.

Энергичнѣе всѣхъ, противъ сближенія съ Австріей, былъ доблестный вождь, Миленко Стойковичъ, къ которому Паулучи обратился за содѣйствіемъ, въ сношеніяхъ его съ Чернымъ Георгіемъ. Отправясь къ нему вмѣстѣ съ Миленко, Паулучи сталъ говорить рѣшительно.

„Я не могъ не знать сказалъ онъ, объ интригахъ австрійцевъ, и надѣюсь, что вы не желаете быть обмануты и не дадите вѣры двору, который, чтобы заставить цѣлую націю дѣйствовать по его желанію, даетъ ей умирать съ голода, въ то время, какъ по ея же винѣ, французы владѣютъ Далмаціей и имѣютъ въ виду вступить въ Сербію, чтобы снова ввергнуть ее подъ иго Порты. Сверхъ того, вы сами увѣрены, что Австрія не можетъ открыто васъ поддерживать. Напротивъ того, не говоря уже о единствѣ религіи, племеннаго родства и интересовъ, русскіе помогли сербамъ войсками, и еще недавно одержали побѣду надъ турками, державшими 17 дней Миленко въ осадномъ положеніи у Штубика“.

Послѣдствіемъ этой рѣчи было то, что Черный Георгій обѣщалъ торжественно, что не будетъ болѣе имѣть никакого сношенія съ Австріей и отдается, вполнѣ, покровительству Россіи.

На другой день Черный Георгій объявилъ Паулучи, что получилъ извѣстіе о наступленіи турокъ къ Зворнику, на Link Дринѣ, и что тамъ сербскія войска Іакова были разбиты. Затѣмъ послѣдовало заключеніе конвенціи съ Паулучи, которая была постановлена Чернымъ Георгіемъ и другими. Въ тотъ же день, въ сопровожденіи 800 челов. конницы, Черный Георгій отправился, 28 числа, на Дрину, расчитывая увеличить, по пути, свой отрядъ новыми силами.

Въ Бѣлградѣ Паулучи убѣдился, что митрополитъ

сербскій Леонъ „всѣми презирается и, въ особенности, Чернымъ Георгіемъ“. Напротивъ того, послѣднему оказываютъ—„безграничное послушаніе, и его авторитетъ можетъ быть сравненъ только съ азіятскимъ деспотизмомъ, который не знаетъ иныхъ законовъ, кромѣ тѣхъ, какіе самъ создаетъ“.

Никакой проступокъ или вина не остается у Чернаго Георгія безъ наказанія. Полтора года тому назадъ, онъ казнилъ своего роднаго брата за многочисленныя злоупотребленія, которыя онъ себѣ дозволилъ. Эта страшная кара разсѣяла шайки воровъ, бродившихъ по странѣ, и положила конецъ насилію и произволу, которыя водворились между начальниками войскъ.

О Черномъ Георгіи Паулучи выражался такъ: „Простота его нравовъ и безкорыстіе замѣтны въ его манерахъ и рѣчахъ, проявляя его искреннюю привязанность къ родинѣ. Все это составляетъ нѣчто цѣлое, что дѣлаетъ его существомъ рѣдкимъ и достойнымъ уваженія (rare et réspectable), не смотря на то, что ему не достаетъ хорошаго образованія“.

Послѣдними словами Чернаго Георгія, при прощаніи съ Паулучи, были: „Помните, что я ничего болѣе не желаю, какъ видѣть мою родину чуждою всякихъ опасеній (craintes) на счетъ возобновленія (déréchef) турецкаго ига. Тогда я отрекусь отъ всего, и возвращусь къ моему плугу (charrue)“.

Нужно думать, что слова эти были искренни, такъ какъ на вопросъ Паулучи, чего бы онъ желалъ для себя отъ русскаго двора, онъ отвѣчалъ: „Пусть онъ согласится на то, что мы считаемъ необходимымъ“. Другіе-же сербскіе начальники, въ томъ числѣ и Миленко, просили чиновъ и орденовъ [1]).

7-го іюня 1807 г. Михельсонъ доносилъ Императору: „Прибылъ ко мнѣ полковникъ маркизъ Паулучи, съ бу-

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. 1807 года, Marquis Paulucci. № 213.

магою, заключающею положительное желаніе славяно-сербскаго народа, состоящее въ томъ, что народъ сей, рѣшительно и безсомнѣнно, предаетъ жребій свой, во всемъ, покровительству и власти В. И. Величества.— Примѣчательно, что желаютъ имѣть всякаго рода чиновниковъ, по военной и гражданской частямъ, кромѣ грековъ".

Этотъ актъ, о которомъ писалъ Михельсонъ, была конвенція, заключенная Паулучи 28 іюня 1807 г., подъ Неготинымъ, съ Чернымъ Георгіемъ, и состоялъ въ слѣдующемъ:

1) Сербскій народъ имѣетъ первое желаніе быть подъ покровительствомъ Е. И. В. Александра I. Всепокорнѣйше проситъ дать *землѣ управителя*, который привелъ-бы въ порядокъ народъ, и далъ ему конституцію, отъ имени Е. В. Александра I.

2) Народъ сербскій—„вручающе себе, подъ покровительство и защищеніе Е. И. В., ожидаетъ всѣ народныя необходимости, и препоручается, навсегда, чтобы никогда въ Сербіи не могла быть ни малѣйшая часть земли никому отдана: сирѣчь, чтобы помѣщика никакого не было, и средствомъ таковаго, чтобы подъ рабство не попадалъ".

3) Всѣ служащіе, какъ по военной, такъ и по гражданской части въ Сербіи, не допуская лишь грековъ, должны быть назначаемы именемъ Е. И. В.

4) Въ сербскихъ крѣпостяхъ, для лучшаго управленія страной, долженъ быть русскій гарнизонъ съ русскимъ комендантомъ.

5) Для огражденія границъ Сербіи со стороны владѣній Краинскихъ и Виддинскихъ, русскіе должны имѣть въ Сербіи 3,000 челов. регулярной пѣхоты, 2 эскадрона кавалеріи и полкъ казаковъ, къ которымъ, въ случаѣ надобности, присоединяется до 20,000 сербскаго войска.

6) Сербіи необходимо укрѣпить свои границы со сто-

роны Босніи и имѣть сообщеніе съ черногорцами, чтобы—„предпріятіе французское съ турками уничтожилось“. Съ этою цѣлью, кромѣ уже названныхъ русскихъ войскъ, столько-же должно быть назначено къ боснійской границѣ и для соединенія съ черногорцами. Съ своей стороны сербы должны выставить къ границамъ Босніи 15,000 челов., и занять пограничные тамъ посты.

7) Такъ какъ сербскій народъ уже четыре года ведетъ войну, и средства его истощились, то *землеуправитель* долженъ быть снабженъ достаточными денежными средствами, которыя и хранятся въ бѣлградской кассѣ.

8) Необходимы мастера для литья пушекъ и приготовленія ядеръ и пороха.

9) Сербы очень нуждаются въ порохѣ и свинцѣ, поэтому, нужно учредить въ Бѣлградѣ магазины; пушекъ-же не требуется, такъ какъ ихъ будетъ достаточно при русскихъ регулярныхъ войскахъ.

10) Въ бѣлградскомъ магазинѣ нужно имѣть до 10,000 запасныхъ ружей, на случай увеличенія сербской арміи.

11) Прислать шесть артиллерійскихъ и инженерныхъ офицеровъ, для обученія сербскихъ войскъ.

12) Прислать также роту піонеровъ, и роту артиллеристовъ.

13) Сербскіе раненые лежатъ безъ помощи. Докторовъ и аптекъ не имѣется. Нужны тѣ и другія, чтобы устроить госпиталь въ Бѣлградѣ.

Подлинное подписано: Черный Георгій Петровичъ, предводитель сербскаго народа, во имя цѣлаго народа сербскаго. Миленко Стоиковичъ, комендантъ Бѣлграда, и членъ секретарь сербскаго народнаго совѣта Іеремія Гагичъ.

Почти въ одно время съ утвержденіемъ этого постановленія, прибылъ въ Сербію тайный совѣтникъ Родофиникинъ, отправленный туда Михельсономъ для по-

стояннаго наблюденія за сербскими дѣлами и руководства ими. При этомъ Родофиникинъ получилъ инструкцію, отъ 16 іюня 1807 года, такого содержанія:

1) Явиться въ мѣстопребываніе Чернаго Георгія и народнаго совѣта, передавъ имъ отъ Михельсона письма.

2) Смотря по обстоятельствамъ, слѣдовать-ли за Чернымъ Георгіемъ, безотлучно, или оставаться тамъ, гдѣ будетъ находиться народный совѣтъ.

3) Дать народу сербскому руководство къ образованію внутренняго у нихъ правленія.

4) Главнымъ образомъ, изучить край, въ матеріальномъ и политическомъ отношеніяхъ, доказывая сербамъ. что только отъ Россіи они могутъ надѣяться получить помощь и избавленіе отъ турецкаго ига.

5) Увѣрить сербовъ, что Россія всегда готова оказать имъ содѣйствіе оружіемъ, снарядами и деньгами, если сербы безъ всякаго колебанія будутъ согласоваться съ дѣйствіями Россіи, клонящимися — „къ устроенію блага общаго“.

6) Узнать истинныя намѣренія и планы Чернаго Георгія: гдѣ онъ намѣренъ вести оборонительныя, гдѣ наступательныя дѣйствія, и какъ соединиться съ русскими войсками.

7) Условиться съ кн. Ипсилантіемъ и генераломъ Милорадовичемъ, какимъ образомъ отправить въ Сербію греческій легіонъ, набранный кн. Ипсилантіемъ, и передать сербамъ порохъ, свинецъ и 6 пушекъ, которыя и сданы для передачи, въ отрядъ Исаева.

8) Стараться доказать Черному Георгію, что будетъ лучше, если онъ переправитъ на лѣвый берегъ Дуная, для соединенія съ Исаевымъ, одну или двѣ тысячи сербовъ, такъ какъ переправляя отрядъ Исаева, на ту сторону Дуная, подвергаются опасности сообщенія его съ Валахіей.

9) Передать сербамъ 100,000 піастровъ, изъ

рыхъ заплатить за 4,500 ружей, доставленныхъ австрійскими предпринимателями въ Землинъ.

10) Представлять о награжденіи тѣхъ лицъ въ Сербіи, которые будутъ заслуживать поощренія.

11) Русскій главнокомандующій долженъ быть въ непосредственномъ сношеніи съ Чернымъ Георгіемъ, а чрезъ него и съ войсками россійскими, около Далмаціи и на Іоническихъ берегахъ находящимися.

12) Если сербы не найдутъ возможнымъ переправить часть войскъ на лѣвый берегъ Дуная, для соединенія съ Исаевымъ, то не настаивать, а греческій легіонъ отправить „на сторону сербовъ, для дѣйствія съ ними“.

Назначеніе Родофиникина въ Сербію было очень важно, такъ какъ въ сущности, намъ было очень мало извѣстно, какъ о самой личности Чернаго Георгія, такъ и о настроеніи народныхъ партій. Изъ конвенціи, заключенной 28 іюня полковникомъ Паулучи съ Чернымъ Георгіемъ, являлось лишь желаніе Сербіи, получить отъ Россіи побольше денегъ и другаго рода помощь съ тѣмъ, чтобы Россія приняла Сербію подъ свое покровительство и имѣла въ ней свои регулярныя войска, для защиты противъ турокъ. Но въ іюлѣ, Михельсонъ получилъ просьбу—„отъ имени разныхъ націй славянскихъ“ какъ въ Сербіи, такъ и въ другихъ мѣстахъ на Балканскомъ полуостровѣ живущихъ, о томъ, чтобы „всѣмъ имъ быть подъ московскимъ царствомъ“.

Въ донесеніи Михельсона, отъ 3 августа 1807 года, Императору, приведенъ подлинный текстъ этой просьбы.

„Мы вамъ изъявляемъ, что мы желаемъ быть подъ Дворомъ россійскимъ, чрезъ что и хочемъ всѣ, единогласно, подняться противъ нѣмцевъ. Вамъ извѣстно, что дѣлали нѣмцы въ прошедшую съ французами войну, и какую измѣну оказали противу покойнаго Суворова, и какъ нѣмцы обманули, измѣнили и продали россійское войско“. „Теперь, говорится далѣе въ письмѣ, нѣмцы

сходятся съ французами, противъ Россіи, а турки должны, всѣми силами, напасть на сербовъ. Вы знаете что нѣмецъ есть, изстари, измѣнникъ... Будьте увѣрены, что наконецъ сами увидите, что нѣмцы издревле подлы были, безчестны и непостоянны. Нѣмецъ всѣ земли наши съ селеніями продастъ дворянамъ, дабы истребить милицію сербскую и отговорится тѣмъ, что не онъ, а Венгрія сіе сдѣлала, чтобы имѣть сербамъ злость на венгровъ, а не на австрійцевъ. Сколько турки не желали сербамъ зла, за то что мы единоплеменны съ россіянама, однакоже, въ томъ гораздо превосходятъ ихъ нѣмцы. Мы христіане, желаемъ и хочемъ, всѣ вообще, поклоніятися и быть подъ Московскимъ царствомъ, готовы будучи служить до смерти своей [1]". Изъ этого видно, что народъ иначе понималъ свои интересы, чѣмъ Черный Георгій и партіи, имѣвшія власть въ странѣ.

Положеніе дѣлъ въ Сербіи Родофиникинъ нашелъ въ состояніи, которое можно было назвать хаотическимъ. Въ донесеніи своемъ, отъ 12-го августа 1807 г. барону Будбергу, онъ говоритъ: каждый начальникъ, овладѣвшій уѣздомъ—„управляетъ онымъ, не давая отчета въ своихъ дѣйствіяхъ никому. Собираетъ доходы и оные по своей волѣ издерживаетъ и набираетъ войско".

Коменданты крѣпостей имѣютъ въ своихъ рукахъ—„всю торговлю и всѣ доходы городскіе, какъ равно судъ и расправу и право наказывать смертію всѣхъ не покорныхъ ихъ власти". Сербскій народный совѣтъ состоитъ изъ 4 неграмотныхъ купцовъ—кои суть всепокорнѣйшія слуги всѣхъ наличныхъ военныхъ начальниковъ.

Черный Георгій, внутри земли, признается за верховнаго вождя, но по границѣ, дѣйствующими главными лицами, признается за подобнаго имъ коменданта. Впрочемъ, свирѣпость сего человѣка дѣлаетъ его страш-

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Michelson. Донесеніе отъ 3 авг. 1807.

нымъ. Вездѣ, гдѣ онъ узнаетъ, что предстоитъ крайняя опасность, летитъ быстро съ своимъ корпусомъ на помощь, и счастіе повсюду, прибытіе его вѣнчало успѣхомъ. Я не думаю, чтобы жизнь его продлилась, ибо всякій день, кромѣ вина, выпиваетъ до двухъ бутылокъ водки. При немъ находится секретарь, довольно расторопный, который и его никуда не выпускаетъ, и къ нему не впускаетъ, когда онъ пьянъ. До денегъ алченъ, до безконечности, и какъ онъ, такъ и другіе не упускаютъ ни одно средство накоплять деньги, мало думая о вспомоществованіи народу. Войска имъ ничего не стоятъ, ибо крестьяне должны итить на войну съ своимъ оружіемъ и на собственномъ продовольствіи и, по выслугѣ четыре мѣсяца, смѣняются другими. Начальники выписывали, до сего, оружіе изъ австрійскихъ предѣловъ и потомъ продавали его крестьянамъ за двойную цѣну. Деньги, присылаемыя, по временамъ, отъ Высочайшаго Двора, по большей части, достались въ добычу Черному Георгію одному, ибо онъ былъ первой, къ коему оныя доходили въ руки“. Поэтому, Родифиникинъ, не объявляя никому, сколько съ нимъ было привезено денегъ, далъ 3,000 червонныхъ Миленко и роздалъ также другимъ начальникамъ [1]).

По истребленіи въ Сербіи всѣхъ проживавшихъ турокъ—„всѣхъ молодыхъ дѣвокъ и бабъ сербы разобрали, начиная отъ Чернаго Георгія, до послѣдняго чиновника. Нѣкоторые женились, а другіе держатъ по двѣ и по три при себѣ во услуженіи. Всѣхъ старухъ, турчанокъ, по настоянію Родофиникина, отправили въ Орсову, къ Режебъ-агѣ, гдѣ ихъ и сдали турецкимъ властямъ.

[1]) Упрекъ, дѣлаемый Родофиникинымъ, относительно алчности Чернаго Георгія къ деньгамъ, едва-ли справедливъ. Черный Георгій держалъ у себя всѣ поступающія къ нему суммы потому, что имѣлъ въ виду общественныя нужды; иначе всѣ деньги остались-бы въ карманахъ частныхъ начальниковъ. *Авт.*

„Появленіе мое здѣсь, доноситъ Родофиникинъ, не было пріятно ни Черному Георгію, ни другимъ начальникамъ; одинъ только народъ обрадовался, въ надеждѣ, что съ моимъ прибытіемъ все устроится, и какъ жизнь, такъ и имущество каждаго, обезпечатся,

Начальники и не думали поручать полномочнымъ, бывшимъ въ Бухарестѣ, требовать меня или другаго: они учинили то сами, пользуясь властью, имъ данною. Будучи изъ средняго класса, болѣе стараются о благѣ народномъ, нежели о утвержденіи власти начальствующихъ, которая всѣмъ уже становится тягостною“.

Родофиникинъ послалъ спросить Чернаго Георгія когда онъ его можетъ видѣть. Черный Георгій наговорилъ посланному, боярину Расти—„тьму грубостей и кончилъ словами: „всѣхъ бы васъ должно порѣзать; мнѣ нужны войска, а ихъ вовсе не вижу; какая мнѣ польза будетъ отъ присланнаго сюда; съ чѣмъ и зачѣмъ онъ пріѣхалъ“?

Черезъ часъ многіе сербы явились къ Родофиникину и заявили ему, что они были у Чернаго Георгія и объяснили ему—„необдуманность его поступка, въ такое время, когда все благосостояніе ихъ зависитъ отъ Россіи“, и притомъ требовали, чтобы онъ принялъ Родофиникина приличнымъ образомъ, и слѣдовалъ бы наставленіямъ его.

„Свиданіе наше началось холодно, доноситъ Родофиникинъ. Подали водку, и я увидѣлъ себя принужденнымъ пить столько-же, сколько и онъ, дабы снискать его дружбу, которая, дѣйствительно, и утвердилась съ сей минуты; ибо послѣ сего, всякій день у меня бываетъ, спрашиваетъ о всемъ и требуетъ совѣта“.

Родофиникину предложили, и даже требовали, чтобы онъ составилъ нѣчто въ родѣ сербской конституціи.— „Я не преминулъ объяснить имъ, что совершенной независимости для сербовъ, на первый разъ, ожидать

трудно, и что преимущественнѣе, и для нихъ самихъ лучше, остаться, до времени, подъ верховною властію Порты, имѣя своего князя и свое правительство.

Сначала всѣ отзывались, что они скорѣе умрутъ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели покорятся Портѣ, но мало по малу, утихли".

Выработанная Родофиникинымъ, соглашенная съ желаніями народа и утвержденная подписью Чернаго Георгія конституція, писанная на сербскомъ языкѣ, состояла въ слѣдующемъ [1]):

1) Въ Бѣлградѣ устанавливается правительствующій сербскій сенатъ, подъ председательствомъ князя, которому отечество даетъ титулъ *свѣтлѣйшаго князя*. Ему предоставляется полная власть *всѣхъ милостей*: награждать и прощать; власть-же *наказывать, карать* принадлежитъ закону и суду. Судьи получаютъ жалованье, сообразуясь съ доходами земли.

2) Кромѣ князя, предсѣдательствующаго въ сенатѣ, членами его имѣютъ быть полководцы, кои нынѣ комендантами по нахіямъ были и защищали отечество. Они станутъ называться титуломъ: *сіятельный вождь*, и въ сенатѣ занимаютъ мѣста по старшинству. Лица, состоявшія въ народномъ совѣтѣ и всѣ тѣ, кто принесъ отечеству пользу своими трудами, вѣрностію и путешествіями, назначаются сенаторами, съ титуломъ: „превосходный сенаторъ". Имена вождей и сенаторовъ, „какъ первыхъ и превосходныхъ людей въ народѣ", записываются въ особыя сенатскія книги, „дабы народы и потомки знали и почитали ихъ".

Сверхъ того, въ составъ сената входятъ по одному почетнѣйшему выборному, съ званіемъ *совѣтника* сената. Вожди и сенаторы остаются въ своихъ званіяхъ пожизненно, а совѣтники смѣняются каждые три года.

Всѣ члены сената пользуются однимъ лишь голосомъ;

---

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Rodofinikin, 1807. № 249.

князю же предоставляется три голоса. Дѣла рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ; а при равенствѣ ихъ—голосомъ князя.

Народъ и всѣ члены сената присягаютъ на вѣрность князю и сенату. Князь даетъ особую присягу—охранять законы и всѣ силы употреблять, дабы всякій повиновался рѣшеніямъ сената.

3) Совѣтники, избранные на три трехлѣтія, избираются, по смерть, въ сенаторы, получаютъ дворянство и титулъ—*превосходнаго сенатора*.

4) Всѣ коменданты обязаны прислать въ сенатъ списки лицъ, оказавшихъ отечеству услугу. Сенатъ выдаетъ имъ грамоту на дворянство.

5) При сенатѣ учреждается — „законохранительная стража“.

6) Въ каждую нахію назначить, для управленія, по одному изъ достойныхъ слугъ отечества, которые и вѣдаютъ всѣ приходы нахіи. При немъ состоятъ два совѣтника, ежегодно избираемые населеніемъ нахіи. Эти три лица чинятъ судъ и расправу въ своей нахіи. Недовольные ихъ рѣшеніями, имѣютъ право жаловаться въ сенатъ.

7) Правительство нахіи доноситъ сенату о всякомъ важномъ дѣлѣ, особенно-же уголовнаго характера.

Смертная казнь опредѣляетзя только сенатомъ, который обязанъ обращаться къ свѣтлѣйшему князю съ просьбою о помилованіи осужденнаго.

8) Пока доходы земли не дозволятъ назначить жалованье служащимъ, устанавливаются за заслуги награды чинами.

9) При возможности—составить карту страны, при чемъ всѣ не заселенныя мѣста будутъ принадлежать правительству и состоять подъ властью сената.

10) Всѣми доходами вѣдаетъ сенатъ, и никто кромѣ

сената, никакія требованія, ни подъ какимъ наименованіемъ, не можетъ чинить отъ народа.

11) Главныхъ полководцевъ избираетъ сенатъ. Миръ или войну, безъ воли сената, никто не чинитъ.

12) Никто изъ сенаторовъ не можетъ быть лишенъ своего званія—безъ единогласнаго опредѣленія князя и сената.

Таковы были общія основанія выработанной для Сербіи конституціи, долженствовавшей установить въ странѣ начала порядка, силу закона и ограниченіе личнаго произвола.

Черный Георгій подписалъ эту конституцію, но самъже не замедлилъ нарушить ее. Не стѣсняясь, собственноручно, рубилъ головы тѣмъ, кто навлекалъ его гнѣвъ. Сенатъ никогда не имѣлъ значенія, которое хотѣлъ придать ему Родофиникинъ, и нѣкоторые сенаторы являлись въ него въ сопровожденіи своихъ вооруженныхъ приверженцевъ, чтобы внушеніемъ силы отстоять свои мнѣнія.

Между тѣмъ, по отбытіи Чернаго Георгія къ дринской арміи, Исаевъ и Миленко продолжали блокировать Неготинъ.

Исаевъ скоро понялъ, что съ слабыми сербскими войсками, нельзя было расчитывать на успѣхъ блокады Неготина, которая собственно говоря, и не могла назваться блокадой, такъ какъ союзныя войска облегали крѣпость только съ одной стороны, оставляя всѣ другія открытыми. Непріятель, пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ, легко могъ выходить изъ крѣпости для фуражировокъ, и хотя наши казаки имѣли, въ подобныхъ случаяхъ, удачныя стычки съ турками, но это только заставляло ихъ нести безполезныя потери въ людяхъ, не измѣняя къ лучшему положенія дѣла подъ Неготинымъ. Еще менѣе Исаевъ находилъ возможнымъ дѣйствовать противъ Виддина; поэтому онъ намѣренъ

былъ возвратиться въ Краіовъ, гдѣ его отсутствіе держало въ тревогѣ мѣстныхъ жителей.

Продолжать блокаду Неготина, когда шелъ вопросъ о перемиріи между Россіей и Турціей, было также противъ желанія Михельсона. „Держать непріятельскую крѣпость въ блокадѣ, писалъ онъ Исаеву, во время установившагося перемирія, значитъ нарушать самое перемиріе“.

„Къ тому же военное искусство учитъ, что блокада слабѣйшимъ сильнѣйшаго дѣло не выгодное“— и потому Михельсонъ указывалъ на необходимость прекратить блокаду Неготина, и переправить отрядъ Исаева на лѣвый берегъ Дуная, такъ какъ, въ случаѣ неудачнаго хода переговоровъ о перемиріи, Исаевъ по своей малочисленности, могъ быть отрѣзанъ отъ Краіова.

„Съ малымъ своимъ корпусомъ, писалъ Михельсонъ Исаеву, вы имѣли столь похвальные успѣхи, что и требовать больше нельзя“. Но Исаевъ не рѣшился отступить и предать сербовъ на жертву туркамъ.

Для сохраненія внѣшности Михельсонъ совѣтывалъ ему оставить сербамъ пандуровъ и арнаутовъ Ипсилантія, подъ именемъ русскаго войска, а самому съ регулярною пѣхотою и казаками его имени, отступить къ Краіову.

Но такой грубый обманъ казался Исаеву недостойнымъ чести русскаго оружія, и онъ на него также не рѣшился. Михельсонъ, какъ главнокомандующій русскою арміею, имѣлъ прежде всего въ виду ея интересы.

По ходу переговоровъ о перемиріи, онъ зналъ, что назначается 35 дневный срокъ для очищенія нашими войсками Молдавіи и Валахіи. Этого срока было бы недостаточно для отступленія Исаева къ нашимъ границамъ и отрядъ его могъ быть истребленъ турками, не особенно строго исполняющими свои обязательства.

Съ другой стороны, Михельсонъ сознавалъ, что для

чести русскаго оружія, нельзя было оставить на произволъ турокъ, нашихъ союзниковъ сербовъ. Поэтому онъ писалъ Лошкареву [1]) отъ 4 августа: „Нужно что нибудь сдѣлать для сербовъ въ облегченіе мое, чтобъ я безъ стыда намъ, могъ вывести войска. Мнѣ казалось бы: дать подъ рукою почувствовать, что сдѣлавши и тамъ перемиріе, все послѣ останется въ волѣ ихъ (турокъ) поступать какъ благоразсудятъ! Все сіе пишу партикулярно, какъ мысль мою—впрочемъ, поступите по лучшему усмотрѣнію вашему, и я бы радъ былъ, чтобы лучше меня побранили, какъ оставаться безъ отвѣта,— но я къ сему привыкъ“.

Но турки упорно отказывались распространить перемиріе на сербовъ. Отдать же ихъ на жертву не рѣшались ни Лошкаревъ, ни Исаевъ. Михельсонъ тоже не зналъ какъ разрѣшить эту задачу: отстоять сербовъ и избавить Исаева отъ опасности.

Опасенія эти были тѣмъ болѣе основательны, что не смотря на установившіяся уже условія, прекратить во время переговоровъ о перемиріи всякія военныя дѣйствія русскихъ и турецкихъ войскъ, турки напали и разорили двѣ валахскія деревни. Слѣдовательно, вполнѣ можно было ожидать, что непріятель не остановится предъ нападеніемъ на отрядъ Исаева, когда онъ будетъ отступать къ границамъ.

„По крайней мѣрѣ, писалъ Михельсонъ Лошкареву отъ 9 августа, выговорите, чтобы перемиріе было распространено на ту часть Сербіи, гдѣ наши войска находятся, дабы корпусъ Исаева могъ отступить, безъ стыда нашему оружію.

Каково намъ смотрѣть будетъ, если турки, въ глазахъ нашихъ, начнутъ истреблять нашихъ союзниковъ?“

3-го іюля, получено было въ Сербіи первое извѣстіе о началѣ переговоровъ о перемиріи съ турками. Поль-

[1]) Нашему уполномоченному по переговорамъ съ турками.

зуясь этимъ, Исаевъ тотчасъ же отправилъ, 3-го іюля, коменданту Неготина, Гушанцу-Али-пашѣ письмо, намѣреваясь воспользоваться перемиріемъ, чтобы возвратиться въ Краіовъ. Но Гушанца-Али сказалъ посланному, что о перемиріи ничего ни знаетъ, а Миленко Стайковичъ умолялъ Исаева не оставлять сербовъ, тѣмъ болѣе, что онъ получилъ сейчасъ письмо изъ Бѣлграда, отъ тамошняго совѣта, что султанъ уступаетъ Австріи Боснію и Сербію, въ уплату должныхъ имъ Австріи 80 милліоновъ піастровъ. Въ письмѣ этомъ, сильно встревожившемъ всѣхъ сербовъ [1]), было дѣйствительно сказано, что, будто бы, при заключеніи мира между Россіей и Франціей, было постановлено, что султанъ долженъ уступить Австріи Боснію и Сербію, за долгъ въ 80 мил. піастровъ. Миленко, пріѣхавъ къ Исаеву, сказалъ: „мы хотѣли бы лучше имѣть Государемъ одного съ нами закона, россійскаго Императора. Но тому, кто продалъ и кто купилъ насъ, достанется обоимъ; оба не будутъ рады".

Слухъ объ уступкѣ Австріи всей Босніи и Сербіи вызвалъ въ сербахъ напряженную энергію къ своей защитѣ.

Съ пріѣздомъ Чернаго-Георгія на Дрину, дѣла дринской арміи поправились.

Михельсонъ, отъ 19 іюля, доносилъ, что сербы разбили турокъ, шедшихъ изъ Босніи для подкрѣпленія Ушицы; отбили транспортъ съ припасами и везшихъ ихъ на вьюкахъ 400 лошадей и муловъ. Ушица сдалась, гарнизонъ отпущенъ.

Подъ Неготинымъ турки также не имѣли успѣха. Такъ какъ никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій здѣсь предпринять было нельзя, и крѣпость была обложена только съ одной стороны, то продолжать блокаду Исаевъ находилъ безполезнымъ, и потому предложилъ Миленко отступить на болѣе выгодную позицію. „Но Миленко,

[1]) Донесеніе Исаева отъ 19 іюля 1807 г.

съ крайнимъ сожалѣніемъ признался, что какъ скоро мы тронемся съ мѣста, сербскія войска разбѣгутся; въ чемъ, доносилъ Исаевъ, и я былъ почти увѣренъ. Что оставалось мнѣ дѣлать? Отойти, оставивъ ихъ однихъ, я опасался, чтобы многочисленный непріятель не воспользовался симъ и не напалъ на нихъ порознь.

По сей-то причинѣ я остался, хотя и послѣ могъ бы отступить, ибо турки сего только и желаютъ, охотно предлагая перемиріе съ россійскими войсками, а съ сербами не хотятъ его" [1]).

Оставшись подъ Неготинымъ, Исаевъ отправилъ другое письмо, отъ 13 іюля, къ виддинскому Мула-пашѣ, по поводу перемирія. Но паша отвѣчалъ словесно, что не принимаетъ перемирія, пока не получитъ о томъ повелѣнія отъ султана. А между тѣмъ, 19 іюля въ 9 часовъ утра, до 6,000 чел. турецкой конницы, изъ числа прибывшихъ изъ Виддина 12,000 чел., атаковали отрядъ Исаева, подъ Неготинымъ. Атака, главнымъ образомъ, была направлена на кавалерію, которая, по своей малочисленности, не могла дать надлежащаго отпора. Въ помощь ей Исаевъ выслалъ стрѣлковъ Олонецкаго баталіона. Турецкая конница не смѣла нападать на нашу пѣхоту, построенную въ карре. Въ теченіи четырехъ часовъ, виддинскій Мула-паша три раза бросался въ атаку, но всякій разъ былъ отражаемъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, а затѣмъ преслѣдуемъ казаками, арнаутами и хорватами.

Оставивъ на мѣстѣ до 200 тѣлъ, турки, наконецъ, отказались отъ дальнѣйшихъ нападеній [2]). Дѣло окончилось безъ участія сербовъ.

Едва началось дѣло 19 іюля, какъ Миленко прискакалъ къ Исаеву и объявилъ ему, что сербы, не надѣясь удержать свои позиціи, оставляютъ шанцы и бѣ-

---

[1]) Донесеніе генералъ-маіора Исаева отъ 9 августа 1807 г.

[2]) Тоже, отъ 19 іюля 1807 г.

гутъ въ горы. Тогда Исаевъ, опасаясь оставаться съ своимъ отрядомъ противъ 15,000 непріятеля въ Неготинѣ, еще не принявшаго окончательно перемирія, отступилъ, того же 19-го числа, отъ крѣпости и вступилъ на островъ Кербовъ, отправивъ въ Неготинъ къ Мула, или Молла-пашѣ, письмо, съ просьбою прислать кого нибудь для переговоровъ о перемиріи [1]).

Въ отвѣтъ на письмо Исаева Мула-паша требовалъ очищенія острова. Исаевъ отвѣчалъ на это, что еще не получилъ приказанія объ отступленіи. Только 1 августа Исаевъ получилъ отъ Измаилъ-Бея письмо съ увѣдомленіемъ, что извѣстіе о перемиріи съ русскими уже дошло къ нему официальнымъ путемъ, но что перемиріе это не можетъ распространяться на сербовъ, которыхъ онъ называлъ разбойниками.

На это Исаевъ отвѣчалъ, „что русскія воюютъ за одно съ сербами, почему и будутъ отражать нападенія на сихъ послѣднихъ“.

Затѣмъ, 5-го августа, Исаевъ отправилъ къ виддинскому пашѣ штабсъ-капитана Бибикова, съ новою просьбою распространить перемиріе и на сербовъ. Но паша настаивалъ на томъ, „что когда турки придутъ атаковать сербовъ, русскіе бы ихъ не защищали“; на что Исаевъ не согласился.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда французъ Маріажъ, прибывшій въ Виддинъ, объявилъ о начавшихся переговорахъ о перемиріи, и увѣдомилъ объ этомъ, состоявшаго при Георгіи Черномъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтнника Родофиникина. Исаевъ увѣ-

[1]) Извѣстный своими грабежами Пассеванъ, паша виддинскій, умеръ 15 января 1807 г. и былъ замѣщенъ Мула-пашою, который, какъ доносилъ Михельсонъ: „свирѣпостію подобенъ Пассевану“—почему имѣлъ враговъ, въ числѣ которыхъ былъ Мими-паша, „очень благонравный“, съ которымъ Михельсонъ и Миленко были въ сношеніяхъ.

домилъ Маріажа, что веденіе переговоровъ о перемиріи въ верхней Валахіи поручено ему, почему и просилъ его пріѣхать на островъ Кербовъ. 28-го іюля состоялось свиданіе.

Маріажъ, въ качествѣ посредника между турками и русскими, сказалъ, что турки охотно заключаютъ перемиріе, съ русскими; съ сербами же они не хотятъ вступать ни въ какія сношенія.

Исаевъ объявилъ, что онъ можетъ заключить перемиріе, неиначе, какъ распространивъ его и на сербовъ, которыхъ онъ не намѣренъ отдавать на жертву.

Послѣ долгихъ разсужденій, было установлено, чтобы пограничная линія, на правомъ берегу Дуная, содержалась во время перемирія русскими войсками. Было также постановлено, что дунайскій островъ Кербовъ, занятый русскими и 500 сербовъ, останется за ними, но чтобы торговыя турецкія суда могли имѣть по берегамъ его свободное плаваніе по Дунаю; при чемъ русскіе имѣютъ право осматривать эти суда и останавливать ихъ, въ случаѣ, если на нихъ окажутся войска или военные припасы.

Маріажъ увѣрялъ, что миръ между Россіей и Турціей уже заключенъ, и потому онъ надѣется, что Исаевъ выведетъ скоро свой отрядъ изъ Сербіи и Валахіи.

Послѣ трехчасоваго разговора Маріажъ уѣхалъ въ Виддинъ, откуда къ вечеру прибылъ къ Исаеву Рашидъ-эфенди, уполномоченный Измаилъ-Беемъ для переговоровъ, при чемъ турки заявили требованіе, чтобы мысъ острова Кербова, противъ Прагова, былъ, во время перемирія, занятъ турками.

Исаевъ не согласился на это, и въ письмѣ къ Измаилъ-Бею просилъ вести на будущее время переговоры, безъ посредства Маріажа, и вообще французовъ.

„Не знаю какой получу отвѣтъ, доносилъ Исаевъ.

Французы стараются распустить слухъ, что русскіе оставляютъ Сербію, Валахію и Молдавію.

Турки часто разговариваютъ изъ крѣпости съ сербами, находящимися на батареѣ, которая довольно близко. Миленко въ насъ сомнѣвается и вчерашній день у меня напалъ на турокъ, присланныхъ ко мнѣ съ письмомъ. Едва я могъ остановить его. На турецкомъ языкѣ не пощадилъ и меня, говоря, что всѣ сіи переговоры клонятся къ тому, чтобы продать ихъ (сербовъ) [1]).

Отступленіе Исаева отъ Неготина и намѣреніе его слѣдовать къ Краіову чрезвычайно встревожили сербовъ, видѣвшихъ въ этомъ не простую военную необходимость, бывшую слѣдствіемъ ихъ же слабости, но какія-то тайныя намѣренія. Братъ Миленко, занимавшій вмѣстѣ съ Исаевымъ островъ Кербовъ, отрядомъ изъ 500 сербовъ, писалъ отчаянное письмо Миленко-Стойковичу, отъ 19-го августа, въ которомъ просилъ спасти его, такъ какъ Исаевъ уйдетъ и турки уничтожатъ его отрядъ. „Русскіе заключаютъ съ турками миръ, а намъ мира нѣтъ. Это явно, что вся турецкая сила пойдетъ противъ насъ. Днесь мы совсѣмъ пропадаемъ и насъ на разграбленіе туркамъ оставляютъ“.

По поводу того же отступленія доносилъ Родофиникинъ барону Будбергу, отъ 12-го августа, „что оно породило мысль, что Россія сдѣлала это для того, чтобы австрійцы могли вступить въ Сербію и занять ее. Нѣкоторые сербскіе старѣйшины предлагали, чтобы послать по секрету, депутатовъ къ Бонапарте, для принятія сербовъ подъ его покровительство. Къ счастію, сіе было мнѣ тотчасъ донесено и я успѣлъ ниспровергнуть такой злой умыселъ. Посредствомъ денегъ можно здѣсь всѣ умы обратить къ той цѣли, которая будетъ нужна“.

Исаевъ въ разное время отправилъ въ Виддинъ къ Измаилъ-Бею три письма по поводу перемирія, причемъ

---

[1]) Донесеніе генералъ-маіора Исаева отъ 31-го іюля 1807 г.

всякій разъ получалъ отвѣтъ, что онъ охотно заключитъ его съ русскими, а съ сербами не хочетъ имѣть дѣла.

„Французы, какъ мнѣ кажется,—доносилъ Исаевъ,—много мѣшаютъ“.

Въ такомъ положеніи находились переговоры, когда, наконецъ, верховный визирь, заключивъ перемиріе съ русскимъ главнокомандующимъ, приказалъ распространить его и на сербовъ.

27-го августа Исаевъ отступилъ къ Краіову, распространяя слухъ, что идетъ туда только для отдыха, желая этимъ успокоить мѣстныхъ жителей, опасавшихся прихода турокъ. Но, тѣмъ не менѣе, всѣ жители бросили свои жилища и Верхняя Валахія представляла безотрадную картину полнаго опустѣнія. Но если тревожились жители Валахіи, то сербы тѣмъ болѣе имѣли основаній опасаться.

Еще до отступленія Исаева къ Краіову, былъ отправленъ въ главную квартиру дунайской арміи сербскій депутатъ Гагичъ, который подалъ, 28-го августа, генералу Мейндорфу письмо, въ которомъ было сказано: „Народъ сербскій, надѣясь на Россію, за свою и всеобщую пользу христіанскаго народа, съ великими подвигами устремлялся и устремляется противъ враговъ православной вѣры; теперь же на полѣ отчаянія находится“. Болѣе всего тревожила сербовъ неизвѣстность ихъ судьбы по замиреніи. „Это,—сказано далѣе,—заставляетъ насъ въ отчаяніи быти, и просить отвѣта: заслуживаетъ ли народъ сербскій въ отечествѣ своемъ быть подъ покровительствомъ и защищеніемъ Высочайшаго Двора Россійскаго, или вѣчной погибели предается“.

Въ то же время Гагичъ передалъ и слѣдующее письмо отъ сербскаго совѣта:

„Манифестомъ Россіи мы были призваны къ борьбѣ

С. 1500 / 4600

противъ враговъ нашей вѣры, и обѣщалась намъ всякая помощь, покровительство и утвержденіе свободы нашей. До того времени мы боролись съ бунтовщиками турецкими (т. е. пашами); по полученіи же манифеста, начали воевать противъ самаго султана, который устремилъ на насъ поэтому турецкія войска изъ Босніи и Албаніи. Турки собрали также великую силу у Ниша, откуда идетъ на насъ Рашидъ-паша—истребить совсѣмъ родъ нашъ. Въ такое-то время Россія насъ оставила, когда мы нуждаемся и въ порохѣ, и свинцѣ". Далѣе совѣтъ проситъ, чтобы Исаевъ снова соединился съ сербами. Но Исаевъ, какъ уже видѣли, выступилъ къ Краіову 27-го августа.

Опасенія сербовъ за ожидавшую ихъ участь происходили, главнымъ образомъ, отъ незнанія какъ горячо Россія отстаивала ихъ интересы на слободзейскомъ перемиріи, къ разсмотрѣнію котораго теперь и обратимся.

VI.

Отношенія Россіи къ Франціи и Англіи въ 1807 году.—Тильзитскій миръ 27-го іюня 1807 г. и его значеніе для Порты.—Миссія Поццо-ди-Борго.—Слободзейское перемиріе, заключенное съ Турціей.—Разстройство турецкой арміи.

2-го іюня 1807 г. Наполеонъ нанесъ сильное пораженіе русской арміи Бенингсена, при Фридландѣ. Бенингсенъ доказывалъ необходимость заключить перемиріе. Императоръ Александръ пошелъ далѣе и настаивалъ на прекращеніи войны съ Франціей. Дѣйствительно, вести далѣе войну, главнымъ образомъ, для поддержанія интересовъ Пруссіи, не было ни основанія, ни возможности.

Союзники Россіи не могли ей быть полезны. Пруссія находилась въ отчаянномъ положеніи, послѣ понесенныхъ пораженій, и надолго не могла служить внушительной боевой силой. Англія ограничивалась обѣщаніями выставить армію отъ 10 до 12 тысячъ, что въ

борьбѣ съ такимъ противникомъ, какъ Наполеонъ, равнялось нулю.

Ежегодная денежная субсидія въ 2.200,000 фун. стерл., которую Англія обѣщала выдавать союзникамъ, даже не окупала расходовъ войны, тѣмъ болѣе, что сумму эту приходилось дѣлить между Пруссіею и Австріею.

При такихъ условіяхъ продолжать войну съ Наполеономъ, не имѣя союзниковъ и не закончивъ войны съ Турціей, Императоръ Александръ находилъ невозможнымъ.

„Мы потеряли страшное количество офицеровъ и солдатъ,—говорилъ онъ Куракину,—почти всѣ наши генералы, и именно лучшіе, ранены или больны“.

Къ тому же продолжать борьбу было возможно только въ предѣлахъ Россіи, гдѣ съ каждымъ днемъ можно было расчитывать на усиленіе оборонительныхъ средствъ арміи. Но это значило отдать въ распоряженіе Наполеона всю Польшу, и принести Пруссію въ жертву, такъ какъ Наполеонъ рѣшился вычеркнуть эту державу изъ состава европейскихъ государствъ. Сверхъ того, внесеніе войны въ предѣлы Россіи угрожало неизбѣжнымъ раззореніемъ страны, на всемъ пространствѣ военныхъ дѣйствій.

„Бываютъ обстоятельства, — говорилъ Императоръ Александръ,—когда надобно думать, преимущественно, о самомъ себѣ и имѣть въ виду единственно благо государства“.

Россія рѣшилась продолжать борьбу только въ томъ случаѣ, если бы Наполеонъ потребовалъ отъ нея какихъ нибудь территоріальныхъ уступокъ въ пользу Турціи или Польши. Но на такое требованіе расчитывать было нельзя, такъ какъ Наполеонъ самъ тяготился войною. Онъ могъ опасаться за свое продолжительное отсутствіе изъ Франціи, гдѣ, при первой его неудачѣ на войнѣ, могли создаться невыгодныя для

него условія. Онъ помнилъ бой при Прейсишъ-Эйлау, который хотя и провозгласилъ побѣдой, но лучше другихъ понималъ, что такая побѣда можетъ быть принята и за пораженіе. Бенингсенъ также считалъ эйлаусскій бой побѣдой надъ Наполеономъ, и только отступленіе русскихъ войскъ, на другой день сраженія, что вовсе не было вызвано условіями боя, дало Наполеону случай приписать побѣду себѣ.

Даже по случаю фридландскаго пораженія, Наполеонъ, отдавая полную справедливость стойкости русскаго солдата, сказалъ: „какое-то врожденное чувство заставляетъ русскаго солдата, въ случаѣ опасности, скорѣе собираться въ кучу, нежели бѣжать вразбродъ“. Имѣя дѣло съ такимъ противникомъ, нельзя было расчитывать на постоянныя побѣды; къ тому же, Наполеонъ вовсе не былъ подготовленъ для внесенія войны въ предѣлы Россіи,—войны, которая не могла быть ни легкою, ни кратковременною.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, нельзя было ожидать, что Наполеонъ предложитъ Россіи тягостныя условія мира. Оставалось только оградить, насколько возможно, интересы Пруссіи, какъ нашего союзника.

Императоръ Александръ рѣшился настаивать на возвращеніи Наполеономъ всѣхъ занятыхъ французскими войсками прусскихъ владѣній, выставляя это занятіе временнымъ, и потому подлежащимъ возврату по замиреніи. Подобнымъ же образомъ, онъ обѣщалъ возвратить Портѣ занятыя во время войны русскими войсками Молдавію, Валахію и семь іоническихъ острововъ.

Съ такими инструкціями былъ отправленъ для переговоровъ съ Наполеономъ князь Лобановъ-Ростовскій.

Наполеонъ оказалъ ему чрезвычайно ласковый пріемъ. Въ аудіенціи, продолжавшейся пять часовъ, онъ много говорилъ о своемъ глубокомъ уваженіи къ русскому Императору и о личной къ нему симпатіи; охотно соглашался

заключить съ Россіей миръ и даже предложилъ союзъ между Россіей и Франціей.

Зная, что кромѣ Россіи никто въ Европѣ не могъ противиться его завоевательнымъ стремленіямъ, Наполеонъ, въ особенности, настаивалъ на союзѣ съ Россіей, естественно предпочитая видѣть въ Императорѣ Александрѣ, вмѣсто могущественнаго врага, сильнаго союзника.

Но Императоръ Александръ желалъ только мира, хорошо понимая, для какихъ цѣлей Наполеонъ предлагалъ союзъ. Для болѣе скораго веденія переговоровъ, оба Императора условились съѣхаться въ Тильзитѣ, гдѣ Наполеонъ расточалъ передъ Императоромъ Александромъ самую утонченную любезность, расчитывая увлечь его обѣщаніями, отъ которыхъ потомъ могъ легко отказаться. Болѣе всего предстояло разногласій по вопросу о Пруссіи.

Наполеонъ хотѣлъ отнять отъ нея Силезію и всѣ нѣмецкія земли, съ цѣлью вознаградить ими своихъ сторонниковъ, мелкихъ владѣтельныхъ князей въ Германіи, и создать, значительно увеличенное, въ территоріальномъ отношеніи, Саксонское королевство, для своего брата Іеронима.

Чтобы побудить Императора Александра согласиться на это, онъ предлагалъ ему часть Восточной Пруссіи до Вислы, и всѣ польскія земли, принадлежавшія Пруссіи, вмѣстѣ съ титуломъ короля Польши. Но Императоръ Александръ рѣшительно отклонилъ предложеніе о раздѣлѣ Пруссіи, которая, только поэтому, сохранила свои владѣнія между Нѣманомъ и Эльбой, и въ особенности Силезію, которую Наполеонъ хотѣлъ присоединить къ Саксоніи. Только нѣкоторыя польскія области Пруссіи, подъ именемъ герцогства Варшавскаго, отошли къ Саксоніи, а изъ прусскихъ владѣній за Эльбою образовано новое Вестфальское королевство, для Іеронима Бонапарте.

Такъ какъ Пруссія не могла не сознавать, что не перестала быть государствомъ только благодаря настояніямъ Россіи, то Наполеонъ, имѣя въ виду создать, на будущее время, предлогъ для неудовольствій между Россіей и Пруссіей, предложилъ Императору Александру взять отъ Пруссіи, по крайней мѣрѣ, полосу земли отъ устья Нѣмана до границъ Курляндіи, съ городомъ Мемелемъ.

Но и это предложеніе было отклонено, и Императоръ Александръ согласился только присоединить къ владѣніямъ Россіи Бѣлостокскую область, какъ потому, что иначе она отошла бы къ Саксоніи, такъ и для вознагражденія своихъ потерь въ войнѣ, которая велась, главнымъ образомъ, въ интересахъ Пруссіи.

27-го іюня 1807 г. тильзитскій миръ былъ окончательно ратификованъ.

Одною изъ существенныхъ статей тильзитскаго договора, по отношенію къ Россіи, было предложеніе Наполеона принять на себя посредничество въ окончаніи войны между Россіей и Портой. Если же Турція не приметъ этого посредничества, или принявъ его, не заключитъ мира черезъ три мѣсяца, то Наполеонъ предлагалъ Россіи союзъ, съ цѣлью уничтоженія турецкаго владычества въ Европѣ, оставивъ неприкосновенными только Румелію и Константинополь.

Въ рескриптѣ къ генералу Михельсону отъ 15 іюня изъ Тильзита, Императоръ Александръ писалъ: „По сихъ поръ положено на мѣрѣ, чтобы на первый случай пресѣчь военныя дѣйствія въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, впредь до сближенія между нами и Портою; на каковой конецъ и отправленъ сей курьеръ (Гильемино) отъ главы французскаго правительства, дабы пригласить султана и, съ своей стороны, пріостановить военныя операціи.

„Дабы исполнить обѣщанное мною, предписываю вамъ

съ полученія сего рескрипта, воздержаться отъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій противу турецкихъ войскъ, сохраняя, однако-же, позиціи, нынѣ вами занимаемыя. Самимъ собою разумѣется, что ежели-бы турки, до полученія надлежащаго отъ правительства своего предписанія, продолжать стали дѣйствовать противъ васъ вооруженною рукою, тогда и вы должны принять всѣ нужныя мѣры, дабы защитить себя, не отдавая, отнюдь, поверхности непріятелю. Предписаніе сіе, равнымъ образомъ, относится и до корпуса генералъ-маіора Исаева, отряженнаго для совокупнаго дѣйствованія съ сербами. Вице-адмиралу Сенявину дано повелѣніе точно въ семъ же смыслѣ“ [1]).

Условія тильзитскаго мира были подписаны уполномоченными Россіи и Франціи, княземъ Лабановымъ-Ростовскимъ и виконтомъ де-Невшатель, 21-го іюня 1807 г. Самый миръ былъ подписанъ 25, а ратификація его послѣдовала $\frac{\text{27-го іюня}}{\text{9-го іюля}}$ 1807 года.

Тильзитскій миръ состоялъ изъ 28 пунктовъ [2]), изъ которыхъ, по отношенію къ Турціи и Англіи имѣли значеніе слѣдующіе изъ нихъ.

По § 3. Всѣ военныя суда, принадлежащія той или другой изъ договаривающихся сторонъ, или ихъ подданнымъ, взятыя послѣ подписанія мира, возвращаются по принадлежности, а въ случаѣ ихъ продажи—возвращается ихъ стоимость.

§ 13. Его Величество Императоръ Наполеонъ принимаетъ посредничество Е. В. Императора Всероссійскаго, относительно веденія переговоровъ и заключенія мира между Англіей и Франціей, въ предположеніи, что означенное посредничество будетъ также принято

---

[1]) В. Уч. Арх. № 1349.

[2]) Campagnes Turquie. Michelson. 1807. Rescrits. Extrait de trafté de paix. Tilsit (25 Juin 7 Juillet) 1807. Гл. Арх. М. И. Д.

Англіей, спустя не болѣе мѣсяца, по размѣнѣ ратификацій тильзитскаго мира.

§ 14. Съ своей стороны, Е. В. Императоръ Всероссійскій, въ желаніи доказать, въ какой мѣрѣ онъ желаетъ установить наилучшія и прочныя отношенія между обѣими Имперіями, признаетъ Его В. Короля Неаполитанскаго Іосифа Наполеона, и Е. В. Короля Голландскаго Людовика Наполеона.

§ 15. Его В. Императоръ Всероссійскій признаетъ, равнымъ образомъ, Рейнскій союзъ и нынѣшнія владѣнія каждаго изъ владѣтелей (Souverains), его составляющихъ, равно какъ и титулы, дарованные многимъ изъ нихъ.

§ 17. Настоящій мирный трактатъ распространяется и на ихъ Величества королей Неаполя и Голландіи и на владѣтелей, входящихъ въ составъ Рейнскаго союза, какъ союзниковъ Е. В. Им. Наполеона.

§ 18. Е. В. И. Всероссійскій признаетъ также Его Выс. принца Жерома Наполеона королемъ Вестфаліи.

§ 22. Россійскія войска удалятся изъ Валахіи и Молдавіи, но означенныя провинціи не могутъ быть заняты турецкими войсками, впредь до размѣна ратификацій будущаго, окончательнаго, между Россіей и Оттоманской Портой мира.

§ 23. Е. И. В. Имп. Всерос. принимаетъ посредничество Е. В. Императора Франціи и Короля Италіи, относительно веденія переговоровъ по заключенію мира, почетнаго и выгоднаго (avantageuse et honorable) для обѣихъ Имперій“.

Сообщая объ этомъ Михельсону, Императоръ, рескриптомъ 28-го іюня 1807 г., увѣдомляетъ его: „Между мною и Имп. Наполеономъ условлено, что войска наши очистятъ княжества только: 1) когда Турція приметъ посредничество Франціи, 2) назначитъ полномочныхъ для переговоровъ объ окончательномъ мирѣ и 3) во все

время веденія переговоровъ не станетъ занимать княжества, и, немедленно, выведетъ свои войска изъ Валахіи“ [1]). Полковникъ Гильемино былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отправленъ въ Турцію содѣйствовать переговорамъ.

Гильемино, вмѣстѣ съ русскимъ офицеромъ, назначеннымъ для этого Михельсономъ, вручилъ визирю, находившемуся въ Силистріи, свои полномочія, а русскій офицеръ передалъ визирю письмо Михельсона, по поводу предстоящаго перемирія. Визирь отвѣчалъ Михельсону, что ему извѣстно о перемиріи, заключенномъ между Россіей и Франціей, и о желаніи русскихъ установить перемиріе съ Портой; но что онъ своею властью не можетъ ничего рѣшить, а отправилъ нарочнаго къ султану, и ожидаетъ отвѣта дней черезъ пять.

Для веденія переговоровъ о перемиріи султанъ назначилъ Гулибъ-эфенди, бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ Порты, который теперь былъ хранителемъ государственной печати. Со стороны Россіи уполномоченъ былъ тайный совѣтникъ Лошкаревъ, которому Михельсонъ, предписаніемъ отъ 19-го іюля, указывалъ, что въ основаніе переговоровъ о перемиріи нужно постановить обязательство, для обѣихъ сторонъ, очистить занимаемыя ими крѣпости. Но, сказано въ этомъ предписаніи, „турки, можетъ быть, на сіе не согласятся; то желательно по крайней мѣрѣ, чтобы обѣ дѣйствующія арміи, оставаясь въ недѣйствіи, приняли-бы приличнѣйшія обстоятельствамъ позиціи, а именно: чтобы войска Мустафы-паши отступили отъ рѣки Аржиса, въ границы Журжинской округи; а мы не будемъ переходить Аржиса, облегчимъ Измаилъ отъ блокады, и отступимъ съ войсками нашими къ урочищу Тобаку“.

Перемиріе должно быть распространено и на сербовъ, гдѣ также слѣдовало установить демаркаціонную линію.

Въ письмѣ къ Михельсону отъ 22-го іюля, визирь

[1]) В. Уч. Арх. № 1349.

просилъ о скорѣйшемъ прибытіи Лошкарева, такъ какъ Гулибъ-эфенди уже 15 дней ожидаетъ въ Слободзеѣ его пріѣзда. Наконецъ, 31-го іюля, Лошкаревъ прибылъ въ Слободзею, мѣстечко, лежащее въ двухъ верстахъ выше Журжи противъ Рущука.

Лошкаревъ, отправляясь въ Слободзею, не получилъ никакихъ новыхъ инструкцій, такъ какъ ему были извѣстны общія основанія, на которыхъ должны вестись переговоры. Основанія эти были намѣчены еще въ мартѣ 1807 года, когда полагалось возможнымъ расчитывать на готовность Порты заключить миръ при посредствѣ англійскаго посла въ Константинополѣ, Арбутнота. Съ этою цѣлью, къ эскадрѣ Сенявина въ Средиземномъ морѣ, былъ отправленъ Поццо-ди-Борго, съ тѣмъ, чтобы онъ, пользуясь случаемъ, вступилъ въ сношеніе съ капитанъ-пашею, командовавшимъ морскими силами Порты на водахъ Архипелага, и высказалъ ему готовность Россіи вступить въ переговоры о мирѣ. Кромѣ капитана-паши, Поццо-ди-Борго долженъ былъ снестись съ визиремъ и съ Арбутнотомъ, для чего ему и было выдано, отъ 11-го марта 1807 г., уполномочіе вести переговоры съ тѣмъ лицомъ, „кому поручитъ султанъ“.

Въ инструкціи, данной по этому поводу Поццо-ди-Борго, отъ 7-го марта [1]), требовалось удаленіе изъ Константинополя Себастіани и всѣхъ французовъ, живущихъ въ Турціи. Въ § 5, по отношенію къ Сербіи сказано: „Особый интересъ, который мы имѣемъ къ этой націи, какъ по равенству религіи, такъ и для того, чтобы не обмануть довѣрія и преданности, всегда ею намъ оказываемой, не дозволяетъ намъ предать ея въ полное распоряженіе правительства, тѣмъ болѣе свирѣпаго (terrible), чѣмъ болѣе оно слабо, разстроено и которое, вслѣдствіе того, не будетъ знать границъ своимъ ненависти и преслѣдованію. Однако, если вы встрѣтите

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Campagnes Turquie. 1807 г. Pozzo-di- Borgo.

слишкомъ большое сопротивленіе со стороны турецкихъ уполномоченныхъ подписать этотъ пунктъ, и если, въ то же время, вы изыщите такое средство, чтобы не предавать этихъ храбрыхъ сербовъ на жертву, то согласитесь все устроить такъ, чтобы мы могли сохранить съ этимъ народомъ связи, съ помощію которыхъ мы могли-бы снова на него расчитывать, если обстоятельства того потребуютъ".

§ 6. Относительно Молдавіи, требовалось, чтобы Порта дозволила имѣть отъ 4—5 тыс., или даже только отъ $1^1/_2$ до 3 тысячъ чел. войска, для обезпеченія своихъ границъ отъ турецкихъ шаекъ, приходящихъ для грабежей, $^3/_4$ расходовъ на содержаніе этихъ войскъ относится на счетъ княжества.

25-го апрѣля 1807 г. Будбергъ писалъ Поццо-ди-Борго: „я убѣжденъ, что вы употребите всѣ усилія выговорить въ пользу сербовъ все, что только возможно. Было-бы крайне желательно образовать изъ Сербіи княжество, по образцу Молдавіи и Валахіи, которое платило-бы Портѣ дань, но состояло-бы подъ покровительствомъ Россіи, а если нужно и Англіи. Настаивая на этомъ желаніи нашего Высочайшаго двора, Сербія должна управляться княземъ, свободно избираемымъ народомъ, пожизненно, и утверждаемымъ султаномъ. Императоръ, я повторяю вамъ, не имѣетъ въ виду никакихъ пріобрѣтеній отъ Турціи, но требуетъ установленія мира на основаніи уже существующихъ трактатовъ съ Турціей. Поэтому, трактаты 1791 и 1802 г.г. получаютъ полную силу, относительно Молдавіи и Валахіи. Князь Ипсилантій назначается господаремъ Валахіи на 7 лѣтъ, считая отъ подписанія условій; что-же касается до Мурузи, то рѣшено, что онъ не можетъ болѣе быть господаремъ Молдавіи, и Турція можетъ назначить въ Яссы князя Каллимаки, бывшаго тамъ до войны, и назначеннаго Портой, вмѣсто Мурузи" [1]).

---

[1]) Тамъ-же.

Хотя сношенія Поццо-ди-Борго не привели ни къ какому результату, да иначе и быть не могло, такъ какъ онъ требовалъ, прежде всего, удаленія французовъ и Себастіани, по указаніямъ котораго собственно и дѣйствовалъ турецкій диванъ; тѣмъ не менѣе общія основанія мира съ Турціей остались тѣ же, и Лошкаревъ долженъ былъ ихъ имѣть въ виду. 31-го августа Лошкаревъ прибылъ въ Слободзею, гдѣ его дожидались уже Гулибъ-эфенди и полковникъ Гильемино. Тотчасъ по пріѣздѣ, Лошкаревъ послалъ сказать Гильемино, что желаетъ его видѣть. Гильемино не замедлилъ сдѣлать частный визитъ, и между ними послѣдовалъ слѣдующій разговоръ [1]).

— Вамъ извѣстны, сказалъ Гильемино, пункты мирнаго договора между Россіей и Франціей, однимъ изъ коихъ Имп. Наполеонъ обѣщалъ быть посредникомъ между Россіей и Портою и стараться употребить все, что можно, къ соглашенію ихъ.

Лошкаревъ отвѣчалъ утвердительно и прибавилъ:

— Если Порта переправитъ свои войска за Дунай, то и мы также перейдемъ за Днѣстръ и оставимъ оба княжества.

— Но они уже до перемирія перешли Дунай и не захотятъ перейти его обратно.

— Но въ Браиловѣ и Журжѣ останутся-ли турецкіе гарнизоны?

— Конечно, отвѣчалъ Гильемино,—вѣдь ваши войска не занимаютъ этихъ пунктовъ.

— Это такъ. Но я васъ увѣряю, что тогда эти гарнизоны, не смотря на договоръ, будутъ нападать на окрестныя селенія, жечь дома и грабить жителей; и можете-ли вы отвѣчать, что они не войдутъ въ Бухарестъ, чтобы

---

[1]) Лошкаревъ Михельсону отъ 31-го августа 1807 г. Гл. Арх. М. И. Д.

наказать, яко-бы, преступниковъ и измѣнниковъ ихъ правленію?

— О! они этого дѣлать не будутъ, наивно возразилъ Гильемино. Когда постановлены какіе либо договоры, то съ обѣихъ сторонъ посылаются строгія приказанія къ начальникамъ войскъ о сохраненіи и соблюденіи условленныхъ пунктовъ.

— Я Турцію знаю давно, отвѣчалъ Лошкаревъ, и увѣряю васъ, что не смотря ни на какія повелѣнія, все, что я говорю, турки будутъ дѣлать; мы-же, находясь за Днѣстромъ, будемъ слишкомъ отдалены, чтобы узнавать о томъ и давать извѣстія турецкому начальству.

— Однако, они столько-же будутъ отдалены отъ Яссъ, какъ вы отъ Бухареста.

Лошкаревъ замѣтилъ, что когда турки выйдутъ изъ Браилова, Журжи и Измаила, необходимо оставить противъ этихъ мѣстъ наши небольшіе отряды, для наблюденія за этими крѣпостями.

— Я полагаю, что мы согласимъ на это турокъ.

Затѣмъ Лошкаревъ прибавилъ:

— Я удивляюсь, что султанъ назначилъ уже и господарей въ княжества, тогда какъ оба княжества еще въ нашихъ рукахъ, и не извѣстно будутъ-ли они имъ (туркамъ) принадлежать.

— Конечно это не прилично, отвѣчалъ Гильемино; однако турки надѣются получить ихъ обратно.

При окончаніи свиданія, Гильемино подтвердилъ свою полную готовность содѣйствовать сближенію Россіи съ Турціей и выйдя отъ Лошкарева, тотчасъ-же, отправился къ турецкому уполномоченному, а потомъ уѣхалъ въ Рущукъ къ бывшему господарю Суццо, которымъ и передалъ всѣ подробности своего разговора съ Лошкаревымъ.

На другой день, 1-го августа, турецкій уполномоченный былъ у Лошкарева съ визитомъ и, въ тотъ же день, была назначена первая аудіенція.

Гулибъ-эфенди соглашался перевести турецкія войска за Дунай, исключая небольшой части войскъ рущукскаго сераскира, которыя останутся въ Слободзеѣ, гдѣ находится дворецъ этого паши.

— Однако, сказалъ Гулибъ-эфенди, вы также должны вывести ваши войска изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ они теперь находятся.

— Вы должны, отвѣчалъ Лошкаревъ, трогаться сперва, потому что вы не такъ скоро выходы ваши дѣлаете, какъ мы. У насъ, по приказанію начальства, въ три дня войско бываетъ готово къ выступленію, и пойдетъ прямо къ Днѣстру.

— Посмотримъ, кто изъ насъ проворнѣе, смѣясь замѣтилъ Гулибъ-эфенди.

На вечерней конференціи, вопросъ коснулся сербовъ.

— Войска ваши, сказалъ турецкій уполномоченный, непремѣнно должны быть выведены изъ Сербіи, такъ какъ сербы, неоднократно, оказались измѣнниками султану и воевали противъ него; брали города и убивали турецкихъ начальниковъ. Мы ихъ не считаемъ ни за валаховъ, ни за молдаванъ, а за супостатовъ, и они не должны быть помѣщены въ перемиріи.

— Вездѣ, отвѣчалъ Лошкаревъ, гдѣ россійскія войска находятся, перемиріе должно дѣйствовать въ равной силѣ.

— Его Вел. султанъ и визирь на это никакъ согласиться не могутъ. Неужели-же, если приказано будетъ туркамъ вступить въ Сербію, и истребить этихъ измѣнниковъ сербовъ, ваши войска станутъ вмѣшиваться въ это дѣло?

— На это я вамъ отвѣчать не могу, что изъ того выйдетъ и вы можете подождать, пока я получу на это отвѣтъ.

— Неужели-же изъ-за этого опять выйдетъ война?

— И того я не могу сказать, но это очень-бы непріятно было.

Послѣ этого разговора, обратились съ вопросомъ къ Гильемино, который сказалъ, что по его мнѣнію, перемиріе слѣдуетъ распространить и на сербовъ.

„Положено на томъ, чтобы каждый, по сему предмету, снесся съ своимъ главнокомандующимъ или съ визиремъ. Турки не считаютъ сербовъ ни за молдаванъ, ни за валаховъ, а за супостатовъ, которые не должны быть помѣщены въ перемиріе", доносилъ Лошкаревъ [1]).

На конференціи 3-го августа было постановлено, что послѣ ратификаціи перемирія, русскія войска очистятъ Молдавію и Валахію и перейдутъ за Днѣстръ, а турецкія за Дунай. Для этихъ передвиженій назначался 3-хъ дневный срокъ. Отступленіе должны начать, съ обѣихъ сторонъ, передовыя войска. Во второмъ пунктѣ договора было сказано: „если миръ и не состоится, то все же, однако, перемиріе должно продолжаться до 3-го апрѣля 1808 года" [2]).

Подписывая это условіе Лошкаревъ бралъ на себя большую отвѣтственность; но онъ не имѣлъ никакихъ инструкцій ни изъ Петербурга, ни отъ главнокомандующаго. „Хотя бы побранили, доносилъ онъ Михельсону, который настаивалъ только на включеніе сербовъ въ перемиріе. Но, писалъ Лошкаревъ, статья о сербахъ представляетъ большія затрудненія".

На третьей конференціи, 7 августа, произошли довольно крупныя пререканія между обоими уполномоченными. Лошкаревъ просилъ Гулибъ-Эфенди испросить у визиря разрѣшенія вывести изъ Сербіи турецкія войска, до назначенія полномочныхъ для переговоровъ о мирѣ.

---

[1]) Лошкаревъ Михельсону, отъ 1-го августа 1807 г. Гл. Арх. М. И. Д.

[2]) Его же, отъ 4-го августа 1807 г. Тамъ-же.

Но Гулибъ-эфенди на это не согласился и отвѣчалъ: „что сербы бунтовщики, и Россія не имѣетъ никакого права вмѣшиваться въ ихъ дѣла“. При этомъ турецкій уполномоченный далъ замѣтить, что ежели русскія войска хотятъ, то могутъ начать въ Сербіи новую войну, но что турки намѣрены бить и наказать сербовъ, для чего туда было выслано 6,000 новыхъ войскъ, съ Измаилъ-беемъ [1]).

На замѣчанія Лошкарева относительно невозможности для отряда Исаева перейти границу Россіи, въ 35-ти дневный срокъ по замиреніи, Гулибъ-эфенди отвѣчалъ, что нѣкоторое промедленіе будетъ признано Портой, что отрядъ Исаева нигдѣ не подвергнется никакому нападенію, и что 35 дневный срокъ не распространяется на эвакуацію больныхъ, такъ какъ они не могли бы выдержать усиленныхъ передвиженій. Эти соглашенія послѣдовали на послѣдней конференціи, 12-го августа, когда обѣ стороны подписали слѣдующія условія перемирія:

1) Прекратить военныя дѣйствія на морѣ и на сухомъ пути.

2) Въ случаѣ не состоянія мира, военнымъ дѣйствіямъ начаться не прежде 3-го апрѣля будущаго 1808 года.

3) Россійскія войска обязаны очистить всѣ занятыя ими земли и крѣпости, принадлежащія Портѣ, въ теченіи 35-ти дней, считая со дня подписанія перемирія. Вся артиллерія и военные снаряды, находившіеся въ занятыхъ областяхъ и крѣпостяхъ, до вступленія Россійскихъ войскъ, будутъ оставлены туркамъ, которые равномѣрно выступятъ изъ Молдавіи и Валахіи, оставя достаточные гарнизоны въ крѣпостяхъ Измаилѣ и Браиловѣ. Договаривающимся сторонамъ не вмѣшиваться въ правленіе княжествъ, до прибытія чиновниковъ, на-

---

[1]) Лошкаревъ отъ 8-го августа 1807 г. Michelson. 1807. М. И. Д.

значенныхъ къ мирнымъ переговорамъ (т. е. къ переговорамъ о самомъ мирѣ). Туркамъ не занимать крѣпостей, очищенныхъ русскими войсками.

4) Россійскимъ войскамъ очистить островъ Тенедосъ.

5) Дунайской флотиліи возвратиться въ свои Порты.

6) Размѣнъ плѣнныхъ произвести безъ всякаго выкупа, и возвратить военные и купеческіе корабли, взятые во время войны, одною державою у другой.

Эти условія подписаны Лошкаревымъ, Гулибъ-эфенди и французскимъ полковникомъ Гильемино [1]).

Такимъ образомъ, перемиріе не было распространено на сербовъ, о которыхъ составлена была особая статья, въ силу которой военныя дѣйствія противъ сербовъ пріостанавливаются только около Виддина и Фетислама (Кладово), при томъ временно, именно, до пріѣзда полномочныхъ для заключенія мира.

Какъ можно видѣть, условія эти никакъ не соотвѣтствовали успѣхамъ, одержаннымъ русскими войсками, и сводились во всемъ въ пользу турокъ. Къ сожалѣнію, черезъ семь дней по ихъ подписаніи, именно *19-го августа,* умеръ Михельсонъ, побѣды котораго не дали, такимъ образомъ, никакихъ результатовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если-бы не тяжкая болѣзнь Михельсона, которою онъ страдалъ во все время слободзейскихъ переговоровъ, то онъ никогда не утвердилъ-бы условій, при составленіи которыхъ Лошкаревъ далеко не обнаружилъ тѣхъ способностей, какими отличался въ эпоху дипломатическихъ переговоровъ, веденныхъ имъ по ясскому миру 1791 года.

Тѣмъ не менѣе, онъ считалъ свою задачу удачно выполненною.

„Я всегда надѣялся, писалъ онъ А. Я. Будбергу отъ 12-го августа, получить дополнительныя наставленія в.

---

[1]) Приложеніе № 16.

высокопрев., между тѣмъ, пока переговоры продолжаются, однако не видя оныхъ, долженъ былъ, наконецъ, заключить перемиріе". Отъ того-же 12-го августа, Лошкаревъ доносилъ генералу Михельсону: „Слава Богу, что и такъ удалось кончить. Если-бы одному быть съ туркомъ, то конечно, лучше-бы было: няньку же имѣть трудно" [1]).

Названіе няньки относилось къ полковнику Гильемино, который во все время слободзейскихъ переговоровъ разыгрывалъ комедію. Только впослѣдствіи оказалось, что Гильемино имѣлъ при себѣ секретаремъ нѣкоего le Doux, который родился въ Москвѣ, прежде жилъ въ Россіи, потомъ былъ консуломъ въ Бухарестѣ и зналъ отлично русскій языкъ. Притворяясь ничего не понимающимъ по русски, онъ свободно выслушивалъ все, о чемъ Лошкаревъ говорилъ съ своимъ сыномъ, также присутствовавшимъ на переговорахъ. Понятно, поэтому, какимъ драгоцѣннымъ посредникомъ служилъ онъ для турокъ [2]).

Этимъ же обстоятельствомъ объясняется и то упорство, съ которымъ турецкіе уполномоченные противились всякой уступкѣ требованіямъ Лошкарева. Изъ разговоровъ его съ сыномъ они узнали, что Россія очень нуждается въ мирѣ, и потому противились всякой сдѣлкѣ. Лошкареву приходилось только отказываться отъ своихъ требованій. Такъ, онъ согласился на очищеніе нашими войсками княжествъ, тогда какъ еще 3-го августа онъ доносилъ Императору: „Турецкіе уполномоченные требуютъ прежде всего возвращенія обоихъ княжествъ еще до постановленія мира". Это требованіе было внушено, какъ полагалъ Лошкаревъ, смѣненными господа-

---

[1]) Michelson. 1807 г. Гл. Арх. М. И. Д.

[2]) Дѣло Воен. Учен. Арх. № 1,346 и письмо Прозоровскаго гр. Румянцеву, отъ 8-го октября 1807 г. Гл. Арх. М. И. Д.

рями, родственники которыхъ были въ числѣ турецкихъ полномочныхъ. Обоимъ господарямъ хотѣлось снова вступить въ правленіе „для обогащенія себя и разоренія бѣдныхъ жителей, а также и для доноса на нѣкорыхъ бояръ“.

Упомянувъ о богатствѣ княжествъ и о тяжеломъ ихъ положеніи подъ гнетомъ Турціи,—„которая пользуется произведеніями и изобиліемъ сихъ земель, въ ущербъ бѣдныхъ христіанъ, обитателей оныхъ“,—Лошкаревъ высказываетъ свое убѣжденіе, что—„такія земли достойны быть подъ миролюбивымъ и благодѣтельнымъ скипетромъ вашимъ и служить къ пользѣ благодѣйствующей подъ онымъ Россіи. Вѣра ихъ и, можно сказать, почти единоплеменство съ нами оживляютъ въ нихъ еще болѣе желаніе составлять часть обширной Имперіи Вашей. Всѣ жители имѣютъ мысли и взоры, обращенные къ Вамъ, Государь, и явно оказываютъ сіе ихъ единственное желаніе, смѣю сказать, даже и надѣются въ томъ, видя явную гибель и раззореніе, которыя они должны будутъ претерпѣвать, возвратясь опять къ Турціи“ [1]).

Отсутствіе всякой настойчивости въ Лошкаревѣ внушало туркамъ мысль о слабости Россіи, тогда какъ именно, въ это время, турція была слабѣе, чѣмъ когда нибудь.

Едва стало извѣстнымъ о мирныхъ переговорахъ между русскими и турецкими уполномоченными, какъ турецкая армія начала распадаться.

Янычары требовали распущенія по домамъ.

Командовавшій ими янычаръ Ага, не соглашаясь на распущеніе, удержалъ, кстати, въ свою пользу, присланное для раздачи янычарамъ жалованье, что вызвало бунтъ и Ага былъ убитъ.

Равнымъ образомъ возникло несогласіе между верховнымъ визиремъ и Мустафой Байрактаромъ рущукскимъ,

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Michelson, 1807 г.

котораго визирь обвинялъ въ измѣнѣ, въ расчетѣ снять съ себя отвѣтственность за пораженіе при Обилешти, и неудачный исходъ наступленія, съ цѣлью овладѣть Бухарестомъ.

Новый султанъ Селимъ приказалъ визирю отрубить Мустафѣ голову. Но послѣдній стоялъ въ Коени, во главѣ сильной арміи, и могъ съ нею постоять за себя.

Визирь прибѣгнулъ къ хитрости. Въ іюлѣ онъ пригласилъ Мустафу-пашу съѣхаться съ нимъ, для личныхъ переговоровъ въ Рущукѣ. Но Мустафа отвѣчалъ, что ему еще не надоѣло носить на плечахъ свою голову.

Эти взаимныя враждебныя отношенія между предводителями двухъ турецкихъ армій не могли-бы не отразиться на ходѣ переговоровъ о перемиріи, если-бы Лошкаревъ стоялъ на высотѣ своей задачи. Въ визирской арміи подъ Силистріей насчитывалось подъ ружьемъ не болѣе 30.000 ч., которые, каждый день, дезертировали сотнями. Такіе же побѣги обнаруживались и въ арміи Мустафы Байрактара, при Коени, гдѣ у него въ концѣ іюля находилось не болѣе 7,000 пѣхоты и 12,000 конныхъ войскъ.

Повторяемъ, что къ концу іюля, т. е. ко времени открытія переговоровъ въ Слободзеѣ, турецкая армія находилась въ худшемъ, чѣмъ когда либо, положеніи.

Но временно командующій арміею, генералъ Мейндорфъ, ратификовалъ условія слободзейскаго перемирія и отправилъ ихъ въ Петербургъ, какъ принятыя основанія мира.

„Я теперь какъ будто въ обморокѣ, не имѣя никакихъ извѣстій изъ С.-Петербурга“, доносилъ Лошкаревъ отъ 15-го августа Мейндорфу.

Въ С.-Петербургѣ же взглянули крайне неодобрительно на слободзейское перемиріе, которое скорѣе являлось результатомъ пораженія, чѣмъ одержанной побѣды.

Въ особенности возбудили неудовольствіе Государя статьи о невключеніи сербовъ въ перемиріе, обязательство не начинать военныхъ дѣйствій ранѣе 3-го апрѣля 1808 года, и возвратъ взятыхъ у турокъ кораблей, которые, какъ знамена и пушки, составляли военные трофеи, и ни въ какомъ случаѣ возврату не подлежали.

Да и самое положеніе дѣлъ обѣихъ сторонъ давало Россіи право выговорить совершенно иныя условія. Въ то время, какъ турецкая армія почти разбѣжалась, а главные ея начальники враждовали другъ съ другомъ, наша армія, одержавъ столько блистательныхъ побѣдъ, прочно занимала всю непріятельскую страну до Дуная, а въ Могилевѣ на Днѣстрѣ стояли уже готовыя на усиленіе молдавской арміи новыя значительныя силы, прибывшія изъ Россіи.

Дѣйствительно, 9-го сентября прибылъ съ Дона въ Могилевъ генералъ-лейтенантъ Платовъ, съ 15 полками донскихъ казаковъ и 2 полками оренбургскихъ казачьихъ войскъ. Туда же, къ 15-му августа, прибыла вся 16 дивизія изъ Кіева, въ составѣ до 12,000 чел., и еще ожидалась одна дивизія, въ томъ же составѣ.

При такихъ условіяхъ вы могли *требовать*, а не *принимать* условія.

Между тѣмъ, Мейндорфъ, на другой же день по ратификаціи договора, распорядился, чтобы войска наши начали очищеніе занимаемыхъ ими мѣстъ расположенія. 23-го августа, онъ приказалъ Дюку-де-Ришелье переправиться съ 13 пѣхотною дивизіею за Днѣстръ у Паланки и Бендеръ, и вступить въ Херсонскую губернію.

Въ тотъ же день приказано было генералу Ланжерону, оставшемуся съ частью войскъ подъ Измаиломъ, срыть всѣ возведенныя подъ этою крѣпостью русскими войсками земляныя укрѣпленія, распустить милицію и отправить всѣ тяжести 11 и 12 дивизій къ Дубосарамъ, куда эти дивизіи предполагалось направить отъ Изма-

ила. Затѣмъ, 29-го августа, Мейндорфъ приказалъ отступить отъ Измаила и расположить 11 и 12 дивизіи около Бобиле, а 13 дивизію къ сторонѣ Софіана и Котлобуга.

Галацкую флотилію велѣно отправить къ устьямъ Дуная, чтобы, забравъ тамъ усть-дунайскія войска, отвезти ихъ въ Одессу.

Сдѣлавъ общія распоряженія касательно очищенія Молдавіи, Валахіи, Мейндорфъ, кажется, самъ догадался, что слишкомъ поторопился. Съ одной стороны, условія перемирія еще не были утверждены въ Петербургѣ; на окончательное же заключеніе ихъ Мейндорфъ не имѣлъ права, такъ какъ не былъ уполномоченъ для веденія переговоровъ. А между тѣмъ, ничто не ручалось, что турки, съ своей стороны, исполнятъ условія слободзейскаго договора, и очистятъ на основаніи его всѣ пункты по Дунаю.

Къ тому-же, въ дѣлахъ штаба арміи Михельсона, находилась копія съ донесенія его Императору, отъ 5-го августа, въ которомъ говорилось о невозможности выводить наши войска изъ княжествъ. Это донесеніе Михельсона было послѣднимъ, такъ какъ, начиная съ 10-го августа, онъ, въ теченіи девяти дней, до самой своей смерти, былъ въ безпамятствѣ.

Вполнѣ соглашаясь съ Михельсономъ, Императоръ Александръ, въ рескриптѣ отъ 19-го августа, т. е. въ самый день смерти Михельсона, писалъ ему, что если мы переведемъ свои войска за Днѣстръ, то турки тотчасъ-же перейдутъ Дунай и займутъ ихъ прежде, чѣмъ мы вторично возвратимся въ княжества. Поэтому вопросъ объ очищеніи княжествъ слѣдовало замѣнить другимъ положеніемъ, по которому обѣ стороны, до заключенія мира, остаются на занимаемыхъ ими мѣстахъ. „Пусть турецкія войска остаются тамъ, гдѣ до перемирія они были, лишь-бы и мы сохранили наши зани-

маемыя мѣста, хоть-бы то было съ уменьшеніемъ тамъ находящагося числа войскъ“ [1]).

Въ рескриптѣ-же отъ 31-го августа говорилось, „что въ случаѣ, если-бы состоялось уже постановленіе объ очищеніи княжествъ,—„то стараться, по крайней мѣрѣ, подъ разными, сколь можно благовидными, предлогами длить совершенный выводъ войскъ, до окончательнаго мира, что для насъ, конечно, необходимо“ [2]).

Во всякомъ случаѣ, если нельзя будетъ избѣгнуть вопроса о выступленіи нашихъ войскъ изъ княжествъ, то нужно имѣть въ виду, что, по секретному договору въ Тильзитѣ, обѣ арміи, какъ турецкая, такъ и русская, оставляютъ Молдавію, Валахію и Бессарабію, одновременно. Поэтому, занятыя нами въ Бессарабіи крѣпости могутъ быть очищены только по мѣрѣ очищенія турками бывшихъ у нихъ „на валахской землѣ крѣпостей“.

Поэтому, Мейндорфъ приказалъ, 3-го сентября, Ланжерону не удаляться отъ Измаила далѣе 20 или 30 верстъ, въ ожиданіи выступитъ-ли изъ этой крѣпости Пеглеванъ съ своими войсками за Дунай. Равнымъ образомъ, приказано не оставлять Килійской крѣпости, подъ предлогомъ, что изъ нея еще не вывезены наши тяжести, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, запрещалось сжигать запасы сѣна, что прежде имѣлось въ виду, по случаю невозможности забрать его съ собою при отступленіи.

Распоряженія эти были вызваны обстоятельствомъ, котораго и слѣдовало ожидать: турки, вопреки условіямъ договора, не только не отступали отъ Дуная, но напротивъ переходили его въ разныхъ мѣстахъ небольшими партіями, для грабежей въ Валахіи.

Въ своемъ рапортѣ къ Императору, отъ 8-го сентября, генералъ Мейндорфъ доносилъ, что онъ остановился выступленіемъ войскъ изъ княжествъ.

---

[1]) Michelson. 1805—1807. Гл. Арх. М. И. Д.

[2]) Тамъ-же.

„По причинѣ нарушенія турками перемирія, внесеніемъ власти ихъ въ предѣлы здѣшніе, получаю новыя жалобы отъ здѣшняго правительства о продолженіи и распространеніи далѣе такого поведенія со стороны турокъ, чему, хотя начальство ихъ даетъ другой толкъ, что турки разосланы отъ нихъ по селеніямъ для сохраненія порядка и для недопущенія обывателей до обидъ со стороны турокъ-же, но чиновники правительства со всѣхъ мѣстъ жалуются, что турки сіи, сбирая съ обывателей хлѣбъ и деньги, не допускаютъ сбирать продовольствіе для войскъ нашихъ, и воспрещаютъ платить подати правительству, уничтожая даже повиновеніе къ сему послѣднему. Сіе тѣмъ паче утверждаетъ меня въ томъ, чтобы оставаться здѣсь впредь до Высочайшаго повелѣнія“ [1]).

Если очищенія княжествъ не слѣдовало вовсе предпринимать, по крайней мѣрѣ, до окончательнаго утвержденія договора Императоромъ Александромъ и султаномъ, то пріостановить выступленіе нашихъ войскъ становилось прямою необходимостью.

Турки, вопреки договора, занимали всѣ пункты, оставляемые нашими войсками. Такъ, только что генералъ-маіоръ Колюбакинъ выступилъ изъ Галаца, какъ его заняли турки, бывшіе въ Браиловѣ. Узнавъ объ этомъ, Колюбакинъ возвратился въ Галацъ и занялъ его снова, безъ сопротивленія со стороны турокъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Мейндорфъ приказалъ выступавшимъ изъ Рени и Картала отрядамъ возвратиться въ эти пункты, а войскамъ, отступавшимъ отъ Измаила, находиться отъ него въ нѣсколькихъ верстахъ, наблюдая всѣ предпріятія Пегливана, не очищавшаго Измаила.

При извѣстномъ упорствѣ Пэгливана-паши нельзя было

---

[1]) Донесеніе Мейндорфа отъ 8-го сентября 1807 г. В. Уч. Арх. Дѣло № 4,435.

расчитывать на выступленіе его изъ Измаила, если-бы даже онъ получилъ о томъ приказаніе отъ самого султана. Поэтому, наши войска также не могли оставлять занятыхъ ими позицій. Вслѣдствіе чего корпусъ гр. Каменскаго, отступившій уже отъ р. Бузео къ Серету, былъ остановленъ на этой рѣкѣ. При этомъ повторилось то же, что и въ другихъ мѣстахъ: какъ только Каменскій оставилъ мѣста своего расположенія, браиловскіе турки тотчасъ ихъ заняли, грабили оставшіеся тамъ магазины, еще не свезенные, и убивали состоящихъ при нихъ лицъ.

„Хотя, доносилъ Мейндорфъ Императору, сіе нельзя иначе считать, какъ за разбойничій поступокъ, въ которомъ, конечно, начальство турецкое не участвуетъ, однако видно, сколь легко подвержены бѣдные жители здѣшніе наглостямъ и необузданности турокъ“ [1]).

Для предупрежденія подобныхъ выходокъ на будущее время, гр. Каменскій писалъ къ Назырю Браиловскому, требуя запрещенія перехода турецкихъ разбойниковъ черезъ Бузео и Серетъ, и вдоль Бузео выставилъ цѣпь наблюдательныхъ постовъ.

Не зная какъ поступать въ случаѣ нападенія турокъ на наши войска, Мейндорфъ испрашивалъ разъясненія, какъ ему дѣйствовать въ подобномъ случаѣ: „только оборонительно или наступательно“ [2]).

Это сомнѣніе представляется весьма страннымъ, тѣмъ болѣе, что, принявъ начальство надъ арміею послѣ смерти Михельсона, Мейндорфъ долженъ былъ знать, что въ рескриптѣ къ бывшему главно-командующему, еще отъ 15-го іюня, прямо говорилось, что въ случаѣ враждебныхъ намъ дѣйствій со стороны турокъ, во время перемирія, дѣйствовать противъ нихъ *вооруженною рукою*.

---

[1]) В. Уч. Арх. № 4,435.

[2]) Тамъ-же.

Равнымъ образомъ, въ рескриптѣ отъ 28-го іюня изъ Таурогена, Императоръ Александръ писалъ Михельсону, что: „хотя въ 23 статьѣ Тильзитскаго договора и положительно сказано, что войска мои оставятъ Молдавію и Валахію, однако же условлено между мною и Императоромъ Наполеономъ, чтобы выходъ изъ тѣхъ княжествъ арміи, начальству вашему ввѣренной, зависѣлъ отъ нижеслѣдующихъ обстоятельствъ, а именно: когда Порта согласится принять посредничество Франціи къ возстановленію мира съ Россіей, когда она обяжется вывести и свои войска изъ Валахіи и не занимать уже сего княжества, ни Молдавіи, пока продолжаться будутъ мирные переговоры и, наконецъ, когда она, принявъ посредничество Франціи, назначитъ отъ себя полномочныхъ, для трактованія о возстановленіи окончательнаго съ нами мира“ [1]).

Хотя въ этомъ рескриптѣ и говорится, что ежели визирь согласится на заключеніе предварительнаго договора, съ точнымъ опредѣленіемъ указанныхъ выше основаній, то армія наша должна очистить княжества и перейти Днѣстръ; тѣмъ не менѣе распоряженія Мейндорфа объ отступленіи были совершенно неумѣстны. Во первыхъ, уполномочія были даны Михельсону, а не Мейндорфу; во вторыхъ не было никакихъ основаній оставлять занятыя нашими войсками позиціи, прежде чѣмъ турки не очистятъ Измаила и другихъ пунктовъ по Дунаю. Къ тому же еще во время хода переговоровъ турки уже нарушили принятое условіе, чтобы во все время переговоровъ военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ не предпринимались. Напротивъ того, было нѣсколько случаевъ нарушенія этого условія турками, которые переходили Дунай для грабежей въ Валахіи. Одно это уже заставляло предполагать, что турки не

[1]) В. Уч. Арх. № 1,349.

очистятъ занимаемыхъ ими крѣпостей и не отойдутъ отъ Дуная, на основанiи статей договора. Поэтому спѣшить очищенiемъ княжествъ значило содѣйствовать непрiятелю и подвергать преданныхъ намъ жителей страны неистовству турокъ.

Наконецъ въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 20-го августа на имя Михельсона, тогда уже умершаго, было прямо сказано, чтобы не предпринимать очищенiя княжествъ, пока турки не измѣнятъ нѣкоторыхъ условiй предполагаемаго перемирiя, какъ, напримѣръ, не начинать военныхъ дѣйствiй ранѣе 3-го апрѣля 1808 г., и не включать сербовъ въ перемирiе, такъ какъ объ этихъ пунктахъ соглашенiя было уже извѣстно въ Петербургѣ.

Графъ Румянцевъ, вступившiй, по случаю болѣзни барона Будберга, въ управленiе иностранными дѣлами, писалъ отъ 2-го сентября Мейндорфу, въ отвѣтъ на его донесенiе отъ 20-го августа, въ которомъ говорилось о намѣренiи ратификовать слободзейское перемирiе:

„Я ласкаю себя надеждою, что ваше превосходительство, по разсмотрѣнiи всѣхъ обстоятельствъ, не изволите того исполнить. Если же актъ уже ратификованъ, то очищенiе княжествъ остановить до прибытiя князя Прозоровскаго, назначеннаго на мѣсто Михельсона“.

Но было уже поздно поправлять сдѣланный промахъ. Мейндорфъ отвѣчалъ, что получилъ отзывъ министра.

„Къ крайнему сожалѣнiю, послѣ всего того уже, что перемирiе заключено, ратификовано и размѣнено, болѣе къ поправленiю онаго средства не остается. Я долго колебался ратификовать сiе перемирiе; но при настоянiяхъ г. тайн. сов. Лошкарева не могъ не рѣшиться не приступить къ ратификацiи того, что г. Лошкаревымъ заключено, такъ какъ онъ былъ особенно къ дѣлу сему Высочайшей довѣренности удостоенъ“ [1]).

---

[1]) В. Уч. Арх. № 4,435.

Между тѣмъ рущукскій Мустафа-паша писалъ генералу Мейндорфу, отъ 13-го сентября, по случаю неочищенія имъ княжества, и закончилъ письмо свое словами: „я формально требую отъ вашего превосходительства скораго и полнаго исполненія пунктовъ договора, вами-же ратификованнаго“.

Мейндорфъ отвѣчалъ на это, что войска наши начали, тотчасъ-же по заключеніи перемирія, очищеніе княжествъ. Но, вопреки договора, турки стали занимать оставляемыя нами мѣста, вводить въ нихъ свое управленіе, дѣлать поборы, производить грабежи и даже убійства.

Тогда объ этомъ было донесено Императору и, въ ожиданіи отвѣта, пріостановлено выступленіе нашихъ войскъ.

Распоряженія Мейндорфа навлекли на него гнѣвъ Императора Александра, и назначенный на мѣсто Михельсона главнокомандующимъ молдавскою арміею престарѣлый генералъ Прозоровскій, произведенный вмѣстѣ съ тѣмъ въ фельдмаршалы, поспѣшно отправился къ арміи и, имѣя уполномочіе для веденія переговоровъ о перемиріи и мирѣ, онъ былъ посвященъ во всѣ подробности политическихъ отношеній Россіи къ иностраннымъ дворамъ.

Дѣятельность кн. Прозоровскаго, какъ главнокомандующаго дунайскою арміею, будетъ разсмотрѣна во II т. настоящаго сочиненія.

Для полнаго-же обзора военныхъ дѣйствій въ 1807 г. намъ остается разсмотрѣть событія на Кавказѣ, а также морскія операціи эскадры адмирала Сенявина въ водахъ Архипелага и флотиліи адмирала Пустошкина, въ Черномъ морѣ.

VII.

Численность Кавказской арміи. — Положеніе дѣлъ въ Грузіи. — Отношеніе Россіи къ Персіи, въ 1806 и 1807 г. — Занятіе Кубы и Баку. — Переговоры о перемиріи съ Персіей. — Поѣздка капитана Степанова въ Тегеранъ. — Переписка гр. Гудовича съ персами о перемиріи. — Распоряженіе гр. Гудовича къ открытію военныхъ дѣйствій противъ турокъ въ 1807 г. — Дѣло у Бошурагель, 16-го марта. — Дѣйствія подъ Карсомъ. — Неудачный приступъ къ Ахалкалаки, въ ночь на 9-е мая. — Дѣйствія противъ Поти. — Геройская защита противъ Гумры. — Пораженіе турокъ при Дигнисѣ. — Занятіе Магазберта. — Перемиріе въ Азіи, заключенное съ Турціей. — Переговоры о перемиріи съ персами.

При составленіи общаго плана войны противъ Турціи, нельзя было оставить безъ вниманія наши азіятскія границы на Кавказѣ. Предшествовавшія войны доказали, что турки всегда предпринимали усилія съ этой стороны, въ расчетѣ на малочисленность нашихъ войскъ на этомъ театрѣ дѣйствій, и на враждебныя отношенія своихъ единовѣрцевъ въ Россіи.

Едва произошелъ разрывъ между Россіей и Портой, какъ послѣдняя обѣщала прислать Анапскому пашѣ до 40,000 челов. съ приказаніемъ разослать во всѣ мѣстности Закавказья проводниковъ, съ цѣлью призвать черкесовъ къ фанатической борьбѣ противъ Россіи. Черкесы съ восторгомъ приняли воззваніе. Анапскому пашѣ велѣно было набрать до 100,000 чел. и дать имъ пушки, которыхъ находилось въ Анапѣ не менѣе 200.

Юсуфъ-зія-паша, главнокомандующій турецкими войсками въ Анатоліи, издалъ воззваніе, въ которомъ было сказано: „гяуры русскіе, по нечистотѣ своей души, воспламенились огнемъ вражды, и безъ всякаго повода, нарушивъ трактатъ, рѣшились внезапно вторгнуться въ сосѣднія имъ султанскія области. Его величество султанъ далъ повелѣніе, чтобы армія его выступила изъ Румеліи и Анатоліи, справа и слѣва, подобно горному потоку.

Такимъ образомъ предвидится уничтоженіе гяуровъ“ [1]).

Въ это время, Персія была также въ очень натянутыхъ отношеніяхъ съ петербургскимъ дворомъ, и можно было опасаться, что, при первомъ значительномъ успѣхѣ турокъ на Кавказѣ, она не замедлитъ открыть враждебныя намъ дѣйствія на пограничномъ съ Россіею театрѣ войны.

Такъ какъ главныя усилія турокъ сосредоточивались для борьбы на Дунаѣ, противъ русской арміи Михельсона, то диверсія со стороны Кавказа могла имѣть для насъ значеніе, въ смыслѣ удержанія значительныхъ силъ Порты, на азіятскомъ театрѣ дѣйствій. Поэтому, для дѣйствія на азіятской границѣ, назначенъ былъ генералъ-отъ-инфантеріи гр. Гудовичъ.

Армія его состояла изъ 19 и 20 пѣхотныхъ дивизій, въ общемъ до 22,000 чел.; первая расположена была на Кавказской линіи, а послѣдняя занимала Грузію, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, охраненіе нашей границы со стороны Персіи, на случай разрыва съ этою державою.

Въ декабрѣ 1806 года, когда армія Михельсона занимала уже дунайскія княжества, и Порта готовилась объявить Россіи войну, Императоръ Александръ приказалъ Гудовичу употребить всѣ усилія, для полнаго замиренія съ Персіей, и дѣйствовать наступательно противъ Турціи, чтобы не дозволить ей отправить на Дунай нѣкоторыя части азіятскихъ войскъ.

Здѣсь вообще, слѣдуетъ обратиться къ разсмотрѣнію нашихъ отношеній къ Персіи.

Послѣ возстанія Грузіи, послѣдствіемъ котораго было убіеніе въ 1805 году правителя Грузіи кн. Циціанова, русское правительство приняло всѣ мѣры къ водворенію въ этой странѣ порядка, чтобы обусловить ея преданность Россіи.

---

[1]) Акты Кавказ. Арх. ком. Т. 3, стр. 528.

Правителемъ Грузіи, послѣ кн. Цпціанова, былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Литвиновъ.

Братъ знаменитаго П. И. Багратіона, поручикъ Романъ Ивановичъ кн. Багратіонъ, происходя изъ грузинъ, предпринялъ въ 1806 году поѣздку по Грузіи, съ письмами отъ П. И. Багратіона. къ важнѣйшимъ грузинскимъ князьямъ, съ цѣлью склонить ихъ къ вѣрности Россіи, что и было исполнено имъ, не безъ успѣха.

Такъ, князь Кобуловъ, въ письмѣ отъ 16-го іюня 1806 года, къ генералъ-лейтенанту князю Багратіону писалъ:

„Всѣ мы охотно готовы вѣрноподданническому служенію Его Императорскому Величеству жертвовать и самою нашею жизнію".

Другіе князья письменно также заявляли: „мы, когда учинили присягу Его Императорскому Величеству, съ того времени желаемъ, непосредственно, служить Россійскому Монарху"[1]).

Но эти и подобныя заявленія нѣкоторыхъ изъ князей возбуждали многихъ противъ нихъ, желавшихъ выговорить для Грузіи нѣкоторыя особыя права. Князья раздѣлились на двѣ партіи. Въ Тифлисъ, по случаю наступившаго срока выборовъ, съѣхались почти всѣ грузинскіе владѣтели, и между ними началась вражда, угрожавшая перейти къ оружію.

Только съ большимъ трудомъ удалось русскому правительству прекратить тайныя совѣщанія однихъ, и явно враждебное настроеніе другихъ грузинскихъ князей, но нельзя было много расчитывать на преданность Грузіи вообще.

Это положеніе дѣлъ было тѣмъ опаснѣе, что грузинскій царевичъ Александръ, принимавшій дѣятельное участіе въ убіеніи кн. Цпціанова, бѣжалъ въ Персію съ своими приверженцами и заручился расположеніемъ

[1]) **Акты Кавказ. Арх. Коммисіи. Томъ III, стр. II.**

правителя Персіи Баба-хана и его сына Аббасъ-мирзы, обѣщавшихъ ему помощь, для возстановленія его правъ на Грузію.

Еще въ маѣ 1806 года, было получено извѣстіе, что персидскія войска придвинуты къ нашимъ границамъ, и стоятъ на правомъ берегу Аракса.

Въ то же время стало извѣстнымъ, что царевичъ Александръ, съ набранными имъ въ Персіи 15,000 войска, намѣревается вторгнуться въ Грузію, по тремъ направленіямъ: по Кара-Агачской дорогѣ, на Тифлисъ; изъ Эривани на Каракимосъ и на Карабахъ, имѣя въ виду занять Елисаветполь.

Въ срединѣ іюня были уже случаи перехода нашей границы персидскими войсками, съ цѣлью грабежа, а 24-го іюня персидскія войска стояли уже у Казалча, въ 45 верстахъ отъ Елисаветполя.

Во время этихъ натянутыхъ отношеній къ Персіи, какъ по вопросу о границахъ, такъ и относительно оказываемой Персіей царевичу Александру поддержки, Россія еще не имѣла разрыва съ Турціей, хотя уже ни кто не сомнѣвался, что война между обѣими державами неизбѣжна.

Расчитывая, что въ этой борьбѣ Персія приметъ сторону Турціи, и что ближайшимъ послѣдствіемъ такого союза будетъ занятіе русскими войсками Эривани, какъ пункта слабо укрѣпленнаго, но важнаго для связи между турецкими и персидскими войсками, карскій паша намѣревался обмануть русскихъ, совершенно азіатскою хитростію.

Онъ написалъ письмо командующему въ Грузіи войсками генералъ-маіору Несвѣтаеву, что въ случаѣ войны между Россіей и Персіей карскія войска примутъ сторону Россіи. Но какъ для русскихъ важно занять Эривань, то паша изъявлялъ желаніе поступить такъ: онъ объявитъ себя сторонникомъ Персіи и, въ этомъ каче-

ствѣ, займетъ Эривань своими войсками. Когда-же русскіе подступятъ къ этой крѣпости, то онъ сдастъ ее русскимъ.

Хорошо понимая въ чемъ дѣло, Несвѣтаевъ отвѣчалъ карскому пашѣ, что: „съ Персіей Россія всегда въ состояніи раздѣлаться, не имѣя нужды прибѣгать къ постыднымъ и предосудительнымъ достоинству и могуществу Россійской Имперіи обманамъ“ [1]).

Предпринимая войну съ Россіей, Бонапарте не упустилъ изъ вида дѣйствовать противъ нея со стороны Персіи. Съ этою цѣлью, агенты французскаго правительства, генералы Рамье и Жоберъ, были отправлены къ Баба-хану съ предложеніемъ дозволить французскимъ войскамъ высадиться у береговъ Персіи, чтобы выгнать русскихъ изъ Грузіи. Но Баба-Ханъ отвѣчалъ на это, что русскіе, опредѣливъ свои границы по Араксъ, больше отъ него ничего не требуютъ, а дозволивъ французамъ вступить въ свои владѣнія, онъ рискуетъ гораздо большимъ [2]).

Тѣмъ не менѣе, нельзя было расчитывать на неприкосновенность нашихъ границъ съ Персіей, хотя бы съ цѣлью грабежа.

Для болѣе же рѣшительныхъ дѣйствій противъ персовъ, если бы къ тому представилась надобность, слѣдовало, прежде всего, обезпечить тылъ нашихъ войскъ на Кавказѣ, занятіемъ нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ.

Поэтому, приказавъ генералъ-маіору Несвѣтаеву не дозволять персамъ переходить чрезъ Араксъ и Куру, Гудовичъ отправилъ въ Дербентъ генерала-отъ-инфантеріи Булгакова, съ порученіемъ, оставивъ въ Дербентѣ необходимый гарнизонъ, идти оттуда съ остальными вой-

---

[1]) Письмо генералъ-маіора Несвѣтаева къ карскому пашѣ отъ 22-го іюня 1806 года. Акты кавказ. коммисіи.

[2]) Рапортъ генералъ-маіора Несвѣтаева генералъ-лейтенанту Глазенапу, отъ 18-го іюня 1806 г. № 1,740. Тифлисъ.

сками, для овладѣнія Кубы, а потомъ Баку; причемъ ему должна была содѣйствовать и каспійская флотилія. Отряды Булгакова и Несвѣтаева должны были состоять во взаимной связи.

По овладѣніи Баку Гудовичъ намѣревался приступить къ покоренію Шекинскаго ханства и лезгинцевъ.

Между тѣмъ, русское правительство старалось покончить разныя недоразумѣнія, возникшія съ Персіей, и съ этой цѣлью въ Тегеранѣ начались переговоры.

Въ сентябрѣ 1806 г. правитель Гилянской провинціи, Мирза-муса, одно изъ наиболѣе довѣренныхъ Баба-хана лицъ, прислалъ на имя Гудовича письмо, въ которомъ было сказано:

„Письмо сіе для того писано, чтобы между нами ссоры никакой не было“.

Для дальнѣйшихъ переговоровъ, Мирза-Муса просилъ прислать кого нибудь въ Тегеранъ. Но Гудовичъ, опасаясь, что посылка въ Тегеранъ парламентера могла быть объяснена въ смыслѣ просьбы о мирѣ, начатой со стороны Россіи, ограничился только письменнымъ отвѣтомъ.

Въ этомъ отвѣтѣ Гудовичъ говоритъ, что видя изъ присланнаго ему письма „желаніе Персіи спокойствія, добраго согласія и мира, увѣдомляю Васъ, что Всеавгустѣйшій Государь Императоръ, Всемилостивѣйшій Государь мой, сколько великъ, столько и человѣколюбивъ, жалѣетъ пролитія крови не только своихъ вѣрноподданныхъ, но и непріятельской“.

Но Гудовичъ требовалъ, чтобы основаніемъ условій мира, границею между Россіей и Персіей, неизмѣнно оставались рѣки Куры и Араксъ.

Только по принятіи этого предварительнаго условія, дальнѣйшіе переговоры могли продолжаться.

На случай же вступленія персидскихъ войскъ въ наши предѣлы, Гудовичъ усилилъ бывшія въ Грузіи войска

3,000 человѣкъ, готовясь собрать къ Араксу еще 5,000 человѣкъ, съ тѣмъ чтобы, перейдя Куру, отрѣзать персамъ отступленіе, если-бы они перешли на лѣвый берегъ Куры.

Рядомъ съ военными приготовленіями, на случай рѣшительнаго разрыва съ Персіей, продолжались и начатые переговоры объ окончательномъ съ нею замиреніи.

Императоръ Александръ, находя, что требованіе Гудовича, относительно установленія нашей границы по Курѣ и Араксу, совершенно основательно, въ рескриптѣ отъ 4-го октября 1806 года, указывалъ ему на необходимость скорѣйшаго замиренія съ Персіей.

Такъ какъ вопросъ о границахъ могъ затянуть переговоры, то рѣшеніе его полагалось отложить до подписанія условій мира. Теперь же Императоръ требовалъ остановиться на слѣдующихъ предварительныхъ статьяхъ:

1) Прекращеніе съ обѣихъ сторонъ военныхъ дѣйствій.

2) Всякой сторонѣ оставаться во владѣніи тѣхъ мѣстъ, гдѣ какой державы находятся войска.

3) До заключенія мира, или до разрыва переговоровъ, могущія встрѣтиться пограничныя несогласія разбирать полюбовно, чрезъ нарочно опредѣляемыхъ для сего, съ обѣихъ сторонъ, коммисаровъ, назначая имъ съѣздъ въ Елисаветполѣ, или въ иномъ пограничномъ городѣ.

4) По подписаніи сихъ прелиминарныхъ статей уполномоченными отъ персидскаго владѣльца Баба-хана, тѣже уполномоченные или другіе немедленно назначены будутъ къ отправленію въ С.-Петербургъ, для заключенія мирнаго постановленія.

Въ дополненіе къ этимъ статьямъ, указаннымъ въ рескриптѣ отъ 4-го октября, министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Будбергъ, писалъ Гудовичу, отъ 5-го октября, что въ случаѣ, если-бы персы не оказали особаго сопротивленія, относительно установленія границъ по Куру и Араксъ, то этимъ слѣдуетъ непремѣнно во-

спользоваться. Въ такомъ случаѣ, должно, вмѣсто § 2 рескрипта, выговорить: „Впредь до опредѣленія границъ, во всей точности, между Россіею и Персіею да будутъ предѣломъ слѣдующія рѣки: Кура, отъ устья своего до Джевада, и Араксъ, отъ стеченія своего съ Курою, до впаденія въ Араксъ рѣки Арпачай, гдѣ начинается турецкое владѣніе карскаго пашалыка; такимъ образомъ, что буде россійскія или персидскія войска переступятъ чрезъ вышеупомянутую черту, сіе приметъся за нарушеніе мирныхъ переговоровъ“.

Принимая же во вниманіе, что Эриванское и Нахичеванское ханства состоятъ въ настоящее время въ зависимости отъ Персіи, и что между ними существуютъ торговыя сношенія съ разными персидскими городами, баронъ Будбергъ полагалъ возможнымъ дозволить чрезъ пограничныя рѣки торговыя сообщенія, имѣя лишь въ виду, чтобы подъ видомъ ихъ не переходили границы и военные транспорты [1]).

Но Персія находилась въ такомъ положеніи, которое не дозволяло ей думать о войнѣ.

Отношенія ея къ Турціи были натянуты и даже грозили разрывомъ, по поводу перехода въ подданство Персіи Абдулъ-Рахманъ-паши Карачоранскаго, который со всѣми своими владѣніями, до того принадлежавшими Турціи, призналъ надъ собою власть Баба-хана.

Вся ея надежда была на заявленія французскихъ эмисаровъ, что Франція готова оказать ей сильную помощь, въ борьбѣ противъ Россіи.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1806 г. было получено въ Тегеранѣ, хотя и ложное, но тревожное извѣстіе, будто-бы Наполеонъ умеръ. Надежда на Францію уничтожена, а между тѣмъ, въ Персіи распространилась тифозная эпидемія и народъ пришелъ въ волненіе.

Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, персидскій

---

[1]) Акты Кавказской комиссіи, 1806 г. Персія.

шахъ спѣшилъ закончить всѣ спорные вопросы съ Турціей и, какъ доносилъ Аршаговъ генералъ-маіору Несвѣтаеву: „первое его (шаха) намѣреніе есть прибѣгнуть къ Россійскому престолу и просить мира“ [1]).

Въ ожиданіи отвѣта на предложенія, сдѣланныя персидскому шаху, относительно замиренія, Гудовичъ рѣшился наказать лезгинъ и шекинцевъ, за ихъ враждебность къ Россіи.

Съ этою цѣлью въ Шекинское ханство вступилъ отрядъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Небольсина; а отрядъ, стоявшій на р. Алазани, усиленный 2,000 ч. грузинской конницы, получилъ приказаніе наказать лезгинцевъ. Самъ же Гудовичъ дѣлалъ нужныя приготовленія къ движенію на Эривань, гдѣ находился царевичъ Александръ.

О послѣднемъ переводчикъ Аршаговъ доносилъ генералъ-маіору Несвѣтаеву отъ 22 сентября 1806 года, что царевичъ Александръ, въ письменныхъ секретныхъ сношеніяхъ съ карскимъ пашею, намѣревается пріѣхать въ Карсъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдовать далѣе въ Турцію. Карскій паша изъявлялъ готовность задержать его, и спрашивалъ только: „будетъ-ли то Россійскому Государю пріятно“ [2]).

Аршаговъ отвѣчалъ, что паша докажетъ этимъ свою дружбу Россіи, и можетъ расчитывать на значительную награду.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1806 г. высланные для занятія Кубы и Баку отряды заняли оба эти пункта. Сынъ Баба-Хана, находившійся съ частью персидскихъ войскъ на лѣвомъ берегу Куры, бѣжалъ въ Персію, опасаясь близкаго сосѣдства русскихъ войскъ.

Въ виду такого положенія дѣлъ, гр. Гудовичъ не

---

[1]) Письмо Аршагова (состоявшаго переводчикомъ при генералѣ Несвѣтаевѣ) отъ 21-го октября 1806 г. Тамъ-же.

[2]) Тамъ-же.

опасался болѣе, настойчивостію о замиреніи, внушить Баба-хану мысль о слабости русскихъ. Напротивъ, слѣдовало воспользоваться выгодными обстоятельствами и даже, ежели окажется возможнымъ, вовлечь Персію въ войну съ Турціей, на случай разрыва между Россіей и Портой.

Съ этою цѣлью, принимая посланнаго отъ правителя Гиляни, о которомъ уже было говорено, гр. Гудовичъ сказалъ ему: „Баба-ханъ, ведя войну съ Россіей, не только ничего не найдетъ, но можетъ все потерять. Мнѣ кажется, что прежде Баязетъ, Эрзерумъ и Карсъ были персидскими провинціями? „На это посланный, съ жаромъ отвѣчалъ: „А поможетъ намъ Россія возвратить ихъ?“

—„Рано дѣлать съ Персіею какія нибудь постановленія, возразилъ гр. Гудовичъ, когда мы еще съ нею въ войнѣ, и я не имѣю на то никакихъ отъ великаго моего Государя повелѣній“ [1]).

Но Баба-ханъ получалъ внушенія отъ французскихъ агентовъ, которые работали неутомимо и въ Константинополѣ, и въ Тегеранѣ, въ смыслѣ составить союзъ между Персіей и Портой противъ Россіи!

„Осторожность требуетъ удостовѣриться, писалъ баронъ Будбергъ гр. Гудовичу отъ 25-го сентября, нѣтъ ли какихъ тайныхъ сношеній между Баба-ханомъ и турецкимъ дворомъ, не взирая на оказательства нынѣ возгорѣвшейся непріязни, можетъ быть только наружной“.

Болѣе всѣхъ старался помѣшать переговорамъ генералъ Жоберъ, о которомъ уже было говорено. Уѣзжая, въ ноябрѣ, во Францію, Жоберъ вынесъ убѣжденіе, что Персія можетъ быть очень полезна, на случай войны Наполеона съ Россіей.

Баба-ханъ, говорилъ Жоберъ, самый непримиримый

[1]) Гр. Гудовичъ къ барону Будбергу отъ 31-го октября 1806 г. № 69. Акты Кавказ. ком. 1860. Персія.

врагъ Россіи. Конница его славная и хотя онъ не можетъ съ успѣхомъ воевать противъ русскихъ, но многочисленность персидскихъ войскъ, не смотря на пораженіе и неудачи ихъ, тѣмъ не менѣе, приведутъ русскихъ въ слабость. Притомъ Баба-ханъ имѣетъ большое количество артиллеріи и всякихъ снарядовъ, но не достаетъ ему канонировъ, которыхъ онъ можетъ получить изъ Франціи" [1]).

Не получая отвѣта на письмо свое къ Мирза-Мусѣ, гр. Гудовичъ рѣшился вступить въ переписку съ Мирза-Шефи, управлявшимъ внѣшнею политикою Персіи.

Съ этою цѣлью, 10-го октября гр. Гудовичъ отправилъ къ нему своего адъютанта, капитана Степанова, съ письмомъ, въ которомъ, упомянувъ о томъ, что не получая отвѣта на свое письмо къ правителю Гиляни, онъ проситъ увѣдомить, дошло ли это письмо по назначенію. Затѣмъ въ письмѣ говорилось, что вѣря въ расположеніе къ миру самаго Мирза-Мусы, онъ предлагаетъ, немедленно, заключить временное перемиріе, т. е. прекратить съ обѣихъ сторонъ военныя дѣйствія, подъ условіемъ опредѣлить демаркаціонную линію по рр. Курѣ и Араксу, до впаденія въ него рѣки Арпачая.

Для переговоровъ о перемиріи просилъ прислать двухъ чиновниковъ въ г. Шушу, съ тѣмъ, что предварительныя условія будутъ подписаны съ одной стороны Баба-ханомъ, а съ другой имъ, Гудовичемъ, какъ имѣющимъ полномочіе отъ Государя Императора. Затѣмъ подписанныя условія, для окончательнаго утвержденія и заключенія мира, будутъ отправлены въ Петербургъ, и должны быть подписаны Императоромъ и Баба-ханомъ.

Капитанъ Степановъ отправился съ этимъ письмомъ въ Тегеранъ. Проѣздомъ черезъ Тавризъ, гдѣ находился сынъ Баба-хана, Аббасъ-мирза, онъ былъ принятъ имъ

---

[1]) Будбергъ къ гр. Гудовичу 14-го ноября 1806 года. Тамъ-же.

съ большимъ почетомъ. Тѣмъ не менѣе, ближайшій совѣтникъ Аббасъ-мирзы, Мирза-Бизюрга, объявилъ посланному, что дальнѣйшее его слѣдованіе въ Тегеранъ, безъ согласія сына Баба-хана, какъ наслѣдника престола, не можетъ быть допущено. Въ то же время, Мирза-Бизюрга далъ ясно понять, что требуемое дозволеніе будетъ получено, если даны будутъ хорошіе подарки какъ ему, такъ и наслѣднику престола Персіи.

Не желая замедлять хода переговоровъ, гр. Гудовичъ отправилъ Степанову, для передачи по назначенію, цѣнные подарки и, въ то же время, въ предписаніи къ нему, отъ 12-го февраля 1807 года, поручалъ, по прибытіи въ Тегеранъ, внушить визирю, что надежда Персіи на помощь Франціи ни на чемъ не основана.

Франція слишкомъ занята теперь войною въ Европѣ, чтобы отдѣлять свои силы въ Азію. Что касается Турціи, то войска наши уже занимаютъ Молдавію, Валахію и владѣютъ всѣми крѣпостями по Дунаю. Наши союзники, англичане, угрожаютъ самой столицѣ Порты.

„Вамъ и всѣмъ извѣстно, писалъ гр. Гудовичъ, что я турковъ въ прошлыя войны вездѣ билъ,—въ послѣднюю войну я взялъ у нихъ 5 крѣпостей: Килію, Измаилъ, Анапу, Суджукъ-Кале и Хаджи-бей (Одессу). Взявъ у нихъ болѣе 300 пушекъ и до 30,000 плѣнныхъ, и теперь погоню ихъ, какъ овецъ. И такъ, Персіи весьма полезно быть съ нами въ союзѣ, ибо тогда уже никто ихъ коснуться не можетъ; сдѣлавши съ нами союзъ, могутъ въ одно лѣто пріобрѣсти отъ турокъ знатныя, прежде бывшія персидскія, провинціи, какъ напримѣръ—Эрзерумъ, Баязетъ, и я имъ помогу“ [1]).

Въ заключеніе слѣдовало указать визирю Баба-хана, что весь Дагестанъ и всѣ горскіе народы на Кавказѣ уже покорены нашимъ оружіемъ. Лезгины не смѣли даже сопротивляться, а выслали 12 своихъ старшинъ, съ по-

[1]) Акты Кавказ. коммисіи 1806 г. Персія.

вѣшенными на шею саблями, въ знакъ изъявленія своей покорности.

Имѣя въ виду, что Баба-ханъ не былъ еще признанъ персидскимъ шахомъ, въ предстоящихъ съ нимъ дипломатическихъ сношеніяхъ, полагалось избѣгать наименованія его шахомъ, давая словесно понять, что Россія готова признать за нимъ титулъ шаха, если онъ обнаружитъ къ ней свое дружеское расположеніе.

До того же времени, удерживался-бы во всѣхъ сношеніяхъ съ Баба-ханомъ, установленный для него, еще въ 1799 году Императоромъ Павломъ, титулъ: „Высокомѣстный и высокостепеннѣйшій, могущественнѣйшій персидскій сердарь Баба-ханъ, нашъ искренній благопріятель“ [1]).

Прибывъ въ Тегеранъ, капитанъ Степановъ, произведенный въ маіоры, былъ ласково принятъ визиремъ, но никакого отвѣта на письмо гр. Гудовича не получилъ.

Персы остались вѣрны азіятской политикѣ вообще. Побуждаемой французскими эмисарами, тегеранскій дворъ тянулъ переговоры, расчитывая на то, что объявленная уже Турціей война Россіи дастъ Персіи возможность не признавать рр. Куру и Араксъ пограничною чертою съ Россіей. Аббасъ-мирза, какъ наслѣдникъ престола, стоялъ во главѣ значительной арміи, собранной секретно, и направлявшейся къ Араксу. Армія эта, по слухамъ доходившая до 50,000 человѣкъ, была значительно слабѣе, но намѣревалась, какъ доносили посланные въ Персію для собранія свѣдѣній лица, вторгнуться 10-го марта 1807 г. въ наши предѣлы, расчитывая напасть на русскія войска неожиданно.

Перехвачено было много писемъ ко всѣмъ владѣтельнымъ горскимъ князьямъ, съ воззваніемъ Аббасъ-мирзы поднять оружіе противъ русскихъ.

---

[1]) Тамъ-же.

Эрзерумскій паша, заклятый врагъ Россіи, также готовился къ вторженію въ наши предѣлы.

Въ виду такого положенія дѣлъ, гр. Гудовичъ рѣшился немедленно начать наступательныя дѣйствія.

Убѣдившись, что на русскихъ не только нельзя напасть неожиданно, и узнавъ, что они сами готовятся къ наступленію, Аббасъ-мирза, у котораго, въ дѣйствительности, было собрано въ Тавризѣ не болѣе 4,000 чел., снова обратился къ свойственной ему тактикѣ.

Такъ, въ концѣ апрѣля 1807 г., онъ увѣдомилъ, наконецъ, гр. Гудовича о полученіи его письма, съ предложеніемъ о перемиріи. Находя, что всѣ выставленныя гр. Гудовичемъ условія могутъ быть приняты безъ затрудненій, Аббасъ-мирза, тѣмъ не менѣе, говорилъ, что назначеніе уполномоченныхъ для переговоровъ возможно только въ томъ случаѣ, когда ясно опредѣлится, чего требуетъ Россія, для заключенія мирнаго трактата.

Хотя въ письмѣ гр. Гудовича было опредѣленно сказано, что главнымъ условіемъ соглашеній онъ выставляетъ вопросъ о границахъ по Курѣ и Араксу, но Аббасъ-мирза не коснулся этого предмета, а совѣтовалъ испросить точныхъ указаній изъ Петербурга. Это обнаруживало только желаніе затянуть дѣло и, между тѣмъ, выждать результатовъ, начала военныхъ дѣйствій русскихъ войскъ противъ турокъ, чтобы согласовать съ ними свои намѣренія.

Гр. Гудовичъ отвѣчалъ на это, 9-го марта 1807 года, Мирзѣ-Бизюргу, столь сильно вліявшему на Аббасъ-мирзу, что прежде, чѣмъ говорить о мирѣ, необходимо прекратить съ обѣихъ сторонъ военныя дѣйствія, установивъ р. Араксъ демаркаціонною линіею.

Такъ какъ персидскій посланный передалъ гр. Гудовичу, словесно, замѣчаніе Мирзы-Бизюрга, что находящіеся по лѣвую сторону р. Аракса персидскіе подданные не могутъ состоять въ распоряженіи русскихъ вла-

стей во время перемирія, то гр. Гудовичъ въ письмѣ къ Мирзѣ-Бизюрга счелъ нужнымъ сказать слѣдующее:

„Дагестанъ. какъ вамъ самимъ извѣстно, съ давнихъ временъ, и ни при Ага-Мамедъ-ханѣ, ни послѣ его, не входилъ подъ власть персидскихъ владѣтелей, но былъ всегда независимо управляемъ своими владѣльцами; изъ нихъ многіе давно состоятъ подъ покровительствомъ Россіи, какъ напр. дербентскій шамхалъ, тарковскій. аварскій, владѣльцы каракайтахскіе. табасоранскіе и другіе. Грузія равномѣрно съ давнихъ временъ находилась подъ покровительствомъ Россіи—доказательно тому-то, что цари грузинскіе всегда получали отъ Высочайшаго Россійскаго двора инвеституру и знаки, утверждающіе ихъ на царствѣ Грузинскомъ. И такъ, претензіи таковыя со стороны вашей, я полагаю, сообщены мнѣ ошибкою почтеннаго Мемекъ-Бека (т. е. посланнаго) и никакъ не думаю, чтобы подобныя могли быть предложенія отъ высокостепеннаго Мирзы-Мамедъ-Шефи“ [1]).

Въ тотъ же день, 9-го мая 1807 г., гр. Гудовичъ писалъ и къ Мирза-Шефи, министру Баба-хана. Въ этомъ письмѣ указывалось на то. что Персія, въ своихъ собственныхъ интересахъ, должна сблизиться съ Россіей. Французы готовы пообѣщать ей очень много, но ни войсками, ни деньгами ей не помогутъ. Турція слаба и не въ силахъ противиться Россіи. Напротивъ того Россія ничего такъ не желаетъ, какъ установить прочныя торговыя сношенія съ Персіей, и за ея дружбу готова помочь ей возвратить отъ Турціи ея прежнія владѣнія въ малой Азіи. Россія не имѣетъ никакихъ счетовъ съ Персіей и самая война съ нею при Петрѣ Великомъ была ведена не противъ шаха персидскаго, но противъ бунтовщиковъ, возставшихъ противъ закон-

---

1) Тамъ-же, 1807 г.

ной власти въ Персіи. Между тѣмъ—„извѣстно, что турки были всегда непримиримыми врагами Персіи“.

Но вся эта переписка ни къ чему не послужила. Баба-ханъ молчалъ, тянулъ время и былъ, какъ можно сказать, ни въ войнѣ, ни въ мирѣ.

Такое положеніе, конечно, вредно отзывалось на дѣйствіяхъ войскъ гр. Гудовича противъ турокъ, противъ которыхъ онъ рѣшился, не ожидая окончанія переговоровъ съ персами, начать наступленія.

Еще въ рескриптѣ отъ 7-го января 1807 г. Императоръ Александръ писалъ гр. Гудовичу: „Признавая прекращеніе военныхъ дѣйствій съ персіянами началомъ будущихъ успѣховъ противъ турковъ, онъ приказываетъ ему открыть, немедленно, противъ нихъ наступательныя дѣйствія и имѣть въ виду, что пока Наполеонъ не будетъ отраженъ отъ Вислы, кавказскому корпусу не будетъ отправлено никакихъ подкрѣпленій“.

Рѣшившись открыть наступленіе противъ турокъ, гр. Гудовичъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: генералъ-маіоръ Небольсинъ, съ 14-ю ротами Троицкаго и 17-го егерскаго полковъ, при четырехъ сотняхъ казаковъ, расположенъ у Берды, на Тартарѣ, для прикрытія областей Карабахской, Ширванской, Шекинской и Елисаветпольской.

Отрядъ Небольсина имѣлъ въ виду наблюденіе границъ со стороны Персіи. Поэтому Небольсинъ расположилъ свой отрядъ по теченію р. Аракса. Правый его флангъ, изъ 4 ротъ, занималъ Шушу. Центръ, изъ 5 ротъ, стоялъ у Берды. 3 роты у Нуха и 2 роты, въ видѣ резерва, поставлены въ Елисаветполѣ.

Въ случаѣ наступленія персовъ со стороны Аракса, Небольсинъ долженъ былъ не дозволить симъ переправиться черезъ эту рѣку, и призвать, для своего усиленія, конницу отъ хановъ карабахскаго, ширванскаго и шекинскаго.

Обезпечивъ себя со стороны персидскихъ границъ, гр. Гудовичъ рѣшился открыть наступленіе противъ турокъ.

Главныя силы, или центръ арміи подъ личнымъ начальствомъ Гудовича, состояли изъ 9 баталіоновъ пѣхоты, 3 эскадроновъ нарвскихъ драгунъ и 3 полковъ казаковъ. Составляя центръ кавказской арміи, войска эти, собравшись у Цалки, должны были овладѣть Ахалкалакомъ, а потомъ Ахалцыхомъ.

Правый флангъ образовали войска, занимавшія Имеретію и Мингрелію. Сюда входили Бѣлевскій полкъ и баталіонъ 15 егерскаго полка. Правымъ флангомъ командовалъ генералъ-маіоръ Рыкгофъ, имѣя въ виду, оставивъ небольшой отрядъ въ Редутъ-кале, овладѣть Поти.

Лѣвое крыло составлялъ генералъ-маіоръ Несвѣтаевъ, съ баталіономъ кавказскаго гренадерскаго, баталіономъ 15 егерскаго. всего Саратовскаго и двухъ казачьихъ полковъ.

Отдѣливъ небольшія команды для содержанія постовъ въ Шурагельской и Бомбакской областяхъ, Несвѣтаевъ долженъ былъ, собравшись у Гумры, овладѣть Карсомъ; но овладѣніе Карсомъ, съ такими незначительными силами, какія были предоставлены въ распоряженіе Несвѣтаева, было невозможно.

Тѣмъ не менѣе представлялась возможность занять Карсъ, при тайномъ содѣйствіи карскаго паши, который, опасаясь угрозъ эрзерумскаго сераскира, просилъ, въ началѣ марта, покровительства русскихъ, обѣщая сдать Карсъ, подъ благовиднымъ предлогомъ невозможности отстоять его.

Это обстоятельство нужно было имѣть въ виду, и торопиться появленіемъ нашихъ войскъ подъ Карсомъ. Поэтому отрядъ Несвѣтаева прежде другихъ открылъ наступательныя дѣйствія, выступивъ 12-го марта изъ Бомбакской провинціи.

16-го марта Несвѣтаевъ перешелъ Арпачай у Гумры и вступилъ въ предѣлы Турціи, подойдя въ тотъ-же день къ находящейся по дорогѣ къ Карсу деревнѣ Бошурагель, которая занята была 1,000 турокъ, подъ начальствомъ Карабека, брата карсскаго паши.

Такъ какъ самъ Карабекъ и братъ его неоднократно просили помощи у русскихъ, то Несвѣтаевъ расчитывалъ, что не встрѣтитъ у Бошурагели никакого сопротивленія, и потому послалъ объявить Карабеку, что русскіе пришли къ нимъ на помощь, предлагая уступить селеніе и сдать бывшую тамъ укрѣпленную башню. Въ отвѣтъ на это, Карабекъ открылъ огонь. Тогда Несвѣтаевъ выслалъ въ аттаку войска, которыя овладѣли и селеніемъ и башней, отбивъ у непріятеля двое знаменъ, взявъ болѣе 400 челов. въ плѣнъ и положили на мѣстѣ до 300 турокъ [1]). Наша потеря состояла изъ 40 челов. убитыхъ и раненыхъ.

Расчетъ на преданность Карабека былъ ложенъ, и генералъ Несвѣтаевъ долженъ былъ лучше знать какъ характеръ азіятовъ вообще, такъ и личныя качества Карабека, о которомъ ему, еще 17 сентября 1806 года, полковникъ Симоновичъ доносилъ:

„О Карабекѣ, братѣ карсскаго паши, утвердить могу, что онъ большой интересанъ, а потому и обманщикъ. Паша и онъ, получая частые подарки отъ Шахъ-заде и эриванскаго Ахмедъ-хана, больше персіянамъ преданы, нежели намъ“.

Обстоятельства вполнѣ оправдали этотъ отзывъ. Карскій паша, желая отомстить за пораженіе своего брата, прислалъ къ Несвѣтаеву тайнаго посла, съ увѣреніемъ, что сдастъ Карсъ по приближеніи къ нему русскихъ, и будетъ стрѣлять по нимъ только для вида, объясняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, что дѣло у Бошурагели было предпринято только съ цѣлью показать готовность за-

[1]) В. Уч. Арх. № 1,354 б.

щищаться. Несвѣтаевъ подошелъ къ Карсу. Турецкій отрядъ, выставленный на укрѣпленной горѣ, открылъ огонь ядрами, причемъ не было замѣтно, чтобы непріятель стрѣлялъ только для вида. Несвѣтаевъ выслалъ для овладѣнія упомянутой горой баталіонъ 15-го егерскаго и баталіонъ кавказскаго гренадерскаго полковъ, при подполковникѣ Печерскомъ.

Сбивъ непріятеля штыками и занявъ гору, Печерскій спустился къ предмѣстью крѣпости и занялъ его, причемъ отбилъ одно орудіе. Но непріятель не обнаруживалъ никакихъ признаковъ готовности сдать крѣпость, изъ которой все время производился весьма сильный пушечный огонь.

Хотя въ отрядѣ Печерскаго были уже значительныя потери, тѣмъ не менѣе онъ намѣревался продолжать нападеніе и дѣло могло кончиться еще большими безполезными тратами и усиліями. Но въ это время прибылъ отъ гр. Гудовича курьеръ, съ приказаніемъ не отваживаться на открытое нападеніе на Карсъ.

Какъ болѣе опытный въ сношеніяхъ съ азіятами, Гудовичъ понялъ, что, судя по дѣлу у Бошурагели, нельзя было расчитывать на добровольную сдачу Карса, и что непріятель хочетъ только, своими коварными обѣщаніями, побудить наши войска отваживаться на открытое нападеніе сильной крѣпости, что было бы сопряжено съ неизбѣжной неудачей.

Поэтому Гудовичъ приказалъ генералу Несвѣтаеву отложить свои виды на Карсъ и ограничиться занятіемъ карскаго пашалыка и сборомъ съ него продовольствія, въ расчетѣ, что непріятель выступитъ изъ крѣпости въ поле, гдѣ его будетъ легче разбить.

Вслѣдствіе этого приказанія, Несвѣтаевъ отступилъ отъ Карса 26-го марта къ селенію Бондеверанъ, и занялся сборомъ мѣстныхъ средствъ продовольствія, ко-

торое отправлялось въ Гумры. Потерю турокъ при Карсѣ опредѣляютъ до 500 ч. убитыми [1]).

Вообще начало наступательныхъ дѣйствій Гудовича было неудачно. Не говоря уже о безполезной диверсіи къ Карсу, дѣйствія его, съ главными силами, сопровождались еще меньшимъ успѣхомъ.

Выѣхавъ 17-го апрѣля изъ Тифлиса, гр. Гудовичъ, собравъ къ этому дню у Тріазети свой отрядъ, въ числѣ до 4,000 челов., выступилъ къ Ахалкалаки съ намѣреніемъ овладѣть этою крѣпостью, и тѣмъ предупредить вторженіе собранныхъ у нея турецкихъ войскъ въ Мингрелію и Имеретію.

Выиграть время было важно, такъ какъ сераскиръ эрзерумскій, насколько было извѣстно, намѣревался усилить карскій гарнизонъ и дѣйствовать наступательно противъ русскихъ, почему и употреблялъ старанія собрать свою армію, еще не готовую къ выступленію.

Крѣпость Ахалкалаки имѣла до 1,500 челов. гарнизона и значительныя крѣпостныя ограды.

Высокая каменная стѣна, съ бойницами въ два яруса, и съ зубчатыми закрытіями на верху, обносила крѣпость. По угламъ ограды, и надъ воротами, которыя были, до половины, завалены камнемъ, возвышались зубчатыя башни, дававшія продольную оборону крѣпостнымъ фасамъ. Всѣ крѣпостныя зданія, въ видахъ предохраненія отъ бомбардированія, были врыты въ землю, на три четверти своей высоты, а оставшаяся надъ горизонтомъ часть прикрывалась земляною насыпью.

Подойдя къ крѣпости 6-го мая, гр. Гудовичъ потребовалъ сдачи; но получивъ отказъ, расположилъ свои батареи въ 250 саженяхъ отъ крѣпости, и открылъ бомбардировку, продолжавшуюся два дня. Однако дѣйствія орудій не наносили видимаго вреда непріятелю.

---

[1]) Тамъ-же.

Гр. Гудовичъ рѣшился взять крѣпость штурмомъ, назначеннымъ въ ночь съ 8-го на 9-е мая.

Для производства штурма, Гудовичъ могъ располагать только 2,000 челов., изъ полковъ Херсонскаго, кавказскаго гренадерскаго, 9 и 15 егерскихъ. Войска эти были раздѣлены на три колонны, которыми командовали генералъ-маіоры: Титовъ, Портнягинъ, и гр. Гудовичъ, сынъ главнокомандующаго. Резервомъ, изъ 3 эскадроновъ Нарвскаго драгунскаго и 500 чел. гренадерскаго Херсонскаго полковъ, 200 егерей и полка казаковъ, при 4 орудіяхъ, командовалъ г.-л. баронъ Розенъ.

По диспозиціи, всѣ три колонны должны были, до разсвѣта, занять назначенныя имъ для движенія къ атакѣ позиціи, и по данному сигнальному выстрѣлу идти въ атаку съ наступленіемъ разсвѣта.

Солдатамъ было запрещено стрѣлять изъ ружей, до тѣхъ поръ пока они не проникнутъ въ крѣпость. Главное же вниманіе обращалось на скорѣйшую эскаладу крѣпостной стѣны, для чего заготовлены были лѣстницы. Артиллерія дѣйствуетъ противъ крѣпостныхъ воротъ, стараясь разбить ихъ и образовать свободный входъ для войскъ, оставленныхъ въ резервѣ.

Но военное дѣло часто зависитъ отъ случайностей и такихъ обстоятельствъ, которыя не всегда можно устранить.

Предвидя затруднительность атаки крѣпости открытою силою, гр. Гудовичъ расчитывалъ на внезапность нападенія.

То, что часто удается съ опытными войсками, ведетъ къ инымъ результатамъ, когда предпринимается съ недостаточно подготовленными и слабыми солдатами. Въ войскахъ Гудовича было наполовину прошлогоднихъ рекрутъ, никогда еще не бывшихъ въ огнѣ и мало подготовленныхъ къ боевому дѣлу. Не мало было также и взятыхъ изъ гарнизоновъ солдатъ, отличавшихся сла-

бостію и безсиліемъ. Съ такими войсками можно было расчитывать на успѣхъ штурма только въ надеждѣ на какія нибудь особыя благопріятныя обстоятельства, которыхъ въ данномъ случаѣ не существовало.

Внезапность нападенія была предупреждена, бѣжавшимъ изъ нашего лагеря татариномъ, такъ что турки всю ночь на 9 мая, провели на сторожѣ.

Предшествовавшая бомбардировка не произвела никакихъ замѣтныхъ поврежденій въ крѣпостной стѣнѣ, и не сбила ни одного непріятельскаго орудія. Ворота также не были разбиты, а потому расчетъ на успѣхъ штурма по всему долженъ былъ признаваться сомнительнымъ. Даже въ случаѣ успѣха, нельзя было не предвидѣть сильныхъ потерь, не вознаграждавшихъ ожидавшихся выгодъ,

Тѣмъ не менѣе, Гудовичъ далъ сигналъ начать атаку. Уже начало свѣтать, такъ что движеніе штурмующихъ тотчасъ же было замѣчено, и изъ крѣпости открылся сильный огонь. Не смотря на запрещеніе стрѣлять, молодые солдаты не выдержали, и безполезной пальбой изъ ружей обнаружили пункты атаки.

Подбѣжавъ къ крѣпостной стѣнѣ, они начали взбираться по лѣстницамъ, которыя приставлялись безъ всякаго расчета, такъ что многія изъ нихъ были приставлены къ самимъ высокимъ частямъ ограды и не достигали ея вершины. Въ другихъ мѣстахъ, болѣе низкихъ, войска хотя и могли подняться на верхъ стѣны, но оттуда не могли спуститься внутрь крѣпостной ограды, такъ что, сидя на стѣнѣ, они представляли наиболѣе удобную цѣль для непріятеля. Только немногіе, старые солдаты, преодолѣвъ всѣ препятствія, успѣли овладѣть одною изъ угловыхъ башенъ ограды, отбивъ при этомъ у непріятеля пушки и знамя. Побѣда, казалось, склонялась на сторону русскихъ. Графъ Гудовичъ выслалъ на усиленіе атакующихъ весь резервъ, кромѣ 150 чел.

пѣхоты и своей конницы, которая не могла проникнуть въ крѣпость.

Занявшіе башню солдаты начали уже штыками гнать непріятеля внутри крѣпости, но они не были поддержаны другими частями, и принуждены были возвратиться въ башню. Въ это время турки взорвали бывшій въ башнѣ пороховой складъ, и она, вмѣстѣ съ горстью русскихъ храбрецовъ, взлетѣла на воздухъ.

Тогда Гудовичъ, видя невозможность продолжать атаку и замѣтивъ, что непріятельская конница показалась у него въ тылу, приказалъ начать отступленіе. Ободренные успѣхомъ, турки сдѣлали отчаянную вылазку, и успѣли при этомъ захватить одну пушку, стоявшую въ 40 саженяхъ отъ крѣпостныхъ воротъ, по которымъ она дѣйствовала, не успѣвъ разбить ихъ.

При штурмѣ Ахалкалаки, гр. Гудовичъ потерялъ 897 челов., т. е. почти треть своего отряда [1]). Послѣ такой неудачи нечего было и думать о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ на Ахалцыхъ, почему отрядъ Гудовича, простоявъ еще два дня подъ крѣпостью, возвратился въ Грузію и сталъ лагеремъ у Цалки.

Оправдываясь въ своей неудачѣ, Гудовичъ ссылался на малочисленность и неопытность своихъ солдатъ, на дурную погоду, ослабившую отрядъ болѣзнями, и на изнуреніе людей при движеніи по гористымъ мѣстностямъ, съ тяжелыми обозами, требовавшими помощи солдатъ.

„Въ войскѣ у меня, писалъ онъ, въ тоже время, министру иностранныхъ дѣлъ, почти половина прошлогоднихъ рекрутъ, да и корпусъ слабъ несоразмѣрно противъ непріятельскаго, который легко могъ имѣть до 40,000. Здѣсь всѣ вообще жители вооружены. Если, паче чаянія, миръ съ Персіею не возымѣетъ успѣха, то я

---

1) Донесеніе гр. Гудовича Императору, отъ 21-го мая 1807 г. Акты кавказской коммисіи 1807. Турція.

долженъ стоять противъ двухъ гораздо превосходнѣйшихъ непріятелей".

Гудовичъ находилъ, что нельзя полагаться и на Грузію, гдѣ имѣется много татаръ, единовѣрцевъ турокъ, и имѣющихъ при себѣ оружіе.

„Подвижнаго магазина у меня нѣтъ, потому что не имѣется людей, которыхъ къ этому можно опредѣлить, и при всѣхъ предложенныхъ выгодахъ склонить къ тому жителей было невозможно; всякіе подвозы дѣлаются по наряду и съ большими затрудненіями. Артиллерія не имѣетъ комплекта въ служителяхъ. Генеральнаго штаба у меня только два офицера".

Неудача у Ахалкалаки была тѣмъ важна для насъ, что сильно подняла надменный духъ турокъ. Юсуфъ-Зіяпаша, какъ анатолійскій главно-командующій, ссылаясь на понесенную нами неудачу, подъ Ахалкалаки, и рисуя самыми мрачными красками положеніе Россіи, имѣлъ дерзость обратиться къ генералу Несвѣтаеву съ письмомъ, въ которомъ, извѣщая его о своемъ прибытіи, съ арміей изъ Эрзерума къ Карсу, говоритъ: „нынѣ наряжается противъ васъ достаточный отрядъ войска, храбраго какъ соколы, и вслѣдъ за нимъ также отправлено многочисленное войско карскаго Вали-Мамедъпаши, состоящее изъ молодцевъ львообразныхъ, а черезъ нѣсколько дней я и самъ выступлю съ многочисленною арміею, волнующеюся какъ море и отличающеюся мужествомъ. А потому я васъ пробуждаю отъ сна и объявляю вамъ, генералу Несвѣтаеву, расположенному съ русскимъ отрядомъ въ верхней Шурагели: если вы на поприщѣ жизни желаете еще нѣсколько времени собирать зернышки спокойствія, и спасти отъ пролитія крови бѣдныхъ и несчастныхъ вашихъ солдатъ, то поспѣшите сдать ваши пушки и снаряды; сами же со всѣмъ войскомъ прибѣгните подъ покровительство Мамедъ-паши".

Далѣе въ письмѣ говорилось, что Бонапарте уничтожилъ уже всю русскую армію въ Польшѣ, взялъ ее въ числѣ 80,000 челов. въ плѣнъ, истребилъ болѣе половины Дунайской арміи, потопилъ нашъ флотъ въ Балтійскомъ морѣ, и самъ скоро прибудетъ въ Петербургъ, для защиты котораго спѣшатъ войска изъ Крыма, оставленнаго, будто бы, русскими.

Это лживое, и дерзкое письмо оканчивалось словами: „Вы будучи извѣщены мною обо всемъ этомъ, прежде чѣмъ сами и находящееся при васъ войско, съ офицерами, маіорами и ихъ семействами, содѣлаетесь плѣнными въ рукахъ мусульманскихъ храбрецовъ и львовъ, подобно тому какъ ваши собратія сдѣлались плѣнными, на той сторонѣ, у французовъ, должны по желать себѣ счастья и уйти въ свое отечество, сдавъ всѣ пушки, ружья и снаряды вышеназванному Мамедъ-пашѣ“ [1]).

Во всемъ этомъ важно было лишь то, что турки сами вѣрили всѣмъ этимъ нелѣпостямъ, и это не могло не отразиться на ихъ дѣйствіяхъ.

Послѣ неудачи на лѣвомъ флангѣ, противъ Карса, и въ центрѣ противъ Ахалкалаки, отрядъ генерала Рыкгофа, составлявшаго правый флангъ, подступилъ, 9-го мая, къ крѣпости Поти, потребовалъ сдачи, и получилъ отказъ.

Тогда Рыкгофъ выслалъ отрядъ для атаки предмѣстья, которое и было взято штыками. Преслѣдуя бѣгущихъ, войска наши подступили къ самой крѣпости, обведенной глубокими каналами, но не могли проникнуть въ крѣпость, такъ какъ отступившіе турки сломали всѣ мосты, перекинутые чрезъ каналы. Потерявъ въ этомъ дѣлѣ до 90 человѣкъ, Рыкгофъ намѣревался вести осаду крѣпости. Но въ это время было получено извѣстіе о неудачѣ штурма Ахалкалаки и объ отступ-

[1]) Акты кавказ. ком. 1807. Турція.

леніи Гудовича къ Цалкѣ, почему Рыкгофу приказано было также отступить отъ Поти и занять снова Имеретію.

Общая неудача, предпринятыхъ гр. Гудовичемъ наступательныхъ дѣйствій, принудившая войска наши отступить отъ Карса, Ахалкалаки и Поти, послѣ презрительнаго отказа въ сдачѣ этихъ крѣпостей, очень ободрила эрзерумскаго сераскира Юсуфъ-пашу, который успѣлъ къ этому времени собрать свою армію.

Зная малочисленность дѣйствовавшихъ противъ турокъ русскихъ войскъ, Юсуфъ-паша, съ 20,000 арміею, двинулся къ Карсу, усилился здѣсь мѣстнымъ гарнизономъ, и рѣшился идти прямо на Гумры, гдѣ находились склады продовольствія, отправляемые генераломъ Несвѣтаевымъ изъ карскаго пашалыка.

Узнавъ о наступленіи Юсуфъ-паши, отрядъ Несвѣтаева очистилъ карскій пашалыкъ, и отступилъ въ Гумры. Не сомнѣваясь въ дальнѣйшихъ успѣхахъ, Юсуфъ-паша считалъ уже овладѣніе складами въ Гумры дѣломъ рѣшеннымъ, и мечталъ о разбитіи всѣхъ войскъ гр. Гудовича, о вторженіи въ предѣлы Россіи и, даже, о занятіи Тифлиса.

Слѣдуя за отступающимъ отрядомъ Несвѣтаева, успѣвшимъ уже занять Гумры и въ нихъ укрѣпиться, эрзерумскій Юсуфъ-паша, прибывшій уже съ своею арміею въ Карсъ, отправилъ 7,000 отборнаго войска, извѣстнаго подъ названіемъ *делибашей*, для овладѣнія Гумрами.

21-го мая турки отчаянно атаковали Гумры. У Несвѣтаева было не болѣе 1,200 человѣкъ. Подпустя непріятеля на картечный выстрѣлъ, Несвѣтаевъ открылъ такой убійственный огонь изъ орудій, что турки, оставивъ въ полѣ до 300 незабранныхъ труповъ, поспѣшно отступили. При этомъ наши егеря, расположившись скрытно, вывели изъ рядовъ непріятеля еще до 100 человѣкъ.

Узнавъ о неудачѣ атаки, Юсуфъ-паша, со всею своею

арміею, двинулся отъ Карса, съ намѣреніемъ повторить нападеніе.

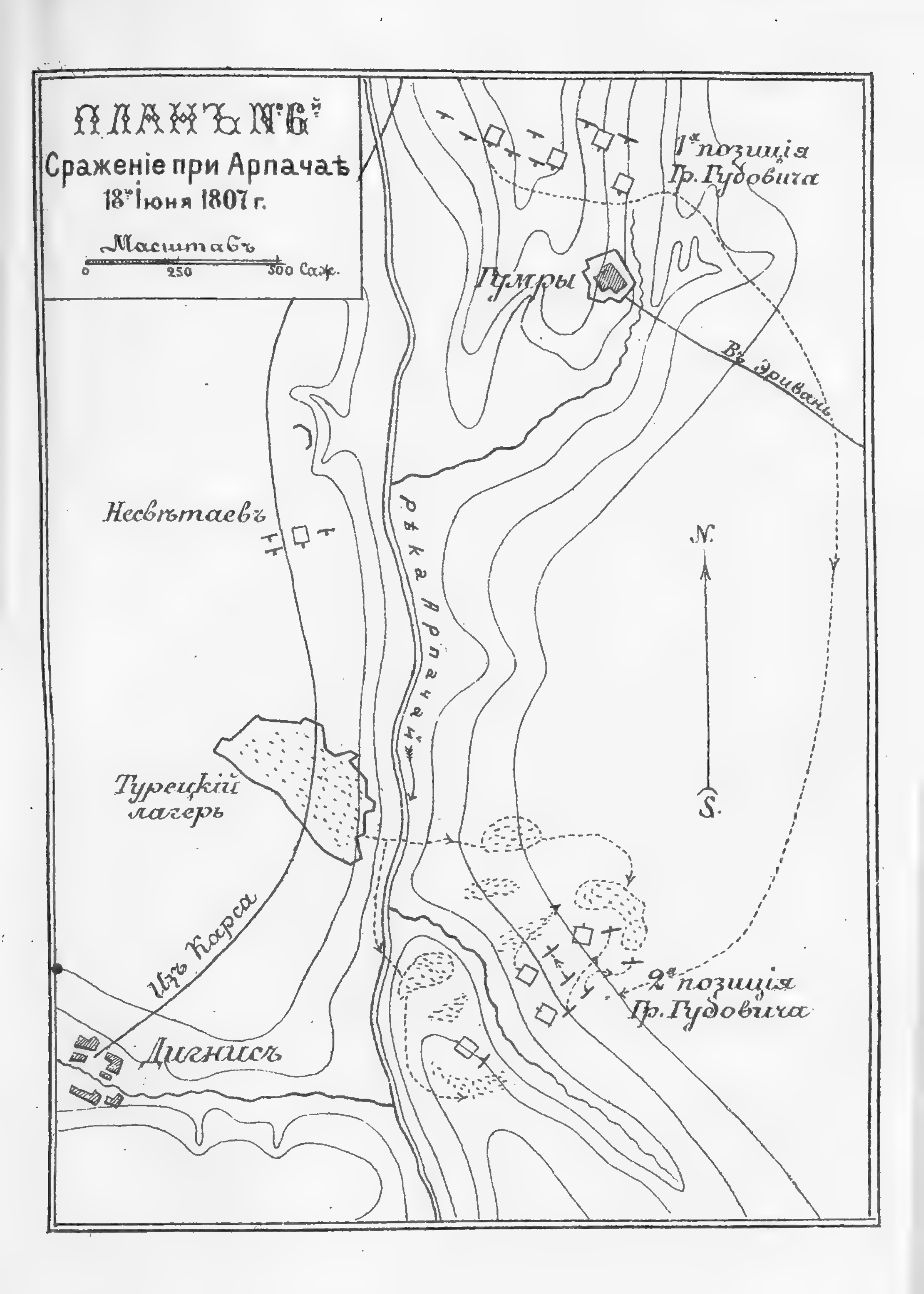
Графъ Гудовичъ, получивъ это извѣстіе, выступилъ 25-го мая изъ Цалки и двинулся форсированнымъ маршемъ на помощь Несвѣтаеву, выславъ впередъ, на казачьихъ вьюкахъ, артиллерійскіе снаряды, запасъ которыхъ въ Гумры уже истощался.

„Я видѣлъ уже, писалъ гр. Гудовичъ Несвѣтаеву отъ 3 іюня, опыты вашей храбрости и благоразумныхъ распоряженій, остаюсь увѣреннымъ, что вы, конечно, удержитесь противу непріятеля, до моего соединенія съ вами“.

Несвѣтаевъ оправдалъ довѣріе. Юсуфъ-паша вступилъ въ переговоры съ Баба-хана сыномъ, убѣждалъ его соединиться съ турками, и овладѣть шарагельскою провинціею. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Юсуфъ-паша, съ 10,000 чел., сдѣлалъ вторичное нападеніе на Гумры 2-го іюня. Атака снова была отражена, и непріятель оставилъ на мѣстѣ болѣе 400 труповъ, тогда какъ наша потеря не превосходила 40 человѣкъ.

Тѣмъ не менѣе, геройская защита Гумры не ослабляла энергіи турокъ, которые, зная о движеніи арміи гр. Гудовича на помощь этой крѣпостцы, рѣшились, въ третій разъ, атаковать ее, до прибытія къ ней подкрѣпленій.

Главныя силы гр. Гудовича были задержаны въ пути трудностію переправы на р. Лори и недостаткомъ перевозочныхъ средствъ. Но сознавая необходимость оказать, какъ можно скорѣе, помощь генералу Несвѣтаеву, авангардъ арміи, подъ начальствомъ генералъ-маіора Портнягина, получилъ приказаніе, преодолѣвая всѣ препятствія, прибыть въ Гумры не позже 5-го іюня. Но Портнягинъ опоздалъ, а между тѣмъ турки произвели третью атаку, именно 5 числа.

ПЛАНЪ №6й
Сраженіе при Арпачаѣ
18го Іюня 1807 г.
Масштабъ
0
250
500 Саж.
1я позиція
Гр. Гудовича
Гумры
Въ Эривань
Несвѣтаевъ
рѣка Арпачай
N.
S.
Турецкій
лагерь
Изъ Карса
2я позиція
Гр. Гудовича
Дигнисъ

Бой длился съ 10 часовъ утра до 6 пополудни. Непріятель и на этотъ разъ былъ отбитъ. „Могу сказать только безъ лести, писалъ Несвѣтаевъ Портнягину, что непріятель въ третій разъ уже со стыдомъ отступаетъ".

По поводу этой геройской защиты гр. Гудовичъ писалъ отъ 6-го іюня генералъ-маіору Несвѣтаеву: „признательность моя ко всѣмъ вашимъ дѣйствіямъ, достойнымъ опытнаго и предусмотрительнаго начальника отряда, вамъ порученнаго, есть совершенная".

Настойчивость нападеній Юсуфа-паши вызывала еще большее напряженіе усилій гр. Гудовича, скорѣе прибыть въ Гумры и дать непріятелю генеральное сраженіе. Сдѣлавъ на протяженіи 260 верстъ труднаго пути всего двѣ дневки, гр. Гудовичъ прибылъ въ Гумры 8-го іюня и сталъ въ 6 верстахъ отъ крѣпости.

Это заставило Юсуфа-пашу, у котораго собралось уже до 20,000 чел., отступить за Арпачай, по дорогѣ въ Дигнисъ, и стать въ укрѣпленномъ лагерѣ, верстахъ въ шести отъ Гумры, гдѣ онъ и ожидалъ прибытія новыхъ подкрѣпленій, слѣдовавшихъ изъ Карса. Юсуфъ-паша не сообразилъ, что каждый часъ промедленія съ его стороны можетъ быть для него гибельнымъ.

Графъ Гудовичъ соединился съ Несвѣтаевымъ 14-го іюня, имѣя, считая съ отрядомъ Несвѣтаева, 6,000 чел. подъ ружьемъ.

Съ этими силами гр. Гудовичъ не задумался атаковать втрое сильнѣйшаго непріятеля, и немедленно приступилъ къ рекогносцировкѣ турецкаго лагеря при Дигнисѣ. Атака назначалась на 17 іюня. Планъ нападенія состоялъ въ слѣдующемъ [1]):

Намѣреваясь отрѣзать Юсуфъ-пашу отъ Карса, гр. Гудовичъ приказалъ генералъ-маіору Несвѣтаеву, съ 3 баталіонами пѣхоты и 2 казачьими полками, перейдя Арпачай у Гумры, показывать видъ наступленія на

[1]) Планъ № 6.

фронтъ непріятельскаго лагеря. Самъ же гр. Гудовичъ, съ 9 баталіонами пѣхоты, готовился нанести Юсуфъ-пашѣ главный ударъ въ правый его флангъ и занять карсскую дорогу.

Чтобы отвлечь вниманіе противника отъ дѣйствительнаго пункта аттаки, гр. Гудовичъ произвелъ двѣ усиленныя рекогносцировки, какъ бы съ намѣреніемъ избрать на Арпачаѣ мѣста для переправы, выше Гумры, чтобы дѣйствовать противъ лѣваго непріятельскаго фланга.

Въ намѣреніи болѣе утвердить непріятеля въ этомъ мнѣніи, гр. Гудовичъ поставилъ свои войска лагеремъ, выше Гумры.

Зная, что Юсуфъ-паша ожидаетъ изъ Карса подкрѣпленій, Гудовичъ хотѣлъ скорѣе атаковать дигнисскую позицію, для чего и назначено было 17-го іюня. Но сильный дождь, съ градомъ, заставилъ отложить сраженіе до слѣдующаго дня, такъ какъ предстоявшее обходное движеніе непріятельскаго фланга должно было произвести ночью, а при дурной погодѣ и при испорченныхъ дорогахъ, такое движеніе слишкомъ изнурило бы войска.

Къ вечеру 17 числа дождь и буря прекратились. Оставивъ обозы въ Гумрахъ, гр. Гудовичъ съ своими 9 баталіонами выступилъ, съ наступленіемъ темноты, внизъ, по лѣвому берегу Арпачая, двигаясь четырьмя карреями слѣдовавшими одно за другимъ. Впереди находилось карре генералъ-лейтенанта барона Розена изъ баталіона кавказскаго и баталіона Херсонскаго гренадерскихъ полковъ. Слѣдовавшее за нимъ второе карре генералъ-маіора Титова состояло изъ 2 баталіоновъ херсонскихъ гренадеръ. 3-е карре, генералъ-маіора Портнягина, было вдвое сильнѣе, состоя изъ 4 баталіоновъ 9 и 15-го егерскихъ полковъ. Четвертое карре, генералъ-маіора Ушакова, составляло резервъ, и было въ составѣ одного баталіона кавказскихъ гренадеръ. Къ каждому изъ

трехъ линейныхъ карре было придано по 50 егерскихъ стрѣлковъ, а при резервномъ карре находилось 3 эскадрона нарвскихъ драгунъ и сотня линейныхъ казаковъ.

Въ такомъ порядкѣ отрядъ гр. Гудовича производилъ обходное движенiе. За неимѣнiемъ дорогъ, войска шли то камышемъ, то по узкимъ каменистымъ тропинкамъ, что, натурально, сильно утомляло ихъ, и еще болѣе увеличивало трудность ночнаго похода.

Пройдя 10 верстъ, Гудовичъ остановилъ отрядъ для отдыха, находясь отъ непрiятельскаго лагеря верстахъ въ пяти, и намѣреваясь атаковать его на разсвѣтѣ.

Но едва отрядъ Гудовича выступилъ изъ Гумры, какъ одинъ изъ перебѣжчиковъ бѣжалъ въ Дигнисъ и сообщилъ о томъ Юсуфъ-пашѣ. Къ счастью, направленiе отряда не было извѣстно перебѣжчику; къ тому же, онъ долженъ былъ употребить не мало времени, чтобы прибыть въ турецкiй лагерь, что и дало нашимъ войскамъ возможность стоять спокойно на привалѣ.

Получивъ извѣстiе о наступленiи русскихъ, но не зная откуда ожидать ихъ, Юсуфъ-паша поставилъ войска въ ружье, и выслалъ разъѣзды.

Одинъ изъ такихъ разъѣздовъ, до 200 человѣкъ, переправившись на лѣвый берегъ Арпачая, открылъ присутствiе отряда гр. Гудовича, и поспѣшно бросился назадъ на правый берегъ рѣки. Хотя высланные впередъ казаки и успѣли захватить нѣсколько изъ бѣжавшихъ турокъ, но остальные, прискакавъ въ лагерь, указали мѣсто расположенiя русскихъ.

Оставивъ небольшую часть войскъ для защиты своего лагеря, Юсуфъ-паша выступилъ съ остальною армiею изъ Дигниса, и началъ переправляться на лѣвый берегъ Арпачая. Тогда гр. Гудовичъ повернулъ свои карреи фронтомъ къ Арпачаю, и ждалъ нападенiя, на удобной позицiи. Три карре поставлены въ линiю, четвертое находилось въ резервѣ.

Начинало свѣтать.

Густыя массы непріятельской конницы ударили на ближайшее къ нимъ лѣвое карре барона Розена, и обогнувъ его съ трехъ сторонъ, старались отрѣзать отъ центральнаго карре, генералъ-маіора Титова, на которое также устремилась подоспѣвшая къ мѣсту сраженія часть турецкой конницы.

Мѣткимъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, непріятель былъ отбитъ отъ лѣваго карре, въ подкрѣпленіе котораго Гудовичъ выслалъ изъ резерва часть кавалеріи.

Вѣрные своей тактикѣ, турки, отбитые на лѣвомъ флангѣ, понеслись вдоль нашего фланга, и отчаянно атаковали, почти всѣми силами, право-фланговое карре, генералъ-маіора Портнягина, стараясь охватить его со всѣхъ сторонъ.

Зная хорошо тактику турокъ, гр. Гудовичъ предвидѣлъ, что непріятель, набрасываясь на ближайшее къ нему фланговое карре, намѣревается только привлечь туда вниманіе противника, съ цѣлью отдѣлить для усиленія его часть войскъ съ противуположнаго фланга, на который потомъ и ведется турками главная атака. Поэтому-то карре Портнягина и было составлено изъ четырехъ баталіоновъ, т. е. было вдвое сильнѣе остальныхъ.

Когда Юсуфъ-паша сосредоточилъ всѣ свои силы противъ правофланговаго карре, стало очевиднымъ, что отбитый отсюда непріятель обратится въ бѣгство. Поэтому, выславъ изъ резерва всю кавалерію въ помощь Портнягину, гр. Гудовичъ лично повелъ, ему же на помощь, среднее карре. Атака казаковъ и нарвскихъ драгунъ, въ лѣвый флангъ атаковавшихъ Портнягина турокъ, а съ другой стороны убійственный огонь средняго и праваго карре привели непріятеля въ видимое замѣшательство. Всѣ его атаки отбивались, не ослабляя энергіи противника. Но въ это время, на правомъ бе-

регу Арпачая, непріятель замѣтилъ приближеніе отряда генерала Несвѣтаева, направлявшагося по дорогѣ въ Дигнисъ. Юсуфъ-паша, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ своего лагеря, или быть атакованнымъ въ тылъ со стороны Арпачая, началъ, поспѣшно, отступать на правый берегъ этой рѣки.

Отступленіе это, вскорѣ, обратилось въ полное бѣгство, причемъ непріятель бросилъ на мѣстѣ двѣ пушки.

Графъ Гудовичъ, замѣтивъ отступленіе Юсуфъ-паши, двинулъ вслѣдъ за нимъ часть пѣхоты, а съ остальными спустился внизъ по Арпачаю, съ цѣлью отрѣзать непріятеля отъ Карса. Но по мѣрѣ приближенія отряда Несвѣтаева къ дигнискому лагерю, паника, охватившая непріятеля, достигла крайнихъ размѣровъ. Бросивъ весь лагерь, турки, замѣтивъ обходное движеніе гр. Гудовича, спѣшили, кто какъ могъ, ускакать въ Карсъ, чтобы не быть отъ него отрѣзаннымъ.

Такимъ образомъ побѣда была полная. Съ 6,000 чел. гр. Гудовичъ разбилъ на голову 20,000 армію Юсуфа-паши, взялъ лагерь и восемь орудій, потерявъ всего 82 челов. убитыми и ранеными [1]).

Преслѣдуя непріятеля верстъ десять по карской дорогѣ, и не имѣя возможности отрѣзать его отъ этой крѣпости, гр. Гудовичъ остановилъ свой отрядъ, выславъ къ Карсу только конные разъѣзды.

Узнавъ, что въ 45 верстахъ отъ мѣста остановки своего отряда, въ 12 верстахъ отъ Карса, въ укрѣпленной крѣпостцѣ Могазбертѣ, находится непріятельскій магазинъ, при слабомъ прикрытіи, гр. Гудовичъ выслалъ для овладѣнія Могазбертомъ 15-го егерскаго полка подполковника Печерскаго, съ 500 чел. пѣхоты и 300 казаковъ.

---

[1]) Донесеніе гр. Гудовича Императору отъ 22-го іюня 1807 г. Акты кавказ. коммисіи 1807. Турція.

Приблизясь къ крѣпостцѣ, Печерскій выслалъ впередъ для рекогносцировки казаковъ. Непріятель сдѣлалъ по нимъ выстрѣлъ изъ пушки, не нанеся никакого вреда.

Когда же турки замѣтили приближеніе русской пѣхоты, то бросивъ крѣпость, бѣжали чрезъ небольшую калитку въ оградѣ, и скрылись въ горахъ.

Печерскій занялъ крѣпость, въ которой оказалось 6 пушекъ, 2 фальконета, 300 четвертей пшеницы и запасъ соли.

Разсѣянные остатки арміи Юсуфъ-паши укрылись въ Карсѣ, занявъ его цитадель. Разъѣзды, высланные гр. Гудовичемъ по разнымъ направленіямъ, нигдѣ не встрѣчали непріятеля.

Но пользуясь побѣдою, Гудовичъ не могъ предпринять ничего рѣшительнаго противъ Карса, такъ какъ въ тылу и на флангѣ у него находились персидскія войска, можетъ быть ожидавшія первой неудачи съ нашей стороны, чтобы открыть противъ насъ враждебныя дѣйствія.

„Я все еще стою на р. Арпачаѣ, доносилъ гр. Гудовичъ Императору, отъ 18-го іюля, на турецкой границѣ, и удерживаюсь идти на дальнѣйшіе поиски, по причинѣ неокончанія переговоровъ съ персіянами, которыхъ лагерь, подъ командою эриванскаго хана, стоитъ въ Баку, между моимъ лагеремъ и Эриваномъ; а на Араксѣ, у Нахичевана, Баба-хановъ сынъ съ войсками. Персіяне, будучи въ близкомъ разстояніи, не оказываютъ никакихъ непріязненностей, такъ какъ и отъ меня, въ ожиданіи рѣшительнаго съ ихъ стороны отвѣта, не дѣлается никакихъ предпріятій, и эриванскій ханъ переписывается со мною. Не получая рѣшительнаго отвѣта на перемиріе, которое я предложилъ чрезъ посланца, проѣзжавшаго въ лагерь, послѣ разбитія турковъ, пославъ вмѣстѣ съ нимъ капитана Вологодскаго мушкетерскаго полка Дублянскаго къ Баба-ханову сыну, которому, по письму

ко мнѣ Баба-ханова министра Мирза-шефи, отъ отца его, Баба-хана, всѣ дѣла поручены, касательно къ перемирію, для заключенія котораго я всѣ тѣ пункты прописалъ, какъ Ваше Императорское Величество мнѣ повелѣть соизволили“ [1]).

Въ томъ же донесеніи гр. Гудовичъ приходитъ къ заключенію, что: „въ случаѣ несогласія персіянъ на перемиріе, къ которому они теперь, кажется, близки, должно мнѣ будетъ уже дѣлать прежде поискъ на нихъ, не входя въ карсскій пашалыкъ, по причинѣ той, что они тогда, сдѣлавшись позади меня, могли бы прервать мнѣ коммуникацію, особливо въ доставленіи провіанта изъ Тифлиса, въ чемъ я имѣю мучительную заботу; и хотя войска никогда еще въ провіантѣ нужды не имѣли, получая сверхъ того не рѣдко и мясную порцію, изъ скотины, взятой у непріятеля, но я не могу еще до сихъ поръ получить нужный запасъ въ провіантѣ, для дальнѣйшаго движенія, какъ по причинѣ трудной дороги черезъ горы до моего лагеря, такъ особливо, что грузины не только добровольно, за дорогую цѣну не нанимаются, но и по наряду, съ экзекуціею, съ непомѣрнымъ затрудненіемъ, хотя за плату недовольное число высылается“.

Сверхъ того гр. Гудовичъ упоминаетъ, что не рѣдко грузины оставляютъ свои арбы съ провіантомъ и, забравъ свой скотъ съ пастьбы, уходятъ съ ними въ горы [2]).

Указываемыя выше обстоятельства заставили гр. Гудовича простоять цѣлый мѣсяцъ въ полномъ бездѣйствіи на Арпачаѣ, когда въ концѣ іюля было получено извѣстіе о заключеніи Тильзитскаго договора и о начавшихся съ турками переговорахъ о перемиріи.

---

[1]) Акты кавказ. коммис. 1808. Персія.

[2]) Дѣло Воен. Учен. Арх. № 4,435.

Извѣстіе о подписаніи Слободзейскаго перемирія гр. Гудовичъ получилъ отъ эрзерумскаго Юсуфа-паши, сообщившаго ему о томъ письмомъ отъ 16-го октября.

Въ этомъ письмѣ, ссылаясь на условія перемирія, Юсуфъ-паша требовалъ возврата взятыхъ крѣпостей и пушекъ, которыя достались русскимъ при Карсѣ и Мозагбертѣ.

Графъ Гудовичъ отвѣчалъ на это, что „хотя въ Слободзеѣ и постановлено перемиріе, но такъ какъ онъ, состоя въ званіи фельдмаршала, старше Михельсона и отъ него не зависитъ, то не обязанъ принимать условій, основанныхъ на положеніи „мѣстъ, дѣлъ и обстоятельствъ“, въ какихъ находится Михельсонъ; напротивъ, онъ, какъ совершенно независимый главнокомандующій, постановитъ съ пашею свои условія перемирія, до наступленія самаго мира. Такъ какъ я не занималъ здѣсь военныхъ крѣпостей, то и возвращать вамъ нечего, писалъ онъ. Что-же касается до взятыхъ въ сраженіяхъ пушекъ и прочей военной добычи, то — „ни въ какомъ народѣ не бываетъ того, дабы отбитыя во время сраженія пушки или багажъ, когда либо, по окончаніи войны, были назадъ возвращаемы. Ибо пушки, въ такомъ случаѣ, поступаютъ въ казну, а багажъ почитается собственностію побѣдителей и отдается солдатамъ“. Когда возвращаются взятыя крѣпости, то возвращаются и принадлежащія къ ней пушки, орудія же, взятыя въ полѣ, ни въ какомъ случаѣ не возвращаются; что касается обмѣна плѣнныхъ, то, не смотря на то, что турецкихъ плѣнныхъ у насъ гораздо больше, чѣмъ нашихъ у турокъ, обмѣнъ будетъ произведенъ. Пограничныхъ же войскъ отвести назадъ мы не можемъ, такъ какъ съ Персіей миръ еще не заключенъ“ [1]).

Затѣмъ гр. Гудовичъ подписалъ съ Юсуфъ-пашею перемиріе для войскъ, дѣйствовавшихъ въ Азіи, съ усло-

---

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Prosorowsky. 1807.

віемъ, что̀ каждая изъ двухъ сторонъ должна предупредить другую, за три недѣли, до открытія военныхъ дѣйствій.

За подписаніе этого перемирія и за пораженіе на Арпачаѣ Юсуфъ-паша лишился головы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ окончательнаго замиренія съ Персіей все еще не заключалось. Въ началѣ кампаніи 1807 г. персіяне возбуждали эрзерумскаго Юсуфъ-пашу къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ русскихъ, и обѣщали ему свою поддержку.

Въ то время, когда обнадеженный Юсуфъ-паша открылъ наступленіе, персы, стоявшіе въ Эривани и въ Нахичеванѣ, сохраняли выжидательное положеніе. Нельзя было сомнѣваться, что при первой неудачѣ нашихъ войскъ, персы приняли бы сторону турокъ, что могло поставить малочисленную армію Гудовича въ весьма затруднительное положеніе.

Арпачайская побѣда тѣмъ и была важна, что ею былъ предупрежденъ союзъ Персіи съ Турціей. Дѣйствительно, послѣ одержанной побѣды надъ Юсуфъ-пашею гр. Гудовичъ получилъ отъ эриванскаго хана, войска котораго находились всего въ 12 верстахъ отъ мѣста сраженія, письменное поздравленіе съ одержанною побѣдою, и въ подарокъ лошадь съ богатою сбруей. Вмѣстѣ съ тѣмъ персы сдѣлались, видимо, сговорчивѣе въ переговорахъ о мирѣ, и согласились отвести отъ Эривани свои войска, оставивъ только 5,000 челов. въ этой крѣпости.

По установленіи перемирія съ Турціей, наступило время положить конецъ неопредѣленнымъ отношеніямъ къ Персіи.

„У васъ съ Персіею ни миръ, ни война, писалъ баронъ Будбергъ гр. Гудовичу отъ 13-го августа 1807 г. Таковой образъ поведенія (Баба-хана) могъ быть терпимъ въ уваженіе военныхъ дѣйствій съ Портою, содѣ-

лывая, однако же, положеніе ваше весьма тягостнымъ. Трудность сего положенія, побѣжденная вашимъ благоразуміемъ, скоро прекратиться должна заключеніемъ перемирія съ великимъ визиремъ на Дунаѣ. Въ такомъ случаѣ, имѣя развязанныя руки съ одной стороны, можно будетъ прибѣгнуть къ побудительнымъ средствамъ съ другой стороны, и сдѣлать также экспедицію противъ персіянъ, единственно для того, чтобы возродить въ нихъ сильнѣйшее и чистосердечное желаніе къ миру“ [1]).

Въ виду этихъ соображеній, предполагалось открыть движеніе на Эривань. Но персы поняли опасность своего положенія, и потому рѣшились, наконецъ, подписать перемиріе. Аббасъ-мирза, въ первыхъ числахъ сентября, прислалъ гр. Гудовичу письмо съ изъявленіемъ готовности установить перемиріе. Графъ Гудовичъ отвѣчалъ, что, принимая перемиріе, онъ проситъ прислать для переговоровъ довѣренное лицо въ Шурагель.

Условія же мира, указанныя имъ прежде, остаются неизмѣнными, и подлежатъ утвержденію Императора.

Соглашаясь на перемиріе, Аббасъ-Мирза, въ октябрѣ, отправилъ посла къ Наполеону, съ просьбою побудить Россію отдать Грузію Персіи. Въ случаѣ же неудачи этого ходатайства онъ рѣшался принять границу по р. Араксъ.

Была уже половина ноября, а Аббасъ-мирза все еще не подписывалъ, установленнымъ порядкомъ, перемирія. Между тѣмъ персы изъ Эривани дѣлали набѣги съ цѣлью угона изъ Помбакской и Шурагельской провинцій скота; подобные же грабежи персы производили и со стороны Карабага.

Поэтому гр. Гудовичъ писалъ Аббасъ-мирзѣ отъ 15-го ноября 1807 г. [2]). „Я не вижу никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій, съ вашей стороны, къ заключенію пере-

[1]) Акты кавказ. ком. 1807. Персія.

[2]) Гл. Арх. М. И. Д. Prosorowsky. 1807. № 266.

мирія; я отдаю на собственный судъ вашъ, можетъ ли сіе споспѣшествовать окончанію благаго дѣла, начатаго со стороны Персіи, и безъ перемирія можетъ ли быть постановленъ полный миръ. Я полагаю и увѣренъ, что не можетъ принесть пользы для персидскихъ провинцій".

Но замиренію съ Персіей начала теперь сильно мѣшать Англія, отправивъ въ Тегеранъ Гарфорта-Жонеса. Какъ противувѣсъ интригамъ Жонеса, Наполеонъ назначилъ въ Тегеранъ генерала Гордона, который въ письмѣ къ гр. Гудовичу отъ 24-го декабря 1807 года писалъ [1]). „Le connais le desir de mon souverain pour donner la paix à la Perse, et je ferai ce qui dépendra de moi pour le seconder. Le vous offre dans ce pays tout ce qui peut dépendre de moi". На этомъ и остановились съ Персіей переговоры въ 1807 году.

Армія гр. Гудовича расположилась на зимнія квартиры по лѣвую сторону Арпачая, оставивъ небольшіе отряды въ Грузіи и другихъ мѣстахъ. Самъ Гудовичъ уѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ и получилъ за побѣду при Арпачаѣ чинъ фельдмаршала.

VIII.

Мѣры, принятыя для обороны Крыма.—Черноморскій флотъ.—Предположеніе овладѣть Константинополемъ.—Дѣйствія противъ Анапы и занятіе ея.—Экспедиція къ Трапезунту.

Разсмотрѣвъ дѣйствія русскихъ сухопутныхъ армій Михельсона и гр. Гудовича на европейскомъ и азіятскомъ театрахъ войны, обратимся теперь къ обзору дѣйствій нашихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ и Архипелагѣ.

Еще въ концѣ 1806 года, когда разрывъ съ Турціею былъ уже объявленъ манифестомъ Порты, командующій 13-ю пѣхотною дивизіею и вмѣстѣ съ тѣмъ управляв-

---

[1]) Арх. М. И. Д.

шій Херсонскою губерніею, генералъ-лейтенантъ Дюкъ де-Ришелье представилъ свои соображенія, относительно необходимой обороны черноморскаго побережнаго пространства.

Въ рапортѣ своемъ, отъ 6-го января 1807 года № 64, къ военному министру, Ришелье указывалъ на необходимость имѣть въ виду дѣйствія турецкаго флота въ Черномъ морѣ и оборону его береговъ. Въ то время какъ у насъ, за отсылкою въ Корфу части Черноморскаго флота, оставалось на лицо всего 7 кораблей, съ небольшимъ числомъ фрегатовъ, турки, по имѣвшимся достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, имѣли въ Черномъ морѣ 23 линейныхъ корабля, не считая значительнаго количества меньшихъ судовъ. Предполагая даже, что непріятель, по недостатку матросовъ, не могъ выставить всѣ эти суда въ море, было несомнѣнно, что морскія его силы, при всѣхъ встрѣчахъ, будутъ имѣть перевѣсъ передъ нами. Гребная наша флотилія, собранная въ Черномъ морѣ, не могла служить ни для дѣйствія въ морѣ, ни для защиты береговъ и, къ тому же, назначалась, исключительно, для плаванія въ Дунаѣ, въ помощь сухопутнымъ войскамъ, дѣйствовавшимъ съ цѣлью овладѣнія дунайскими крѣпостями.

Поэтому, для обороны береговой черноморской линіи, простиравшейся болѣе 300 верстъ, отъ устья Днѣстра до Еникале, нельзя было полагаться на силы нашего флота, а являлось необходимымъ обезпечить оборону при помощи сухопутныхъ войскъ. Но въ это время у насъ въ Крыму было всего до 5,500 челов., изъ коихъ 1,500 чел. назначались на Кубань.

Береговая оборона была подраздѣлена, по линіи протяженія, на двѣ части: отъ устья Днѣстра до устьевъ Днѣпра, и оттуда до Еникале, включая всю береговую линію Крыма.

Хотя, на такомъ большемъ пространствѣ, непріятель могъ сдѣлать покушеніе во многихъ пунктахъ, съ цѣлью какъ разоренія приморскихъ городовъ, такъ и для десанта внутрь материка, но было бы невозможнымъ располагать по всей береговой линіи войска. Для этого потребовалось бы очень много силъ и, за всѣмъ тѣмъ, береговая защита была бы одинаково слаба на всемъ пространствѣ.

Поэтому Ришелье принялъ иную систему обороны. Онъ остановился на мысли, что лучше имѣть значительные отряды въ нѣсколькихъ, наиболѣе важныхъ, пунктахъ побережья, съ тѣмъ, чтобы отряды эти быстро устремлялись туда, гдѣ непріятель обнаружитъ свои попытки.

Такими пунктами представлялись: Одесса, о богатствѣ которой турки давно уже знали; затѣмъ Кинбурнъ, овладѣніе которымъ давало непріятелю возможность, закрывъ устья Днѣпра, парализовать дѣйствія нашихъ флотилій, находившихся въ Херсонѣ и Николаевѣ. Сверхъ того, владѣя Кинбурномъ, турки могли расчитывать на поддержку своихъ единовѣрцевъ въ Крыму, тѣмъ болѣе, что Крымъ былъ занятъ въ это время лишь незначительными русскими отрядами. Тамъ было всего, изъ состава 13-й дивизіи—Эстляндскій мушкетерскій и два егерскіе полка, 2 баталіона гарнизонныхъ, 1 греческій пѣхотный баталіонъ и 2 полка казаковъ. Въ Одессѣ находились только 2 баталіона пѣхоты, а Кинбурнъ и Очаковъ охранялись лишь однимъ гарнизоннымъ баталіономъ.

Такъ какъ всѣ остальныя войска 13-й пѣхотной дивизіи были отправлены въ армію Михельсона, то оборона черноморской линіи представлялась весьма слабою, какъ на сушѣ, такъ и со стороны моря.

Для обезпеченія обороны, Ришелье полагалъ необходимымъ имѣть въ Одессѣ 7, а между Кинбурномъ и Кры-

момъ не менѣе 6 баталіоновъ пѣхоты, назначавшихся какъ для поддержанія Кинбурна, такъ и для дѣйствія въ Крыму, если бы непріятель вторгнулся въ полуостровъ [1]).

Главнокомандующій Михельсонъ не могъ отдѣлить отъ своей арміи для обороны Крыма ни одного солдата.

Изъ ближайшихъ къ черноморской береговой линіи пунктовъ, откуда можно было, въ случаѣ крайности, призвать нѣкоторыя части войскъ къ береговой оборонѣ, находилось въ Херсонѣ 2 баталіона мушкетеръ и гарнизонный полкъ. Сверхъ того, одинъ гарнизонный баталіонъ стоялъ въ Екатеринославѣ.

Но такъ какъ оставить Херсонъ безъ войскъ представляло большія неудобства, то для усиленія береговой обороны Чернаго моря, въ распоряженіе Ришелье было выслано изъ Москвы семь гарнизонныхъ баталіоновъ [2]) и еще готовилось къ отправкѣ четыре гарнизонные баталіона [3]).

Болѣзнь Дюка де-Ришелье заставила его, въ срединѣ февраля 1807 года, передать маркизу де-Траверсе всѣ оставшіяся у него, за отправкою въ армію Михельсона, войска 13 дивизіи, а также всѣ войска, находившіяся въ губерніяхъ—Херсонской, Екатеринославской и Таврической.

По соглашенію между Дюкомъ де-Ришелье и маркизомъ Траверсе, въ видахъ береговой обороны, войска были размѣщены слѣдующимъ образомъ: въ *Одессѣ* 3 гарнизонныхъ баталіона, 2 Ладожскаго мушкетерскаго и Маріупольскій гусарскій полкъ. Въ *Херсонѣ* 3 гарнизонныхъ баталіона. Въ Кинбурнѣ и Очаковѣ—Очаковскій баталіонъ. Для обороны Крыма, по проекту генерала

---

1) Дѣло Воен. Учен. Архива № 1,365, стр. 11.

2) Воронежскій, Саратовскій, Тамбовскій, Владимірскій, Нижегородскій, Пензенскій и Царицынскій.

3) Азовскій, Таганрогскій и 2 Дмитріевскихъ.

отъ инфантеріи и кавалеріи Феньша, положено имѣть, въ общемъ сборѣ, отрядъ въ 5,000 челов., для быстраго его передвиженія къ тому пункту, гдѣ окажется надобность.

Признавая вполнѣ пользу учрежденія такого подвижнаго отряда, маркизъ де-Траверсе, въ видахъ лучшаго размѣщенія людей, раздѣлилъ этотъ отрядъ на двѣ части, которыя и были поставлены около Карасу базара Симферополя, какъ наиболѣе центральномъ пунктѣ, въ которомъ, сверхъ того, сосредоточено было гражданское управленіе Крыма и находились значительныя казенныя суммы [1]). Отсюда въ два перехода можно было поспѣть къ любому пункту на южномъ берегу Крыма или къ Севастополю, если бы непріятель обратилъ на него свои силы. Соединившись съ мѣстными войсками, наблюдавшими береговую линію, которымъ, въ случаѣ превосходства непріятельскихъ силъ, было приказано отступать, подвижной отрядъ всегда могъ противупоставить непріятелю до 6,000 челов., чего было совершенно достаточно, чтобы не допустить турокъ утвердиться на полуостровѣ.

Для помѣщенія этого подвижнаго отряда, предполагалось сперва устроить землянки или шалаши изъ хвороста и камыша; но по неимѣнію хвороста и затруднительности постройки шалашей, которые пришлось бы бросить при передвиженіи отряда, приказано было купить по 30 руб. за каждую войлочную, нагайскую палатку, на роту до 10 и для офицеровъ по 3 палатки, которыя предположено возить за отрядомъ на татарскихъ арбахъ, вмѣстѣ съ другими вещами.

Въ составъ подвижнаго отряда входили Эстляндскій мушкетерскій полкъ, 2 баталіона Полтавскаго, по 1 баталіону 12 и 22 егерскихъ полковъ, 6 гарнизонныхъ

[1]) Рапортъ генералъ-лейтенанта Пущина маркизу де-Траверсе отъ 14-го марта 1807 г.

баталіоновъ и греческій Балаклавскій пѣхотный баталіонъ. Фанагорію и Бугасъ предположено занять однимъ гарнизоннымъ баталіономъ, который, весною, долженъ быть переведенъ туда изъ Ростова.

3 полка казаковъ назначены для кордона, вдоль всѣхъ береговъ Крымскаго полуострова. Сверхъ того Владимірскій драгунскій полкъ, переведенный съ Кавказа, расположенъ въ Карасубазарѣ, а Донской казачій Власова 2-го полкъ содержалъ кордонъ отъ Кинбурна до Перекопа, и между устьями Днѣстра и Буга.

При такой системѣ обороны Крыма, не только представлялось возможнымъ обезпечить полуостровъ отъ всѣхъ покушеній противника, но въ случаѣ возможности въ пять дней выслать изъ Крыма войска къ берегамъ Анатоліи, чтобы угрожать Трапезунту, Батуму и другимъ приморскимъ пунктамъ.

Такъ какъ для приведенія въ исполненіе мѣръ, касающихся обороны береговой линіи, требовалось значительно усилить составъ войскъ, бывшихъ въ распоряженіи Ришелье, то всѣ 7 гарнизонныхъ баталіоновъ, назначенныхъ въ его армію, тотчасъ же были высланы изъ Москвы, прямымъ путемъ на Екатеринославъ, форсированнымъ маршемъ, дѣлая въ сутки не менѣе 60 верстъ, и отдыхая только 1 день въ недѣлю. Для облегченія столь быстраго марша, на каждые 100 челов. назначалось по 50 одноконныхъ обывательскихъ подводъ [1]).

Послѣ отъѣзда Ришелье изъ арміи, командованіе надъ частью войскъ 13-й дивизіи, бывшихъ въ Бессарабіи, было поручено генералу Мейндорфу, а оставшіяся отъ этой дивизіи войска, со всѣми назначенными на усиленіе ихъ отрядами, маркизу де-Траверсе. Впрочемъ, войсками этими командовалъ генералъ-лейтенантъ Пущинъ 1, такъ какъ Траверсе, командуя нашимъ черноморскимъ

---

[1]) Дѣло Воен. Учен. Арх. № 1,365, стр. 34 и 186.

флотомъ, фактически не могъ управлять сухопутною обороною.

Къ 11 марта 1807 года сухопутныя войска по оборонѣ Чернаго и Азовскаго морей получили окончательное распредѣленіе.

Чтобы не ослаблять регулярныхъ войскъ содержаніемъ гарнизоновъ въ побережныхъ крымскихъ крѣпостяхъ и городахъ, маркизъ де-Траверсе требовалъ присылки къ нему 37,000 чел. милиціи. Находя такое требованіе чрезмѣрнымъ и могущимъ только затруднить продовольствіе крымскихъ войскъ, Императоръ Александръ приказалъ назначить для этой цѣли только 15,000 милиціонеровъ, которые и были отправлены въ Крымъ [1]).

Такимъ образомъ, маркизъ де-Траверсе соединялъ въ своемъ распоряженіи всѣ боевыя силы на черноморскомъ театрѣ войны.

Естественнѣе всего было предположить, что турки, пользуясь численнымъ превосходствомъ своихъ морскихъ силъ, направятъ свои усилія, какъ и въ 1788 г., главнымъ образомъ, на Крымъ, о возвращеніи котораго каждый турокъ говорилъ въ Константинополѣ какъ о предметѣ, не допускающемъ никакихъ возраженій.

Между тѣмъ, судя по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Турціи, непріятель могъ располагать въ Черномъ морѣ 31 парусным судномъ, въ томъ числѣ 16 линейными кораблями, хорошо вооруженными, и 18 корветами, не считая мелкихъ и транспортныхъ судовъ, число которыхъ простиралось до 100 и даже болѣе, чего было достаточно для помѣщенія 15,000 челов. Конечно, силъ этихъ было бы недостаточно для овладѣнія

---

[1]) Рескриптъ маркизу де-Траверсе. Дѣло Воен. Учен. Арх. № 1,365, стр. 227.

Крымомъ, но тѣмъ не менѣе, непріятель легко могъ предпринимать разныя демонстраціи и угрожать тому или другому пункту на нашей береговой линіи. Прежде всего слѣдовало ожидать покушеній непріятеля въ Черномъ морѣ на Одессу, Кинбурнъ и Севастополь, въ расчетѣ на содѣйствіе татаръ крымскаго полуострова своимъ единовѣрцамъ; а на Азовскомъ морѣ покушенія могли быть произведены на Таганрогъ и Ростовъ.

Нашъ черноморскій флотъ состоялъ въ это время всего изъ 6 линейныхъ кораблей и 12 другихъ судовъ разной величины, 40 шлюпокъ, находившихся въ Одессѣ, и 39 строившихся на верфяхъ лодокъ, которыя должны быть окончены къ марту мѣсяцу. На каждой шлюпкѣ или лодкѣ можно было помѣстить 60 человѣкъ, не считая гребцовъ, и на 8 дней продовольствія.

Эти легкія суда, по невозможности дѣйствовать въ открытомъ морѣ, назначались для плаванія по Дунаю въ помощь сухопутнымъ войскамъ, осаждавшимъ Измаилъ и другія дунайскія крѣпости. При благопріятныхъ же обстоятельствахъ, если турецкій флотъ уйдетъ въ море, далеко отдалившись отъ Босфора, предполагалось возможнымъ направить легкія суда по западному берегу Чернаго моря, къ Варнѣ, и даже къ Константинополю, чтобы угрожать столицѣ Порты.

Продовольствіе войскъ, расположенныхъ въ Крыму и вообще назначенныхъ для береговой обороны, требовало особенной заботливости, въ виду затруднительной доставки продуктовъ въ мѣстные склады.

Склады эти были учреждены въ магазинахъ, устроенныхъ въ Симферополѣ, Карасу базарѣ, Феодосіи, Еникалѣ, Евпаторіи, Севастополѣ, Фанагоріи, Херсонѣ и Одессѣ.

Въ магазинахъ этихъ собрано запасовъ, на срокъ съ 1-го марта до 1-го іюля, т. е. на четыре мѣсяца, для всѣхъ войскъ береговой обороны, на что потребовалась

сумма въ 606,047 рублей. Стоимость продуктовъ, смотря по мѣстности, обошлась за муку отъ 6 р. 65 коп. до 8 р. 80 коп., за крупу отъ 8 р. 95 к. до 10 руб. 30 к. за четверть, и сѣна по 25 копѣекъ [1]).

Независимо отъ этого количества продовольствія, приняты были мѣры къ заготовленію, съ помощію подрядовъ, за опредѣленную цѣну, годоваго запаса продовольствія, на срокъ съ 1-го іюля 1807 по 1-е іюля 1808 года, что вполнѣ обезпечивало продовольственную часть войскъ, состоявшихъ въ командѣ маркиза де-Траверсе.

По затруднительности сухопутной доставки запасовъ въ назначенные въ Крыму магазины, всѣ склады отправлялись моремъ, изъ Таганрога и Ростова въ Арабатъ, откуда уже сухопутно развозились по полуострову; а въ приморскіе магазины, когда непріятель тому не препятствовалъ, хлѣбъ доставлялся изъ Таганрога на судахъ.

Такъ какъ въ Арабатѣ не было помѣщенія для склада припасовъ, то они складывались въ бунты и прикрывались старыми кульями. Опытъ доказалъ, что при сухости мѣстнаго климата, такая укладка не портила хлѣба, до наступленія осеннихъ дождей.

Укрѣпленія Очакова и Кинбурна были исправлены, частью дополнены, и приведены въ оборонительное состояніе.

Въ Керчи, Феодосіи и Евпаторіи насыпаны береговыя батареи, и укрѣплено устье Днѣпра, для прикрытія Херсона. Для вооруженія этихъ батарей были взяты орудія изъ Азова, Херсона и Николаева. Сверхъ того, изъ Кіева высланы были артиллерійскія роты, доставившія 18 орудій для обороны внутри полуострова, и 18 орудій для береговой линіи отъ Одессы до Очакова.

---

[1]) Рапортъ провіантской Кременчугской комиссіи, отъ 26-го февраля 1807 г. маркизу де-Траверсе.

Въ Фанагорію и Бугасъ отправлено по 3 орудія изъ Георгіевска [1]).

Таковы были распоряженія по оборонѣ Крыма и черноморскаго побережья. Сухопутная оборона не могла, однако, считаться надежной, безъ содѣйствія флота, образованіе котораго составляло предметъ постоянной заботливости правительства.

Когда, въ концѣ 1806 года, разрывъ съ Турціей оказался неизбѣжнымъ и армія Михельсона вступила въ дунайскія княжества, весь гребной флотъ, собранный въ Николаевѣ, въ числѣ 80 канонерскихъ лодокъ и 6 фрегатовъ, подъ начальствомъ контръ-адмирала С. А. Пустошкина, получилъ приказаніе выступить въ Одессу, куда и прибылъ 15-го ноября.

Въ это время, какъ мы видѣли, корпусъ Дюка-де-Ришелье приближался къ Аккерману. Флотилія Пустошкина должна была оказать ему содѣйствіе въ овладѣніи Аккерманомъ. Не смотря на то, что въ это время стояли 10 градусные морозы, и флотиліи нашей приходилось прорубать ледъ, она, преодолѣвъ всѣ трудности, подошла къ крѣпости 24-го ноября, и своимъ появленіемъ способствовала сдачѣ Аккермана, безъ сопротивленія. По крайней мѣрѣ, командовавшій въ крѣпости паша, сдавая ее Дюку де-Ришелье, сказалъ: „Не овладѣть бы вамъ Аккерманомъ, если бы не налетѣли эти черныя вороны“, какъ называлъ онъ суда нашего черноморскаго флота, которыя всѣ были выкрашены черною краскою [1]).

Черноморская флотилія участвовала также и при занятіи нашими войсками Киліи 12-го марта 1807 года.

Легкость, съ которою армія Михельсона занимала непріятельскія крѣпости, и видимая неготовность Турціи къ

---

[1]) Записка инспектора всей артиллеріи (гр. Аракчеева) отъ 13-го марта 1807 г. Воен. Учен. Арх., дѣло № 1,365, стр. 50.

[2]) Адмиралъ Сенаторъ, Семенъ Аѳанасьевичъ Пустошкинъ. С.-Петербургъ. 1853 г.

войнѣ внушили смѣлую мысль сдѣлать попытку для овладѣнія съ моря самимъ Константинополемъ. Поэтому, весь нашъ черноморскій флотъ былъ собранъ у Севастополя, и адмиралъ Чичаговъ, бывшій въ то время морскимъ министромъ, приказалъ Пустошкину, съ 1,700 чел. морскаго и сухопутнаго войска, выступить въ началѣ апрѣля изъ Севастополя и слѣдовать къ Константинопольскому проливу, стараясь появиться передъ нимъ ночью, или въ туманную погоду, чтобы не быть замѣченнымъ турками. По пути плаванія, Пустошкинъ долженъ былъ забирать всѣ попадающіяся ему на встрѣчу турецкія суда.

Проникнувъ въ проливъ, флотъ нашъ долженъ былъ сбить береговыя непріятельскія батареи, сдѣлать высадку у Буюкдере, и съ сухопутнымъ отрядомъ идти, берегомъ, на Константинополь, направивъ туда же, по проливу, всю флотилію, которая, разбивъ турецкія суда въ Босфорѣ, долженствовала бомбардировать столицу Порты, въ то время, какъ сухопутныя войска должны были овладѣть ею штурмомъ.

Въ случаѣ успѣха слѣдовало потребовать отъ турокъ свободнаго пропуска чрезъ Дарданеллы эскадры вице-адмирала Сенявина, находившейся въ Архипелагѣ.

Если же овладѣніе Константинополемъ окажется невозможнымъ, то Пустошкину приказано было пробиться чрезъ Дарданеллы и соединиться съ Сенявинымъ.

Нельзя не признать, что вся эта экспедиція была построена на слишкомъ шаткихъ основаніяхъ. Невозможно было расчитывать на совершенно неожиданное появленіе нашего флота передъ Босфоромъ.

Овладѣніе Константинополемъ было болѣе, чѣмъ гадательно. Мы видѣли, что еще въ февралѣ мѣсяцѣ столица Порты и берега Дарданеллъ были сильно укрѣплены французскими инженерами, что заставило англійскую эскадру Дукворта поспѣшно отступить отъ Кон-

стантинополя въ Архипелагъ, понеся, при этомъ, въ Дарданеллахъ, большія потери. Теперь-же, спустя два мѣсяца, предполагалась возможность легкаго занятія Константинополя, или вооруженнаго прохода чрезъ Дарданеллы, еще больше укрѣпленнаго, чѣмъ въ февралѣ.

„Вамъ представляется чрезъ сіе способъ пріобрѣсть государству безсмертную славу, и себѣ воздвигнуть безсмертный памятникъ на вѣчныя времена и съ извѣстнѣйшими людьми сравнить васъ могущій“,—писалъ Чичаговъ Пустошкину. Но нельзя требовать невозможнаго.

Командиръ черноморскаго флота, маркизъ де-Траверсе, и новороссійскій военный губернаторъ, Дюкъ де-Ришелье, на которыхъ было возложено снаряженіе экспедиціи Пустошкина, разсмотрѣвъ предположенія Чичагова, нашли ихъ осуществленіе невозможнымъ, почему они „не осмѣлились отваживать на удачу честь и славу Россіи“—какъ доносили они Чичагову.

Походъ на Константинополь не состоялся.

Такъ какъ турецкій флотъ не показывался въ Черномъ морѣ и потому нельзя было опасаться нападенія на Крымъ или, вообще, на черноморскіе берега, то эскадрѣ Пустошкина приказано было овладѣть крѣпостью Анапа, которая составляла средоточіе силъ враждебныхъ намъ Закубанскихъ черкесовъ.

Паденіе Анапы во многомъ облегчило бы операціи корпуса Гудовича на Кубани.

Поэтому, въ распоряженіе Пустошкина были даны 6 линейныхъ кораблей, 5 фрегатовъ, 2 брига и 1 брандеръ. Кромѣ имѣвшихся на судахъ морскихъ чиновъ, въ экспедицію назначенъ былъ еще 4-й морской полкъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Говорова.

1-го апрѣля, эскадра Пустошкина выступила изъ Севастополя. Сильная буря, повредившая много судовъ, заставила эскадру возвратиться, для необходимыхъ исправленій, въ Севастополь, куда она и прибыла 14-го

числа. Присоединивъ здѣсь къ эскадрѣ еще пять канонирскихъ лодокъ, прибывшихъ изъ Николаева, эскадра Пустошкина снова выступила, 21-го апрѣля, къ Анапѣ, и 27 числа была уже въ виду крѣпости.

Намѣреваясь поразить непріятеля неожиданностію своего появленія, Пустошкинъ приказалъ спустить русскій флагъ и поднять красный, который издали могъ быть принятъ за турецкій.

Въ 7 часовъ вечера, эскадра стала на якорь, въ $6^1/_2$ миляхъ отъ Анапы, а на разсвѣтѣ, 28 числа, направилась къ крѣпости. Въ 9 часовъ утра Пустошкинъ отправилъ къ коменданту Анапы надворнаго совѣтника Диндри, съ прокламаціей слѣдующаго содержанія:

„Отъ командующаго Россійскою эскадрою контръ-адмирала и кавалера Пустошкина.

„Гарнизону и всѣмъ жителямъ, находящимся въ крѣпости Анапѣ, объявляется:

„Вамъ уже должно быть извѣстно, что побѣдоносный россійскій флотъ, бывшій въ Средиземномъ морѣ, также и англійскій прошли Дарданеллы, истребили находившуюся тамъ турецкую эскадру, изъ восьми линейныхъ военныхъ кораблей состоявшую, вошли въ Мраморное море и стоятъ предъ самымъ Константинополемъ. Валахія и Молдавія, крѣпости: Аккерманъ, Хотинъ, Бендеры и Килія, безъ всякаго сопротивленія тамошнихъ пашей и народа, сдались войскамъ Его Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго Государя нашего, и получили должное за свою добровольную покорность.

„Прибывъ сюда по волѣ Всемилостивѣйшаго моего Монарха и повелѣнію высшаго начальства, я желаю, чтобы и крѣпость Анапа, безъ всякаго сопротивленія, сдалась побѣдоносной эскадрѣ, посланной подъ моимъ начальствомъ съ десантнымъ, въ большемъ числѣ, войскомъ, для взятія и занятія оной. Надѣюсь, что всѣ находящіеся въ городѣ послѣдуютъ миролюбивому и по-

корному поступку вышеозначенныхъ крѣпостей и согласятся лучше добровольно покориться флагу Его Императорскаго Величества, нежели приступать къ дѣйствіямъ непріязненнымъ, которыя послужатъ къ совершенному истребленію города какъ съ моря, такъ и съ сухаго пути, откуда также сильныя войска идутъ къ нему, тогда всѣ безъ изъятія преданы будутъ смерти безъ пощады.

„Совѣтую вспомнить прошедшее кровопролитіе, за упорство ваше храбрыми нашими войсками учиненное, и немедленно склониться къ добровольной сдачѣ, по коей вы будете приняты со всякимъ человѣколюбіемъ, свойственнымъ Монарху нашему и его вѣрноподданнымъ; будете наслаждаться спокойствіемъ и свободнымъ выходомъ, куда кто захочетъ слѣдовать съ своимъ имуществомъ.

„Хищные сосѣди ваши, въ такомъ случаѣ, не только не станутъ васъ тревожить и презирать, но вы сами сдѣлаетесь страшны для нихъ силою храбрыхъ нашихъ войскъ.

„Объявляя вамъ о семъ, ожидаю черезъ четыре часа вашего отвѣта“.

Диндри, приблизясь къ берегу, на которомъ онъ замѣтилъ скрытно стоявшихъ черкесовъ, требовалъ въ рупоръ, чтобы выслали лодку, для принятія отъ него бумагъ русскаго адмирала. Но ему отвѣчали, чтобы онъ самъ вступилъ на берегъ. Опасаясь быть захваченнымъ, Диндри возвратился назадъ. Тогда Пустошкинъ двинулъ къ крѣпости всю свою эскадру.

Въ 5 часовъ вечера, одна изъ береговыхъ батарей открыла огонь по нашимъ судамъ. Батарея эта была, немедленно, сбита высланнымъ впередъ фрегатомъ „Воинъ“.

Затѣмъ, Пустошкинъ намѣревался подойти къ самой крѣпости и открыть бомбардировку, но наступившее

безвѣтріе заставило его остановиться внѣ пушечнаго выстрѣла отъ Анапы.

Вечеромъ были сдѣланы всѣ приготовленія къ предстоящей атакѣ, присутствовать при которой, въ качествѣ *гостя,* пожелалъ командиръ черноморскаго флота маркизъ де-Траверсе, прибывшій къ эскадрѣ вечеромъ 28-го числа, предоставивъ Пустошкину полную свободу дѣйствій.

Въ полночь на 29-е число, нѣсколько катеровъ и баркасовъ были высланы для промѣровъ глубины рейда и съ цѣлью тревожить непріятеля, что заставило его всю ночь стрѣлять изъ крѣпости, и напрасно терять снаряды.

Въ 9 часовъ утра 29-го числа, Пустошкинъ снова послалъ Диндри въ крѣпость, съ требованіемъ сдачи.

Замѣтивъ приближавшееся русское судно, комендантъ крѣпости выслалъ на встрѣчу ему своего парламентера, который и явился, вмѣстѣ съ Диндри, къ Пустошкину, объявившему ему, что если черезъ два часа крѣпость не будетъ сдана, то обратится въ груду развалинъ. Посланный отправился назадъ, для увѣдомленія коменданта.

Мало расчитывая на успѣхъ переговоровъ, Пустошкинъ двинулъ эскадру къ крѣпости, имѣя впереди фрегатъ „Воинъ". Едва этотъ фрегатъ вступилъ въ сферу непріятельскихъ пушечныхъ выстрѣловъ, какъ былъ осыпанъ ядрами. Тогда Пустошкинъ, подойдя со всею эскадрою къ крѣпости, открылъ сильную пальбу, приказавъ бросить брандскугели, отчего многія крѣпостныя зданія загорѣлись. Въ то же время на канонирскихъ лодкахъ и баркасахъ былъ высланъ для десанта баталіонъ гренадерскаго морскаго полка, при капитанъ-лейтенантѣ Масловѣ.

Не обращая вниманія на пальбу изъ крѣпости, Масловъ присталъ къ берегу, въ 3 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Анапы.

Устрашенные защитники ея, бросивъ орудія и верки, спасались бѣгствомъ. Только конные черкесы, стоявшіе прежде внѣ крѣпости, кинулись въ нее для грабежа. Баталіонъ Маслова поспѣшно вступилъ въ Анапу, для прогнанія черкесовъ. Въ то же время мичманъ Невѣровскій, высланный съ фрегата „Воинъ“, замѣтивъ очищеніе непріятелемъ приморской части крѣпости, причалилъ къ берегу, и на одномъ изъ бастіоновъ поднялъ русскій кейзеръ-флагъ. Черкесы, бывшіе въ городѣ, намѣревались снять русскій флагъ, но Невѣровскій, съ частью бывшихъ при немъ моряковъ, храбро отбивалъ всѣ попытки черкесовъ.

Вскорѣ подоспѣли моряки Маслова, и въ часъ дня Анапа была окончательно занята нашими войсками.

Трофеями нашими были 86, разнаго калибра, мѣдныхъ, 12 чугунныхъ пушекъ и много военныхъ снарядовъ.

Въ крѣпости было до 4,000 жителей, которые бѣжали въ горы; найдено до 100 убитыхъ или сгорѣвшихъ труповъ. Наша потеря состояла всего изъ 7 убитыхъ, и ранено 11 человѣкъ.

Предавъ огню всѣ городскія строенія, взорвавъ укрѣпленія и засыпавъ всѣ бывшія въ Анапѣ колодцы, числомъ до 80, Пустошкинъ приказалъ свозить на суда мѣдныя пушки и все, что найдено годнаго въ крѣпости. Эскадра наша отошла отъ развалинъ Анапы въ 5 часовъ пополудни, 6 числа, направляясь обратно къ Севастополю, куда большая часть эскадры прибыла 12-го числа.

Едва эскадра Пустошкина прибыла въ Севастополь, какъ получено было извѣстіе, что христіане, живущіе въ Трапезонтѣ, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ прибытія къ этому городу русскаго флота, обѣщая свое содѣйствіе сдать городъ русскимъ, такъ что для овладѣнія столь важнымъ пунктомъ, полагалось достаточнымъ сдѣлать де-

сантъ изъ 2,500 человѣкъ. Поэтому, маркизъ де-Траверсе приказалъ Пустошкину взять всѣ годныя къ плаванію суда, находившіяся въ Севастополѣ, и немедленно идти къ Трапезунту.

Предоставляя Пустошкину полную свободу дѣйствій, ему указывалось лишь, въ общихъ чертахъ, исполненіе самой экспедиціи. Такъ, слѣдовало послать въ городъ письмо съ требованіемъ сдачи и, вслѣдъ за тѣмъ, занять десантомъ гору Ботпете, съ которой представлялось возможнымъ обстрѣливать весь городъ. Въ то же время, одинъ фрегатъ съ малыми судами направится къ деревнѣ Платанѣ, въ 15 верстахъ къ западу отъ Трапезунта, чтобы не дозволить стоявшимъ тамъ турецкимъ судамъ подойти къ Трапезунту. Въ случаѣ успѣха, Пустошкинъ долженъ былъ отдѣлить часть флотиліи къ Синопу, для раззоренія этого города и уничтоженія находившихся при немъ непріятельскихъ судовъ.

31-го мая, эскадра Пустошкина выступила изъ Севастополя. Она состояла изъ 4 кораблей, 5 фрегатовъ, 3 брандеровъ, 2 бриговъ, 4 другихъ судовъ и 7 канонирскихъ лодокъ. Кромѣ того, для провіанта нанято 7 купеческихъ судовъ. Десантныя войска, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бѣгичева, состояли изъ 2 баталіоновъ Полтавскаго мушкетерскаго полка, баталіона 22-го егерскаго полка, одного своднаго гарнизоннаго баталіона, 300 казаковъ Мелентьева 2-го полка и восьми 18-ти фунтовыхъ пушекъ.

3-го іюня, отъ эскадры была выслана шкуна для передачи письма начальнику турецкихъ войскъ въ Трапезунтѣ. Вслѣдъ за нею, эскадра наша продолжала плаваніе вдоль берега, скрытая сильнымъ туманомъ, и 6-го числа остановилась у деревни Платаны.

Въ тотъ же день къ жителямъ этой деревни отправленъ былъ чиновникъ Мавромихали, съ приглашеніемъ ихъ прибыть на корабль къ русскому главнокомандую-

щему. Ему отвѣчали, что прибудутъ завтра. Когда же, на другой день, Мавромихали снова подъѣхалъ къ берегу, на пистолетный выстрѣлъ, и напомнилъ жителямъ объ ихъ обѣщаніи, то былъ встрѣченъ бранью, а изъ трехъ батарей, скрытыхъ на берегу, открыли по немъ пушечный огонь.

Тогда Пустошкинъ приказалъ канонирскимъ лодкамъ, а потомъ тремъ кораблямъ, подойти къ берегу и открыть огонь по турецкимъ батареямъ и строеніямъ Платаны. Въ то же время спущены были баркасы, для зажженія стоявшихъ у берега непріятельскихъ судовъ. Одно изъ нихъ было, дѣйствительно, сожжено, а два судна взяты на буксиръ и доставлены къ эскадрѣ.

Заставивъ замолчать непріятельскія батареи и нанеся чувствительную порчу строеніямъ, суда наши возвратились къ эскадрѣ.

Наступившее безвѣтріе не позволяло нашей эскадрѣ сняться съ якоря.

Желая не упустить ни малѣйшаго случая къ занятію Трапезунта, Пустошкинъ отправилъ, съ волонтеромъ Яни-Пано, новую прокламацію къ жителямъ города. Прокламація эта, отъ 9-го іюня, заключалась въ слѣдующемъ:

„Начальники и жители Трапезунта! Два дня тому назадъ я послалъ къ вамъ судно съ прокламаціею, но какъ легко могло случиться, что погоды, бывшія на морѣ, воспрепятствовали ему выполнить свое препорученіе, и какъ въ самой только крайности намѣренъ я причинить вамъ зло, то и желаю повторить вамъ ея содержаніе. Если прокламація, мною къ вамъ посланная, дошла до васъ, то слѣдуйте ей, какъ и я самъ слѣдовать ей буду. Я говорилъ вамъ въ ней, что я посланъ капитанъ-пашею великаго Всеросссійскаго Императора не для того, чтобы причинить вамъ вредъ, но чтобъ вамъ покровительствовать, защищать васъ и прекратить всѣ несча-

стія ваши, которыми Императоръ нашъ весьма тронутъ. Таяръ-бей принимаетъ теперь наставленія и скоро придетъ самъ съ другою арміею. Между тѣмъ признайте каймаканомъ его—человѣка, означеннаго въ моей прокламаціи. Я покажу вамъ ее, если она не дошла до васъ.

„Собственность ваша, личность, вѣроисповѣданіе и священно-служители будутъ неприкосновенны, и все, что до сего касается, останется по прежнему. Суда тѣхъ, кои не оставятъ города, не будутъ тронуты и имъ дадутся флаги для свободнаго проѣзда торговать въ Крыму и оттуда возвращаться. А имущества тѣхъ, кои уйдутъ или не станутъ сообразоваться съ предписаннымъ, будутъ безвозвратно конфискованы. Равномѣрно будутъ наказаны и всѣ тѣ, кои, взявъ оружіе, станутъ сопротивляться, кои будутъ найдены съ оружіемъ въ рукахъ, кои возбудятъ или возбуждали другихъ къ сопротивленію, какой бы вѣры и какого бы народа они ни были.

„Всѣ имѣющіе при себѣ оружіе должны сложить его у каймакана Таяръ-Беева. Если же послѣ у кого найдется оружіе, какого бы рода оно ни было, имѣнія таковыхъ будутъ конфискованы, а сами они строго наказаны.

„Во время высадки Императорскихъ войскъ, каждый долженъ оставаться дома и не дѣлать никакихъ сборищъ. Съ нашей стороны будетъ приложено стараніе, чтобы каждый возвратился къ обыкновеннымъ своимъ упражненіямъ, безъ малѣйшаго помѣшательства и безпокойства.

„Горе тѣмъ и даже вашему городу, если бы причинили малѣйшее зло какому нибудь христіанину или кому другому изъ жителей. Малѣйшій безпорядокъ будетъ наказанъ такимъ образомъ, что заставитъ трепетать каждаго.

„Мы желаемъ только вашего блага. Вы не будете болѣе притѣсняемы и грабимы, но будете управляемы

съ кротостію. Генералъ, къ вамъ посылаемый, извѣстенъ по своимъ добрымъ качествамъ и по своей кротости. Вы уже знаете генеральнаго консула, который къ вамъ возвращается. И такъ останьтесь спокойными, и благосостояніе ваше будетъ совершенно.

„Подумайте и разсудите, жители Трапезунта, что малѣйшее сопротивленіе ввергнетъ васъ въ величайшія несчастія, безъ всякой надежды на успѣхъ. Вамъ нечего ожидать отъ правительства вашего: вездѣ побѣждаемое войсками нашего Императора, оно ничего не можетъ противопоставить имъ. Тенедосъ взятъ, и флоты наши изъ Средиземнаго моря съ войсками, на трехъ стахъ судахъ посаженными, готовы проникнуть въ Константинополь.

„Французы, для умноженія своихъ усилій къ защитѣ противъ армій нашихъ, ввергнувшіе правительство ваше обманчивыми обѣщаніями въ погибель, войною, которую осмѣлилось объявить оно Августѣйшему Государю нашему, французы прогнаны изъ всѣхъ мѣстъ, кои они захватили и не могутъ болѣе противостоять храбрости Россійскихъ войскъ. Въ вашихъ странахъ арміи наши подвигаются чрезъ Грузію. Чего же ожидать вамъ, кромѣ величайшихъ несчастій, отъ тщетнаго сопротивленія, которое въ нѣсколько часовъ заставитъ васъ ощутить участь Анапы, въ которой не остается камня на камнѣ и которую я долженъ былъ наказать за ея дурное поведеніе и за тщетное сопротивленіе. Внемлите совѣтамъ, внушаемымъ мнѣ человѣколюбіемъ. Если хотите прислать кого нибудь на корабль мой, то посланный сей будетъ принятъ дружелюбно и ему нечего опасаться: въ томъ я даю мое слово.

„Если же, не взирая на мои увѣщанія, вы не исполните того, что я вамъ предписываю, то будете истреблены. Не знавъ еще на что вы рѣшитесь, хотѣлъ я отложить наказаніе, столь заслуженное жителями Пла-

таны, начальники коей, не сдержавъ своего слова прислать кого нибудь ко мнѣ на корабль, осмѣлились оскорбить чиновника, котораго я посылалъ къ нимъ, и чрезъ нѣсколько времени послѣ того стрѣляли по канонирской лодкѣ нашего флота. Я удовольствовался тѣмъ, что приказалъ стрѣлять по ней одному только кораблю и нѣсколькимъ канонирскимъ лодкамъ, взять у нихъ два судна и одно сжечь, желая доказать имъ, что отъ меня именно зависѣло сжечь и истребить самое ихъ селеніе. Ежели поступилъ я съ толикою кротостью, то единственно потому, что, какъ мнѣ извѣстно, выгоды трапезунтскихъ жителей сопряжены съ этимъ мѣстечкомъ, и прежде, чѣмъ дать приказъ все раззорить, я хотѣлъ видѣть каково будетъ ваше поведеніе“.

Яни-Пано былъ ласково принятъ пашею, который, прочитавъ въ присутствіи 12 лицъ его штаба, прокламацію Пустошкина, сказалъ:

„Изъ писаннаго въ этой бумагѣ мы видимъ, что требуютъ отъ насъ принять начальникомъ Таяръ-бея, сложить оружіе и отдаться миролюбиво подъ покровительство Россіи. Скажи твоему адмиралу, что мы довольны своимъ правительствомъ; извѣсти его, что султанъ Селимъ сверженъ съ престола и на мѣсто его возведенъ Мустафа, что мы имѣемъ, при помощи другихъ беевъ, довольно людей для своей защиты; если же хотятъ принудить насъ къ сдачѣ, то пусть придутъ, мы готовы. Скажи еще адмиралу, что Юсуфъ-паша съ своею арміею находится въ Тифлисѣ“. Потомъ паша спросилъ: „За что сожжена Анапа?—За то, отвѣчалъ грекъ,—что паша и жители не хотѣли намъ добровольно покориться.— „Изъ сколькихъ судовъ ваша эскадра?“—Изъ тридцати.— „Изъ бумаги видно, что бывшій въ этомъ городѣ вашъ консулъ находится на эскадрѣ?“—Можетъ быть, но мнѣ это неизвѣстно.—„Кто командуетъ эскадрою?“—Господинъ контръ-адмиралъ Пустошкинъ.—Когда же Яни-

Пано сталъ просить письменнаго отвѣта на прокламацію, то паша сказалъ, что и словеснаго довольно, и, отпуская его, присовокупилъ: „Если Таяръ-бей хочетъ начальствовать и вводить порядокъ, то пусть дѣлаетъ все это не здѣсь, а тамъ, гдѣ находится“ [1]).

Получивъ этотъ отвѣтъ, Пустошкинъ рѣшился взять силою то, что не удалось достигнуть переговорами. Поэтому, въ 10 часовъ утра 11-го числа, онъ расположилъ свою эскадру на восточной сторонѣ города, между мысомъ и рѣкою Термекъ-Дери; а два брига поставилъ между Платаною и Трапезунтомъ, чтобъ преградить путь непріятельскимъ судамъ, которыя могли приблизиться отъ Платаны.

Но недостатокъ мѣста не дозволилъ эскадрѣ нашей выставить въ первую линію болѣе двухъ кораблей. Прочіе размѣстились въ глубину, отчего, представляя непріятелю удобную цѣль, сами не могли дѣйствовать.

Турки открыли огонь съ двухъ своихъ батарей; одна изъ нихъ была на концѣ мыса, въ старомъ разрушенномъ замкѣ, другая же находилась на горѣ Ботпете, почему дѣйствовать по ней съ нашихъ кораблей было затруднительно. Къ довершенію всего, поднялась сильная буря, сорвавшая многіе корабли съ якорей и повредившая остальныя суда, которыя были отброшены къ берегу.

Когда же, вслѣдъ затѣмъ, буря прекратилась и подулъ обратный вѣтеръ, дававшій возможность уйти въ море, то Пустошкинъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено, что въ виду невозможности произвести десантъ для овладѣнія Трапезунтомъ, и опасаясь за всю эскадру, въ случаѣ возобновленія такой бури, которая только что миновала, слѣдуетъ отказаться отъ дальнѣйшихъ покушеній на Трапезунтъ, и плыть къ Севастополю, куда эскадра и направилась 12-го, а

[1]) Адмиралъ Пустошкинъ, стр. 49.

прибыла на мѣсто 10-го іюля, останавливаясь по пути въ Ѳеодосіи.

Этимъ и закончились дѣйствія нашего черноморскаго флота въ 1807 году, такъ какъ получено было извѣстіе о заключеніи Тильзитскаго мира и о переговорахъ, начатыхъ съ Турціей.

IX.

Дѣйствія эскадры вице-адмирала Сенявина въ 1807 году, въ Архипелагѣ.

При разсмотрѣніи дѣйствій черноморскаго флота въ 1807 году было уже указано на предположеніе занять Константинополь; причемъ эскадра вице-адмирала Пустошкина должна была соединиться съ эскадрою вице-адмирала Сенявина, стоявшею у береговъ Іонической республики.

Равнымъ образомъ и Сенявину было указано на конечную цѣль его дѣйствій—занятіе столицы Порты, для чего онъ долженъ былъ стараться соединиться съ черноморскою эскадрою Пустошкина.

Сверхъ того, такъ какъ Россія состояла въ союзѣ съ Англіей, то Сенявинъ имѣлъ право требовать, при случаѣ, помощи отъ англійской эскадры въ Средиземномъ морѣ, но съ тѣмъ, чтобы дѣйствуя совмѣстно съ англичанами, послѣднимъ предоставлялась лишь второстепенная роль; главная же, чтобы всегда оставалась за русскимъ флагомъ.

Согласно этимъ инструкціямъ, Сенявинъ оставилъ нѣсколько кораблей въ Адріатическомъ морѣ, выступилъ 10-го февраля 1807 г. въ Архипелагъ, направляясь къ Дарданелламъ.

По пути слѣдованія эскадра Сенявина прерывала всѣ сношенія египетскихъ судовъ съ Дарданеллами и съ Анатолійскимъ берегомъ; отчего въ Константинополь не

могло быть доставлено никакихъ транспортовъ съ припасами.

Эскадра Сенявина состояла изъ 8 кораблей, фрегата Венусъ и шлюпа Шпицбергенъ, на которыхъ находилось 950 человѣкъ Козловскаго мушкетерскаго полка, 36 артиллеристовъ и 270 албанскихъ стрѣлковъ.

23-го февраля, эскадра Сенявина приблизилась къ острову Тенедосу, у котораго стояла англійская эскадра вице-адмирала Дукворта, послѣ неудачной попытки угрожать Константинополю.

Бросивъ якорь у Тенедоса, Сенявинъ просилъ у Дукворта свиданія, и предложилъ ему, немедленно, сдѣлать общую попытку вступленія въ Дарданеллы и, затѣмъ, идти на Константинополь.

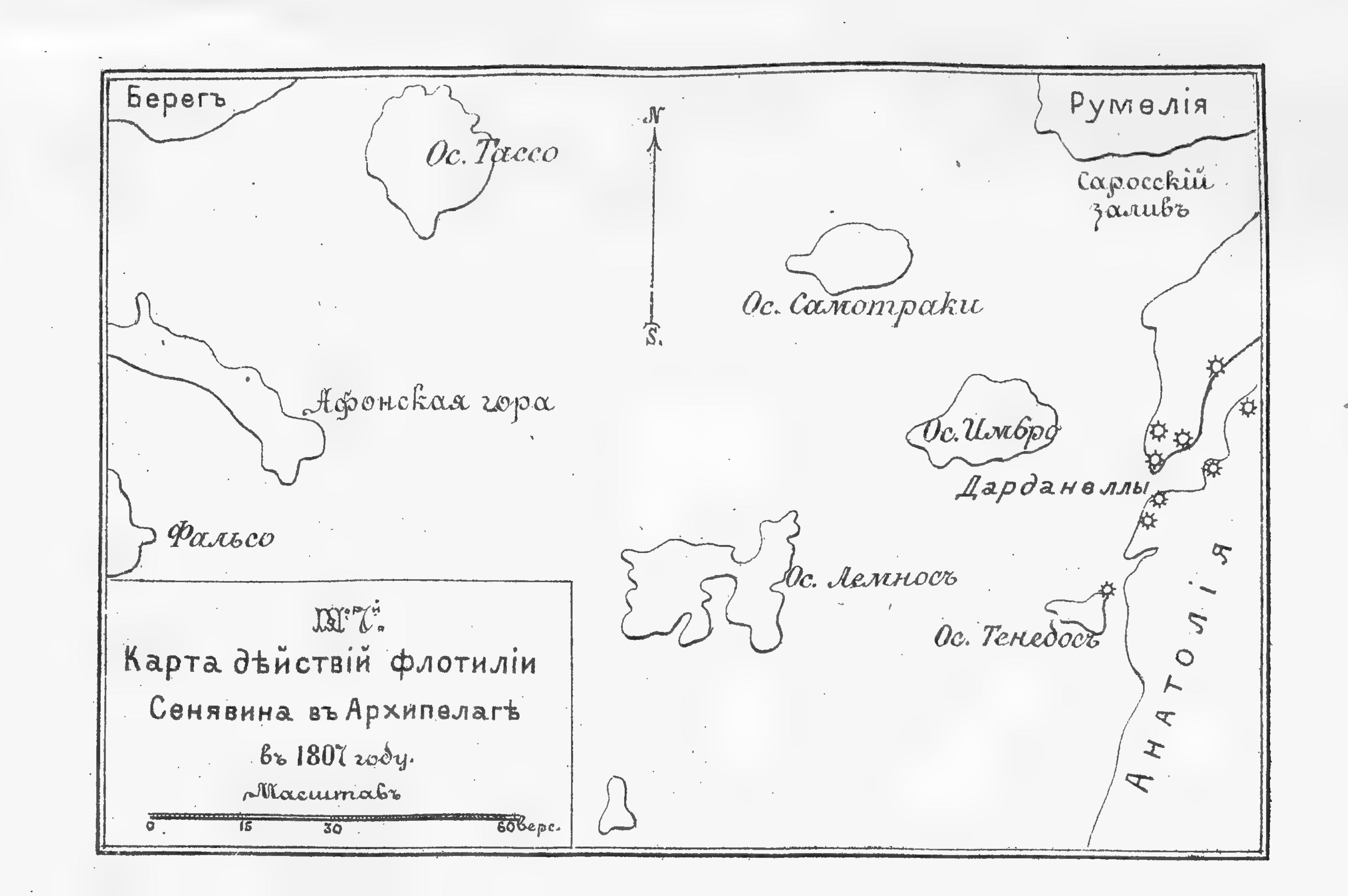
Дуквортъ, только пять дней назадъ возвратившійся съ большими потерями изъ Дарданеллъ, сильно укрѣпленныхъ французскими инженерами, не рѣшался вторично испытать ту же участь.

„Турки поставили въ проливѣ нѣсколько сотъ орудій, говорилъ онъ; на каждой точкѣ атаки мы подвергнемся перекрестному огню съ трехъ сторонъ".

Не смотря на убѣжденія Сенявина, Дуквортъ остался непреклоннымъ и только согласился присоединить къ русской эскадрѣ два англійскіе корабля и два бомбардирскіе судна. Но когда Сенявинъ заявилъ, что намѣренъ, вмѣстѣ съ ними, атаковать Дарданеллы, то и эта незначительная помощь Дуквортомъ была взята назадъ.

Къ тому же, 30-го февраля, Дуквортъ получилъ приказаніе отправиться, со всею эскадрою, въ Египетъ. Такимъ образомъ, Сенявинъ былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ; тѣмъ не менѣе онъ все еще не отказывался отъ мысли идти въ Дарданеллы, и собралъ, по этому случаю, военный совѣтъ.

Но въ совѣтѣ признано было невозможнымъ атаковать Дарданеллы съ такими незначительными силами, и было

Берегъ
Ос. Тассо
N
S.
Румелія
Саросскій заливъ
Ос. Самотраки
Афонская гора
Ос. Имбро
Дарданеллы
Фальсо
Ос. Лемносъ
Ос. Тенедосъ
Анатолія
№ 7й.
Карта дѣйствій флотиліи
Сенявина въ Архипелагѣ
въ 1807 году.
Масштабъ
0
15
30
60 верс.

принято рѣшеніе овладѣть островомъ Тенедосомъ, гдѣ была прѣсная вода и имѣлась удобная стоянка для судовъ. Отсюда слѣдовало отдѣлить часть судовъ для блокады Дарданеллъ, съ цѣлью не выпускать оттуда и не впускать въ проливъ никакихъ непріятельскихъ судовъ, отрѣзавъ, такимъ образомъ, Константинополю всякое сообщеніе съ Архипелагомъ.

Согласно такому рѣшенію, Сенявинъ потребовалъ сдачи Тенедосской крѣпости.

Получивъ отказъ, онъ, отправивъ два корабля для блокады Дарданеллъ, со всею остальною эскадрою обложилъ Тенедосскую крѣпость, и открылъ по ней сильный огонь.

Затѣмъ 2-й баталіонъ Козловскаго полка, 600 матросовъ и 160 албанцевъ, при 6 орудіяхъ, сдѣлали десантъ, для атаки крѣпости.

Атакующіе были раздѣлены на двѣ колонны. Одною командовалъ самъ Сенявинъ, а другою контръ-адмиралъ Грейгъ [1]).

Часть гарнизона крѣпости встрѣтила наступающихъ на сильной позиціи, которую турки укрѣпили, не смотря на то, что она и безъ того была сильна своими высотами. Тѣмъ не менѣе, непріятель былъ выбитъ съ занимаемыхъ имъ высотъ, потерялъ всѣ свои шанцы и 5 знаменъ. Преслѣдуя бѣгущихъ, войска наши ворвались въ предмѣстье крѣпости.

Разбитый непріятель засѣлъ въ домахъ предмѣстья, но выбитый оттуда штыками и, видя себя отрѣзаннымъ отъ крѣпости, расположенной на небольшомъ отдѣльномъ островкѣ, сдался въ плѣнъ. Только не многіе успѣли скрыться въ крѣпости.

Для дѣйствія противъ самой крѣпости, Сенявинъ немедленно возвелъ двѣ батареи, на 4 орудія каждую, и намѣревался открыть утромъ огонь, совмѣстно съ дѣй-

---

[1]) Планъ № 7.

ствіемъ двухъ кораблей, которые назначались для бомбардированія съ моря.

Когда уже все было готово къ открытію огня, Сенявинъ сдѣлалъ вторичное предложеніе о сдачѣ крѣпости. На этотъ разъ комендантъ согласился на капитуляцію, съ условіемъ, чтобы 1,200 человѣкъ, бывшихъ въ гарнизонѣ, получили право удалиться на анатолійскій берегъ.

Принявъ это условіе, Сенявинъ занялъ крѣпость, въ которой оказалось 79 орудій, изъ которыхъ 48 было мѣдныхъ.

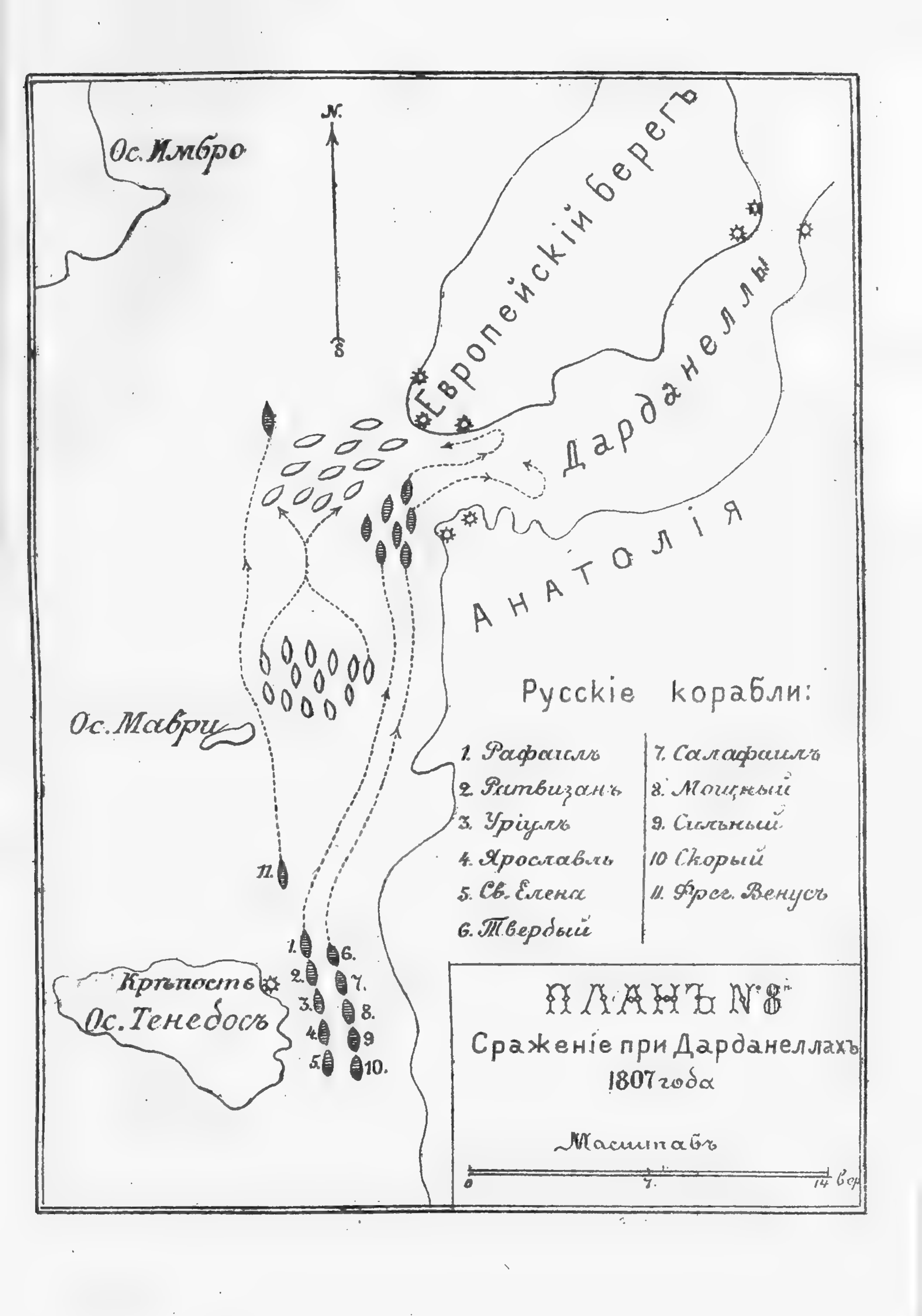
Вся наша потеря, при занятіи крѣпости, состояла изъ 90 челов. убитыхъ и раненыхъ.

Утвердившись на Тенедосѣ, Сенявинъ сдѣлалъ воззваніе ко всѣмъ жителямъ островов Архипелага, обѣщая имъ покровительство Россіи и приглашая соединиться съ русскими, для уничтоженія общаго врага. Тѣ острова, на которыхъ имѣлись турецкіе гарнизоны, какъ Кандія, Негрепонтъ, Метелинъ, Хіо, Лемносъ, Родосъ и Кипръ, объявлены были враждебными Россіи, почему противъ нихъ и предполагалось дѣйствовать, какъ противъ непріятеля.

Греки изъ Мореи и съ островов стекались къ Тенедосу на своихъ судахъ, получали патенты на особый Іерусалимскій флагъ, и отправлялись въ море для крейсированія противъ турецкихъ и египетскихъ судовъ.

Всѣ греки освобождались отъ уплаты туркамъ податей.

Находясь у Тенедоса, всего въ 25 верстахъ отъ Дарданеллъ, Сенявинъ высылалъ, посмѣнно, два или три корабля для плаванія у входа въ Дарданеллы, съ цѣлью прекратить всякое сношеніе между Мраморнымъ моремъ и Архипелагомъ. Чтобы лишить Константинополь возможности получать припасы изъ Анатоліи, къ берегамъ ея были также отправляемы корабли, не дозволявшіе приставать къ берегу ни одному мелкому судну.

N.
S
Ос. Имбро
Европейскій берегъ
Дарданеллы
Анатолія
Ос. Маври
Крѣпость
Ос. Тенедосъ
Русскіе корабли:
1. Рафаилъ
2. Ретвизанъ
3. Уріилъ
4. Ярославль
5. Св. Елена
6. Твердый
7. Салафаилъ
8. Мощный
9. Сильный
10 Скорый
11. Фрег. Венусъ
ПЛАНЪ № 8
Сраженіе при Дарданеллахъ
1807 года
Масштабъ
0
7
14 вер.

Этими дѣйствіями наносился сильный вредъ непріятелю, такъ что Константинополь началъ страдать отъ голода.

Тѣмъ не менѣе, до прихода двухъ новыхъ кораблей, Елены и Уріилъ, которые прибыли изъ Корфу только 23-го апрѣля, Сенявинъ не предпринималъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ турецкаго флота, стоявшаго въ Мраморномъ морѣ, ожидая выхода его въ Архипелагъ.

Голодъ, ощущаемый въ Константинополѣ, и относительная малочисленность русской флотиліи побудили султана приказать своему флоту отогнать русскихъ отъ Дарданеллъ и овладѣть ихъ главною стоянкою у Тенедоса.

7-го мая турецкій флотъ, въ составѣ 8 кораблей, 6 фрегатовъ, 4 шлюпокъ, 1 брига, 1 лансона и 50 канонирскихъ лодокъ, подъ начальствомъ капитанъ-паши, вышелъ въ море, направился къ Тенедосу и остановился у острова Маври [1]).

Узнавъ объ этомъ, Сенявинъ собралъ къ Тенедосу всю свою флотилію и приготовился къ бою, расположивъ корабли въ двѣ линіи между Тенедосомъ и анатолійскимъ берегомъ.

Но, въ то же время, Сенявинъ опасался, что капитанъ-паша, видя полную готовность русскихъ принять бой, не рѣшится начать сраженія и уйдетъ обратно, въ Мраморное море. Поэтому, онъ составилъ смѣлый планъ, заманить турецкій флотъ ближе къ Тенедосу, и отрѣзать его, затѣмъ, изъ Дарданеллъ.

Въ этихъ видахъ онъ намѣревался обойти островъ Тенедосъ по южному берегу, чтобы скрыться у непріятеля изъ вида и, оставивъ въ Тенедосской крѣпости только сильный гарнизонъ, направиться къ острову Имбро, а оттуда въ тылъ непріятельскому флоту, чтобы отрѣзать его отъ Дарданеллъ.

---

1) Планъ № 8.

Этотъ искусный планъ, къ сожалѣнію, не могъ быть выполненъ, такъ какъ вѣтеръ не дозволялъ произвести движенія судовъ въ требуемомъ направленіи.

Хотя эскадра Сенявина и прибыла 7-го мая къ острову Имбро, но весь слѣдующій день не было вѣтра, а 9-го числа подулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, не дозволявшій эскадрѣ направиться къ Дарданелламъ.

Атмосферическіе признаки, заставлявшіе предполагать наступленіе продолжительнаго ненастья, что могло бы надолго удержать эскадру вдали отъ Тенедоса, заставили Сенявина спѣшить на выручку гарнизона Тенедосской крѣпости, противъ котораго капитанъ-паша открылъ свои дѣйствія.

Пользуясь отсутствіемъ русской эскадры у Тенедоса, капитанъ-паша выслалъ на берегъ значительный десантъ, управляемый французскими офицерами.

Храбрый комендантъ крѣпости, полковникъ Падейскій, сдѣлалъ, съ Козловскимъ полкомъ, смѣлую вылазку противъ десанта и принудилъ его возвратиться на свои лодки.

Вторичная попытка десанта, получившаго значительныя подкрѣпленія, также была отбита, и непріятельскія лодки отплыли къ анатолійскому берегу.

9-го мая, Сенявинъ прибылъ обратно къ Тенедосу. Главныя силы капитана-паши продолжали стоять между островомъ Маври и Дарданеллами. Не смотря на то, что вѣтеръ все еще дулъ отъ сѣверо-запада, т. е. благопріятствовалъ наступленію капитана-паши къ Тенедосу, турки не рѣшались сдѣлать наступленія. Но въ 2 часа пополудни, вѣтеръ вдругъ измѣнился и принялъ направленіе отъ юго-запада. Это дало Сенявину возможность, тотчасъ-же, перейти въ наступленіе. На кораблѣ Твердый, гдѣ находился Сенявинъ, былъ поданъ сигналъ: „сняться съ якоря и строить боевой порядокъ“.

Всѣ 10 кораблей построились, въ двѣ линіи, въ проливѣ между островомъ Тенедосомъ и анатолійскимъ берегомъ. Фрегатъ Венусъ стоялъ впереди отдѣльно [1]).

Черезъ полъ-часа вся эскадра была уже подъ парусами и двинулась противъ непріятеля у острова Маври.

Увидавъ наступленіе русской эскадры и сообразивъ, что направленіе вѣтра не дозволяетъ ему наступать, но способствуетъ отступленію къ Дарданелламъ, капитанъ-паша направился къ проливу.

Чтобы нагнать отступавшій турецкій флотъ, Сенявинъ подалъ сигналъ: „Нести всѣ возможные паруса и напасть на непріятеля, по возможности“.

Тогда, не стѣсняясь нарушить боевой порядокъ, каждое судно старалось только усилить ходъ. Болѣе легкіе на ходу корабли обгоняли менѣе ходкіе, и къ шести часамъ пополудни начали уже нагонять непріятеля у входа въ Дарданеллы. Въ это время подулъ вѣтеръ прямо съ запада, что наиболѣе способствовало туркамъ вступить въ Дарданеллы.

Но Сенявинъ продолжалъ преслѣдованіе непріятельскаго флота, насколько было возможно. Уже начинало темнѣть. За полъ-часа до наступленія окончательной темноты, суда наши догнали непріятеля, бѣжавшаго на всѣхъ парусахъ и не останавливавшагося для боя. Обгоняя турецкіе корабли, наши суда стрѣляли по нимъ съ борта; инымъ перерѣзывали пути у носа, и заставляли биться на абордажъ. Въ общемъ, суда обоихъ флотовъ смѣшались, такъ что въ темнотѣ нельзя было отличить своихъ отъ непріятеля. Сенявинъ приказалъ на всѣхъ своихъ судахъ зажечь по три фонаря, чтобы отличить ихъ отъ турецкихъ.

Но турки, вскорѣ, и на своихъ корабляхъ подняли по три фонаря, такъ что вести болѣе бой было невозможно.

Ворвавшись, вмѣстѣ съ непріятельскими кораблями

[1]) Планъ № 8.

въ проливъ, наша флотилія, повинуясь двойному теченію воды въ проливѣ, частью была прибита къ европейскому, а частью къ азіятскому берегу Дарданеллъ. Съ береговыхъ батарей турки открыли сильный огонь ядрами, которыя одинаково били и своихъ, и чужихъ.

Наступила совершенная темнота, и Сенявинъ счелъ нужнымъ приказать, въ 9 часовъ, судамъ нашимъ выступать изъ пролива, и по сигналу, онѣ бросили якорь, гдѣ кто находился.

Потеря наша въ этомъ дѣлѣ состояла изъ 82 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ.

Что касается турецкаго флота, то онъ сильно пострадалъ, понеся полное пораженіе. Нѣкоторые непріятельскіе корабли лишены были, даже, возможности стрѣлять.

Капитанъ-паша, чтобы оправдать свое пораженіе, приказалъ отрубить голову своему вице-адмиралу, будто бы, не исполнившему его приказаній.

На другой день дарданельскаго сраженія, Сенявинъ собралъ свою эскадру и, оставивъ контръ-адмирала Грейга наблюдать Дарданеллы, возвратился къ острову Тенедосу. Здѣсь, спустя два дня, полученъ былъ, чрезъ полковника Поццо-ди-Борго, Высочайшій рескриптъ, отъ 12-го марта, о заключеніи Тильзитскаго мира и о вступленіи съ Турціей въ переговоры о перемиріи.

Поэтому, Сенявину также поручалось снестись съ капитанъ-пашею, по вопросу о перемиріи. Но турецкій адмиралъ, не имѣя никакихъ другихъ свѣдѣній о начавшихся перегеворахъ, отвѣчалъ только спустя двѣ недѣли, причемъ прямаго согласія на перемиріе не изъявлялъ, такъ какъ не былъ къ тому уполномоченъ своимъ правительствомъ.

Напротивъ того, новый султанъ, Мустафа, желая ознаменовать свое царствованіе блестящимъ подвигомъ и облегчить участь Константинополя, страдавшаго отъ

блокады Дарданеллъ, приказалъ усилить флотъ капитанъ-паши, и идти вторично для занятія острова Тенедоса.

10 линейныхъ кораблей, 7 фрегатовъ и значительное число мелкихъ турецкихъ судовъ выступили, 10-го іюня, изъ Дарданеллъ, и остановились у острова Имбро.

Въ то же время, Сенявинъ, оставивъ для защиты Тенедоса бригъ Богоявленскъ, выступилъ къ острову Маври. Слабый вѣтеръ не дозволялъ ему идти прямо для атаки непріятельскаго флота.

Тѣмъ не менѣе, все было сдѣлано для нападенія, при первомъ удобномъ случаѣ, въ ожиданіи котораго Сенявинъ отдалъ по флоту слѣдующій приказъ: „обстоятельства обязываютъ насъ дать рѣшительное сраженіе; но покуда флагманы непріятельскіе не будутъ разбиты сильно, до тѣхъ поръ ожидать должно сраженія весьма упорнаго; посему сдѣлать нападеніе слѣдующимъ образомъ: по числу непріятельскихъ адмираловъ, каждаго атаковать двумя кораблями, для чего назначаются: Рафаилъ съ Сильнымъ, Селафаилъ съ Уріиломъ, и Мощный съ Ярославомъ. По сигналу немедленно спускаться имъ на флагмановъ непріятельскихъ и атаковать ихъ со всевозможною рѣшительностью, какъ можно ближе, отнюдь не боясь, чтобы турки пожелали зажечь себя. Дарданельское сраженіе показало, что чѣмъ ближе къ нимъ, тѣмъ отъ нихъ менѣе вреда; слѣдовательно, когда кто свалится на абордажъ, то и тогда можно ожидать вящшаго успѣха. Пришедъ на картечный выстрѣлъ, начинать стрѣлять. Если непріятель подъ парусами, бить по мачтамъ, если же на якорѣ—по корпусу. Нападать двумъ съ одной стороны, но не съ обоихъ бортовъ; если случится дать мѣсто другому кораблю, то ни въ какомъ случаѣ не отходить далѣе картечнаго выстрѣла. Съ кѣмъ начато сраженіе, съ тѣмъ и кончить или потопленіемъ, или покореніемъ непріятельскаго корабля. По множеству непредвидимыхъ случаевъ невозможно сдѣлать на каждый

положительныхъ наставленій, и я не распространяю оныхъ болѣе. Надѣюсь, что каждый сынъ отечества почтится выполнить долгъ свой славнымъ образомъ“.

14-го іюня, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, Сенявинъ двинулся отъ острова Маври, и непріятельскій флотъ, боясь быть отрѣзаннымъ отъ Дарданеллъ, направился туда со всею поспѣшностію. Тогда, желая обмануть противника, Сенявинъ, съ наступленіемъ ночи, вдругъ измѣнилъ свое направленіе и двинулся на западъ въ обходъ къ острову Имбро, съ тѣмъ чтобы зайти непріятелю въ тылъ.

Когда разсвѣло, капитанъ-паша, не видя передъ собою русскаго флота, устремился къ острову Тенедосу, со всѣмъ своимъ флотомъ и 70 гребными судами. Открывъ огонь по крѣпости, турки выслали на островъ десантъ на 30 лодкахъ.

Изъ крѣпости были высланы двѣ роты, при 4 орудіяхъ, которыя не допустили десантъ до берега.

Но къ вечеру 15-го іюня, весь турецкій флотъ окружилъ Тенедосъ.

Единственный, оставленный для обороны острова, бригъ Богоявленскъ, по не возможности держаться въ морѣ, противъ всѣхъ силъ капитана-паши, высадилъ на берегъ всѣхъ людей и орудія, которыя и присоединились къ гарнизону крѣпости, защищаемой извѣстнымъ уже полковникомъ Падейскимъ.

Бригъ же Богоявленскъ поставленъ у самой крѣпости.

Съ разсвѣтомъ 16-го числа турецкій флотъ, подойдя на самое близкое разстояніе къ крѣпости, расположился полукругомъ и открылъ сильный огонь. Въ то же время, множество лодокъ, собранныхъ у анатолійскаго берега, двинулись съ десантомъ на восточный берегъ Тенедоса. Падейскій выслалъ маіора Гедеонова съ двумя ротами Козловскаго полка и сотнею стрѣлковъ, при одной пушкѣ, воспрепятствовать десанту съ этой стороны. Но турки

уже высадились, въ числѣ болѣе 1,000 человѣкъ, такъ что Гедеоновъ, потерявъ до 80 челов., отступилъ въ крѣпость, заклепавъ и бросивъ по дорогѣ свою пушку.

Высадившійся въ разныхъ мѣстахъ непріятельскій десантъ простирался до 7,000 человѣкъ, управляемыхъ французами. Турки атаковали часть гарнизона, выставленнаго на берегу Тенедоса, въ прикрытіе моста, соединявшаго островъ съ маленькимъ островкомъ, на которомъ находилась крѣпость.

Уступая силѣ, защитники моста отступили.

Слѣдуя за ними, непріятель бросился на мостъ, но картечнымъ залпомъ изъ крѣпости былъ обращенъ назадъ.

Тогда турки устроили на Тенедосѣ, противъ крѣпости, батарею, изъ трехъ пушекъ большаго калибра и 9 пудовой мортиры, и открыли пальбу.

Затѣмъ они, заготовивъ лѣстницы, пошли на приступъ, но столпившись на мосту и поражаемые картечью, понесли большія потери и отступили.

На слѣдующее утро капитанъ-паша открылъ сильнѣйшій огонь со всего своего флота, со стороны моря, тогда какъ десантныя войска стрѣляли по крѣпости съ батарей на берегу Тенедоса.

Защитникамъ крѣпости, не смотря на все ихъ мужество, приходилось переживать тяжелыя минуты. Но, къ счастью, на горизонтѣ показались уже суда флотиліи Сенявина, спѣшившей на помощь Тенедосу.

Едва капитанъ-паша замѣтилъ приближеніе нашего флота, какъ посадилъ на суда часть десанта и со всею поспѣшностію отступилъ, взявъ направленіе на западъ.

Это направленіе Сенявинъ объяснялъ намѣреніемъ капитана-паши заставить прибывшую русскую эскадру обратиться для преслѣдованія турецкаго флота, т. е. удалиться отъ Тенедоса, что дало бы непріятельскому десанту возможность овладѣть, тѣмъ временемъ, Тенедосскою крѣпостью.

Чтобы разстроить разсчеты противника и не потерять случая разбить его въ открытомъ морѣ, Сенявинъ, оставивъ на усиленіе Падейскаго четыре судна и снабдивъ его припасами, приказалъ держаться въ крѣпости до послѣдней крайности, а самъ двинулся отыскивать капитанъ-пашу.

Всѣ полагали, что турецкій флотъ пошелъ къ острову Имбро, чтобы не терять сообщенія съ Дарданеллами.

Но Сенявинъ думалъ иначе, и потому направился къ острову Лемносу, гдѣ, на другой день, и увидѣлъ капитанъ-пашу стоявшаго на якорѣ, съ 10 кораблями, 5 фрегатами, 3 шлюпками и 2 бригами, на которыхъ находилось 1,196 орудій. Хотя у Сенявина было на 10 корабляхъ только 754 орудія, тѣмъ не менѣе онъ сдѣлалъ распоряженія для немедленной атаки противника.

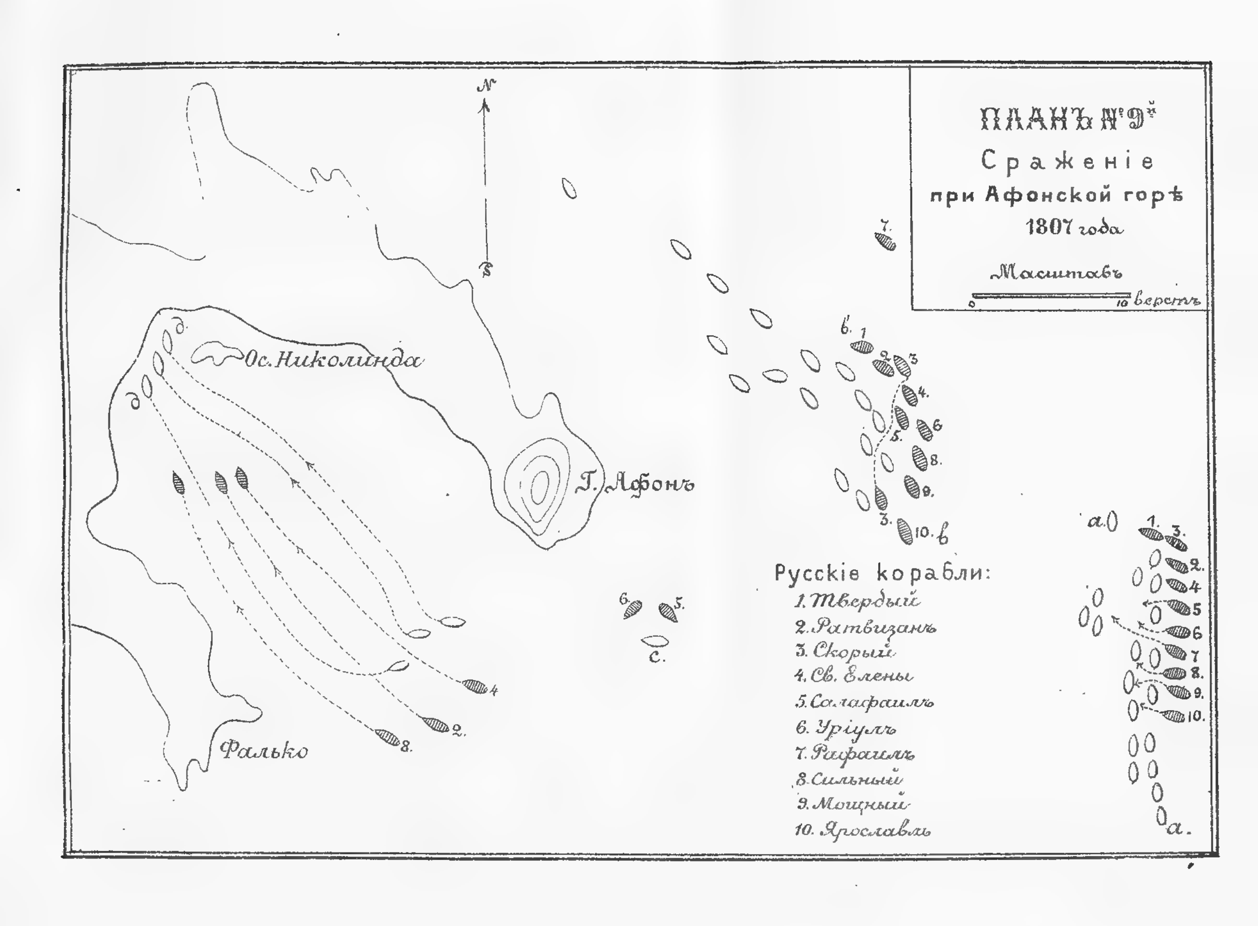
Распоряженія эти состояли въ слѣдующемъ:

На каждый изъ трехъ турецкихъ кораблей, стоявшихъ въ срединѣ непріятельской позиціи *аа*, нападаютъ по два нашихъ корабля [1].

Эскадра двинулась впередъ, причемъ корабль Рафаилъ, потерявъ паруса, врѣзался между двухъ главныхъ непріятельскихъ кораблей капитана-паши и капитана-бея, и прорвавъ средину турецкой линіи, разрѣзалъ ее на двѣ части. Тогда Сенявинъ, съ четырьмя кореблями, стоявшими на правомъ флангѣ, двинулся въ обходъ лѣваго непріятельскаго фланга, продолжая на пути стрѣлять съ лѣваго борта; а остальные шесть кораблей продолжали вести атаку на центръ и правый флангъ противника.

Бой уже длился полтора часа; въ половинѣ десятаго часа утра, турки начали отступать. Преслѣдуя ихъ и обходя правымъ флангомъ, наши суда расположились въ видѣ полумѣсяца, охватывая лѣвый флангъ непріятеля *вв*. Въ 11 часовъ Сенявинъ, имѣя въ виду даль-

[1]) Планъ № 9.

ПЛАНЪ № 9й
Сраженіе
при Афонской горѣ
1807 года
Масштабъ
0
10 верстъ
N
S
Ос. Николинда
Г. Афонъ
Фалько
Русскіе корабли:
1. Твердый
2. Ратвизанъ
3. Скорый
4. Св. Елены
5. Селафаилъ
6. Урiилъ
7. Рафаилъ
8. Сильный
9. Мощный
10. Ярославль
a.
b.
c.
d.

нѣйшее преслѣдованіе, приказалъ судамъ остановиться, собраться и сдѣлать необходимыя исправленія, такъ какъ многіе корабли сильно пострадали.

Пользуясь этой остановкой, флотъ капитана-паши продолжалъ отступать съ возможною поспѣшностію, безъ соблюденія какого либо порядка, бросивъ сильно поврежденный корабль Капитанъ-бей *сс*, на помощь которому были высланы имъ два фрегата.

Наши корабли, Селафаилъ и Уріилъ, которые съ начала боя вели атаку на Капитанъ-бея, отрѣзали его отъ прочихъ непріятельскихъ судовъ, искавшихъ спасенія въ бѣгствѣ.

Отступавшій, весьма медленно, корабль Капитанъ-бей былъ вскорѣ настигнутъ и взятъ въ плѣнъ капитаномъ Рожновымъ, вмѣстѣ съ 774 чел. и 80 пушками. На непріятельскомъ кораблѣ оказалось, сверхъ того, 230 убитыхъ и 160 раненыхъ.

Назначенные въ помощь Капитанъ-бею два фрегата и одно судно успѣли уйти къ острову Николинда, и оттуда направились къ берегу материка *дд*. Преслѣдуемые отправленными противъ нихъ, подъ начальствомъ Фрейга, тремя кораблями, турецкія суда, подойдя къ берегу, насколько позволяла глубина моря, спустили людей на лодки, а оба фрегата и судно были зажжены, и сгорѣли до основанія.

Остальные корабли капитана-паши разсѣялись по морю, около Афонскаго мыса, причемъ непріятель принужденъ былъ сжечь еще одинъ свой корабль и одинъ фрегатъ, а другой линейный корабль взятъ въ плѣнъ.

Въ этомъ сраженіи, извѣстномъ подъ названіемъ битвы при Афонской горѣ, наши потери состояли изъ 251 чел. убитыхъ и раненыхъ; въ числѣ убитыхъ находился и необыкновенный, легендарный силачъ, капитанъ Лукинъ,

Сенявинъ отвѣчалъ на это, что ратификацію Мейндорфомъ условій Слободзейскаго перемирія онъ не считаетъ для себя обязательною, и потому, безъ Высочайшаго повелѣнія, взятыхъ имъ трофеевъ не возвратитъ.

Получивъ, вслѣдъ затѣмъ, приказаніе возвратиться въ Россію и сдать французамъ Іоническую республику, Сенявинъ отплылъ 25-го августа къ острову Корфу, и оттуда направился къ Гибралтару, покрывъ новою славою русскій флагъ на водахъ Архипелага.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе № 1.

Traduction d'un paragraphe des lettres du pasha de Hottin.

Il est venu un ordre de la part de l'Empereur de Russie, qui a été lû publiquement, et qui porte, que tous les abitans de la Pologne aient à prendre les armes pour defendre leurs biens et leurs propriétés contre l'ennemi. Il a été aussi ordonné, que chaque seigneur polonais fournisse de ses terres et á ses propres frais et depens— son contingent de troupes, proportionellement à ses possessions; que les bois et forêts, jusques sur les bords du Nister, soient nettoyés, et que l'on ai à repa rer les chemins.

L'armée formée dans la grande Russie est arrivée à Kiow; les pontoniers sont en marche; une partie doit se porter sur Soroka et l'autre sur Tombassor.

A mesure qu'il arrive de nouvelles troupes, une partie de celle, qui sont en Pologne, marche sur les frontières de la Galicie. Les troupes légères, composées de Cosaques, Calmouks etc., que l'on dit être au nombre de 80,000 hommes, sont dirigées sur les frontièrs de la Prusse. Dans les ordres que les officiers de ces troupes reçoivent frequement, il leur est injoint de se tenir prêts à marcher vingt quatre heures, après l'ordre reçu.

Il a été lû publiquement un ordre du l'Empereur, dans lequel il est dit que pour recompenser les troupes et les officiers qui ont soufferts dans les combats contre les français, l'Empereur leurs accorde nne augmentation de paye, chacun suivant son rang.

Il court toutes sortes des bruits parmis les officiers de ces troupes et l'on s'informe même, s'il y a des préparatifs sur les frontières de la Sublime Porte.

Telles sont les notions que je pu me procurer secretement.

D'après tous ces préparatifs, je cru de mon devoir d'informer promptement la S. Porte de l'état de choses, pour en recevoir de nouvelles instructions.

En ma qualité de Commandant de la frontière, je dois m'informer soigneusement de tout ce qui se passe, mais si me confiant sur l'alliance, qui existe entre la S. Porte et la cour de Russie, je ne m'informais point de tout ces préparatifs, ne serai-je pas responsable par la suite?

En outre, lorsque des pareils bruits se repandent sur la frontière, chacun en parle a la guise.

Si ces troupes passent sur le territoire de la Sublime Porte, comment faire entendre raison aux troupes musulmanes et les contenir? Il est indispensable que la Porte nous fasse connaître, quelle est sa conduite et qu'elle s'empresse ou de prendre les mesures propres à rassurer les habitans des frontières, ou bien, si, effectivement, les russes ont d'autres intentions, de nous donner des instructions convenables.

Enfin tous ces préparatifs occasionnent toutes sortes de bruits et inquiètent chaque individu.

Un commandant, comment peut-il faire entendre raison à tant de monde? Je supplie la S. Porte de nous donner, le plutot possible, les instructions nécessaires sur la conduite à tenir.

Приложеніе № 2.
Секретно.

Милостивый Государь, Дюкъ Емануилъ Осиповичъ!

Изъ приложенія при семъ Ваше Сіятельство усмотрите какія вѣсти дошли до турецкаго правительства въ разсужденіи воинскихъ движеній нашихъ, кои причинили нѣкоторое безпокойство правительству тому, вопреки мирнымъ отзывамъ Его Императорскаго Величества нашего Всемилостивѣйшаго Государя и принятой системѣ союза съ Портою.

Сіе дѣлаетъ нужнымъ употребленіе таковыхъ мѣръ въ поведеніи съ пограничнымъ турецкимъ начальствомъ, кои не токмо отъяли бы отъ нихъ всякое на счетъ нашъ сумнѣніе, но и паче удостовѣрили бы ихъ въ нашей полной дружбѣ къ нимъ, и что самыя вооруженія наши не могутъ имѣть иной цѣли, кромѣ поддержанія сей же самой дружбы отраженіемъ, въ случай нужды, непріятеля общаго. Недовѣрчивость же обѣимъ сторонамъ дѣлаетъ лишнее безпокойство и вредъ.

Таковы мѣры прошу, Ваше Сіятельство, по всей возможности съ Вашей стороны употребить въ отношеніяхъ къ пограничному вамъ турецкому начальству. А между тѣмъ, каковы будете извѣстія имѣть о происшествіяхъ заграничныхъ, прошу не оставлять каждый разъ доставлять мнѣ оныя, для нужнаго мнѣ свѣдѣнія.

Имѣю честь быть съ отличнѣйшимъ почтеніемъ и преданностію.

№ 804.
Апрѣля 27-го 1806 года.
м. Тульчинъ.
Его Сіятельству Господину Херсонскому военному губернатору Дюку де-Ришелье.

РОСПИСАНІЕ

арміи подъ предводительствомъ генерала отъ кавалеріи Михельсона, Высочайше утвержденное и препровожденное къ сему генералу при рескриптѣ, отъ 13 февраля 1806 г.

Подъ главнымъ начальствомъ гене

Главная квартира

Подъ командою генерала отъ

Главная квартира

ВОСЬМАЯ ДИВИЗІЯ.

Дивизіонный начальникъ.	Бригадные начальники.	Полки.	Квартиры.
		Кавалерія.	
Генералъ-лейтенантъ Эссенъ 1.	Генералъ-маіоръ графъ Витгенштейнъ.	Глуховскій кирасирскій	Въ Винницѣ.
Главная его квартира въ Каменецъ-Подольскѣ.		Новороссійскій драгунскій	» Старомъ-Константиновѣ.
		Маріупольскій гусарскій	» Ново-Константиновѣ и Хмельникѣ.
	Генералъ - маіоръ Туманскій.	*Инфантерія.*	
		Астрахан. гренад.	» Барѣ.
	Генералъ - маіоръ Цызеревъ.	Орловскій мушкет.	» Немировѣ.
		Украинскій	» Николаевѣ близь Проскурова.
	Генералъ - маіоръ Ададуровъ.	Крымскій	» Каменецъ-Подольскомъ.
		Пензенскій	» Летичевѣ и Менджиба.
		Галицкій	» Липовцѣ.
		10-й егерскій . . .	» Грудкѣ.
		Артиллерія.	
		2 роты бат. 6 полка	» Брацлавѣ.
		3 роты легкія 5 артиллерійскаго парка	при полкахъ инфантеріи.
		2 конн. артиллерійскихъ батарейн. роты Никитина .	Въ Дунаевцахъ.
		1 піонернаго полка рота Коденца . .	» Каменецъ-Подольскомъ.
		Казачьи полки.	
		1	» Гусятинѣ.
		2	» Ушицѣ.

рала отъ кавалеріи Михельсона.
въ Брацлавѣ.
кавалеріи барона Бенигсена.
въ Хмельникѣ.

ДЕВЯТАЯ ДИВИЗІЯ.

Дивизіонный начальникъ.	Бригадные начальники.	Полки.	Квартиры.
		Кавалерія.	
Артиллеріи - генералъ - лейтенантъ баронъ Меллеръ-Закомельскій.	Генералъ-маіоръ Зижицкій.	Харьковскій драгунскій	Въ Радомыслѣ.
		Черниговскій . . .	» Богуславѣ.
		Ахтырскій гусарскій.	» Махновкѣ и Сквѣрѣ.
		Инфантерія.	
	Генералъ-маіоръ Инзовъ.	Кіевскій гренадерск.	» Бѣлой церквѣ.
		Ряжскій мушкетерск.	» Кіевѣ.
	Генералъ-маіоръ Лидерсъ.	Ярославскій . . .	» Козельцѣ.
		Брянскій	» Переяславѣ.
	Генералъ-маіоръ кн. Урусовъ.	Курскій	» Борзнѣ и Гестуринѣ.
		Вятскій	» Прилукахъ.
		6 Егерскій . . .	» Пятигорахъ.
		Артиллерія.	
		1 рота батар. 5 полка	» Кіевѣ.
		3 рот. легкія. 3 роты батар. 5 артиллер. полка вмѣсто легкихъ.	при полкахъ инфантеріи.
		2 кон. артил. батар. рота Игнатьева . 2-го піонер. полка рота Вырубова .	Въ Кіевѣ.
		Казачьи полки.	
	Должны состоять въ командѣ дивизіонныхъ начальниковъ:		
	6 дивизіи . . .	1	Въ Радзивиловѣ.
	8 » . . .	2	» Волочинскѣ.

Подъ главнымъ начальствомъ гене

Главная квартира

Подъ командою генерала отъ

Главная квартира

ДЕСЯТАЯ ДИВИЗІЯ.

Дивизіонный начальникъ.	Бригадные начальники.	Полки.	Квартиры.
		Кавалерія.	
Генералъ-лейтенантъ Милорадовичъ.	Генералъ-маіоръ кн. Долгорукій 4-й.	Кинбурнскій драгун.	Въ Новомиргородѣ.
		Сѣверскій	» Умани . . . .
Главная его квартира въ Тульчинѣ.		Бѣлорусскій гусар.	» Звѣнигородкѣ и Екатеринославлѣ.
	Генералъ-маіоръ Берхъ.	*Инфантерія.*	
		Малороссійскій грен.	» Ольгополѣ.
	Генералъ-маіоръ Боковъ.	Одесскій мушкетер.	» Тульчинѣ.
		Старооскольскій .	» Балтѣ.
	Генералъ-маіоръ Ермоловъ.	Олонецкій	» Ямполѣ на Днѣстрѣ.
		Апшеронскій . .	» Ольвіополѣ.
		Нашебургскій . .	» Тирасполѣ.
		11-й Егерскій . .	» Дубосарахъ.
		Артиллерія.	
		2 роты бат. 6 полка.	» Гайсинѣ и Грановѣ.
		3 роты легкія. { одна рота 3-го полка. 2 роты 8-го полка.	при полкахъ инфантеріи.
		Войска Донскаго.	
		1 кон. артил. рота .	Въ Баровкѣ.
		Понтоннаго полка рота Магденки .	» Яланцѣ.
		2 піонернаго полка рота Гебенера .	» Томашполѣ.
		Казачьи полки.	
		1	» Рыбницѣ.
		2	» Слободзеѣ.

рала отъ кавалеріи Михельсона.

въ Брацлавѣ.

кавалеріи барона Мейндорфа.

въ Умани.

ОДИННАДЦАТАЯ ДИВИЗІЯ.

Дивизіонный начальникъ.	Бригадные начальники.	Полки.	Квартиры.
		Кавалерія.	
Генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ 2.	Генералъ-маіоръ Воиновъ.	Стародубовск. драг.	Въ Гадячѣ.
		Тверской драг. . .	» Зиньковѣ.
		Чугуевскій казачій.	» Чугуевѣ.
Главная квартира въ Кременчугѣ.			
		Инфантерія.	
	Генералъ - маіоръ гр. Каменскій 1.	Фанагорійскій грен.	» Кременчугѣ.
		Новоингерманландс.	» Полтавѣ.
		Нарвскій мушкетер.	» Романѣ.
	Генералъ лейтенантъ Ротгофъ.	Новгородскій . . .	» Хоролѣ.
		Смоленскій . . .	» Золотоношѣ.
		Бутырскій	» Лубнахъ и Пырятинѣ.
	Генералъ - маіоръ Штрикъ.	8-й Егерскій . . .	» Черкассахъ и Чигринѣ.
		Артиллерія.	
		1 рота бат. 4 полка.	» Градижскѣ.
		3 роты легкія. 3 роты бат. 4 полка вмѣсто легкихъ.	при полкахъ инфантеріи.
		2 кон. артил. батар. роты Фока . . .	» Новыхъ Сенжарахъ.
		Казачьи полки.	
	Должны состоять въ командѣ дивизіон. начальников . . 8-й див.	1	» Ярышевѣ.
	10-й д.	2	» Рамковѣ.

Подъ главнымъ начальствомъ генерала отъ кавалеріи Михельсона.

Главная квартира въ Брацлавѣ.

ДВѢНАДЦАТАЯ ДИВИЗІЯ.

Дивизіонный начальникъ.	Бригадные начальники.	Полки.	Квартиры.
		Кавалерія.	
Генералъ-лейтенантъ Дюкъ-де-Ришилье.	Генералъ - маіоръ Зассъ.	Лейбъ - кирасирскій Ея Величества. .	Въ Елисаветградѣ.
Главная его квартира въ Херсонѣ.		Переяславскій драг.	» Новомосковскѣ и Павлоградѣ.
	Генералъ - маіоръ Гамперъ.	Смоленскій	» Карасубазарѣ.
		Житомірскій . . .	» Бериславѣ.
		Инфантерія.	
	Генералъ-лейтенантъ Пущинъ.	Херсонскій гренад.	» Акмечетѣ, Козловѣ и Керчѣ.
		Эстляндскій мушк.	» Ахтіарѣ и Балаклавѣ.
	Генералъ - маіоръ Кобле.	Ладожскій	» Одессѣ.
		Полтавскій	» Херсонѣ.
	Генералъ - маіоръ Хитровъ.	Нижегородскій . .	» Одессѣ.
		2 б. Алексопольскаго.	» Овидіополѣ.
		Егерскіе.	
		12	» Керчѣ, Эникалѣ, Фанагоріи и Бугасѣ.
		22	» Николаевѣ.
		Артиллерія.	
		Одна легкая рота 3 артиллер. полка .	при полкахъ инфантеріи.
		Понтоннаго полка рота Новака съ легкими орудіями.	Въ Херсонѣ.

Приложеніе № 4.

Monsieur le général de cavallerie Michelson. Par les communications, qui vous ont été adressés par Mon Ministère le 27 Août dernier, vous avez été suffisamment instruit de l'état des nouveaux rapports, qui subsistent entre la Russie et la Porte Ottomane. Il ne Vous aura pas échappé, sans doute, que malgré les motifs plus que plausibles, que J'aurais de ne plus garder de mesures—envers une puissance, qui s'emble s'être entièrement abandonnée aux impulsions de la France. Nous avons cependant préferé d'offrir encore au Divan un moyen aussi simple que juste de maintenir la paix et la bonne harmonie entre les deux empires. Jusqu'ici il ne nous est parvenu aucune nouvelle sur les déterminations, que le gouvernement turc aura jugé à propos de prendre à la suite des propositions, que nous ui avons fait faire, par l'organe du M-r Italinsky, quoique le courrier qui lui a été expedié le 26 août aurait déja pu être de retour deruis plusieurs jours.

Ce retard a dû nous paraitre d'une consequence d'autant plus particulière, que toutes les notions, qui nous parviennent de ce côté, ne roulent que sur les mouvemens des troupes turques sur le Danube et en deça de ce fleuve, sur l'approvisionement des forteresses, l'augmentation de leurs garnisons, en un mot, sur des operations de la part des turcs, qui ne décelent que trop leurs intentions hostiles à notre égard.

Pour prevenir autant que possible les effets facheux, qui peuvent resulter pour nous de la tenacité avec laquelle la Porte persiste à s'aveugler sur les pièges, que lui tend le gouvernement français, pour écarter de nos frontières le théatre d'une guerre, qui peut éclater, si la Porte la veut absolument, enfin pour contraindre le Divan à revenir au système, que la saine politique, ainsi que les intérêts communs des deux empires lui indiquent, Je me suis resolu à ne plus attendre le retour du courrier, envoyé à Constantinople, pour affectuer l'entrée des Mes troupes en Moldavie et en Vallachie.

En conséquence de cette détermination, vous aurez à passer incessament le Dniestr avec l'armée confiée à votre commandement, en vous reglant pour ce qui concerne les dispositions militaires, sur les ordres ci-annexés. Ces ordres n'ont été redigés que pour vous indiquer, en gros, les opérations, qui dans l'éloignement, où nous sommes, nous ont paru les plus propres à produire les resultats

désirés. C'est pourquoi Je vous autorise à ne les suivres strictement qu'en autant que vous les jugerer adoptables aux circonstances du moment, aux changement, qui peuvent survenir dans les dispositions de l'ennemi et aux differentes considerations, qui pourront dériver des localités de sorte que Je ne vous fais nullement une obligation absolue de vous en tenir à la lettre de ces instructions et que Je m'en rapporte parfaitement à vos lumières et à la connaissance, que vous avéz de l'art militaire, pour ce qui concerne l'éxécution des opérations, dont la direction vous est confiée.

L'attachement, que les habitans de la Moldavie et de la Vallachie ont de tout temps manifestés pour la Russie, et l'oppression qui les menace dans ce moment-ci, par une suite de la disposition arbitraire, des hospodars Ypsilanti et Mourousi me sont un sûr garant de ce que Mes troupes seront reçues dans ces provinces avec toutes les demonstrations de l'amitié et de la prevenance et qu'elles y seront même envisagées comme des liberateurs. Pour nourrir et fortifier, autant que possible, ces dispositions, Ie vous recommande particuièrement de veiller, avec la plus scrupuleuse attention, à une stricte et sevère discipline, de ne permettre aucun acte arbitraire, ni aucune vexation, que pourraient se permettre des subalternes, et de reprimer avec vidueur tout irrégularité de ce genre, qui parviendra à votre connaissance. Vous aurez soin en même temps de repandre et d'assurer en toute occasion les habitans, que l'entrée de Mes troupes ne saurait nullement être envisagée comme une démarche hostile de notre part envers l'empire Ottoman; mais que bien au contraire, Mes désirs ne tendent qu'à maintenir avec la Porte l'alliance tout récemment renouvellée entre les deux empires, aussitôt que J'aurai obtenu une juste satisfaction sur les divers griefs, que J'ai à sa charge; vous ajouterez, que bien loin d'avoir des projets de conquête aux dépens de la Turquie, Je ne veus qu'assurer l'inqépendance et l'integrité de cet empire, lesquelles se trouvent également menacées par le credit preponderant, que Bonoparte s'est arrogé sur le Divan et par l'occupation de la Dalmatie par les français. En même temps vous ferez aussi sentir, que l'intérêt particulier et invariable, que Je prens au sort des habitans de la Moldavie et de la Vallachie, la protection, qui leur a toujours été accordée par Mes predecesseurs, et le desir de les soustraire aux vexations, qui servient une suite immanquable de la subversion des previlèges, que la Russie leur avait assur'és, ont en grande partie motivé l'empressement, avec lequel J'ai cru devoir venir à leur secours pour le proteger et replacer leur existence futur sur des bases solides et inébranlables.

C'est dans ce sens, que Je désire que vous vous exprimiez en toute occasion envers les gens du pays, et Je ne doute pas qu'avec votre zèle et votre experience vous ne parveniez à remplir pleinement mes intentions et le but, que Je me propose. Je suis Monsieur le general de cavallerie Michelson, votre bien affectionné. St. Petersbourg, ce 15 Octobre 1806.

Приложеніе № 5.

Рескриптъ генералу Михельсону отъ 16-го октября 1806 года.

По уваженію настоящихъ политическихъ обстоятельствъ съ Портою Оттоманскою, признавъ нужнымъ занятіе Молдавіи, предварительно увѣдомилъ я васъ, какъ о причинахъ, къ сему меня побудившихъ, такъ и о намѣреніи моемъ въ ономъ предпріятіи. Предположивъ къ сей цѣли войска, подъ начальствомъ вашимъ состоящія, я возлагаю исполненіе сего на опытность и благоразумныя распоряженія ваши, не желая по отдаленности своей ни въ чемъ ограничивать вашихъ дѣйствій. На семъ основаніи предписываю вамъ учинить переходъ черезъ Днѣстръ, въ тѣхъ четырехъ пунктахъ, кои вы въ донесеніи вашемъ отъ 2 октября для переправы войскъ предположили.

Въ таковомъ первомъ движеніи, къ обезпеченію перехода и дальнѣйшихъ операцій, должны вы имѣть въ виду занятіе двухъ главныхъ пунктовъ, то есть на правомъ вашемъ флангѣ, крѣпость Хотинъ, а на лѣвомъ Бендеры. Къ сему предмету надлежитъ назначить два особые корпуса, соразмѣрные силѣ гарнизоновъ въ тѣхъ крѣпостяхъ находящихся и тѣмъ препятствіямъ, каковыя при исполненіи сего встрѣтиться могутъ.

Корпусъ къ Хотину назначаемый долженствуетъ перейти Днѣстръ выше крѣпости сей и употребить къ занятію оной тѣ средства, которыя по обстоятельствамъ полезнѣйшими признаны будутъ. Въ противномъ случаѣ, крѣпость сію со всѣхъ сторонъ обложить, и тѣмъ оную къ сдачѣ принудить.

Другой корпусъ на лѣвомъ флангѣ, къ Бендерамъ назначаемый, который перейдетъ Днѣстръ въ четвертомъ пунктѣ, при Дубосарахъ, долженствуетъ быть сильнѣе перваго, какъ по удаленію его отъ главнаго корпуса войскъ, такъ и по превосходному числу гарнизона упомянутой крѣпости, а равно и на случай отра-

женія покушеній непріятельскихъ изъ Бессарабіи, или отъ стороны Дуная, его встрѣтить могущихъ. Впрочемъ, намѣреніе сего корпуса долженствуетъ быть тоже самое, какъ и перваго корпуса, къ Хотину назначеннаго.

Въ случаѣ непреодолимаго затрудненія въ занятіи Бендеръ, я полагаю, желая избѣжать большихъ для сего пожертвованій, оставить оное предпріятіе, и тогда корпусъ сей расположить въ окружности Лапушны, не въ дальнемъ разстояніи отъ лѣваго берега рѣки Прута, для занятія сходящихся тутъ дорогъ, отъ Бендеръ, Бессарабіи и отъ стороны Дуная, гдѣ и расположиться въ кантониръ-квартирахъ столь соединенно, дабы при внезапной надобности оный въ короткое время могъ быть поставленъ въ боевой порядокъ, не упуская изъ вида при семъ выгоды къ удобному содержанію и расположенію войскъ.

Если означенный пунктъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ не удовлетворитъ во всей мѣрѣ намѣренію, каковое въ назначеніи онаго предполагалось, то предоставляю вашему разсмотрѣнію избраніе другаго пункта, который бы соотвѣтствовалъ важности въ назначеніи перваго, ибо сей корпусъ обезпечиваетъ лѣвый флангъ арміи и прикрываетъ комуникацію къ оной отъ нашей границы.

Главный корпусъ арміи имѣетъ перейти Днѣстръ при Могилевѣ и Ямполѣ и беретъ направленіе свое на Яссы: поелику же лѣвая колонна, переправляющаяся при Ямполѣ, должна подкрѣплять въ случаѣ нужды корпусъ, къ Бендерамъ назначенный, то оная и должна быть сильнѣе правой и при томъ, наблюдая движеніе сего корпуса, имѣть съ нимъ безпрерывное сношеніе.

Доколѣ крѣпость Хотинъ не будетъ занята, почитаю я нужнымъ, для обезпеченія всей арміи, расположить главный корпусъ квартирами, между лѣвымъ берегомъ рѣки Серета и правымъ берегомъ рѣки Прута, такъ чтобы по обстоятельствамъ можно было изъ сего расположенія свободно дѣйствовать на правый и лѣвый флангъ.

Когда же корпусъ, къ Бендерамъ назначаемый, по предположенію расположится въ окрестностяхъ Лапушны, то полагаю, чтобы къ удобнѣйшему подкрѣпленію онаго, въ случаѣ нужды, отъ главнаго корпуса расположить часть войскъ на лѣвомъ берегу Прута, въ верхъ по сей рѣкѣ, позади того корпуса.

По расположеніи таковымъ образомъ главнаго корпуса между Серетомъ и Прутомъ, потребно очистить все пространство земли, между сими двумя рѣками лежащее до самаго Дуная; въ раз-

сужденіе чего и надлежитъ занять Галацъ, и около онаго расположить достаточное число войскъ, дабы тѣмъ обезпечить армію, въ квартирахъ расположенную.

Нужно будетъ имѣть извѣстительный постъ, при устьѣ рѣки Бузео, впадающей въ Серетъ, для полученія свѣдѣній отъ стороны Браилова и того края, а равно таковый же постъ устроить и на лѣвомъ берегу рѣки Серета, при Юношести и Фурчени, по дорогамъ, ведущимъ отъ Фокшанъ.

Между тѣмъ по извѣстной мнѣ предосторожности вашей, увѣренъ я, что при переходѣ вашемъ съ войсками черезъ Днѣстръ обезпечите вы границу нашу отъ всякаго покушенія съ праваго берега сей рѣки.

Если обложеніе крѣпости Хотина продолжится до поздняго холоднаго времени, то для сбереженія войскъ почитаю нужнымъ оныя смѣнять, буде достаточно можетъ быть отдѣлено къ тому войска, безъ ослабленія себя; и тогда одну половину войскъ сихъ расположить квартирами между Хотиномъ и Каменецъ-Подольскомъ.

При семъ я поручаю вамъ подтвердить всѣмъ частнымъ начальникамъ, прилагать всемѣрное попеченіе, о наблюденіи строжайшей дисциплины и субординаціи въ войскахъ, и о сохраненіи и защищеніи обывателей для собственнаго своего продовольствія, и для полученія многихъ другихъ выгодъ, исключая тѣхъ, что дружелюбіемъ ихъ удобно можно доставлять себѣ всѣ нужныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ непріятельскихъ.

Хотя я здѣсь къ руководству вашему и объяснилъ, въ краткомъ начертаніи, планъ мой къ занятію Молдавіи; но какъ въ военныхъ операціяхъ, часто встрѣчающіяся препятствія, или выгодное положеніе, принуждаютъ отходить отъ первоначальныхъ предположеній, то я и предоставляю совершенно благоусмотрѣнію вашему дѣйствовать въ подобныхъ случаяхъ согласно съ настоящимъ положеніемъ обстоятельствъ, въ твердомъ увѣреніи, что вы не упустите изъ вида ничего, что можетъ послужить къ пользѣ Россіи и славѣ войскъ, вамъ ввѣренныхъ.

Приложеніе № 6.

Рескриптъ генералу Михельсону 23 октября 1806 года.

По отправленіи къ вамъ послѣднихъ повелѣній моихъ отъ 16-го октября, получено здѣсь извѣстіе, что Порта, внемля отчасти справедливымъ требованіямъ, посланникомъ моимъ въ Константинополѣ ей учиненнымъ, по случаю самовольнаго отрѣшенія господарей Мурузія и Ипсилантія, согласилась, наконецъ, возвратить сему послѣднему достоинство господарское въ княжествѣ Валахскомъ.

Хотя таковой поступокъ показываетъ нѣкоторымъ образомъ, желаніе турецкаго правительства сохранить съ Россіею дружбу и доброе согласіе, тѣмъ не менѣе, однако жъ, почитаю сопряженнымъ съ достоинствомъ моимъ настоять объ исполненіи и прочихъ моихъ требованій, между коими главнѣйшее касается до безпрепятственнаго прохода судовъ моихъ съ войсками чрезъ Константинопольскій проливъ.

Зная вѣроломность турецкаго правительства и для того полагая малую вѣру всѣмъ оказательствамъ его дружбы, и не имѣя при томъ никакого непосредственнаго свѣдѣнія отъ посланника моего въ Константинополѣ и относительно кн. Ипсилантія, я почитаю нужнымъ не отмѣнять данныхъ вамъ отъ 16 октября предписаній, коими имѣете вы руководствоваться, относительно перехода чрезъ Днѣстръ и дальнѣйшихъ въ Молдавіи дѣйствій.

Но судя по настоящимъ обстоятельствамъ, что излишне было бы употребить на сію экспедицію всѣ войска, главному начальству вашему ввѣренныя; желая, при томъ, избѣгнуть затрудненій, каковыя встрѣтиться могутъ за Днѣстромъ въ продовольствіи оныхъ; а наипаче, предвидя, что часть сихъ войскъ можетъ быть употреблена съ вящшею пользою на случай необходимой надобности для вспоможенія союзнику моему, королю прусскому, я нахожу полезнымъ ограничить означенныя предписанія мои слѣдующими распоряженіями:

1) Чрезъ Днѣстръ имѣете вы переправить не болѣе 20,000 человѣкъ войскъ. По всѣмъ доходящимъ до меня свѣдѣніямъ, корпусъ сей совершенно достаточенъ будетъ для занятія Молдавіи и освобожденія Валахіи отъ раззоряющихъ княжество сіе видинскихъ турокъ.

2) По сю сторону Днѣстра оставьте 10,000 челов. войска, располагая оныя по усмотрѣнію вашему такимъ образомъ, чтобы оныя по первому повелѣнію вашему могли, немедленно, вступить въ Молдавію. Корпусъ сей составляя, такимъ образомъ, резервъ вашъ, останется совершенно въ распоряженіи вашемъ.

3) Остальные 30,000 человѣкъ арміи, вами предводительствуемой, употребя на оное 9-ю и 10-ю дивизіи, и ввѣривъ начальству генер.-лейтенанта Эссена 1-го, расположите по границѣ Галиціи между Каменецъ-Подольскомъ и Брестъ-Литовскомъ, такимъ образомъ, чтобы правый флангъ оныхъ примыкалъ къ лѣвому арміи, состоящей подъ командою генералъ-отъ-инфантеріи гр. Буксгевдена. По таковымъ расположеніямъ корпусъ генералъ-лейтенанта Эссена не токмо въ состояніи будетъ подкрѣпить, въ случаѣ надобности, корпусъ генерала-отъ-инфантеріи гр. Буксгевдена, между Брестъ-Литовскомъ и Варшавою расположеннымъ, но можетъ подать помощь и вамъ, если бы того потребовалось; почему корпусъ сей и имѣетъ оставаться подъ непосредственнымъ начальствомъ вашимъ.

Желая содержать васъ въ извѣстности о повелѣніяхъ моихъ генераламъ гр. Буксгевдену и барону Беннингсену, прилагаю у сего копіи съ оныхъ.

Приложеніе № 7.

Отношеніе генерала Будберга къ генералу Михельсону 27 октября 1806 года.

Съ прибывшею сюда 23-го сего мѣсяца эстафетою получено и отъ посланника Италинскаго извѣстіе, что князья Ипсилантій и Мурузи возведены паки на прежнее ихъ достоинство въ Валахіи и Молдавіи.

Такимъ образомъ, хотя Порта и доставила намъ всю требуемую по сему отношенію сатисфакцію, однако же Государь Императоръ, полагая, что таковая рѣшимость турецкаго правительства принята имъ изъ единаго страха, въ отвращеніе вторженія нынѣ войскъ нашихъ въ Молдавію, находитъ нужнымъ, отнюдь, не отмѣнять предписаній, данныхъ Вашему Высокопревосходительству отъ 16 и 23 сего мѣсяца, и дождаться дальнѣйшихъ донесеній г. Италинскаго, дабы болѣе удостовѣриться въ точныхъ расположеніяхъ турецкаго правительства.

При томъ нужно замѣтить, что справедливыя и на торжественныхъ трактатахъ основанныя притязанія Высочайшаго двора, не ограничиваются въ неправильномъ отрѣшеніи господарей, ибо не менѣе для насъ важно сохранить и поставить на твердомъ основаніи права безпрепятственнаго прохода чрезъ Цареградскій проливъ для военныхъ и другихъ судовъ россійскихъ; не менѣе для насъ необходимо обезпечить бытіе Іонической республики, обузданіемъ самовольнаго поведенія янинскаго Али-паши; не менѣе требуетъ достоинство и слава Россійской имперіи, чтобы княжества Молдавское и Валахское пользовались во всемъ пространствѣ правами и преимуществами, пріобрѣтенными имъ мощнымъ заступленіемъ Высочайшаго двора.

Наконецъ, настоящее положеніе дѣлъ таково, что мы не можемъ согласиться, чтобы Порта продолжала дружескія свои сношенія съ Франціею, ибо пока держава сія сохранитъ вліяніе свое въ Константинополѣ, Россія должна будетъ всегда опасаться, что при первомъ случаѣ, когда Порта найдетъ полезнымъ для себя перемѣнить паки систему, она, не обинуясь, рѣшится въ пользу Франціи.

Во избѣжаніе таковыхъ послѣдствій, признано нужнымъ пригласить Порту къ пресѣченію всякихъ сношеній съ французскимъ правительствомъ, и требованію отъ нея, въ залогъ искренности своихъ къ Россіи расположеній, чтобы немедленно возобновленъ былъ союзный ея трактатъ съ Англіею. Коль скоро податливостію Порты на всѣ сіи требованія возстановится исключительное наше въ Константинополѣ вліяніе, необходимо нужное какъ для совершеннаго обезпеченія южныхъ нашихъ границъ, равно и для защищенія самой Порты противъ непріязненныхъ замысловъ французскаго правительства, тогда Его Величество охотно согласится отозвать войска свои въ предѣлы имперіи; до того же времени Его Императорское Величество соизволяетъ, чтобы Ваше Высокопревосходительство поступали по точному смыслу данныхъ вамъ отъ 16 и 23 сего мѣсяца наставленій.

Предоставляя себѣ, впрочемъ, сообщить вамъ дальнѣйшія Его Величества повелѣнія, какія послѣдовать могутъ по полученіи ожидаемыхъ отъ г. Италинскаго донесеній, я прошу васъ М. Г. М. содержаніе сихъ донесеній сохранить, на первый случай, въ тайнѣ, дабы преждевременнымъ обнаруженіемъ намѣреній Его Величества не подать поводу къ различнымъ толкованіямъ.

Приложеніе № 8.

Копія письма дѣйствительнаго статскаго совѣтника Родофиникина отъ 9-го октября 1806 года.

Повелѣніе Вашего Высокопревосходительства отъ 1-го октября подъ № 2,566 я имѣлъ честь получить 8 числа въ вечеру. Въ рѣшеніи, каковое приняло министерство турецкое въ слѣдствіе послѣдней ноты, поданной Андреемъ Яковлевичемъ Италинскимъ, понынѣ никакого свѣдѣнія не получено; дошелъ только слухъ сюда, будто бы эстафета изъ Цареграда, за неимѣніемъ лошадей, кои взяты княземъ Калимахи, остановилась въ Рущукѣ. Если г-нъ Италинскій выѣхалъ на нашемъ фрегатѣ, который для сего находился въ Буюкъ-дере, тогда вы, милостивый государь, получите можетъ быть о томъ извѣстіе изъ Россіи, прежде нежели ожидаемая эстафета прибудетъ, ибо весьма вѣроятно, что князь Суцо, будучи извѣщенъ отъ своихъ агентовъ изъ Цареграда о содержаніи помянутой эстафеты, употребитъ старанія свои, подъ рукой воспрепятствовать скорому ея сюда прибытію. Суцо такихъ качествъ, что можетъ приказать ограбить почталіона и даже умертвить его.

Относительно до продовольствія арміи, старался узнать истину, которую, за невозможностію мнѣ самому объѣздить здѣшній край для осмотру, я долженъ извлекать изъ соображенія полученныхъ мною отъ разныхъ людей, а наипаче отъ здѣшняго митрополита, свѣдѣній; сѣна, полагая на 25,000 лошадей, можно имѣть съ избыткомъ до весны, овса и ячменю на такое же число лошадей можно имѣть нужное количество только на пять мѣсяцевъ. Овесъ покупается на мѣстѣ кило, содержащее въ себѣ 720 россійскихъ фунтовъ, по 6 піастровъ, а ячмень отъ 8 до 10-ти піастровъ; просо безъ всякаго труда можно имѣть полное годовое продовольствіе для 50,000 человѣкъ.

Начать теперь заготовлять фуражъ есть дѣло совершенно невозможное: народъ здѣшній, доколѣ не узнаетъ положительно, что россійскіе штыки уже блестятъ въ предѣлахъ молдавскихъ, кидается во всѣ стороны, ищетъ и туркамъ и французамъ угождать; отъ такихъ людей нельзя ожидать сохраненія тайны; а каймаканъ или самъ князь Калимахи, по прибытіи своемъ, узнавъ, что чинятся заготовленія, не остановится ни мало пригласить

сюда изъ ближайшихъ мѣстъ нѣсколько сотъ турковъ, кои предадутъ все огню и лишатъ насъ выгодъ, кои здѣсь войска найтить могутъ.

Князь Суцо, какъ доноситъ Вашему Высокопревосходительству Г. Болкуновъ, намѣренъ уже, говорятъ, ввести 3,000 турокъ въ Валахію. Вы сами согласитесь, Милостивый Государь, что естьли сіе сбудется, намъ не должно надѣяться найтить тамъ хотя малѣйшую часть продовольствія, а потому и должно отложить всякое заготовленіе до дня вступленія войскъ; не болѣе какъ два, а много уже три дни оныхъ будутъ въ трудѣ. Послѣ чего сѣно, овесъ или ячмень и просо доставится въ исправности. Въ Галацахъ имѣется двадцать тысячъ килъ пшеницы, кромѣ овса и ячменя. Бури, продолжающіяся на Черномъ морѣ, препятствуютъ приходу судовъ для перевозки того запаса въ Константинополь; естьли бури и прекратятся, нужно всегда, по крайней мѣрѣ, три недѣли, чтобъ все нагрузить. Буде въ скорости рѣшится вступленіе войскъ въ Молдавію, тогда, естьли разсудите за благо послать отрядъ къ Галацамъ, то или успѣетъ завладѣть, или заставитъ зжечь весь запасъ, чтобъ недостался намъ; не говоря о первомъ случаѣ, который доставитъ намъ не маловажную пользу, и послѣдній будетъ выгоденъ, ибо лишитъ непріятелей столь большаго количества хлѣба.

Приложеніе № 9.

Копія съ отношенія генерала Будберга къ дѣйствительному Статскому Совѣтнику Родофиникину отъ 16 Октября 1806 года.

Извѣстно, что между разными средствами, употребляемыми французскимъ правительствомъ для достиженія видовъ своихъ, великое число емисаровъ, повсюду разсѣянныхъ, конечно весьма много къ тому способствуетъ. Для положенія преграды пронырству ихъ, признано здѣсь за нужное дабы, вслѣдствіе рѣшительныхъ мѣръ, какія положено употребить противу Порты, учредить съ нашей стороны въ томъ краѣ, гдѣ главная часть войскъ нашихъ будетъ находиться, секретную экспедицію, которая будетъ находиться подъ непосредственнымъ руководствомъ Вашего Превосходительства, и имѣетъ исключительно заниматься распространеніемъ тайныхъ связей нашихъ въ турецкихъ областяхъ и во-

обще въ томъ краѣ. По извѣстной опытности вашей въ дѣлахъ и особливой расторопности, излишнимъ я почитаю войти здѣсь въ подробное исчисленіе всѣхъ пунктовъ, до предмета сего относящихся, и ограничусь упомянуть объ оныхъ вообще.

Экспедиція сія должна прилагать особое попеченіе къ открытію источниковъ, дабы всегда съ точностію знать о состояніи войскъ непріятельскихъ, о силѣ арміи ихъ и о всѣхъ ихъ способахъ, и сверхъ того объ эмисарахъ, которые со стороны французскаго правительства при ихъ арміяхъ будутъ находиться. Стараться, поколику возможно, таковыхъ эмисаровъ склонять на нашу сторону, и чрезъ нихъ открывать всѣ отрасли связей французскаго правительства въ турецкихъ областяхъ, привлекать къ намъ изъ живущихъ въ оныхъ, чрезъ нихъ узнавать о расположеніи жителей и симъ же способомъ стараться направлять мнѣніе народное, соотвѣтственно видамъ нашимъ.

Распространять повсюду слухи о чистосердечныхъ расположеніяхъ Россіи къ турецкой имперіи и о вредныхъ противу ея замыслахъ Франціи. Связи таковыя нужно учредить безъ наималѣйшей потери времени, дабы воспользоваться дѣйствіемъ оныхъ, тотчасъ по вступленіи въ турецкія владѣнія войскъ нашихъ.

Всѣ свѣдѣнія, какія изъ сихъ источниковъ доходить до васъ будутъ, Ваше Превосходительство, благоволите доставлять, непосредственно, министерству, и такъ же сообщать оныя и главнокомандующему, г-ну генералу-отъ-кавалеріи Михельсону, и во всѣхъ операціяхъ вашихъ руководствоваться его наставленіями.

На нужные по сей части расходы, на первый разъ, сообщилъ я генералу Михельсону, чтобы онъ отпустилъ вамъ изъ экстраординарной суммы 1,000 червонцевъ; когда же оные будутъ истрачены, то по представленію вашему выдана вамъ будетъ отъ него еще вновь нужная сумма. Счеты деньгамъ симъ имѣете вы доставлять ему же. Въ употребленіи оныхъ наблюдать надлежащую экономію, но не затрудняться, однако же, отнюдь, въ нужныхъ издержкахъ и даже, когда бы обстоятельства востребовали, то дѣлать значущіе подарки, лишь бы то могло способствовать къ пользѣ службы и успѣхи соотвѣтствовали бы нашему ожиданію.

Приложеніе № 10.

Донесеніе генерала-отъ-кавалеріи Михельсона Государю Императору Александру I-му, отъ 13 августа 1806 года.

При движеніи арміи за границу, гдѣ пропитаніе предварительнымъ и благонадежнымъ образомъ не обезпечено, главная потребность состоитъ въ томъ, чтобы имѣть оное съ собою, пока обстоятельства откроютъ лучшіе и удобные способы къ тому на мѣстѣ.

Полки имѣютъ съ собою онаго на 9 дней, на людяхъ въ фурахъ провіантскихъ, но, по мѣрѣ удаленія отъ своихъ границъ, увеличивается потребность запаса. Сверхъ того, нужно бываетъ доставленіе овса для кавалеріи, уксусу, вина и другихъ припасовъ, для госпиталей необходимыхъ.

Для того надобно, во-первыхъ, чтобы магазейны домашніе были достаточно снабжены по числу арміи, которая предполагается къ дѣйствію, и чтобы магазейны сіи были сколь можно ближе къ арміи, какъ, напримѣръ, въ Каменцѣ-Подольскѣ, Могилевѣ-на-Днѣстрѣ и Дубосарахъ, разумѣя мѣста сіи довольно обезпеченными, когда армія впереди уже будетъ, а по мѣрѣ распространенія и утвержденія арміею предѣловъ, могутъ магазейны далѣе распространиться. Во-вторыхъ, на подъемъ всего того, что нужно къ пропитанію арміи, пока она не находится еще на твердой ногѣ, надобенъ, такъ называемый, подвижной магазинъ, составленный изъ фуръ воловьихъ.

Раздѣляя подвижной магазинъ на транспорты, обращеніе коихъ между неподвижными магазинами и пунктомъ арміи, полагая, что можетъ дѣлаться, по крайней мѣрѣ, въ три недѣли, такъ что пока одни транспорты будутъ опорожнены, другіе будутъ поспѣвать; по сему число фуръ подвижному магазейну надобно не болѣе, какъ на мѣсячную пропорцію, полагая клажи на каждую фуру, пароволовью, четыре четверти муки съ пропорціею крупъ, а по мѣрѣ сей тяжести и всякаго другаго запаса. Посему число фуръ должно сообразно быть числу арміи, какая предполагается на первый разъ къ дѣйствію.

Къ каждымъ фурамъ тремъ надобны два погоньщика, изъ коихъ, въ случаѣ убыли одного, могъ бы остающійся со всѣми тремя фурами управляться, пока убылый будетъ замѣщенъ. Нужны къ фурамъ принадлежащіе по роду сихъ фуръ снаряды, какъ-то:

мазь, запасныя оси и колеса, да на каждые сто воловъ нужно по 15 заводныхъ, на случай убыли, также запасныхъ фуръ, хотя на двадцать на пять по одной, въ коихъ может, между тѣмъ, везено быть принадлежащее къ подвижному магазейну хозяйство, какъ-то: запасная мазь, фурщикамъ харчъ и прочее.

Полагается пароволовыя фуры за удобнѣе, нежели четыреволовыя, потому что на сіи послѣднія полагаемой клажи въ 1798 году, при учрежденіи таковаго магазейна, по 6 четвертей съ пропорціею круп, какъ можно видѣть изъ примѣра вольныхъ фурщиковъ, слишкомъ мало, а болѣе положить будетъ тяжело для снасти.

Для пароволовой же полагаемая клажа довольно умѣренна, такъ что при томъ и всѣ принадлежности къ нимъ на нихъ же помѣститься могутъ.

Присмотръ и содержаніе подвижнаго магазейна, пока будетъ надобность въ немъ, зависятъ отъ провіантскаго департамента, по имѣющимся на то регуламъ провіантскимъ, а употребленіе онаго по надобностямъ и обстоятельствамъ зависѣть будутъ также отъ теченія военныхъ дѣлъ и сопряженныхъ съ тѣмъ распоряженій.

Равномѣрно и то, какимъ лучшимъ образомъ армія впредь получить может дальнѣйшее продовольствіе, зависѣть будетъ также отъ теченія военныхъ дѣлъ и отъ мѣстныхъ обстоятельствъ.

Приложеніе № 11.

Всемилостивѣйшій Государь!

Чрезъ генералъ-адъютанта графа Ливена я удостоился получить Высочайшую волю Вашего Императорскаго Величества въ разсужденіи полковыхъ обозовъ, чтобы не быть прибавочному по военному времени, ни солдатскимъ артельнымъ повозкамъ.

Къ надлежащему исполненію по сему я предписалъ по командѣ, въ разрѣшеніе на представленія, ко мнѣ о семъ бывшія. Долгъ званія моего, однако, долгъ довѣренности Вашего Императорскаго Величества, которою имѣю счастіе быть удостоенъ, не позволяютъ мнѣ умолчать предъ Вашимъ Величествомъ обстоятельствъ, къ коимъ опытъ всѣхъ бывшихъ доселѣ съ турками войнъ внушаетъ уваженіе.

1) Натуральное состояніе краевъ степныхъ, каковы Молдавія и Бессарабія, есть такое, что нельзя тамъ войску ни на что считать, чего не имѣетъ съ собою. Кромѣ того, что страна сія есть не такъ населенная, не имѣвшая ни такъ знатныхъ, ни такъ частыхъ городовъ и селъ, каковы въ другихъ странахъ Европы. Самые жители тамошніе не такъ зажиточны въ хлѣбѣ, не такъ промышленны, чтобы можно на помощь ихъ надѣяться; главный достатокъ ихъ въ садахъ, скотѣ и пчеловодствѣ, а хлѣбъ ихъ, кукуруза, пшеница, просо и ячмень намъ не совсѣмъ пригодны; да и тѣ жители, отъ страха войны, большею частію разбѣгаются, ибо у турковъ тѣмъ начинается война, что разоряютъ и опустошаютъ край, который удержать не надѣются. Отъ сего, такъ сказать, преддверія военнаго, край тотъ всегда болѣе, нежели отъ самой войны, терпѣлъ; намъ оставались степи, съ ограбленными деревнями или и совсѣмъ разоренными, особливо послѣ татаръ и ногайцевъ, кочующихъ въ Бессарабіи. О сю пору уже изъ извѣстій видно, что начинаются притѣсненія обезоруживаніемъ христіанъ, что исподоволь турки увозятъ весь хлѣбъ за Дунай, и что ячменя столько уже не достаетъ, сколько въ подать наложено, и молдавскій господарь Мурузій добираетъ за то деньгами.

2) Съ движеніемъ войскъ болѣзни обыкновенно не разлучны. Отъ заболѣвающихъ и усталыхъ остается ружье и аммуниція, коихъ не можно оставить такъ, но должно везти до мѣста, гдѣ сложить; мѣсто не всякое можно къ тому избрать въ странѣ открытой; между тѣмъ, и для самыхъ занемогающихъ и усталыхъ не всегда однихъ лазаретныхъ фуръ бываетъ достаточно; въ мѣстахъ обитаемыхъ заимствуются на то обывательскіе подводы, но въ степяхъ, гдѣ оныхъ нѣтъ, тутъ единое средство было солдатскія артельныя повозки.

3) По самому внутреннему полковъ хозяйству и нуждамъ солдатъ нерѣдко бываютъ надобности въ перевозкахъ и доставленіи съ мѣста на мѣсто то вещей, то продовольствія; на что ежели не гдѣ заняться ни наймомъ, ни подводами обывательскими, то однихъ казенныхъ подъемныхъ лошадей и фуръ на все достать не можетъ. И въ семъ случаѣ единая помощь была солдатскія артельныя лошади и повозки.

4) Офицеры, не имѣя продовольствія отъ казны, должны оное имѣть съ собою. Въ прошлый походъ въ Галицію, гдѣ, казалось бы, всего можно достать удобно, примѣры были очевидные, что офицеры, не вездѣ находя что купить, или и не всякъ въ со-

стояніи будучи заплатить дорого, доходили до нужды въ пропитаніи и могли бы болѣе потерпѣть, ежели бы не была милость Вашего Императорскаго Величества пожаловать имъ быковъ на говядину. Кольми же паче въ степныхъ мѣстахъ должно недостатка сего беречься. Для того позволяемо было имѣть каждому экипажи, не по чинамъ, а по состоянію, кто что можетъ, ибо и малочиновный, но состояніе имѣющій, когда имѣетъ избытокъ, то можетъ помощію служить другому недостаточному, а сіе кольми паче нужно тамъ, гдѣ больше бѣдныхъ, нежели богатыхъ.

Таковы обстоятельства, конечно, не извѣстны арміямъ иностраннымъ, имѣющимъ дѣла какъ бы дома у себя, среди изобилія городовъ и селъ богатыхъ, и при томъ получавшимъ все готовое; особливо неизвѣстны арміямъ французскимъ, которыя вездѣ что нужно имъ, не только съѣстное продовольствіе, но даже одѣяніе, аммуницію и казну, такъ и у пріятелей, какъ у непріятелей, не смотря ни на что, всякими образы берутъ и грабятъ, и тѣмъ въ довольствѣ и изобиліи торжествуютъ; а у насъ солдатъ самъ собою обшивается, сами провіантъ и фуражъ изъ магазейновъ за нѣсколько верстъ должны доставать, и сами пекутъ хлѣбы; но все сіе хотя не значущія снадобья, но все надобно ихъ съ собою имѣть для нужныхъ употребленій среди степи. Отъ сихъ, Всемилостивѣйшій Государь, обстоятельствъ, свойственныхъ единственно нашимъ въ степныхъ и дикихъ мѣстахъ походамъ, гдѣ даже воду не вездѣ можно имѣть добрую и для удобренія ея нужно уксусъ имѣть съ собою, найдены необходимыми, при арміяхъ нашихъ, подвижные магазины; при полкахъ маркитентеры, кои нарочито даже указами были къ тому вызываемы; у солдатъ заведены артели и ихъ артельныя повозки, снабженныя всѣми нужными солдату потребностями и служащія не только для облегченія ноши ихъ въ сламзакахъ, но и для лучшей привязанности солдатъ и связи между ими, имѣя нѣкоторый залогъ собственности, а офицерамъ позволяемы экипажи, какіе кто имѣть могъ. И такимъ образомъ армія россійская въ состояніи была сносить труднѣйшіе походы.

Неоспоримо, что отъ того обозы и вагенбурги увеличивались. Примѣра, однако, не было нигдѣ, чтобы отъ того затрудненіе произошло въ движеніи или продовольствіи. Въ открытыхъ степныхъ мѣстахъ армія можетъ ходить нѣсколькими даже, въ одинъ рядъ, колоннами; а для продовольствія лѣтомъ изобиленъ вездѣ подножный кормъ и на зиму сѣно косить и запасать удобно.

Такимъ образомъ, и подвижнаго магазина волы, при добромъ порядкѣ, могли имѣть всегда безъубыточное для казны продовольствіе. А при томъ можно и то привесть въ сравненіе съ арміями иностранными, что у нихъ такъ называемые при арміи беккереи не меньше составляютъ обозъ, такъ что для одного прикрытія ихъ употребляются иногда цѣлые корпусы.

Кромѣ особенныхъ случаевъ движенія на поискъ непріятеля или въ другую какую-либо военную экспедицію, что само собой дѣлывалось безъ тяжелаго обоза, оставляя сей въ вагенбургѣ тамъ, гдѣ армія стоитъ уже твердою ногою. Впрочемъ, большой вагенбургъ или обозъ не только не былъ въ отягощеніе для арміи, но, напротивъ, бывали случаи, въ которые, кромѣ собственныхъ выгодъ частныхъ, служили оные и вообще для арміи пользою чрезвычайною. Предъ баталіею Кагульскою, пять дней уже не было провіанта. Тутъ единственное спасеніе нашлось въ солдатскихъ артельныхъ повозкахъ отъ ихъ запасовъ собственныхъ. Въ другомъ мѣстѣ нападеніе сдѣлано было отъ татаръ на нашъ подвижной магазинъ; прикрытіе онаго было бы слабо устоять противу многочисленной толпы непріятеля, ежели бы не знатное количество обоза, устроеннаго порядочно въ вагенбургѣ, составило среди степи родъ крѣпости, и тѣмъ удержали непріятеля, пока сикурсъ прибылъ. Такимъ образомъ и всегда вагенбургъ служилъ безопаснымъ депо для больныхъ и вещей излишнихъ.

Не осмѣливался бы, Всемилостивѣйшій Государь, такъ далеко распространиться симъ всеподданнѣйшимъ моимъ представленіемъ, ежели бы не истинное усердіе мое меня къ тому влекло и ежели бы не только долговременный опытъ собственный, но и опыты вѣковъ не доказывали истину, что первымъ предметомъ въ военномъ ремеслѣ есть уважать на свойство и нужды солдата. Свойство россійскаго солдата есть не страшиться ни трудовъ, ни дисциплины, ни многочисленнѣйшаго непріятеля; но невыгоды и недостатки, безъ таковыхъ причинъ, кои самъ онъ знаетъ необходимыми, не терпитъ. Противу первыхъ онъ твердъ и храбръ и въ напряженіяхъ къ побѣдѣ опасностей не знаетъ; а отъ послѣднихъ рождается неудовольствіе, унижается духъ и клонится къ разрушенію дисциплины.

Ежели не благоугодно будетъ удостоить обстоятельствъ сихъ уваженія Всемилостивѣйшаго, то осмѣливаюсь доложить, не позволено ли будетъ хотя вьючныхъ лошадей имѣть, по 6-ти въ ротѣ, ежели сами солдаты сего пожелаютъ; ибо не совсѣмъ

удобно и сіе, какъ въ разсужденіи сѣделъ вьючныхъ, кои особеннаго построенія требуютъ и къ коимъ надобно привыкнуть, чтобы умѣть обходиться съ ними; такъ и въ разсужденіи бываемыхъ лошадей больныхъ, и тогда трудно съ вещами отъ вьюковъ дѣваться,—какъ напротивъ повозку въ такомъ случаѣ можетъ тянуть пара, а по нуждѣ и одна лошадь, или вещи удобно могутъ быть разложены по другимъ повозкамъ.

Простите, Всемилостивѣйшій Государь, ежели усердіе мое увлекло меня далѣе предѣловъ. Состарѣвшись подъ оружіемъ Вашего Императорскаго Величества, не могу имѣть цѣли и желаній другихъ, кромѣ славы и чести онаго, и лучшимъ долгомъ вѣрности сужу лишнюю откровенность предъ своимъ Государемъ, нежели недостатокъ оной. Впрочемъ, повергая все всеподданнѣйше мною представляемое на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества, высокомонаршая воля Ваша мнѣ всегда священна. Со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ повергаюсь.

Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества и проч.

Михельсонъ.

25 іюля 1806 г.
М. Тульчинъ.

Приложеніе № 12.

Отношеніе генерала Михельсона къ князю Черторижскому отъ 10 апрѣля 1806 года, изъ мѣстечка Тульчинъ (объ арнаутахъ).

Опыты прошедшихъ войнъ съ турками служатъ примѣромъ, сколь полезны, и въ случаѣ опять войны съ турками даже необходимы, вербованія сіи, (арнаутовъ) и сколь нетрудны при томъ, ежели образъ мыслей народовъ тѣхъ и ихъ прежнее расположеніе къ Россіи еще не перемѣнилось. Мы имѣли всегда войско сіе подъ именемъ волонтерскихъ арнаутскихъ командъ и онѣ всегда, конно и пѣше, впереди арміи, съ большою пользою служили; изъ нихъ начало у насъ войска Бугскаго, которое, бывъ арнаутскою командою въ первую турецкую войну, по заключеніи мира, поселено на бывшей границѣ тогда, рѣкѣ Бугѣ, и отъ того получило названіе Бугскаго; потомъ въ послѣднюю турецкую войну, вновь набранныя арнаутскія команды, по заключеніи мира, къ тому же войску Бугскому присоединились; и такъ мы имѣли уже, такъ сказать, гнѣздо сего рода войскъ. Остается только дать новую силу и способы къ распространенію онаго.

Предполагая новое вербованіе, во-первыхъ, надобно дать положеніе основательное, которое бы, представляя выгоды народу, тѣмъ самымъ привлекало бы ихъ къ себѣ. Для сего надобно знать свойство сего народа и причины, кои ихъ болѣе привлекать къ намъ могутъ.

Первое есть ихъ ремесло военное и свобода отъ рабства; послѣднія суть, съ одной стороны, сходство вѣры, съ другой небезпечность жизни ихъ тамъ, подъ угнетеніями и безпокойствами тамошними; слѣдственно имъ нужно у насъ благосостояніе прочное, сообразное свойству ихъ, а они за то служить будутъ охотно. При князѣ Потемкинѣ Таврическомъ великая ошибка сдѣлана, что данъ начальникомъ былъ войску Бугскому изъ воинскихъ полковникъ Орловъ, вовсе другой націи, другихъ нравовъ и обычаевъ, и вопреки національной амбиціи народа; а въ царствованіе покойнаго Государя Императора и того болѣе, что войско сіе, наравнѣ съ другими, бывшими изъ мужиковъ, поверстано въ крестьяне. Ежели бы не два сіи случая, войско Бугское давно бы болѣе процвѣло и болѣе бы единоземцами ихъ было приумножено; нынѣ отъ Высочайшей милости Его Императорскаго Величества войско сіе бытіе получало и ежели Всимилостивѣйше дарованныя права ему сохранятся въ своей силѣ, то уповательно, что и достигнетъ къ желаемому предмету.

Во-вторыхъ, должно предполагать два рода людей, вербоваться имѣющихъ. Одни, кои вмѣстѣ съ службою и вѣчное подданство Россійское примутъ и захотятъ переселиться къ намъ съ семействами. Другіе, кои лично токмо служить будутъ.

Для первыхъ нѣтъ нужды въ положеніи другомъ, какъ то, которое войско Бугское уже имѣетъ; къ нему могутъ присоединяться они и тутъ составить полки не одни конные, но и пѣшіе; развѣ послѣ понадобится земли еще прибавить, которой изобильно имѣемъ. А для тѣхъ, кои захотятъ лично токмо служить, потребенъ штатъ жалованью и содержанію ихъ. Сему примѣръ можно взять изъ штата прежнихъ арнаутскихъ командъ; но я онаго у себя не имѣю, въ Государственной военной коллегіи находится.

Въ такомъ предположеніи, я отправляю поручика Бея Новокрещенова за границу, для вызова подъ рукою охотниковъ и достовѣрнаго узнанія, сколько одного и другаго рода ихъ быть можетъ. А вашему сіятельству не угодно ли будетъ, между тѣмъ, испросить на сіе послѣднее, волю Его Императорскаго Величества, нужный штатъ для войска сего и меня снабдить дальнѣйшими наставленіями.

Приложенiе № 13.

УСЛОВIЕ

заключенное между командующимъ Россiйскими войсками, генералъ-лейтенантомъ, Каменца-Подольскаго военнымъ губернаторомъ, управляющимъ губернiями Подольскою и Волынскою и кавалеромъ Эссеномъ 1-мъ и Порты Оттоманской трехъ-бунчужнымъ Мегметъ-пашею, Хотинскимъ комендантомъ и пограничнымъ начальникомъ, о сдачѣ крѣпости Хотинской. Въ м. Жванцѣ. Ноября 14 дня 1806 года.

Отвѣты генералъ-лейтенанта Эссена 1-го.	Пункты, предложенные Хотинскимъ пашею.
Въ уваженiе трехъ-лѣтняго добраго сосѣдства съ хотинскимъ пашею, я согласенъ, чтобы онъ отправился изъ крѣпости со всею своею свитою, имѣнiемъ, бунчуками и знаменами; но по выходѣ, оставляя при себѣ бунчуки, долженъ знамена, какъ военные трофеи, сдать тому, кому поручено отъ меня будетъ, и увѣдомить о мѣстѣ, куда именно предпринимаетъ путь для свободнаго слѣдованiя.	1) Коменданту крѣпости Хотинской Мегметъ-пашѣ, со всею его свитою и со всѣмъ имѣнiемъ, со знаками отъ блистательной Порты, въ честь ему пожалованными, съ бунчуками, равно съ знаменами, распущенными и съ другими военными музыкальными инструментами, позволить отправиться въ его землю.
Согласенъ.	2) Всѣхъ, въ Хотинѣ находящихся, обывателей, какъ въ кавалерiйской, такъ и въ пѣхотной службѣ состоящихъ, съ ихъ фамилiями и съ имуществомъ, какъ при нихъ состоящихъ, такъ и остававшимся по деревнямъ, отпустить въ мѣста, куда пожелаютъ.
Согласенъ съ тѣмъ, чтобы янычары вышли со всею ихъ собственностью, оставя, однако,	3) Девяти ротамъ янычаръ, также со всѣмъ ихъ имуществомъ, позволить отправиться

всѣ тѣ вещи, которыя принадлежатъ казнѣ, и объявивъ, куда именно они идутъ.

Согласенъ.

по ихъ волѣ, съ сохраненіемъ приличнаго военнымъ людямъ уваженія.

4) Состоящія въ крѣпости арсеналы, орудія, аммуниція и прочія снаряды принадлежатъ Россійскому войску, но собственное оружіе военныхъ чиновъ должно оставаться при нихъ, котораго и не отбирать.

Какъ скоро по обоюдному согласію будетъ крѣпость занята россійскими войсками, въ то время всѣ турки должны оставить оную, а отъ меня назначены будутъ мѣста на предмѣстьи или въ селеніяхъ, гдѣ имъ находиться до того времени, пока все ихъ имѣніе будетъ собрано и сами они отправятся куда пожелаютъ.

5) По согласію на сіи пункты и ратификаціи оныхъ съ обѣихъ сторонъ, дозволить, ежели возможно, чрезъ 15 дней оставаться въ крѣпости.

Согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы, какъ выше сказано, турки въ крѣпости не находились.

6) Въ теченіи тѣхъ 15 дней дозволить продажу ненужныхъ и покупку нужныхъ вещей, въ родѣ ярмарки, со всею свободою.

Опись и отдача арсеналу и всего казнѣ принадлежащаго должна быть учинена тотчасъ по занятіи крѣпости.

7) За три дня предъ выходомъ изъ крѣпости, прислать пять Россійскихъ комисаровъ для описанія арсенала и для отдачи регистра, отъ одной другой сторонѣ.

Согласенъ.

8) Послѣ отдачи и выхода всѣхъ изъ крѣпости, дать конвой для безопасности при слѣдованіи ихъ до Галацъ и до Дуная.

Обѣщается, что во время слѣдованія никакихъ обидъ отъ

9) Чтобы по выступленіи изъ крѣпости въ мѣста, куда поже-

войскъ на дорогѣ сдѣлано не будетъ.

лаютъ, не было нигдѣ на пути Россійскихъ войскъ, и чтобы они даже удалились отъ того, чтобы слѣдовать за ними въ слѣдъ.

Подводъ дано будетъ столько, сколько по необходимости нужно.

10) Состоящему въ Хотинѣ войску для перевозки вещей до мѣстъ избранныхъ, дать необходимо нужныхъ 2,700 подводъ.

Войска Россійскія должны войти въ крѣпость чрезъ Жванецкія и Стамбулскія ворота, и при сихъ послѣднихъ отбираются ключи. Хотинскому же гарнизону позволяется выйти, гдѣ пожелаетъ.

11) Сдавъ крѣпость, желаютъ вытти изъ оной чрезъ предмѣстье, а россійское войско вступитъ въ ворота противу Браги, гдѣ и отданы будутъ ключи.

Согласенъ выдать провіантъ и фуражъ изъ магазейновъ, состоящихъ въ Хотинѣ.

12) Для путеваго продовольствія дать провіанта и фуража на 8 дней.

Согласенъ.

13) Для выходящаго изъ крѣпости войска опредѣлить конвой въ обезпеченіе до мѣстъ слѣдованія.

Согласенъ.

14) Оставленные въ залогъ люди, по прибытии на мѣсто, должны быть отосланы.

Согласенъ.

15) Оставшіеся по деревнямъ турецкіе обыватели, съ ихъ фамиліями, чтобы были безъ всякой опасности доставлены.

Со дня отступленія Россійскихъ войскъ, всѣ казенные доходы принадлежатъ Россійской казнѣ; если же существуютъ за прошедшее время недоимки, то въ такомъ случаѣ отдана будетъ справедливость.

16) Слѣдуемые по 1 марта будущаго года подати, какъ помѣщичьи, такъ и казенныя съ раи хотинской, должны быть собраны и отданы тефтердарю.

Завтрашняго числа, въ 10 часовъ пополуночи, Россійскіе войска должны занять городъ Хотинъ, Стамбулскія ворота и цитадель, а турки выходятъ изъ крѣпости съ тѣмъ, чтобы въ теченіи двухъ дней непремѣнно была оная очищена и чтобы далѣе сего срока отнюдь никто изъ турковъ въ крѣпости не оставался.

Подл. подп.: генералъ-лейтенантъ Эссенъ 1-й.

Турецкій начальникъ.

Къ приложенію № 13.

СПИСОКЪ

о турецкихъ чиновникахъ, состоявшихъ въ крѣпости Хотинской начальствомъ, и о числѣ войскъ и вообще турокъ.

Войсковые начальники:

Кара-Мегметъ, Хотинскій трехъ-бунчужный паша.

Кегая-Бей, или паши лейтенантъ, въ чинѣ султанскаго камергера.

Мустафа-Ага, адъютантъ паши Агія-Ага, переводчикъ и секретарь пограничной Порты.

Мустафа-Ефенди, секретарь паши и Дивана.

Диздарь-Мегметъ-Ага, смотритель крѣпости, 28 другихъ высшихъ начальниковъ, 22 штабъ-офицера, 8 провіантскихъ чиновниковъ.

Сверхъ того, янычаръ 9 ротъ, въ нихъ 500 человѣкъ.

Приходящихъ янычаръ, называемыхъ Ямаки, 500 человѣкъ.

Конницы, спаговъ, 140 человѣкъ.

Вообще турокъ болѣе 1,000 человѣкъ, въ числѣ ихъ до 300 человѣкъ конныхъ.

Да кромѣ того, по селеніямъ раи Хотинской, разсѣявшихся въ нѣсколько тысячъ турокъ, но вѣрное ихъ число еще не извѣстно.

Подлинный подписалъ: генералъ-лейтенантъ Эссенъ 1-й.

Приложеніе № 14.

Très illustres Commandants, Cadis, Primats etc.

Après les compliments d'amitié et les attestations d'estime et de considération je vous informe de ce qui suit:

Pendant que la Cour Impériale de Russie, depuis la dernière paix, entre elle et la Porte Ottomane, a scrupuleusement observé les engagemens contractés entre les deux Empires, et qu'au lieu d'avoir voulu profiter des embarras, dans lesquels la Porte Ottomane s'était trouvée, lorsque les Français avaient envahi l'Egypte, et pris possession des îles et villes de la ci-devant république de Venise, dans l'Adriatique et en Albanie, s'était prêtée à conclure avec elle une alliance, et à lui fournir des secours en vaisseaux et en troupes, pour expulser les Français de son voisinage, et lui procurer la conquête des sus-dites îles et villes ex-vénétiennes et qu'elle n'a pas hésité un instant, à l'approche du terme de la sus-dite alliance, de la renouveller, en s'engageant réciproquement d'avoir desormais les mêmes amis et les mêmes ennemis, de s'entreaider en cas de besoin, et de ne pas faire ni paix ni trêve, avec leurs ennemis que de commun accord.

La Porte Ottomane au contraire et au mépris de ses engagement et de la bonne fois, se prêtant à l'impulsion de la France, s'est permis de différentes manières, la violation de ses engagemens envers la Russie et n'observa plus aucun menagement à l'égard de cette puissance.

D'après ce procédé de la Porte Ottomane, Sa Majesté Impériale, aurait tout le droit, de la traiter comme ennemie, mais animée du désir de conserver la paix et la bonne harmonie entre les deux Empires, et persuadée que ce changement de la conduite de la Porte Ottomane est l'ouvrage de quelques individus de son Ministères qui sont partisans des Français, a fait toutes les démarches possibles, pour raviser Sa Hautesse sur une conduite aussi contraire a l'amitié et aux intérets de son Empire. Comme les démarches amicales n'ont pas produit le moindre effet, à cause que les principaux membres du Ministère actuel de la Porte Ottomane, sont dévoués à Bonaparte, et comme il est certain, que celui-ci vise à introduire une armée française en Romelie, en apparence pour aider Sa Hautesse à abolir les anciens Ogiaks des Ianissaires et soumettre tous les

Musulmans, qui s'opposent au Nisam-djedid (nouveau réglement), mais en réalité, pour s'emparer sans obstacles des états Ottomans, et se déclarer Empereur de l'Orient.

La Majesté Impériale a cru ne lui rester autre parti à prendre pour distraire Sa Hautesse, de sa déférence aux conseils, de ceux de ses Ministres, qui sont dévoués à Bonaparte, et la porter à reconnaitre la nécessité de rester attachée à son alliance avec la Russie et avec l'Angleterre, afin de pouvoir sauver son Empire de devenir la prise de l'ambition illimitée de Bonaparte, que de faire entrer une de ses armées en Moldavie et en Vallachie, déclarant et promettant sur sa parole Impériale, que cette armée ne commetra pas la moindre hostilité, ni vexation, et rentrera dans les frontières de la Russie, aussitôt que Sa Hautesse destituera ceux de ses Ministres, qui par leurs partialité pour la France lui ont fait violer ses engagemens avec la Russie, accordera, comme il a été stipulé, par le dernier traîté d'alliance, le libre passage par le détroit de Constantinople aux vaisseaux et transports militaires Russes, pour aller et venir à l'Adriatique, agira de concert et avec énergie pour expulser les Français de la Dalmatie, et retablira les Hospodars de la Valachie et de la Moldavie, qu'elle vient de déposer trois ans avant le terme convenu entre les deux Empires; consequemment a cette détermination et aux ordres de Sa Majesté Impériale je vous déclare et je vous assure de la manière la plus solemnelle que l'arméé, que j'ai l'honneur de commander, ne commetra pas la moindre hostilité contre le territoire de votre jurisdiction et agira en amie, tant que de votre part, ne se faira contre elle aucune démarche contraire à l'amitié et que Sa Hautesse ne préférera pas avoir la guerre avec la Russie, plutôt que de rectifier les torts du gouvernement turc envers nous, dont le nombre est beaucoup trop grand pour être énuméré ici, et dont les principaux, outre ceux mentionnés ci-dessus, consistent dans les entraves illégales, qu'il a mise à notre commerce, les violences multipliées et jamais réparées, que le agens Turcs, dans tout l'Empire Ottoman exercent, contre des sujets de Sa Majesté Impériale, les charges onéreuses à leur commerce, les interprétations forcées, que l'ont veut donner à des articles très-clair et très précis de nos traités; la prétention, aussi illégale qu'extraordinaire relativement aux béractaires, l'inexécution, sous tant de rapports de la Convention de 1800, relativement à la République des sept îles, au continent de l'Albanie ex-vénétienne, les plaintes sanscesse répétées contre les procédés du Pacha de Ianima contre sa désobéissance continuelle, la partialité constamment montrée

en sa faveur et contre la persévérance de ce Pacha dans le refus d'évacuer Bucintro. Les réclamations contre tous ces griefs, étant fondées sur nos traités avec la Porte tout récemment renouvellés, c'est leurs rédressement, qui doit ramener entre les deux Empires la paix et la bonne intelligence, aussi évidemment utile pour la Porte et si désirée pour la Russie.

Приложенiе № 15.

Traduction du Manifeste de la Sublime Porte à l'occasion de la déclaration de guerre contre la Russie, remis à Son Excellence-m-eur l'Ambassadeur d'Angleterre le 9 Janvier 1807.

La sûreté et la tranquillité des nations civilisées ont dépendu de tout temps du maintien des Engagemens et des Traités. En réfléchissant au bouleversement général qu'occasionneraient ceux qui donneraient motif à l'infraction de ce principe, reconnu par tout le monde, quand même il arriverait des circonstances de nature à amener une rupture contre une autre Puissance, il est certain que tous les Souverains, doués de justice et de dignité, ont toujours employé le soin et l'attention la plus scrupuleuse à nepoint procéder aux voyes de fait sans se conformer auparavant aux règles observées dans des pareilles conjonctures.

La Cour de Russie seulement a toujours été dans l'habitude de se permettre de rompre ses Engagemens par des traités d'un caractère arbitraire et usurpateur envers les Puissances qui se trouvent être ses voisines, et d'interrompre tout à coup le fil de l'ordre des choses par un effet de ses vues avides et intéressées; et il est de plus notaire à l'Univers entier quelles ont été, de tout temps, ses mauvaises dispositions et ses intentions hostiles envers les Etats Ottomans. Méconnaissant le prix de la modération et des égards que la S. Porte a montrés dans chaque occasion, suivant ses principes de justice et de loyale, plus la Russie voyait une conduite semblable de sa part, plus elle y répondait par des traits de malice et de mauvaise foi; et il ne peut échapper à la vu de tout observateur juste et impartial qu'elle a même fait servir le voisinage établi de prétexte pour commetre des actes de violation et d'injustice.

Entre autres choses, tandis que la Russie, d'après la teneur du Traité signé l'année 1188 (1774) n'avait aucun droit de domination sur la Crimée, néanmoins par une multiplicité de projets tous contraires aux stipulations qui en établissaient l'indépendance, elle n'a hésité d'employer ouvertement des artifices et des intrigues les plus pernicieuses et en y faisant enfin marcher une force considérabie. Elle usurpa et sempara de cette vaste province au milieu de la paix et de l'amitié existantes entre les deux Puissances.

Quoiqu'il fût connue à tout le monde que la S. P. avait de tout temps des droits fondés sur la Georgie, la Russie après avoir traversé cette province en y employant des ressorts frauduleux, a enfin cherché à faire passer cette contrée entiérement sous sa domination.

Les Consuls nommés par la dite Cour dans les Etats Ottomans, en souillant la dignité attachée à des Agens Publics, ont séduit un grand nombre d'individus, sujets de la S. P. Rayas, dans les lieux de leur résidence, les faisant embarquer et passer en Russie, sur des navires de leur nation, dont la libre navigation n'avait été accordée que pour l'objet du commerce. Des patentes ont été distribuées dans l'intérieur de l'Empire Ottoman, et en donnant des pavillons aux habitans des iles de la mer Blanche (Méditerranée) on a poussé l'indiscrétion au point d'attirer un grand nombre de vaisseaux et d'individus sujets de la S. P.

Après la conclusion de l'alliance qui formait un lien additionel à celui de la paix qui existait déja entre la S. P. et la Russie, il etait à espérer que cette dernière aurait cessé de tenir une conduite si désagréable.

Mais la Russie prenant cette nouvelle liaison comme un moyen de facilité pour étendre le désordre et la fermentation, dans la fausse idée de faire naître une révolution au milieu des Etats de son allié. Elle a séduit tous les sujets serviens et en leur fournissant de l'argent et des munitions, elle leur a servi d'aide et de conducteur dans leur soulévement et rebillion.

Ayant demandé, pour une fois seulement, la permission de faire passer des provisions pour des troupes qui se trouvaient à Tiflis, on leur accorda pour cet effet le ferman nécessaire par égard au Traité d'alliance. Aussitôt des troupes, de l'artillerie, et des munitions furent expediés vers Fash; on prit possession a main armée de la fortéresse d'Anacarye, et on fit des fortifications à Kembal,

en manifestant par là des vues hostiles. Il a été demandé avec raison différentes fois pour des Notes Officielles remises au Ministre de Russie, Résidant auprès de la S. P., de faire cesser une pareille conduite. Le Ministre en donnant à chaque reprise une autre éspece de reponse évasive, on n'a pas pu jusqu'a ce moment obtenir une satisfaction convenable sur ces points. En revanche, en commettant toute espèce d'actes contraires à ce système de conduite qui forme le devoir essentiel d'un Allié la Cour de Russie s'est permise des démarches propres à rompre le Traité même d'Alliance.

Tandis que, d'aprés les stipulations établis, Elle n'avait aucune espèce de droit sur la République des sept Isles réunis, qui est dépendante de la S. Porte, que celui d'en être caution et garant; et tandis que, d'après ces mêmes stipulations, au cas qu'il fût nécessaire de stationner des Troupes dans la susdite République, il etait censé que cela devait se faire de part et d'autre d'un commun accord. Et que dès que la forme du Gouvernement interieur de cette République aurait été acceptée, on devait donner la main pour la mettre en exécution; la cour de Russie, en traitant les sept Isles comme une possession à Elle, y a mis autant de Troupes qu'Elle a voulu; Elle a fait exécuter par des agens expressément envoyés, des loix et des Reglemens formés et redigés à Petersbourg; Elle a fit des dits Isles un centre de réunion pour les sujets habitans des Provinces voisines de la Rumelie, en les séduisant et attirant secrètement et ouvertement, et en donnant un sauf conduit même à des brigands qui s'y refugiaient; il n'y a point d'intrigues qui n'aient été mises en oeuvre par les agens russes qui se trouvaient dans ces endroits, afin de chercher à repandre le mecontentement, et particulièrement contre S. E. Aly Pacha, Gouverneur de Janina.

Dans l'intention de porter atteinte au systême de neutralité adoptè par la Sub. Porte et suivi avec l'attention la plus parfaite envers les Puissances belligerantes pendant les guerres qui, depuis quelque temps, se font en Europe, la Cour de Russie n'a pas céssé de faire passer, sans avoir égard à la neutralité de la Sub. Porte, ses Vaisseaux de guerre par la Mer Noire, tandis que l'on n'en avait accordé le passage que pour le service exclusif de la Republique des sept Isles.

Par le canal des Emissaires envoyés secretement en Albanie et en d'autres endroits, Elle s'est occupée à faire des levées de soldats à force d'argent, et en les incorporant aux Troupes Russes embarquées dans les susdits Vaisseaux, Elle les destinait pour l'Italie sans que la S. P. en eût la moindre connaissance. De plus, en faisant

soustraire à leur obeissance les habitans de Montenegro qui sont originerement sujets de la S. P. par l'envoie consécutif des Emissaires comme ci dessus, Elle a cherché à encourager tout ce qui pouvait donner naissance à des disputes et à des altercations.

Elle a, en dernier lieu, porté le mepris des règles sacrées de tout Gouvernement au point de faire executer la pratique ci dessus mantionnée de lever des troupes jusque dans la capitale même de l'Empire.

Le nombre des Patentes distribuées dans les Provinces de la Valachie et de la Moldavie, et celui des Sujets Ottomans a qui Elle a accordé la protection, sous divers pretextes, est incalculable. En regardant les dites Provinces comme si elles etaient une proprieté Russe pure et simple, les Consuls se sont immiseés dans l'administration interieure du Pays; Elle a toujours porté plainte et montré son inimitié contre les Hospodars qui n'ont pas voulu se prêter à ses Volontés, et en protegeant ouvertement ceux qui lui etaient attachés et devoués, il devint presque impossible à la Sub. Porte de pouvoir établir des Princes qui fussent propres au Gouvernement des dites Provinces.

Quoique chacun des Sujets de griefs ci dessus anoncés eût pu être consideré comme une infraction des Traités, et motivait la guerre, cependant si la Sub. Porte a préféré de patienter et de tolérer, cela n'a point du tout été faute de moyens, ou par faiblesse. Mais absolument pour éviter l'effusion du sang humain, et par pure compassion des sujets respectifs, Elle a employé tous ses éfforts pour traiter amicalement et arranger chaque point de la manière la plus convenable. En effet, la S. Porte ayant d'après l'exigence de ses Interêts destitué récement les Hospodars de Valachie et de Moldavie, la Russie sous le seul pretexte de n'en avoir pas été prévenu, a osé en faire un sujet de reclamation, tandis que la perfidie constatée par differentes preuves du Traître qui se trouvait alors Hospodars en Valachie, faisait voir clairement que le retard d'un seul instant aurait été prejudiciable; et si même on en avait donné avis cela serait indubitablement parvenu à la connaissance de cet homme et le mal qui en aurait resulté serait encore plus grand. Malgré cela, immidiatement après la déposition des Hospodars, on a fait un exposé amical de l'état des choses à la Mission Russe; et quelque temps après, l'Envoyé de Russie Residant auprès de la S. P. a exigé de la part de Sa Cour leur retablissement, et sans admettre en cela ni modification ni mitigation quelconque, il a fait savoir positivement l'ordre qu'il avait reçu de sa Cour de quitter Constantinople avec

toute sa Mission, si sa demande n'était accordée sur le champ, et sans le moindre changement.

Tandis que ce Ministre signifiait aux negocians et autres de se disposer au départ, il représentait officiellement qu'on ne devait point croire que la Cour de Russie voulut se servir de cette affaire comme d'un prétexte pour faire la guerre à la S. Porte, que si l'on accordait le susdit rétablissement conformemant à sa demande; il ne resterait plus aucune espèce de fraideur entre les deux Cours, et qu'il etait chargé d'écrire immédiatement aux Frontièrex si cette affaire était arrangé ou non.

La S. P. a parfaitement compris que la Cour de Russie, d'après la perversité de ses principes, aurait saisi cette circonstance pour en faire un prétexte de déclaration de guerre. Elle s'est apperçue et a reconnu qu'en agrandissant un objet si insignifiant en lui même, et en entrant sur cela dans des discussions, quoique sans une raison valable, la dite Cour n'avait en vue que de mettre à la charge de la S. P. la cause de sa presque aggression, afin de mettre en exécution les mauvais desseins qu'Elle nourissait dans son Coeur. Mais pour ne pas laisser à la Cour de Russie aucune ombre d'excuse auprès des Puissances de l'Europe, la S. P. a encore voulu, mais non sans répugnance, acceder à cette demande.

D'après cela, il était à esperer que la dite Cour, au moins par un sentiment de pudeur vis-à-vis des autres Puissances, se serait abstenue de développer son immitié contre la S. P. neamoins, sans faire aucun cas de la satisfaction accordée et sans avoir le moindre égard aux règles observées par tout Gouvernement, après que deux mois et demi se sont circulés depuis cette affaire, un moment où les liaisons de la paix et de la bonne intelligence et les engagemens de l'amitié et de l'alliance étaient établis et en force, les troupes Russes on marché à l'improviste sur les confins de l'Empire; au moment où les Sujets des Pays Ottomans situés dans les Environs, ainsi que les Gouvernement des forteresses de Hotin et de Bender se trouvaient dans la plus parfaite securité se reposant sur les Traités, les Commandans des dites troupes ont mis à profit cet état de tranquillité et de confiance pour consommer leurs vues hostiles, et en mettant en oeuvre toutes sortes d'artifices et de fraudes, ils se sont emparé, des deux forteresses susdites.

N'ayant reçu le moindre avis ni verbalement ni par écrit d'une pareille conduite, contraire au plus haut degré au Droit des Gens, respecté et observé par toutes les Puissances, et même après cette conduite, ayant demandé une explication sur cette affaire au Mi-

nistre de Russie Residant auprès de la S. P. il a declaré qu'independamment d'avoir fait son rapport à sa Cour sur l'affaire de la réintegration des Hospodars, il avait, d'après ses instructions également écrit et expedié des avis sur le Niester; qu'il était convaincu que le passage de l'armée Russe n'était point en consequence de la première Commission; et qu'il n'y avait pas le moindre sujet de discussion et de dispute entre les deux Parties. Declaration qui, ayant été faite itérativement, est une preuve qu'il n'a pas été donné même à ce Ministre aucune espèce d'avis de la part de sa Cour sur cet objet.

En un mot, a la reception inattendue de l'avis que la Cour de Russie a fait marcher inopinèment ses Troupes sur les frontières de l'Empire Ottoman, en exerçant l'aggression et le desordre, et en s'emparant des forteresses et des Pays Ottomans, il fallait éloigner de Constantinople le Ministre de cette Cour sans délai et s'empresser à repousser la force. Cependant uniquement d'après le juste et louable principe de preserver l'humanité des malheurs et des calamités de la guerre on a d'abord notifié cet evènement au susdit Ministre; et dans la persuasion que sa Cour, au moins pour ne pas avoir à rougir vis-à-vis des Autres, n'aurait pû tenir qu'une conduite conforme à cette dignité qui convient à une Puissance, et parfaitement d'accord avec les devoirs des Souverains et des Nations, on a pris le parti de faire des recherches sur cette Affaire pendant un certain temps.

Mais l'Envoyé de Russie n'ayant, dans l'espace de trente jours écoulés depuis que l'aggression avait eu lieu, donné d'autre réponse que celle de n'avoir absolument reçu aucun avis ni information sur le sujet en question, l'attente et la patience de la S. P., fruit de ses principes de moderation et de justice, devenaient de jour en jour plus nuisibles.

D'un coté, le Général Michelson Commandant des Troupes Russes faisait circuler des Proclamations conçues dans un esprit de malignité et de perfidie et adressées aux juges et commandans des Villes de la Romelie dans la fausse idée de pouvoir induire en erreur les Mussulmans eux mêmes, et par la repandre la sémence de la discorde et de la sédition dans l'interieur des Pays Ottomans. Procédés détestables adoptés par la Cour de Russie, mais qu'aucune Puissance ne daignerait prendre sur Elle de suivre, et dont on ne trouve d'exemple dans les annales de l'Empire; de l'autre coté l'Invasion des Troupes Russes et leurs progrés devenant de plus en plus manifestés, et l'honneur ainsi que la Religion imposant à la

Nation Mussulmane le devoir de se vanger d'un Ennemi aussi plein de fraude et de mauvaise foi; il est devenu nécessaire, d'après les lois de la Religion et de l'Etat, de declarer la guerre, et repousser l'aggression de l'Ennemi, se confiant uniquement dans l'assistance d'un Dieu Vangeur et Puissant, et de s'empresser par consequent à employer avec valeur et diligence les forces de mer et de terre de la S. P.

Or, comme il est évident que la moderation poussée par la S. P. à un degré qu'aucune autre Puissance n'aurait pas imité, ne lui a servi qu'a augmenter les Actes vexatoires et arbitraires de la Russie, Elle s'est en conséquence determinée à la guerre.

La S. P. est dans l'intime persuasion que toutes les Puissances Amies dont l'équité et la loyauté sont reconnues, accorderont impartialement que la justice est entièrement de son coté; que la Cour de Russie et la seule cause du sang qu'on va repandre, et des calamités inseparables de la guerre. Et que puisque, suivant la Russie, les Conventions, les Traités et l'Alliance ne comptent pour rien, aucune Puissance ne peut se flatter de trouver un moyen de sureté du coté de cette Cour.

Tous les objets ci dessus énoncés, sont les faits evidens et connus à tout le Monde, et il est superflu d'en donner communication: toutefois, dans la vue d'observer un usage établi, le present Manifeste est publié et on en remet Copie à chacun des Ministres des Puissances Amies de la S. P. Residans auprès d'Elle, afin qu'elle soit transmise à leur Cours Respectives.

Le 25, de la Lune Shevval 1821.

(5 Janvier, 1807).

Приложеніе № 16.

Перемиріе, заключенное 12/24 Августа 1807 года въ Слободзейскомъ замкѣ близъ Журжи.

An nom de Dieu.

La Sublime Porte et la Cour Impériale de Russie, désirant mutuellement et sincérement mettre fin à la guerre qui divise actuellement les deux Empires et retablir la paix et la bonne harmonie, avec la mediation de Sa Majesté Imperiale, l'Empereur des Français, et Roi d'italie, que les deux hautes parties contractantes ont

légalement accepteés, sont convenues, qu'il y aurait sur le champ armistice. Elles ont nommés pour cet éffét, leurs plenipotentiaires réspectifs, c'est-à-dire la Sublime Porte, Son Excellence, Seid Mehmet-Galeb-Effendi, ci devant Reis-Effendi, et actuellement Nichandji; et la Cour de Russie, Son Exellence, M. le General Serge Loschkarew, conseiller privé de Sa Majésté l'Empereur de toutes les Russies, et chevalier de plusieurs Ordres, lesquels en présence de Monsieur le Colonel Guilleminot, envoyé par Sa Majésté l'Empereur des Français, et Roi d'Italie, pour assister anx arrangements relatifs à l'armistice, sont convenus des articles suivants.

Article 1.

Aussitôt aprés la signation de l'armistice, les généraux en Chefs des deux armées Imperiales, savoir Son Altesse le Grand Visir, et Son Exellence le Genéral en chef Michelson, enverrons des courriers, pour que les hostilités cessent tout à fait, de parte et d'autre, tant par terre, que par mer, dans les rivières, et en un mot, partout où se trouvent des troupes des deux puissances.

Article 2.

Comme la Sublime Porte et la Russie desirent également, de la manière la plus sincère le rétablissement de la paix et de la bonne harmonie, les deux parties contractantes nommeront aussitot, après la signature du present armistice, des plénipotentiaires, pour traiter et conclure la paix le plutôt possible, dans l'endroit qu'ils auront jugé convenable.

Si pendant les negociations pour la paix il se leve malheureusement des difficultés et que les affaires ne puissent s'arranger, l'armistice ne sera rompu, que le printems prochain, c'est à dire le 3 Avril, 1808, v. style, ou le 21 Mars, n. style, de l'ère chrétien.

Article 3.

Aussitot après les signatures du present armistice, les troupes russes commenceront a evacuer la Valachie et la Moldavie ainsi que toutes les provinces, forteresses et autres pays, qu'elles ont occupés, pendant cette guerre, et à se retirer à leurs anciennes forteresses, de manière que l'évacuation soit tout à fait terminée dans l'éspace de 35 jours, à compter de la date du present armistice.

Les troupes russes laisseront dans le pays et forteresses, qui doivent être evacuér par elles, tous les éffêts, canons et munitions, qui s'y trouvaient avant l'occupation.

La Sublime Porte nommera des commissaires, qui recevront les dites forteresses des officiers russes désignés à cet effet.

Les troupes Ottomanes sortiront de même de la Valachie et de la Moldavie dans les 35 jours, pour répasser le Danube. Elle ne laisseront dans les forteresses d'Ismail, Brailow et Jourja que les garnisons suffisantes pour les garder.

Les troupes russes correspondront, avec les troupes turques, afin que les deux armées commencent à se retirer en même temps de la Moldavie et de la Valachie.

Les deux parties contractantes ne se meleront nullement de l'administration des deux Principautés de la Moldavie et de la Valachie, jusqu'a l'arrivée des plénipotentiaires, chargés pour traiter de la paix.

Jusqu'a la conclusion de la paix les troupes Ottomanes ne pourront occuper aucune des forteresses, qui seront évacuées, par les troupes russes, en consequence du présent armistice, les habitans seuls pourront y entrer.

Article 4.

Conformément a l'article précédent, l'île de Tenodos, ainsi que tout autre endroit dans l'Archipel, qui avant que la nouvelle de l'armistice y soit parvenue, aura été occupé, par les troupes russes, sera evacué.

Les vaisseaux russes, qui sont mouillés devant Tenedos, au quelque endroit de l'Archipel, retourneront à leurs ports, afin que le passage du détroit des Dardanelle, soit tout a fait ouvert et libre.

Si les vaisseaux russes, en se rendant à leurs ports, seront obligés de s'arreter à quelque endroit de l'Archipel, à cause d'une tempête, ou de quelque autre besoin indispensable, les officiers turcs n'y mettront aucun obstacle, et leurs prêteront au contraire les secours nécessaires.

Tous les vaisseaux de guerre, ou aurtes vaisseaux Ottomans, qui pendant la guerre seraient tombés entre les mains des Russes, seront rendu, avec leurs équipages, ainsi que les vaisseaux russes, tombés au pouvoir des forces Ottomanes.

Les vaisseaux russes, en se rendant à leurs ports, ne prendront à bord aucun sujet de la Sublime Porte.

Article 5.

Tous les bâtimens de la flotille russe, qui se trouvent dans l'embouchure de Sunne ou dans quelque autre embouchure, sortiront

et se rendront à leurs ports, afin que les vaisseaux Ottomans puissent aller et venir en toute sureté.

La Sublime Porte donnera des ordres pour que les bâtimens russes se rendant à leur ports soient respectés, et qu'il leurs soit permis d'entrer même dans quelques ports Ottomans, en cas qu'il y soient obligés par une tempête ou par quelque besoin indispensable.

Article 6.

Tous les prisoniers de guerre et autres esclaves des deux sexes de quelle qualité, ou grade, qu'ils soient, seront incessament mis en libérté, et rendus de part et d'autre sans aucune rançon, à l'exception cependant des Musulmans, qui auraient embrassée volontairement la religion chretiens, dans l'empire de la Russie et les chretiens sujets de la Russie, qui auraient pareillement embrassée la religion mahometanne dans l'Empire de Turquie.

Aussitôt apres la conclusion du present armistice, tous les commandans officiers et habitans des forteresses de la Turquie, qui se trouvent actuellement en Russie, seront rendus et envoyés en Turquie, avec tous leurs effets et bagages.

Article 7.

Le present traité de l'armistice, écrit en turc et en français, a été sîgné par les deux plenipotentiaires et par Monsieur l'Adjutant Commendant Guilleminot, et a été échangé afin qu'il soit ratifié par son Altesse, le grand Visir, et son Excellence le general en chef Michelson.

Les deux plenipotantiaires auront soin que la dite ratification soit aussi echangée, dans une semaine ou plutôt, a faire ce peut. Fait et arrêté au chateau de slobodzéa près de Giurja le 12/14 Aout 1807.

Article particulier convenu en son Excellence Galeb-Effendi, plenipotentiaire de la Siblime Porte et son Excellence Monsieur Serge Loschkarew, prenipotentiaire de la Cour de Russie, en présence de Monsieur le Colonel Guilleminot.

Comme il faut conformément à l'armistice signé en date d'aujonrd'hui, les hostilités cessent partout, les troupes Ottomanes jusqu'a l'arrivée des plénipotentiaires chargés de traiter de la paix, ne commettront aucun acte de hostlité, dans les environs de *Vidin* et de *Feth-Islam*, où il y a des troupes russes, réunies aux Serviens.

Приложенiе № 17.

Господину генералу отъ кавалерiи Михельсону.

При рескриптѣ моемъ отъ 13 сего мѣсяца, доставилъ я къ Вамъ копiю съ акта перемирiя, заключеннаго между армiями нашею и французскою, и въ то же время предписалъ я Вамъ прекратить наступательныя противу турокъ дѣйствiя, если и они тому сообразоваться будутъ. Нынѣ препровождаю выписку изъ мирнаго трактата, подписаннаго обоюдными полномочными въ 23-й день сего же мѣсяца. Хотя въ 23-й статьѣ сего акта и положительно сказано, что войска Мои оставятъ Молдавiю и Валахiю, однакоже условлено между Мною и императоромъ Наполеономъ, чтобы выходъ изъ тѣхъ княжествъ армiи, начальству Вашему ввѣренной, зависѣлъ отъ нижеслѣдующихъ обстоятельствъ, а именно: когда Порта согласится принять посредничество Францiи къ возстановленiю мира съ Россiею, когда она обяжется вывесть и свои войска изъ Валахiи и не занимать уже сего княжества ни Молдавiи, пока продолжаться будутъ мирные переговоры; и наконецъ когда она, принявъ посредничество Францiи, назначитъ отъ себя полномочныхъ для трактованiя о возстановленiи окончательнаго съ нами мира.

На основанiи сихъ постановленiй, поручаю Вамъ, сообщивъ оныя великому визирю, предложить ему заключить съ Вами предварительный договоръ, въ коемъ всѣ вышесказанныя статьи должны быть помѣщены наияснѣйшимъ образомъ. Если таковый договоръ состоится, то вы имѣете вывести изъ Молдавiи и Валахiи войска, подъ начальствомъ вашимъ состоящiя, и занять лучшую по усмотрѣнiю вашему позицiю по сю сторону Днѣстра. Въ противномъ же случаѣ, если бы великiй визирь, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, не согласился на всѣ вышеизображенныя условiя, тогда вы безъ всякой отмѣны имѣете исполнять предписанiя, отъ 15 сего мѣсяца вамъ данныя, оставаясь въ нынѣшнихъ вашихъ позицiяхъ.

Французской службы полковникъ Гильемино (Guilleminot), который отправляется съ симъ курьеромъ, имѣетъ повелѣнiе отъ императора Наполеона подкрѣплять предложенiя, какiя вы посему дѣлать будете великому визирю, и отправится потомъ въ

Константинополь для доставленія французскому послу сообразныхъ по сему же предмету наставленій.

Въ заключеніе нахожу нужнымъ, что тайный совѣтникъ Лашкаревъ, о назначеніи коего вы уже предувѣдомлены министромъ Иностранныхъ дѣлъ, въ непродолжительномъ времени отправится отсюда въ Молдавію.

Подтверждая вамъ все, по сему предмету отъ генерала Будберга къ вамъ писанное, Я желаю, чтобы г. Лашкаревъ особенно употребленъ былъ въ переговорахъ, какіе откроются между вами и великимъ визиремъ, на каковой конецъ и будетъ ему дана надлежащая полная мочь, а вамъ поручаю снабдить его нужными инструкціями, на основаніи предписаній, въ семъ рескриптѣ заключенныхъ. Пребываю впрочемъ вамъ благосклоннымъ

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ Таврогѣ
іюня 28 дня 1807 г.

УКАЗАНІЕ

источниковъ, послужившихъ къ описанію войны Россіи съ Турціей въ 1806—1812 гг.

I.

ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

1. **Военный журналъ** Рахманова 1810—1819 гг. Статьи Чуйкевича, Ланжерона и друг.
2. **Сербія.** Статистическія и историческія свѣдѣнія о Сербіи. Спб. 1827.
3. **Турецкаго Государства**, исторія, отъ самаго основанія до новѣйшихъ временъ. Москва. 1828.
4. **Исторія Турокъ** отъ начала турецкаго народа до нашихъ временъ. Спб. 1829.
5. **Глинка** (С). Картина исторіи и политики Порты Оттоманской, отъ начала существованія поколѣнія турецкаго до взятія Константинополя, съ присовокупленіемъ о войнахъ турковъ до 1830 г. Москва. 1830.
6. **Момировичъ** (Д). Краткая исторія и географія Сербіи. Спб. 1839.
7. **Михайловскій - Данилевскій.** Описаніе турецкой войны въ царствованіе Императора Александра съ 1806 до 1812 г. Спб. 1843.
8. **Медаковичъ** (Дан.). Повѣстница србског народа од найстаріи времена до 1850 годинe. У Новом Саду. 1851.
9. **Взятіе Анапы** эскадрою черноморскаго флота. подъ командою контръ-адмирала С. А Пустошкина, въ 1807 году. Спб. 1851.
10. **Поляковъ** (Н). Турція, ея прошедшее и настоящее. Москва. 1855.
11. **Гильфердингъ** (А). Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ. Москва. 1855.
12. **Гильфердингъ** (А). Боснія, Герцеговина и Старая Сербія. Спб. 1859.
13. **Дубровинъ** (Н. Ф.). Сербскій вопросъ въ царствованіе императора Александра I. Русскій вѣстникъ 1863 года, №№ 7 и 8.
14. **Поповъ** (Н). Россія и Сербія. Историческій очеркъ русскаго покровительства Сербіи съ 1806 по 56 г. Москва. 1869.
15. **Богдановичъ.** Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время. Спб. 1869—71.
16. **Акты**, собранные Кавказскою археографическою комиссіею. Томы 4 и 5. Тифлисъ. 1870.
17. **Смирновъ.** Упадокъ Турціи. 1873.
18. **Мазюкевичъ** (Н). Русская Исторія до царствованія императора Николая I. Кіевъ. 1874.
19. **Бацетичъ** (Ѳ). Старая Сербія, ея прошлое и настоящее. Москва. 1876.
20. **Соловьевъ** (С). Императоръ Александръ I. Спб. 1877.
21. **Гиляровъ** (Ѳ). Царство Сербское. Москва. 1877.
22. **Галактіоновъ** (И). Императоръ Александръ I и его царствованіе Спб. 1879.
23. **Колласъ.** Исторія Турціи. 1882.
24. **Поповичъ-Липовацъ.** Россія и Черногорія со временъ Петра I. Спб. 1883.
25. **Eton** (W.). Tableau historique, politique et moderne de l'empire Ottoman. Paris. 1808.
26. **Alix** (A. L.). Précis de l'histoire de l'empire Ottoman. Paris. 1822—24.
27. **Valentini.** Précis des dernières guerres des Russes contre les Turcs, avec des considerations politiques et militaires, trad. de l'allemand par Eugène de la Coste. Paris. 1825—28.
28. **Rabbe** (A.). Histoire d'Alexandre I, empereur de toutes les Russies, et des principaux événement de son règne. Paris. 1826.
29. **Constantinople.** Précis historique de révolutions de Constantinople en 1807, 1808 et 1826. Marseille. 1830.
30. **Assad-Effendi.** Précis historique de la

destruction du corps des Ianissaires par le sultan Machmoud en 1826. Trad. du turc par A. P. Caussin de Perceval. Paris. 1833.
31. **Domergue** (A.). La Russie pendant les guerres de l'empire (1805—1815). Paris. 1835.
32. **Lavallée** (Th.). Histoire de l'empire Ottoman depuis son origine jusqu'à nos jours. Paris. 1835—43.
33. **Hammer** (I. de). Histoire de l'empire Ottoman depuis son origine juspu'à nos jours. Paris. 1835—43.
34. **Juchereau de St.-Dénys.** Histoire de l'empire Ottoman depuis 1792 jusqu'en 1844. Paris. 1844.
35. **Rystrzonowski** (L. de S.). Sur la Serbie dans ses rapports européens avec la question d'Orient. Paris. 1845.
36. **Jouannin** (I.) et **Gaver** (I. v.) Histoire de Turquie. Bruxelles. 1857—48.
37. **Robert** (C.). Les slaves de Turquie: Serbes, Monténégrins, Bosniaques, Albanais et Bulgares. Leurs ressources, leurs tendences et leurs progrès politiques. Paris. 1852.
38. **Jankowitsch** et **Grouïtch.** Slaves du Sud ou le peuple Serbe avec les Bulgares. Aperçu de leur vie historique, politique et sociale. Paris. 1853.
39. **Lamartine** (A. de). Histoire de la Turquie. Paris. 1855.
40. **Lavallée** (Th.). Historie de l'empire Ottoman. Paris. 1855.
41. **Cunibert** (B. S.). Essai historique les revolutions et l'independance de la Serbie, depuis 1804 jusqu'à 1850. Leipzig. 1855.
42. **Ubicini.** Les Serbes de Turquie. Etudes historiques, statistiques et politiques sur la principauté de Serbie, le Monténégro etc. Paris. 1863.
43. **Thiers** (H.). La Serbie, son passé et son avenir. Paris. 1876.
44. **Memoires** etc. de Metternich. Paris. 1881.
45. **Bey** (Djevad). Etat militaire Ottoman. Le janissaires. Paris. 1882.
46. **Berichte** non Augenzeugen über die neusten Revolutionen in Constantinopel. Berlin. 1809.
47. **Gruber von Grubenfels.** Geschichte des Osmanischen Reiches. Wien. 1811.
48. **Voss** (Dr. Ch. D.). Russland beim Anfange des XIX Jahrhunderts. Leipzig. 1813.
49. **Rumpf** (I. D. T.). Alexander I, Kaiser von Russland. Berlin. 1814.
50. **Belmont.** Gemälde aus der Geschichte des Ottomanischen Reichs. Dresden. 1824.
51. **Alexander I.** Abriss einer Lebens und Regentengeschichte Alexanders I. Ilmenau. 1826.
52. **Hammer** (I.). Geschichte des Osmanischen Reiches. Pest. 1827—35.
53. **Seybold** (Fr.). Europa und die Türkey. Stuttgard. 1828.
54. **Martens** (C. v.). Allgemeine Geschichte der Türcken-Kriege in Europa, von 1346 bis 1812. Stuttgard. 1829.
55. **Ranke** (L.). Die serbische Revolution. Erfurt u. Leipzig. 1829—1844.
56. **Hammer-Purgstall.** Kern der Osmanischen Reichsgeschichte. Leipzig. 1837.
57. Das **Serbische Volk** in seiner Bedeutung für die orientalische Frage und für die europäische Civilisation. Leipzig. 1853.
58. **Boehn** (Hubert v.). Blüthe und Verfall des Osmanischen Reichs in Europa. Eine Geschichte der Türckenkriege seit dem ersten Auftreten der Osmanen in Europa bis auf die gegenwärtige Krisis. Berlin. 1854.
59. **Denton** (R. W.). Serbien und die Serben. Berlin. 1865.
60. **Rasch** (G.). Die Türcken in Europa. Prag. 1873.
61. **Schmeidler** (Dr.). Geschichte des Osmanischen Reiches im letzten Jahrzehnt. Leipzig. 1875.
62. **Wardi** (H.). Serbien in seinen politischen Beziehungen insbesondere zu Russland. Leipzig. 1877.
63. **Kallay** (B. v.). Geschichte der Serben von den ältesten Zeiten bis 1815. Budapest, Wien und Leipzig. 1878.
64. **Ebeling** (F.). Geschichte des Osmanischen Reichen in Europa. Hamburg. 1878.
65. **Hellwald** (Fr. v.) u. **Beck** (L. C.). Die heutige Türkei. 1) Bilder und Schilderungen aus allen Theilen des Osmanischen Reichs in Europa. 2) Das Osmanische Reich in Asien. Leipzig. 1877 und 1879.
66. **Schlechta-Wssehrd.** Die Revolutionen in Constantinopel 1807 u. 1808. Wien. 1882.

II.

РУКОПИСНЫЕ.

А. Дѣла Военно-Ученаго архива.

67. Рукопись «о войнѣ Россіи съ Турціей въ 1806 и 1810гг.». Дѣло № 1388
68. Описаніе походовъ россіянъ противъ турокъ, 4-я часть. 1369
69. Матеріалы къ описанію дѣйствій въ Европейской и Азіатской Турціи, съ 1806 по 1812 гг. (двѣ папки). 1353
70. О движеніи войскъ 13-й дивизіи, за Днѣстръ, въ Бессарабію 1806. 1366
71. Разныя бумаги Михельсона, относящіяся до командованія Молдавскою арміею въ 1806 г. 1344
72. Высочайшіе рескрипты ген. Михельсону, и другія бумаги, относящіяся до войны съ Турціею 1806 г. 1349
73. Опись матеріаламъ 1806 г. по политической части. 1347
74. (А). Черновой журналъ входящихъ бумагъ по политической части. 1354
75. Входящій и исходящій журналъ бумагамъ за 1806 и 1807 г., по канцеляріи главнокомандующаго Михельсона, относящимся до военныхъ дѣйствій, и съ описаніемъ оныхъ. 1346
76. Копіи съ рескриптовъ и разныхъ отзывовъ главнокомандующаго генерала Михельсона въ 1806 и 1807 г. 1345
77. Краткій военный журналъ и описаніе сраженій, позицій, крѣпостей и проч. за 1806, 1807, 1808 и 1809 гг. 1348
78. О продовольствіи арміи въ войну съ 1806—1812 г. 1350
79. Бумаги, относящіяся до турецкой войны съ 1806—1812 г. 1353
80. Маршруты слѣдованія войскъ по Бессарабіи, Молдавіи, Валахіи, Сербіи, Болгаріи и Румеліи. 1359
81. Объ оборонѣ Крыма и Черноморскихъ береговъ въ 1807 г. 1365
82. О передвиженіи войскъ и приготовленіяхъ къ войнѣ 1807 года. Дѣйствія корпуса Дюка-де-Ришелье и маркиза де-Траверсе. 1364
83. Численность и расположеніе арміи кн. Прозоровскаго. 1356
84. О передвиженіи войскъ и приготовленіяхъ къ войнѣ 1807 г. по корпусамъ Дюка-де-Ришелье и маркиза де-Траверсе, а также о военныхъ дѣйствіяхъ этихъ корпусовъ. 1363
85. О военныхъ дѣйствіяхъ противу турокъ въ 1807 г., съ 16 іюля—8 сентября 1807 г. 4435
86. Высочайшіе рескрипты къ г. фельдмаршалу кн. Прозоровскому 1807, 1808 и 1809 годовъ. 1368
87. Приказы по арміи кн. Прозоровскаго и другихъ главнокомандующихъ съ 1807 по 1811 г. 1343
Донесенія и рапорты къ нимъ отъ разныхъ военныхъ начальниковъ, по военнымъ дѣйствіямъ, съ 1807—1811 г.
88. Приказы по арміи кн. Прозоровскаго и другихъ главнокомандующихъ 1807—1812 г. 1343
Донесенія Прозоровскаго, Каменскаго; рапорты Левиза, Олсуфьева и др. о воен. дѣйствіяхъ.
89. Подлинныя донесенія кн. Прозоровскаго и кн. Багратіона Императору, и переписка ихъ съ Военнымъ министромъ за 1809 г. 1386
90. Квартирное расположеніе и продовольствіе арміи на Дунаѣ съ 11 августа 1809 по 1 января 1811 г. 1405
91. Подлинныя донесенія кн. Багратіона за 1810 г. 1384
92. Размѣщеніе по квартирамъ и продовольствіе арміи въ 1810 г. въ Молдавіи и Валахіи. 1396
93. Приказы кн. Багратіона по арміи за 1810 годъ. 2393
94. (А) Маршруты и расположеніе Дунайской арміи въ 1810 г. 1397
95. Журналъ военныхъ дѣйствій арміи гр. Каменскаго 2, 1810 г. 2 части. 1392
96. Политическая переписка кн. Багратіона и гр. Каменскаго 2, въ 1810 г. 1397
97. Копіи съ донесеній гр. Каменскаго 2 за 1810 г. 1398
98. О военныхъ дѣйствіяхъ въ Молдавіи въ 1810 г. 1395
99. Прибавленіе къ военному журналу дѣйствій въ Сербіи и Малой Валахіи 1810 г. 1394
100. Журналъ исходящихъ бумагъ, главнокомандующаго, къ разнымъ начальникамъ войскъ, по военнымъ распоряженіямъ 1811 г. 1406
101. (А) Политическая переписка гр. Каменскаго 2 и Голенищева-Кутузова, за 1811 г. 1406
102. Выписки изъ содержанія бумагъ военнаго и политическаго содержанія, за 1811 г. 1351
103. Копіи съ Высочайшихъ донесеній,

рескриптовъ, реляцій и проч., по военнымъ дѣйствіямъ 1811 г. 1400
104. Журналъ дѣйствій арміи Кутузова за Дунаемъ въ 1811 г. 1402
105. Донесенія Императору и переписка главнокомандующихъ съ Военнымъ Министромъ, о военныхъ дѣйствіяхъ въ 1811 и 1812 гг. 1399
106. (А) О состояніи Дунайской арміи въ мартѣ 1812 г. 1412
107. Копіи съ Высочайшихъ рескриптовъ къ Дюку-де-Ришелье въ 1812 г. 1410
108. Планы (подлинные) сраженій въ войну съ Турціей 1806—1812 г., съ описаніемъ, на нихъ находящемся.

Б. Рукописи Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Campagnes. Turquie.

109. Rodofinikin 1806 и 1807. Съ № 1 по 417.
110. Memoire d'Ipsilanty. 1806.
111. Marquis Paulucci. 1807. Съ № 1 по 213.
112. Michelson. 1806—1807.
113. Prosorovsky. 1807, 1808, 1809.

Высочайшіе на ихъ имя рескрипты и всеподданнѣйшія донесенія. Переписка главнокомандующихъ арміею съ министрами иностранныхъ дѣлъ, по вопросамъ политическаго и военнаго значенія. Рапорты и донесенія разныхъ лицъ, посланниковъ, агентовъ, повѣренныхъ въ дѣлахъ и русскихъ уполномоченныхъ, по дѣламъ политическимъ; а также свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Турціи, Сербіи, Молдавіи, Валахіи и проч.

114. Prince Bagration. 1810. № 1—46.
115. Comte Kamensky 2. 1810. №47—362.
116. Comte Kamensky 2. 1811. № 1—115.
117. Koutousow. 1811. № 116—242.
118. » » № 243—343.
119. Koutousow. 1812. № 1—147.
120. » » № 148—302.
121. » » № 303—343.
122. » » № 344—460.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГПИБ России

